Историческій
вестник
1892 г. март.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

1 марта

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

220452

Изъ библіотеки С. С. Бурцокой Дужской академіи

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

МАРТЪ, 1892

3.

Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР

ЗВІРЕНО 1961 р.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1892 г.

стр.

I. Послѣдній изъ Воротынцевыхъ. Романъ. XII—XIII. (Продолженіе). **Н. И. Мердеръ** 609

II. Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ. **В. И. Бибикова** 638

III. Чайная Роза. XV—XXVIII. (Окончаніе). **С. Н. Терпигорева** . . . 646

IV. До и послѣ... (Изъ бурсацкихъ воспоминаній). XI—XIII. (Продолженіе). **И. Н. Потапенко** 678

V. Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова. II. (Продолженіе). **П. К. Мартьянова** 700

VI. Дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей 1853 г. III. Посольство князя Меншикова въ Константинополь. (Окончаніе). **С. С. Татищева** 720

VII. Обрусѣніе инородцевъ и задачи обрусительной политики. **И. Н. Смирнова** 752

VIII. Вооруженный миръ и торговые договоры **Р. И. Сементковскаго** . 766

IX. Какъ объясняютъ русскіе историки происхожденіе у насъ крѣпостнаго права. **Н. М. Гутьяра** 783

X. Василій Григорьевичъ Перовъ. **В. В. Стасова** 794

Иллюстраціи: 1) Портретъ В. Г. Перова.—2) Охотники на привалѣ.—3) Птицеловъ.—4) Учитель рисованія.—5) Странникъ.

XI. Кто занялъ Новгородскую гавань въ 1860 году? **А. Бѣломора** . . 801

XII. Къ характеристикѣ М. Н. Мусина-Пушкина. Отрывокъ изъ воспоминаній. **М. В. Шевлякова** 811

XIII. Нельсонъ и Эмма Гамильтонъ. **Ѳ. Б.** 818

Иллюстраціи: 1) Портретъ Горація Нельсона.—2) Нельсонъ въ битвѣ при Сенъ-Винсенѣ, 14 февраля 1797 года.

XIV. **Критика и библіографія** 827

1) Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ. Выпускъ первый. Спб. 1892. **Вл. З.**—2) Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. (Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу). Составилъ преподаватель Нижегородской классической гимназіи и педагогическаго класса Нижегородской Маріинской женской гимназіи, А. Кролюницкій. М. 1892. **П. П.**—3) «Библіографическія Записки». № 1. Москва. 1892. «Посредникъ печатнаго дѣла». № 1. Спб. 1892. **В. Б.**—4) Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. 1791—1891. Критико-біографическій очеркъ Виктора Острогорскаго. Съ портретомъ, гравированнымъ на стали. Спб. 1891. **С.**—5) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга восьмая. М. 1891. **П. П.**—6) Н. М. Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Томъ I. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу «Сѣверъ» за январь. Печатано подъ наблюденіемъ П. Н. Полеваго. Спб. 1892. **В. Б.**—7) Вл. Штейнъ. Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Литературный очеркъ. Спб. 1891. **Вл. З.**—8) Исторія православной церкви до начала раздѣленія церквей. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1891. **Х.**—9) Гринъ, Джонъ Ричардъ. Исторія англійскаго народа. Переводъ съ англійскаго Николаева. Изданіе Солдатенкова. Т. I. Москва 1891. **А. Т.**—10) Отчетъ по главному тюремному управленію за 1889 годъ. Спб. 1892. **А. Фаресова.**

XV. **Историческія мелочи** 843

1) Отреченіе Наполеона въ Фонтэнбло.—2) Характеристика вожаковъ и солдатъ Вандейскаго возстанія 1793 года.—3) Новое о Марафонской битвѣ.—4) Франкмасонство и духовенство.—5) Вещи, увезенныя императрицей Евгеніей изъ Тюльери 4 сентября 1870 года.

См. слѣд. стр.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1892 года).

стр.

Послѣдній изъ Воротынцевыхъ. Романъ. I — XIII. **Н. И. Мердеръ** 7, 297, 609

Кума. Неизданная поэма изъ волжскихъ преданій. **Д. Н. Садовникова** 45

Иллюстрація: Портретъ Дмитрія Николаевича Садовникова.

До и послѣ... (Изъ бурсацкихъ воспоминаній). I—XIII. **И. Н. Потапенко** 64, 370, 678

Засѣкинскій домъ. Разсказъ-хроника. Графа **Е. А. Саліаса** 101

Сороковые годы. (Воспоминанія). **А. Д. Галахова** . . . 126, 396

Дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей 1853 года. (I. Споръ о святыхъ мѣстахъ.—II. Довѣрительные переговоры съ Англіей.—III. Посольство князя Меншикова въ Константинополь). **С. С. Татищева** 153, 456, 720

Стихійныя бѣдствія и борьба съ ними въ Россіи въ старину. **Д. И. Багалѣя** 177

Памирскій вопросъ и его значеніе. **С. И. Уманца** 196

Иллюстрація: Карта Памира.

Катастрофа на балѣ у князя Шварценберга въ 1810 году. **Н. К. Шильдера** 209

Иллюстраціи: Четыре сцены во время пожара на балѣ.

Древній Богоявленскій храмъ въ городѣ Острогѣ. **М. И. Городецкаго** 226

Иллюстраціи: 1) Богоявленскій храмъ въ городѣ Острогѣ, возобновленный въ 1891 году.—2) Развалины замковаго Богоявленскаго храма въ г. Острогѣ, сооруженнаго въ XV вѣкѣ.

Революція «бакалавровъ». **Р. И. Сементковскаго** 232

Изъ иконографіи Буланже. **Ѳ. Б.** 249

Иллюстраціи: 1) Окровавленное одѣяніе поручика Буланже въ Италіи. — 2) Объявленіе нѣмецкой фирмы съ именемъ Буланже.—3) Названія главнѣйшихъ пѣсенъ буланжистскаго періода.—4) Кружка, ножикъ, брошка, булавка, головка глиняной

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стр.

трубки Буланже.—5) Табачница Буланже.—6) Цѣпочка для часовъ изъ цинка съ буланжистскими надписями. — 7) Каррикатура на Буланже изъ «Courrier de Londres».—8) Виньетка изъ объявленія о «горькой генерала Буланже». — 9) «Генералъ во что бы то ни стало». На картѣ силуэтовъ. — 10) «Тарелка съ масломъ», политическая игра буланжизма.

Чайная Роза. **С. Н. Терпигорева** 344, 646
Типы современной деревни. I. Бабай. **А. В. Круглова** . . . 416
Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова. I—II. **П. К. Мартьянова** 427, 700
Существовала ли въ Россіи инквизиція? **Н. И. Барсова** . . 481
Силуэты русскихъ администраторовъ. **Р. И. Сементковскаго** 499
Нилъ Александровичъ Поповъ. (Некрологъ). **П. Н. Полеваго** 524
Ученая дѣятельность Н. А. Попова. **Д. Д. Языкова** 528
Русская область на юго-западной окраинѣ. **М. В. С.** 536

Иллюстраціи: 1) Церковь-замокъ въ селѣ Сутковцахъ, Летичевскаго уѣзда. — 2) Портретъ гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго. — 3) Турецкій минаретъ въ Каменецъ-Подольскѣ.— 4) Турецкій амвонъ въ Каменецъ-Подольскѣ. — 5) Икона Спасителя въ м. Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда, изсѣченная турками. — 6) Домъ, въ которомъ останавливался Петръ Великій (въ м. Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда).—7) Портретъ подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. — 8) Портретъ высокопреосвященнаго Леонтія, бывшаго архіепископа подольскаго и брацлавскаго. — 9) Церковь св. великомученика Димитрія въ селѣ Сѣнной, Балтскаго уѣзда.

Послѣдніе годы Наполеоновской эпопеи. **В. Р. Зотова** . . . 554
Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ. **В. И. Бибикова** 638
Обрусѣніе инородцевъ и задачи обрусительной политики. **И. Н. Смирнова** 752
Вооруженный миръ и торговые договоры. **Р. И. Сементковскаго** 766
Какъ объясняютъ русскіе историки происхожденіе у насъ крѣпостнаго права. **Н. М. Гутьяра** 783
Василій Григорьевичъ Перовъ. **В. В. Стасова** 794

Иллюстраціи: 1) Портретъ В. Г. Перова. — 2) Охотники на привалѣ. — 3) Птицеловъ. — 4) Учитель рисованія. — 5). Странникъ.

Кто занялъ Новгородскую гавань въ 1860 году? **А. Бѣломора** 801
Къ характеристикѣ М. Н. Мусина-Пушкина. (Изъ воспоминаній). **М. В. Шевлякова** 811
Нельсонъ и Эмма Гамильтонъ. **Ѳ. Б.** 818

Иллюстраціи: 1) Портретъ Горація Нельсона. — 2) Нельсонъ въ битвѣ при Сенъ-Винсенѣ, 14-го февраля 1797 года.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) Н. И. Шимко. Новыя данныя къ біографіи Антіоха Дмитріевича Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ. (По документамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи). Спб. 1891. **А. Л—на.** — 2) Морской полярный путь въ Сибирь и его значеніе для экономическаго и культурнаго развитія края. Владиміра Турбина. Спб. 1891. **М. Р.**—3). Кн. Эсперъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ухтомскій. Отъ Калмыцкой степи до Бухары. Спб. 1891. С. У—ца.—4) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, издаваемый подъ редакціей М. И. Семевскаго, издателя-редактора «Русской Старины». Книга вторая. Спб. 1891. П. П.—5) А. Гольденвейзеръ. Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи. Кіевъ. 1891. А. Фаресова.—6) Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи. Изслѣдованіе члена-секретаря Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета Л. Б. Вейнберга. (Съ предисловіемъ и рисунками Е. Л. Маркова). Воронежъ. 1891. П. П.—7) А. Д. Бочаговъ. Наша торговля и промышленность въ старину и нынѣ. (Историческіе очерки). Выпускъ I. Торговля предметами потребленія. Спб. 1891. В. Б.—8) Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина. 1770—1837. Изданіе А. Брикнера. Томъ V. Спб. 1891. А. Т.—9) А. Лебедевъ. Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Москва. 1892. М. Ладв—скаго.—10) Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Томаса Карлейля. Перевелъ съ англійскаго В. И. Яковенко. Съ приложеніемъ статьи переводчика о Карлейлѣ. Спб. 1891. С. А—ва.—11) Старое житье. Очерки и разсказы о бывшихъ въ отшедшее время обрядахъ, обычаяхъ и порядкахъ въ устройствѣ домашней и общественной жизни. М. И. Пыляева. Спб. 1892. С. Ш.—12) Черная вѣра, или шаманство у монголовъ и другія статьи Дорджи Банзарова (съ портретомъ и біографіей). Подъ редакціей Г. Н. Потанина. Спб. 1892. Н. Веселовскаго. — 13) Толкователь газетъ и журналовъ, Составилъ учитель И. К. Ганъ. Вильна. 1892. А. Фаресова.—14) Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ. Выпускъ первый. Спб. 1892. Вл. З.—15) Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. (Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу). Составилъ преподаватель Нижегородской классической гимназіи и педагогическаго класса Нижегородской Маріинской женской гимназіи, А. Кролюницкій. М. 1892. П. П.—16) «Библіографическія Записки». № 1. Москва. 1892. «Посредникъ печатнаго дѣла. № 1. 1892. В. Б.—17) Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. 1791—1891. Критико-біографическій очеркъ Виктора Острогорскаго. Съ портретомъ, гравированнымъ на стали. Спб. 1891. С. — 18) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга восьмая. М. 1891. П. П.—19) Н. М. Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу «Сѣверъ» за январь. Печатано подъ наблюденіемъ П. Н. Полеваго. Спб. 1892. В. Б.—20) Вл. Штейнъ. Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Литературный очеркъ. Спб. 1891. Вл. З. — 21) Исторія православной церкви до начала раздѣленія церквей. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1891. Х.—22) Гринъ, Джонъ Ричардъ. Исторія англійскаго народа. Переводъ съ англійскаго Николаева. Изданіе Солдатенкова. Т. I. Москва. 1891. А. Т.—23) Отчетъ по главному тюремному управленію за 1889 годъ. Спб. 1892. А. Фаресова 257, 572, 827

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Биржевая паника въ 1813 году въ Лондонѣ.—2) Причины войны 1870 года. — 3) Возлюбленная Руссо. — 4) Былъ ли папа Пій IX франкмасономъ. — 5) Изъ конфиденціальныхъ писемъ Мерси-Аржанто: черный кабинетъ во Франціи и пріемы дипломатіи XVIII вѣка; шпіонство, окружавшее Марію-Антуанетту.—6) Отчего зависѣла франко-прусская война? Новыя разоблаченія о болѣзни Наполеона III.—7) Изъ исторіи мѣховъ.—8) Отреченіе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стр.

Наполеона I въ Фонтэнбло. — 9) Характеристика вожаковъ и солдатъ Вандейскаго возстанія 1793 года.—10) Новое о Мараѳонской битвѣ. — 11) Франкмасонство и духовенство. — 12) Вещи, увезенныя императрицей Евгеніей изъ Тюльери 4-го сентября 1870 года 271, 582, 843

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 276, 591, 849

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Анекдотъ о князѣ А. М. Горчаковѣ. Сообщилъ **М. С. Робушъ** 558

СМѢСЬ:

1) Отдѣленіе среднихъ вѣковъ и Возрожденія въ Петербургскомъ Эрмитажѣ.—2) Диспуты въ Петербургскомъ университетѣ (Ѳ. Д. Батюшкова и А. Н. Гилярова). — 3) Историческое общество. — 4) Общество любителей древней письменности.— 5) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.—6) Памятникъ на берегу Дуная.—7) Русское общество передъ реформой Петра I.—8) Лекція о реформаціи.—9) Археологическое общество.—10) Общество любителей древней письменности.—11) Литературные юбилеи.—12) Собраніе древностей профессора Самоквасова.—13) Библіотека Ивана Грознаго.—14) Находка въ Дерптской библіотекѣ.—15) Замокъ королевы Боны.—16) Лекція А. Ф. Кони о докторѣ Гаазѣ.—17) Лекція по исторіи химіи.—18) Общество любителей древней письменности.—19).—Археологическое общество.—20) Касса взаимопомощи. — 21) Отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки за 1890—1891 библіотечный годъ. — 22) Некрологи: А. А. Жемчужниковъ; И. Н. Холмогоровъ; М. М. Михайловъ; Х. М. Вальдемаръ; В. П. Бегичевъ; Ю. Н. Поггенполь; К. Н. Леонтьевъ; В. П. Титовъ; Э. К. Брандтъ: Н. А. Рыкачевъ; А. Д. Курепинъ; А. А. Потебня; В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ; В. Н. Реннина; Н. И. Ивановъ; Д. П. Лебедевъ; І. І. Первольфъ; М. А. Сосногорова; П. М. Смысловъ; Н. Ѳ. Самаринъ; В. М. Карловичъ; Н. Я. Макаровъ; Е. Ѳ. Кони 284, 599, 860

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Могила гетмана Мазепы. **Н. Ширяева.**—2) Какую роль игралъ Григорій Отрепьевъ въ самозванческой интригѣ? (По поводу статьи Д. И. Иловайскаго: «Первый Лжедимитій»). **А. Мерцалова.**—3) Портретъ Глинки, дѣланный въ Парижѣ. **В. В. Стасова.**—4) Неизвѣстный до сихъ поръ гравированный портретъ царевны Софіи Алексѣевны. **А. Пальчикова** 295, 607, 867

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ князя **А. Б. Куракина.**—2) Портретъ князя **А. С. Меншикова.**—3) Портретъ **М. И. Глинки.**—4) Роялистская заговорщица. (Reine). Историческій романъ **Жюля Лермина.** Переводъ съ французскаго. I—X. — 5) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.—6) Объявленія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

Дозв. ценз. Спб., 22 февраля 1892 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XII.

СЕМЬЯ Сергѣя Владиміровича Ратморцева проводила бо́льшую часть года въ имѣніи Святскомъ, въ Псковской губерніи.

Имѣніе было небольшое, но отлично устроенное и какъ нельзя удобнѣе, приспособлено для спокойной, комфортабельной жизни. Просторный и уютный барскій домъ былъ наполненъ прекрасными картинами, вывезенными изъ-за границы, богатой библіотекой и красивой, изящной мебелью. При немъ былъ старый паркъ съ тѣнистыми, изъ столѣтнихъ деревьевъ, аллеями, садъ съ рѣдкими цвѣтами, парники и оранжереи, содержавшіеся въ образцовомъ порядкѣ.

Святское было дорого семьѣ Ратморцевыхъ по фамильнымъ воспоминаніямъ.

Здѣсь прожила все свое дѣтство и раннюю юность жена Сергѣя Владиміровича, Людмила Николаевна.

Матери своей она не помнила, а когда ей минуло лѣтъ пять, отецъ ея попалъ въ немилость и, не дожидаясь, чтобъ его сослали, взялъ отставку и подъ предлогомъ нездоровья поселился въ деревнѣ, откуда не выѣзжалъ до самой смерти, занимаясь хозяйствомъ и воспитаніемъ дочери.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 297.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На затѣяхъ по хозяйству онъ разорился, а изъ его дочери вышло такое странное, не похожее на другихъ дѣвицъ изъ общества, существо, что когда про нее заходила рѣчь въ кругу родственниковъ и пріятельницъ ея покойной матери, всѣ пожимали плечами, жалѣли бѣдную дѣвушку и осуждали ея отца.

Чудакъ этотъ даже гувернантокъ не нанималъ для дочери, а училъ ее самъ разнымъ наукамъ, а когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, списался съ знакомымъ семействомъ за границей, гдѣ самъ онъ въ молодости долго жилъ, и отправилъ ее съ старой русской няней на два года въ Швейцарію.

Зачѣмъ именно въ Швейцарію и чему ее тамъ обучили въ семействѣ, гдѣ она жила, для всѣхъ оставалось загадкой.

Вернулась она назадъ не съ одной няней, а съ иностранцемъ пожилыхъ лѣтъ, по фамиліи Vaillant, съ которымъ и продолжала заниматься науками, какъ школьница, вмѣсто того, чтобъ выѣзжать въ свѣтъ, какъ всѣ дѣвушки ея лѣтъ и состоянія.

Богъ знаетъ, до какихъ поръ это бы продолжалось, если бы судьба не закинула въ ближайшую отъ нихъ деревню молодаго Ратморцева, и если-бъ случай не свелъ ихъ въ приходской церкви на храмовомъ праздникѣ.

Сергѣй Владиміровичъ влюбился въ Людмилу Николаевну съ перваго же взгляда и чуть не умеръ отъ отчаянья, когда родители объявили ему, что имъ не совсѣмъ по вкусу его выборъ. Отецъ Людмилы тоже не хотѣлъ слышать о томъ, чтобъ разставаться съ дочерью. Цѣлыхъ два года длилось мученіе влюбленныхъ, и, наконецъ, дѣло сладилось.

Какъ потекла жизнь молодыхъ, никто въ петербургскомъ обществѣ не зналъ.

Сергѣй Ратморцевъ (говорили, что по желанію тестя) вышелъ изъ военной службы, поступилъ въ гражданскую и съ прежними товарищами всякія сношенія порвалъ.

Жена его въ свѣтъ не выѣзжала.

Лѣтъ пять у нихъ не было дѣтей, а потомъ родились двѣ дѣвочки, близнецы.

Послѣ родовъ, совпавшихъ со смертью ея отца (родители ея мужа умерли раньше), Ратморцева долго была больна и жила съ дочерьми за границей.

Дѣвочки были слабенькія, и когда мать ихъ поправилась здоровьемъ, пришлось для нихъ еще нѣкоторое время оставаться въ Италіи, а по возвращеніи на родину жить бо́льшую часть года въ деревнѣ и только зиму проводить въ Петербургѣ.

Впрочемъ, и здѣсь Людмила Николаевна не измѣняла своего образа жизни, во всемъ противоположнаго тому, что вели дамы того общества, къ которому она могла бы принадлежать, какъ по своему рожденію и состоянію, такъ и по служебному положенію

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

своего мужа. Она вставала чуть свѣтъ, весь день съ помощью мсьё Vaillant, переѣхавшаго въ ихъ домъ послѣ смерти ея отца, занималась дѣтьми, вечера проводила съ мужемъ за книгами и ложилась спать въ то время, когда другія отправлялись на балы и на вечера.

Но въ тотъ годъ, съ котораго начинается этотъ разсказъ, строй жизни, благодаря которому дѣвочки Ратморцевы крѣпли и развивались нравственно и физически, какъ тропическія растенія, выдерживаемыя искуснымъ и терпѣливымъ садовникомъ вдали отъ всякихъ пагубныхъ вліяній, этотъ строй жизни долженъ былъ нарушиться.

Лѣтомъ, на водахъ въ Богеміи, гдѣ Сергѣй Владиміровичъ лечился отъ болѣзни печени, съ семействомъ его познакомилась очень коротко одна особа, близкая къ императрицѣ, и послѣдствіемъ этого знакомства было представленіе ко двору Людмилы Николаевны съ дочерьми.

Въ городѣ было много толковъ по поводу этого представленія.

Разсказывали, что Ратморцева понятія не имѣетъ о придворномъ этикетѣ, что дочери ея не умѣютъ ни дѣлать реверансовъ, ни разговаривать съ высокопоставленными особами, а что всего ужаснѣе, ни у нея, ни у дочерей ея, нѣтъ драгоцѣнныхъ вещей ни брилліантовъ, ни жемчуговъ, ничего однимъ словомъ.

Но куда же дѣвались ихъ фамильныя драгоцѣнности?

Современницы покойной матери Ратморцева помнили у нея прекрасные колье, гребни, браслеты, усыпанные каменьями,—куда же все это дѣлось?

Да и послѣ матери Людмилы Николаевны должны были остаться богатыя украшенія; она не послѣднюю роль играла при дворѣ императрицы Екатерины Алексѣевны.

Баронесса Фреденборгъ, посѣщавшая чаще другихъ родственниковъ своихъ Ратморцевыхъ и хваставшаяся тѣмъ, что ей хорошо извѣстна ихъ интимная жизнь, увѣряла, будто Людмила Николаевна въ бытность свою за границей, промѣняла фамильныя драгоцѣнности на такого рода произведенія искусства, какъ картины старинныхъ мастеровъ, изваянія знаменитыхъ художниковъ и тому подобное.

— У нихъ есть статуи и картины, которыя стоятъ тысячи, я знаю навѣрное, мнѣ самъ Аркадій Львовичъ говорилъ, а ужъ онъ толкъ знаетъ,—утверждала баронесса.—А сколько они тратятъ на книги! Даже страшно подумать. Каждый годъ имъ не меньше какъ на тысячу рублей высылаютъ книгъ изъ-за границы.

— И къ чему все это?—дивились всѣ.

Какъ бы тамъ ни было и, хотя дочерей своихъ Людмила Николаевна представила ко двору въ очень простыхъ платьяхъ, а сама одѣта была какъ квакерша, безъ единаго брилліантика, но

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дѣвочки были такія хорошенькія и граціозныя, что ихъ нашли восхитительными, особенно когда увидѣли, какъ ласково обошлась съ ними императрица и великія княжны.

Вскорѣ послѣ этого представленія Ратморцевъ увезъ семью въ деревню и, поживъ тамъ недѣли двѣ, вернулся въ Петербургъ.

Служба не позволяла ему пользоваться продолжительными отпусками; болѣе двухъ разъ въ лѣто онъ пріѣзжать въ деревню не могъ, и волей-неволей приходилось довольствоваться перепиской съ женой и дочерьми.

Это было для него такъ тяжело, что онъ часто подумывалъ о томъ, чтобы, по примѣру покойнаго тестя, выйдти въ отставку, поселиться въ деревнѣ и заниматься хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей, но Людмила Николаевна была очень честолюбива за мужа и готова была на всевозможныя жертвы и даже на разлуку съ нимъ, что было для нея всего тяжелѣе, лишь бы только онъ шелъ все выше и выше по пути, завѣщанному ему и отцомъ его, и дѣдомъ, которые занимали важныя административныя должности и слыли людьми, принесшими много пользы Россіи.

Наступилъ конецъ сентября, полили дожди, и ясныхъ, теплыхъ дней выдавалось немного, но въ Святскомъ господа объ отъѣздѣ въ городъ еще не помышляли, какъ вдругъ прискакалъ изъ Петербурга гонецъ съ письмомъ отъ барина, и барыня, прочитавъ это письмо, очень взволновалась и послала за управителемъ.

— Сергѣй Владиміровичъ желаетъ, чтобъ мы какъ можно скорѣе переѣзжали въ городъ. Когда намъ можно будетъ выѣхать, Семенычъ? Мнѣ хотѣлось бы во вторникъ,—объявила она толстяку съ добродушнымъ лицемъ и широкой бородой лопатой, прибѣжавшему на зовъ барыни съ гумна и ожидавшему приказаній въ дверяхъ столовой.

— Какъ твоей милости угодно, такъ и будетъ, матушка барыня, а только что-жъ это вы у насъ такъ мало въ нынѣшнемъ году погостили,—отвѣчалъ Семенычъ.

— Нельзя, Семенычъ, Сергѣй Владиміровичъ соскучился. Да и хлопотъ намъ въ эту зиму предстоитъ не мало. Барышни наши въ возростъ вошли, надо ихъ въ свѣтъ вывозить.

При послѣднихъ словахъ озабоченное выраженіе ея лица на мгновеніе прояснилось той счастливой улыбкой, которая всегда у нея являлась, когда она говорила про своихъ дочерей.

— Какой ихъ возростъ! Еще цыплятки, — замѣтилъ старикъ.

— Такихъ-то цыплятокъ, какъ онѣ, замужъ ужъ берутъ,—проворчала хлопотавшая у чайнаго стола старая горничная Акулина, справлявшая въ деревнѣ должность ключницы.

А когда Семенычъ вышелъ, обстоятельно перетолковавши съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

барыней о дормезахъ и тарантасахъ, въ которыхъ должно было совершиться переселеніе господскаго семейства въ городъ, да о томъ, кого да кого изъ людей надо отправить впередъ, кого съ господами снарядить, а кого съ поклажей, Акулина, со смѣлостью старой, довѣренной и любимой слуги, спросила у барыни: все ли у нихъ въ городѣ благополучно, что баринъ ихъ такъ вдругъ отъѣздомъ заторопилъ?

— Слава Богу, Акулинушка, слава Богу. Сергѣй Владиміровичъ здоровъ, и все у насъ благополучно, а вотъ у братца Александра Васильевича, у того не ладно, — отвѣчала со вздохомъ барыня.

У Акулины глаза засвѣтились любопытствомъ, она подошла ближе и, пригибая къ Людмилѣ Николаевнѣ сѣдую голову, повязанную темнымъ платочкомъ, съ аккуратно стянутымъ спереди узелкомъ, спросила таинственно, понижая голосъ:

— А что, матушка, неужто-жъ и въ самомъ дѣлѣ про ту несчастную всплываетъ?

Людмила Николаевна утвердительно кивнула.

— Мать Пресвятая Богородица, помилуй насъ, грѣшныхъ! — набожно крестясь, всхлипнула отъ волненія старуха.

И продолжала съ мольбой въ голосѣ:

— Что-жъ они вамъ пишутъ, матушка, баринъ-то нашъ?

— Да плохо, Акулинушка. Что дальше будетъ, неизвѣстно, а теперь не хорошо поворачивается дѣло для Александра Васильевича. Жаль намъ отъ души его ни въ чемъ неповинныхъ жену и дѣтей. Если дѣло это не удастся замять, бѣда имъ всѣмъ грозитъ страшная. Такая страшная, что даже и представить себѣ невозможно, что съ ними тогда будетъ. Дочка его старшая еще не пристроена, мальчики совсѣмъ маленькіе, а сама она, Марья Леонтьевна, также безпомощная, несмѣлая.

— Задаритъ небось всѣхъ, заткнетъ кому нужно глотку, не таковскій, чтобъ попался, не безпокойтесь, ужъ съумѣетъ вывернуться,—злобно проворчала старуха.

Барыня не возражала. Она думала о письмѣ мужа, которое держала въ рукахъ, чтобъ на просторѣ его еще разъ перечитать и душа ея была въ большомъ смятеніи.

Сергѣй Владиміровичъ писалъ ей, что дѣло, поднятое противъ Воротынцева, съ каждымъ днемъ осложняется новыми подробностями и такими ужасными, что сообщать о нихъ въ письмѣ онъ считаетъ неудобнымъ. «При свиданіи все разскажу, а теперь прошу тебя, мой неоцѣненный другъ, внушить Акулинѣ, Семенычу и кому еще найдешь нужнымъ, чтобъ по пріѣздѣ въ городѣ наши люди съ Воротыновской челядью не якшались, а чтобъ разговоровъ про то, что у нихъ въ домѣ дѣлается, у насъ бы не распложалось».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Акулина была Воротыновская, и вывезли ее изъ роднаго села въ Петербургъ еще при жизни Маѳы Григорьевны, прабабки съ материнской стороны Сергѣя Владиміровича.

Какъ родственница любимицы старой барыни, Ѳедосьи Ивановны, она съ ранняго дѣтства была взята въ домъ и многое должна была помнить изъ того, что тамъ въ то время происходило.

При ней Александръ Васильевичъ, юношей пятнадцати лѣтъ, пріѣзжалъ въ Воротыновку знакомиться со своей прабабкой.

— Пожалуйста, Акулинушка,—начала барыня, — наблюди ты, чтобъ, когда мы пріѣдемъ въ городъ, у насъ ни въ людскихъ, ни въ дѣвичьихъ, люди про это дѣло не болтали, особливо съ Воротынцевскими. Они, я знаю, къ намъ забѣгаютъ, да и наши тоже...

— Какъ же не забѣгать, сударыня, мало ништо у нашихъ, промежъ ихнихъ, земляковъ и родни! Вонъ Ѳомкѣ выѣздному ихній поваръ Константинъ роднымъ дядей приходится, а Мавра ихъ, Петрушкина мать, нашей Варварѣ двоюродная. Опять таки Марина ихъ нашего Степана племянникомъ зоветъ, и крестникъ онъ ейный вдобавокъ. Ужъ тутъ, какъ ни запрещай, какъ ни взыскивай, а ничего не подѣлаешь, все будутъ другъ къ дружкѣ бѣгать, да другъ объ дружкѣ сухотиться. Какъ нонѣшней весной баринъ-то ихній грозился Петрушкѣ лобъ забрить, у насъ вся эта исторія въ тотъ же день стала извѣстна. Какому лѣшему понадобилось нашъ народъ этой вѣстью смущать, мы такъ съ Захаръ Демьянычемъ и не могли добиться, а только ревѣли и у насъ по Петрушкѣ не меньше, чѣмъ у нихъ, это вѣрно. Опять, когда у нихъ Хонька повѣсилась...

— Ну, да, я знаю,—сдвигая брови и морщась, прервала ее барыня, —а, всетаки, надо исполнить приказаніе барина и объявить всѣмъ, что тотъ, кто позволитъ себѣ сплетни оттуда таскать, будетъ строго наказанъ. Хотя мы съ братцемъ Александромъ Васильевичемъ и не въ ладахъ, а всеже онъ намъ близкій родственникъ и судить да рядить про него нашимъ холопамъ не слѣдъ.

Акулина слушала это наставленіе, молча и угрюмо насупившись.

— Такъ и Захару скажи, — подтвердила, возвышая строго голосъ, барыня.

— Не извольте гнѣваться, сударыня, а только не даромъ говорится: «на чужой ротокъ не накинешь платокъ», — возразила брюзгливо старуха.—Чѣмъ больше станемъ мы людямъ грозить и застращивать ихъ, тѣмъ пуще зачнутъ они мыслями распаляться и небылицы придумывать. Ужъ это завсегда такъ бываетъ,—продолжала она, ободренная смущеніемъ барыни, которой и слушать ее было жутко, и остановить казалось неудобнымъ. Многочисленный людъ, наполнявшій какъ ихъ домъ, такъ и домъ Воротын-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

цевыхъ, былъ такъ тѣсно связанъ съ этой несчастной исторіей, что не мѣшало знать, какъ онъ къ ней относится. Это было также мнѣніе ея мужа.

— Да вотъ, хоша бы про меня сказать, — говорила Акулина, точно угадывая мысли барыни и торопясь на нихъ отвѣчать,— и рада была бы не грѣшить, забыть про старое и никого лихомъ не поминать, ужъ и лѣта мои такія, что о смерти только надо думать, да и вашей милости съ Сергѣемъ Владиміровичемъ угодить бы хотѣлось, чтобъ, значитъ, за всѣ ваши къ намъ милости ничѣмъ вамъ не досадить, а какъ прошелъ этотъ слухъ, будто Александра Васильевича хотятъ подъ отвѣтъ подводить за ту несчастную, которую онъ приказалъ въ подмосковной загубить, да еще вдобавокъ съ ребеночкомъ,—вѣдь тяжелая она была, какъ изъ Воротыновки-то ее отправляли,—стоитъ она у меня день и ночь передъ глазами, стоитъ неотступно, какъ живая, хоть ты тутъ что хочешь дѣлай. И скажи мнѣ таперича хоть самъ царь батюшка: скрой все, что про нее знаешь, Акулина, смерть тебѣ, если скажешь, я не послушаюсь и все скажу. Все до крошечки,—прибавила она съ возростающимъ одушевленіемъ. — Сама доносить не пойду, а, если спросятъ, скажу.

— Никто тебѣ этого запретить не можетъ, — дрогнувшимъ голосомъ вымолвила Людмила Николаевна:—мы только съ бариномъ желаемъ, чтобъ у насъ въ домѣ попусту не болтали, когда ничего еще неизвѣстно и очень можетъ быть, что все это окажется клеветой злыхъ людей, ничѣмъ больше.

— Какая ужъ тамъ клевета, сударыня! Холопы, говорятъ, доносъ-то царю подали, а ништо холопамъ можно на господъ клеветать, да ни въ жисть.

— Ну, вотъ видишь, какія враки! Никто царю не доносилъ, Царю ужъ тогда доложатъ, когда слѣдствіе будетъ кончено, а оно только что начато.

Старуха промолчала, но по ея стиснутымъ упорно губамъ видно было, что словъ барыни она принимать не хочетъ.

— Нельзя, Акулинушка, брать на вѣру все, что болтаютъ,— наставительно замѣтила барыня.

— Это точно, сударыня, — неохотно согласилась старуха и, помолчавъ немного, прибавила:—вотъ если да удастся ребенка ейнаго отыскать...

Людмила Николаевна измѣнилась въ лицѣ.

— Ребенка? Какого ребенка? Вѣдь онъ умеръ.

— Не могу знать, сударыня, можетъ, и ваша правда, — сдержанно возразила Акулина: — а только люди сказываютъ, могилу разрывать хотятъ, чтобъ, значитъ, посмотрѣть, однѣ ейныя косточки тамъ лежатъ, или съ дитятей. Сумлѣваются, значитъ.

И это имъ было извѣстно! Ну, какъ тутъ заставить ихъ молчать?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Людмила Николаевна поспѣшила дать разговору другой оборотъ.

— Хорошенькая она была? — спросила она у своей собесѣдницы.

Морщинистое лице Акулины оживилось, злобная подозрительность, такъ непріятно поразившая барыню, смѣнилась обычнымъ добродушіемъ, и на выцвѣтшихъ ея глазахъ засверка лислезы умиленія.

— Ужъ такая-то красавица, писанная, можно сказать! Тринадцатый годокъ ей шелъ, какъ меня съ обозомъ въ Питеръ отправили, а какъ взрослая дѣвица себя соблюдала. Чтобъ тамъ бѣгать, шалить да рѣзвиться, какъ прочія дѣти, ни Боже мой! Никогда! Ходитъ это, бывало, какъ пава и все въ книжкахъ читаетъ, либо на клавикордахъ играетъ. Ходила за ней Малашка, та самая, что опосля за баринова камардина Михаилу Иваныча замужъ вышла и барыней таперича въ своемъ домѣ на Мѣщанской живетъ. Вотъ кого бы по этому дѣлу слѣдовало допросить, сударыня, все до крошечки ей должно быть извѣстно...

— Кто же училъ эту дѣвушку на фортепьянахъ играть?—поспѣшила перебить ее барыня.

— Мусью при ней былъ, вотъ какъ таперича мусью Вальянъ при нашихъ барышняхъ.

— Ее Марѳинькой звали?

— Марѳой Дмитріевной,—поправила Акулина.—Намъ всѣмъ за настоящую барышню приказано было ее почитать. Старая барыня страсть какъ ее любили. До родныхъ дочерей, говорятъ, не была такъ ласкова, какъ до нея.

— На кого она была похожа? Правда, что на бабушку Сергѣя Владиміровича, Екатерину Васильевну?—продолжала любопытствовать барыня.

— Правда, сударыня, правда. Патретъ маменьки старый баринъ къ себѣ въ кабинетъ повѣсили. Ну, вотъ какъ привезли меня тогда въ домъ, старикъ Миколаичъ, буфетчикъ, позвалъ меня какъ-то разъ въ кабинетъ, господъ дома не было, да и спрашиваетъ: похожа, говоритъ, ваша барышня-сирота въ Воротыновкѣ на этотъ патретъ? Я такъ и обмерла! Ужъ такъ-то похожа, дяденька, говорю, такъ-то похожа, точно съ нея списанъ.

Вотъ съ какихъ поръ въ домѣ Ратморцевыхъ дворня интересовалась воспитанницей Марѳы Григорьевны!

Изъ всѣхъ фамильныхъ портретовъ родни своего мужа Людмила Николаевна всѣхъ больше любила этотъ. Не разъ, глядя на него, она жалѣла, что бабушки нѣтъ въ живыхъ, и что она не можетъ ей сказать, до какой степени она ей симпатична.

Съ тѣми, кто увѣрялъ, что мужъ ея похожъ на свою бабку, Людмила Николаевна вполнѣ соглашалась. У него были такія же тонкія черты лица, задумчивые глаза, серьезное выраженіе въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рѣзко очерченной линіи рта, кудрявые, бѣлокурые волосы, какъ у той граціозной молодой женщины въ костюмѣ конца прошлаго столѣтія, что̀ была изображена на портретѣ.

Дочери были въ него. Но въ нихъ ничего ужъ не оставалось Воротынцевскаго, ни упрямства, выражавшагося у Сергѣя Владиміровича въ нижней части лица, съ слегка выдающимся подбородкомъ, ни высокаго роста, ни его широкой, крѣпкой груди, ни сильныхъ мускуловъ. У нихъ задумчивость во взглядѣ переходила въ мечтательность, нѣжность души—въ болѣзненную чувствительность, воспріимчивость ума — въ экзальтированную впечатлительность. Онѣ были не отъ міра сего, неспособны къ борьбѣ со зломъ и страстями, и другой жизни, кромѣ той, что̀ онѣ вели въ родительскомъ домѣ, полную тихихъ радостей, любви и ласкъ, онѣ бы не вынесли.

— Добрая она была барышня, ласковая да привѣтливая,—продолжала между тѣмъ распространяться Акулина про барышню-сироту, которую она въ молодости знала въ Воротыновкѣ.—Всѣ мы въ ней души не чаяли, вотъ какъ теперь въ нашихъ барышняхъ, Вѣрѣ Сергѣевнѣ съ Софьей Сергѣевной. И какъ потомъ узнали мы черезъ людей, что̀ пріѣхали оттуда съ Александромъ Васильевичемъ, про ея злую судьбу...

Ей не дали кончить. Параллель, проведенная между этой несчастной и ея дѣтьми, непріятно поразила Людмилу Николаевну.

Трагическая судьба Марѳиньки ее ужасала, но въ ужасѣ этомъ была доля брезгливости къ ея темному происхожденію и, какъ ни осуждала она ея обольстителя, а всеже въ глубинѣ души допускала, что онъ могъ возненавидѣть свою жертву послѣ того, какъ, ослѣпленный страстью, совершилъ такую колоссальную глупость: обвѣнчался съ нею.

Развѣ она ему была пара, это дитя преступной любви, выросшее среди челяди въ глухой степи? И развѣ онъ могъ привезти ее въ Петербургъ, чтобъ представить роднымъ, какъ свою жену? Разумѣется, нѣтъ. Можно себѣ представить его отчаяніе, когда онъ понялъ всю безвыходность своего положенія! Она была даже не дворянка, она была мѣщанка, почти то же самое, что крѣпостная, и должна была смотрѣть на Воротынцева, какъ на барина. Что за безобразныя должны были быть отношенія между ними!

Сопоставленіе ея чистыхъ, прелестныхъ, невинныхъ ангеловъ, Вѣриньки и Сони, съ этой незаконной дочерью пропащей дѣвушки, опозорившей семью своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ,—сопоставленіе это оскорбляло материнскія чувства г-жи Ратморцевой.

Мужъ ея былъ другаго мнѣнія. Потому ли, что мать этой дѣвушки доводилась ему родной теткой,—она была дочь Дмитрія Ратморцева, брата его отца,—или потому, что къ понятіямъ о нравственности этотъ ученикъ тогдашнихъ мыслителей относился еще

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

строже своей жены, такъ или иначе, но размолвка его съ Воротынцевымъ была послѣдствіемъ именно этой исторіи съ пріемной дочерью ихъ прабабки, и Воротынцевъ это зналъ, хотя объясненій между ними на этотъ счетъ и не происходило.

— А, всетаки, вы съ Захаромъ наблюдите, чтобъ у насъ въ домѣ про то, что дѣлается у Воротынцевыхъ, не болтали, — повторила Людмила Николаевна, поднимаясь съ мѣста, чтобъ идти въ свою спальню. — Сергѣй Владиміровичъ этого не желаетъ, — прибавила она строгимъ, не терпящимъ противорѣчій, тономъ.

Да, онъ этого не желалъ.

«Кабы я ему другомъ былъ, мнѣ было бы, кажется, легче,—писалъ онъ женѣ, — но ты понимаешь, другъ мой безцѣнный, какъ трудно всѣхъ увѣрить, что иначе, какъ съ душевнымъ сокрушеніемъ, мы къ этому прискорбному событію относиться не можемъ. Какъ Alexandre намъ ни антипатиченъ по причинѣ порочности его духовныхъ свойствъ, намъ нельзя забывать, что отецъ его доводился двоюроднымъ братомъ моему отцу, что юность свою онъ провелъ въ нашемъ домѣ, и что самъ я слишкомъ долго, увы, былъ ему другомъ! Тебѣ, ангелу хранителю моей души, неоцѣненная моя Милуша, извѣстны причины, заставившія меня отдалиться отъ этого несчастнаго. Да, онъ несчастный и потерянный человѣкъ, ибо утратилъ способность отличать добро отъ зла, и давно ужъ нѣтъ доступа до его души ни любви, ни жалости къ ближнему. Но можно ли сказать, что ему нѣтъ извиненія въ таковой его жестокости и порочномъ складѣ характера и ума? Нѣтъ, этого намъ утверждать было бы грѣхъ, ибо мы съ тобой знаемъ, какъ и кѣмъ онъ былъ воспитанъ, какими пагубными примѣрами питалось его дѣтство и какимъ испорченнымъ вступилъ онъ въ жизнь. Одного боюсь, чтобы графъ Александръ Христофоровичъ не потребовалъ отъ меня чистосердечнаго мнѣнія на счетъ этого дѣла, несчастнаго и позорнаго для всей нашей фамиліи, старшимъ представителемъ которой является Alexandre, а такъ какъ у меня есть данныя предполагать, что опасенія мои могутъ въ самомъ непродолжительномъ времени сбыться, потому что, еще разъ повторяю тебѣ, враги Воротынцева дѣйствуютъ съ изумительной энергіей и близки къ цѣли, прошу тебя, мой другъ Милуша, поспѣшить мнѣ на помощь въ эту труднѣйшую минуту моей жизни. Присутствіе тебя и дѣтей въ домѣ ободритъ меня, успокоитъ и сниметъ тяжесть съ сердца, подъ бременемъ которой, признаюсь тебѣ чистосердечно, я изнемогаю».

Не въ первый разъ получала Людмила Николаевна отъ мужа письма, подобныя вышеприведенному отрывку, и каждый разъ они приводили ее въ сладостное и восторженное умиленіе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

О, какъ она его любила, своего милаго Сергѣя! Какимъ онъ ей казался добрымъ, честнымъ, великодушнымъ и справедливымъ! Какъ она гордилась его довѣріемъ и любовью къ ней, какъ благодарила Бога за то, что онъ избралъ ее въ подруги жизни!

Со дня на день сближались они, сливались душой все тѣснѣе и тѣснѣе, и день ото дня, стремясь одновременно къ нравственному совершенству, становились необходимѣе другъ другу.

— Ну, Милуша, наконецъ-то мы одни! — вырвался у Сергѣя Владиміровича вздохъ облегченія.

Ужъ много часовъ прошло послѣ его встрѣчи съ семьей, послѣ первыхъ изліяній и обычныхъ разспросовъ про путешествіе, происходившихъ при свидѣтеляхъ. А послѣ ужина и продолжительной бесѣды съ дочерьми и m-r Vaillant, Сергѣй Александровичъ, благословивъ дѣтей на сонъ грядущій и сказавъ нѣсколько теплыхъ словъ ихъ учителю, не тотчасъ же пошелъ къ женѣ, а сначала удалился въ кабинетъ, чтобъ, какъ всегда, позаняться дѣлами передъ тѣмъ, какъ идти спать.

Но сегодня онъ былъ такъ взволнованъ, что даже и не присаживался къ письменному столу, а ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока на часахъ не пробило двѣнадцать. Тогда, убѣдившись, что въ домѣ всѣ огни погасли, онъ потушилъ лампу, взялъ зажженную свѣчу и прошелъ на половину жены узкимъ, потайнымъ ходомъ, продѣланнымъ въ каменной стѣнѣ еще при покойномъ его отцѣ, большомъ охотникѣ до подобныхъ оригинальныхъ затѣй, придававшихъ пикантность таинственности ночнымъ свиданіямъ съ законной супругой.

И Людмила Николаевна съ своей стороны ждала съ большимъ нетерпѣніемъ свиданія наединѣ съ мужемъ. Едва только успѣлъ онъ переступить порогъ высокой, просторной комнаты, съ широкой кроватью подъ зеленымъ штофнымъ пологомъ посреди, какъ между ними завязалась одна изъ тѣхъ интимныхъ бесѣдъ, возможныхъ только между людьми, понимающими другъ друга на полусловѣ и даже безъ словъ умѣющихъ читать въ душѣ другъ у друга, какъ въ открытой книгѣ. Слова не договаривались, отвѣты произносились раньше вопросовъ, рѣчь перескакивала съ одного предмета на другой съ такою, повидимому, непослѣдовательностью, что для посторонняго слушателя она была бы непонятна.

— Я тебѣ не все написалъ...

— Знаю. Что же еще?

— Страшныя улики противъ Александра...

— Значитъ, это вѣрно, что т а была еще жива, когда онъ...

— Когда онъ женился во второй разъ, да, вѣрно, а, кромѣ того, ея ребенокъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Неужели онъ живъ?

— Живъ. На слѣдъ его ужъ, кажется, напали.

— Господи!

Отъ испуга она почти вслухъ выкрикнула это воззваніе, но комната, освѣщенная мягкимъ свѣтомъ лампады, теплившейся передъ образами въ большомъ кіотѣ, была глубока, полъ ея былъ устланъ мягкимъ ковромъ и двери въ ней припирались такъ плотно, что если-бъ даже кто и позволилъ себѣ приложить ухо къ замочной скважинѣ, чтобъ подслушать господъ, то ничего бы не услышалъ.

— Ахъ, Сережа! Сережа! — простонала Людмила Николаевна, въ страхѣ и волненіи прижимаясь къ мужу.—Что-жъ это будетъ! Боже, что-жъ это будетъ!

— Надо надѣяться, что все это свершилось помимо воли Александра Васильевича.

— О, разумѣется! Не такой же онъ злодѣй, чтобъ роднаго ребенка...

— Но вѣдь это надо доказать...

— Онъ докажетъ, онъ такой ловкій...

— Положимъ даже, что и докажетъ, но...

— Его бракъ съ Мари будетъ признанъ незаконнымъ, и дѣти отъ нея... Неужели! Но вѣдь это ужасно, Сережа, это хуже всего, что можно себѣ представить! Марта еще не пристроена...

— Баронесса всѣмъ и каждому разсказываетъ, что она запретила сыну и думать про дочь Александра Воротынцева.

— Ну, разумѣется. Всякая поступила бы такъ на ея мѣстѣ. Теперь ужъ бѣдной дѣвушкѣ не сдѣлать порядочной партіи. А мальчики-то! Мальчики! У нихъ все отнимутъ, имя, состояніе...

— Только родовое...

— Все равно. Срамъ-то какой! А тотъ, несчастный...

— Да, вотъ какъ судьба играетъ людьми. Мнилъ себя сиротой безъ роду, безъ племени, и вдругъ...

— Да гдѣ же онъ? Кто его нашелъ? Откуда ты это знаешь?

— Захаръ мнѣ намеднись намекнулъ. Я, разумѣется, разспрашивать не сталъ и повторилъ ему только, чтобъ люди наши не смѣли про эту исторію болтать.

— Но откуда Захаръ-то нашъ знаетъ?

— Слухомъ земля полнится. Онъ же съ сыномъ старика Бутягина въ дружбѣ и на дому у него бываетъ. Ну, а ужъ тамъ все извѣстно. Старикъ поклялся, что ничего не пожалѣетъ, чтобъ только доказать, что Александръ Васильевичъ отъ живой жены на другой женился, и что ребенка этой несчастной отдали въ воспитательный домъ, а не похоронили вмѣстѣ съ матерью. Дѣло ужъ переслано сюда изъ тульской уголовной палаты. Здѣсь оно, безъ сомнѣнія, пролежитъ долго и, по всей вѣроятности, ходатай Воротынцева похлопочетъ найти какую нибудь закорючку, чтобъ его

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

препроводили обратно туда, откуда оно пришло. Но вѣдь и противная сторона будетъ дѣйствовать, а въ концѣ концовъ, кто знаетъ, можетъ быть, и одержитъ верхъ.

— А до той поры сколько муки и страха вынесетъ семья Воротынцева и самъ онъ!—замѣтила со вздохомъ Людмила Николаевна.

— Да, настрадаются, — подтвердилъ ея мужъ. — Хотя до сихъ поръ не замѣтно, чтобъ онъ унывалъ. На прошлой недѣлѣ я встрѣтилъ его на Невскомъ, въ открытой коляскѣ, съ дочерью, такимъ же молодцомъ выглядитъ, какъ и всегда.

— Несчастная дѣвушка!

— Не замѣтно, чтобъ ей было что нибудь извѣстно; нарядная такая, веселая. И, какъ всегда, первая мнѣ поклонилась. Онъ отвернулся, а она какъ-то особенно низко и почтительно нагнула головку, когда мы поровнялись. Со мной былъ князь Дмитрій Васильевичъ, онъ разсказалъ мнѣ, что съ нѣкоторыхъ поръ Воротынцевъ всюду показывается съ дочерью. Каждый день гуляетъ съ нею въ Лѣтнемъ саду, возилъ ее въ духовный концертъ въ капеллу. Марья Леонтьевна съ меньшими дѣтьми и съ гувернеромъ останется еще долго въ Царскомъ.

— Бѣдные, какъ мнѣ ихъ всѣхъ жаль!

— И мнѣ ихъ тоже жаль, моя душенька, — возразилъ Сергѣй Владиміровичъ.—Но мнѣ жаль также и того, который выросъ сиротой, въ темной нуждѣ и одиночествѣ, и которому предстоитъ тяжелая доля, когда онъ могъ бы пользоваться всѣми благами жизни. Во мнѣ возмущается чувство справедливости, когда я о немъ вспоминаю, и голосъ совѣсти говоритъ мнѣ, что способствовать возстановленію его правъ — мой долгъ...

— Ты вмѣшаешься въ эту исторію? — вскричала въ ужасѣ Людмила Николаевна.

— Боюсь, что буду къ этому вынужденъ, мой дружочекъ. Суди сама. Вчера вечеромъ, раздѣвая меня, Захаръ опять заговорилъ про Бутягиныхъ. Старика сюда со дня на день ждутъ. Сынъ его прибѣгалъ узнать: допущу ли я до себя его отца, если онъ придетъ ко мнѣ за совѣтомъ и помощью.

— И что же ты сказалъ?—съ замирающимъ отъ страха сердцемъ спросила Ратморцева.

— Мнѣ совѣстно было отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ, Милуша. Мнѣ кажется, что я ужъ слишкомъ долго отстранялся отъ участія въ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Это эгоизмъ и малодушіе съ моей стороны. Вчера мой старикъ камердинеръ меня просто пристыдилъ своими разсказами про Бутягиныхъ. Когда я узналъ, какъ они хлопочутъ и до чего достигли, я не могъ не почувствовать къ нимъ уваженія, право. Ты только подумай: поднять такое опасное дѣло, тратиться на него, подвергаться всевозможнымъ напастямъ со стороны сильныхъ противниковъ, рисковать быть раз-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

давленными, какъ мошки, въ неравной борьбѣ, и все это для юноши, котораго они никогда въ глаза не видали. Какъ хочешь, а это просто геройство со стороны темныхъ, необразованныхъ людей, дѣтей вольноотпущеннаго дворового.

— Они ее всѣ очень любили, эту Марѳиньку,—раздумчиво проговорила Людмила Николаевна, припоминая разговоръ съ Акулиной передъ отъѣздомъ.

— Ее, можетъ быть, и любили, правда, но что его въ Воротыновкѣ ненавидѣли, это тоже вѣрно, — замѣтилъ Сергѣй Владиміровичъ.—Онъ велъ себя тамъ не подворянски, жестоко и развратно. Людямъ, набалованнымъ послѣ смерти нашей прабабки, переносить его неистовства было невтерпежъ, особенно дворнѣ. У него тамъ пренепріятная исторія случилась съ одной старухой, ее засѣкли до смерти, и многіе увѣрены до сихъ поръ, что управитель дѣйствовалъ не безъ вѣдома барина... Alexandre мнѣ самъ тогда сознавался, что оставаться въ Воротыновкѣ было для него не безопасно, его могли зарѣзать... Ну, будетъ объ этомъ, не волнуйся. Богъ милостивъ и научитъ насъ, какъ поступать,—поспѣшилъ онъ перемѣнить разговоръ, замѣтивъ ужасъ, выразившійся на поблѣднѣвшемъ лицѣ своей подруги.—Разскажи мнѣ про дѣвочекъ. Онѣ очень поправились, розовенькія такія стали... М-г Vaillant мнѣ говорилъ, что Соня сочинила сонату.

Потолковавъ еще съ полчаса про дѣтей, про новую мебель, заказанную въ гостиную для этой зимы, про балъ, на которомъ петербургское общество должно было въ первый разъ увидѣть ихъ дочерей, Сергѣй Владиміровичъ зажегъ свѣчу въ серебряномъ низенькомъ подсвѣчникѣ на ночномъ столикѣ, взялъ евангеліе и прочелъ изъ него главу.

— А знаешь, Сережа, — сказала Людмила Николаевна, когда, окончивъ чтеніе, онъ заложилъ книгу закладкой, положилъ ее на прежнее мѣсто и погасилъ свѣчу,—не отложить ли намъ балъ до будущаго года? Неловко какъ-то задавать пиры, когда надъ домомъ близкаго родственника собирается такая страшная гроза.

Онъ отвѣчалъ, что ему и самому приходила въ голову эта мысль, но подъ какимъ предлогомъ откладывать балъ?

— Всѣ его ждутъ. И еще разъ повторяю тебѣ, это несчастное дѣло скоро не можетъ кончиться. Оно, вѣроятно, протянется много лѣтъ. Alexandre безъ боя не сдастся. Онъ всѣ силы употребитъ, чтобы спастись или, по крайней мѣрѣ, отдалить по возможности свою гибель. Очень можетъ быть даже, что и у нихъ будетъ балъ, какъ всегда, въ началѣ декабря, это въ его характерѣ бравировать общественнымъ мнѣніемъ.

— Да, да, онъ на это способенъ, — согласилась Людмила Николаевна,—а, всетаки, мнѣ жутко и не до веселья.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ты облѣнилась и одичала въ деревнѣ, тебя пугаетъ свѣтскій шумъ и хлопоты съ выѣздами и модистками.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то! У меня предчувствіе, я боюсь перемѣны, мы были такъ счастливы!

— Были?—съ нѣжностью упрекнулъ ее мужъ.

— Да, Сережа, были,—повторила она, вскидывая на него затуманенный слезами взглядъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ поднялось это несчастное дѣло противъ Воротынцевыхъ, у меня нѣтъ ни минуты покоя, все кажется, что и насъ тоже мимоходомъ задѣнетъ буря.

— Полно, милая, какимъ же образомъ?

— Не знаю, не знаю, — повторила она съ тоской, — но вотъ увидишь, что Господь намъ тоже готовитъ крестъ, и, можетъ быть, тяжелѣе, чѣмъ Воротынцевымъ.

— Да бу́детъ воля Его,—сказалъ на это Ратморцевъ.—А всеже я буду дѣйствовать такъ, какъ велитъ мнѣ совѣсть. Fais ce que dois—advienne ce qui pourra. Отъ этого девиза мы съ тобой не отступимъ, Милуша.

XIII.

Ратморцевъ былъ правъ, предполагая, что гроза, нависшая надъ Воротынцевымъ, не скоро еще разразится.

Слѣдствіе производилось съ обычными проволочками и формальностями.

Александръ Васильевичъ зналъ теперь всѣхъ своихъ противниковъ не только по имени, но также гдѣ каждый изъ нихъ находится и что именно представляетъ изъ себя.

У него была своя полиція, дѣйствовавшая въ данномъ случаѣ не хуже Бенкендорфовской.

Все народъ темный его враги: странно бы предполагать, чтобы ему не удалось съ ними справиться. Кромѣ Бутягина, сына отпущеннаго на волю покойной Марѳой Григорьевной дворовaго, составившаго себѣ состояніе хлѣбной торговлей и приписавшагося къ купечеству, Александру Васильевичу приходилось считаться большею частью со своими же собственными крѣпостными.

Управитель Яблочковъ, Дмитрій Лаврентьевъ, тоже изъ крѣпостныхъ, безгранично ему преданный, часто теперь наѣзжалъ изъ подмосковной съ докладами въ Петербургъ и сообщалъ барину все, что тамъ происходило.

По его словамъ, послѣ Бутягина слѣдовало всѣхъ больше опасаться попа Никандра да подьячаго Гусева.

Попъ этотъ будто бы больше всѣхъ мутитъ и пакоститъ. Въ началѣ лѣта притащился изъ Саратова старикъ Бутягинъ въ ихъ уѣздный городъ, прожилъ тамъ въ домѣ у Гусева дней пять, а затѣмъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пріѣхалъ въ Петровское прямо къ попу, и, отдохнувши малую толику съ дороги, поздно вечеромъ, когда ужъ совсѣмъ стемнѣло, отправились всѣ вмѣстѣ, попъ, Гусевъ и Бутягинъ, да еще какихъ-то, двое, къ Яблочковскому лѣсу. Что ужъ они тамъ дѣлали, неизвѣстно. Дмитрію Лаврентьеву дали знать, да поздно; когда онъ прибѣжалъ къ указанному мѣсту, отъ нихъ и слѣдъ простылъ. А на другой день вся компанія укатила въ городъ, и вотъ, какъ вернулся попъ назадъ въ Петровское, опять заговорилъ народъ про слухъ, пущенный по околотку еще ранней весной, а затѣмъ стихнувшій, про ребенка покойницы, будто онъ живъ и будто безпремѣнно могилу раскапывать станутъ.

— Осмѣлюсь вашей милости доложить,—присовокупилъ къ своему донесенію управитель, — что попъ этотъ человѣкъ жадный и обремененъ многочисленнымъ семействомъ. Бутягинъ навѣрное хорошее вознагражденіе посулилъ ему за хлопоты, и если предложить ему болѣе изрядный кушъ...

Его съ раздраженіемъ прервали на полусловѣ.

— Оселъ! Чтобы сказали, что я боюсь?—закричалъ на него сердито баринъ.—Безмозглый болванъ! Вотъ тебѣ два письма,—продолжалъ онъ, вынимая изъ бюро два запечатанныхъ конверта.— Одно передашь архіерею, другое губернатору. Въ первомъ я извѣщаю его преосвященство, что племянникъ его, по моей просьбѣ, назначенъ священникомъ въ домовую церковь князя Петра Андреевича, а губернатору я пишу, чтобы подавалъ прошеніе: дочь его будетъ принята въ институтъ для благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ безъ баллотировки, какъ онъ этого желалъ. Очень можетъ быть, что оба, и преосвященный и Алексѣй Петровичъ, захотятъ тебя видѣть, чтобы разспросить обо мнѣ, скажи, что я здоровъ и нынѣшнее лѣто проведу съ семьей въ Царскомъ; государь, скажи этого желаетъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ смущенный управитель.

— Про то, что тамъ въ уѣздѣ противъ меня затѣвается, ни слова,—продолжалъ баринъ, строго возвышая голосъ: — пусть всѣ знаютъ, что для меня это вниманія нестоющая сплетня, и ничего больше, понялъ?

— Понялъ-съ.

— А если не позовутъ тебя, самъ не суйся, отдай письма и, не вступая въ разговоры ни съ губернаторской челядью, ни съ архіерейской, уйди. Про попа Никандра съ Гусевымъ и безъ тебя до нихъ дойдетъ. Уберутъ ихъ въ другое мѣсто—хорошо, а не уберутъ—наплевать. Чортъ съ ними со всѣми, никого я не боюсь и со всѣми сумѣю, если захочу, и одинъ справиться.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Цѣлыхъ два мѣсяца крѣпился Александръ Васильевичъ и велъ обычную хлопотливую и разсѣянную жизнь великосвѣтскаго вельможи, ѣздилъ во дворецъ, въ клубъ, принималъ гостей, занимался службой, и все это дѣятельнѣе обыкновеннаго, въ надеждѣ задушить червя, заползшаго ему въ душу вмѣстѣ съ роковымъ письмомъ, подброшеннымъ таинственнымъ незнакомцемъ.

Однако, къ концу іюня онъ заболѣлъ желчной лихорадкой и засѣлъ дома безвыѣздно, не приказывая никого принимать.

Семья его, какъ всегда въ маѣ, переѣхала на дачу, самъ же онъ цѣлый мѣсяцъ прожилъ одинъ въ городѣ.

Одному ему было легче, насиловать себя становилось со дня на день нестерпимѣе.

Съ дочерью у него было объясненіе въ тотъ вечеръ, когда Хонька повѣсилась, и послѣ этого, къ великому прискорбію Марты, онъ избѣгалъ оставаться съ нею наединѣ.

Впрочемъ, то, что произошло тогда между ними, нельзя было назвать объясненіемъ; изъ словъ отца она узнала, что предчувствіе не обмануло ее, у него были какія-то непріятности, но что̀ именно, онъ запретилъ ей даже и думать объ этомъ.

220452

Въ ту ночь, когда весь домъ спалъ крѣпкимъ сномъ, Марта поднялась съ постели, на которой долго металась въ тоскѣ, надѣла на босыя ноги туфли, накинула на плечи пенюаръ, тихо спустилась внизъ и направилась черезъ темные коридоры въ кабинетъ отца. Ей было такъ жутко, что она вся дрожала, и духъ у нея захватывало въ груди, но терпѣть долѣе она не могла, и если бы ей сказали, что отецъ убьетъ ее за то, что она позволила себѣ его безпокоить, угроза эта не остановила бы ея. Все на свѣтѣ казалось ей легче перенести, чѣмъ неизвѣстность, которой она терзалась съ той минуты, какъ узнала про смерть Хоньки, про таинственное письмо, внезапное нездоровье отца и поспѣшный разъѣздъ уже съѣхавшихся гостей, въ томъ числѣ и баронессы съ сыномъ.

Александръ Васильевичъ никого не ждалъ, а менѣе всего дочь.

Измученный перипетіями этого дня, полураздѣтый и почти въ безчувственномъ состояніи, лежалъ онъ въ глубокомъ, вольтеровскомъ креслѣ передъ каминомъ съ теплившимися угольями.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ съ испугомъ, увидавъ женскую фигуру въ бѣломъ, остановившуюся въ нерѣшительности на порогѣ безшумно растворившейся двери.

Онъ принялъ ее за привидѣніе съ того свѣта и вздрогнулъ, какъ нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, когда къ нему вошелъ камердинеръ съ извѣстіемъ о томъ, что Хоньку привести въ чувство не могли.

— Это я, папенька, простите... не сердитесь... но я не могла утерпѣть... намъ сказали, что вы нездоровы... меня это безпокоитъ,

Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

я не могла заснуть... простите... я за васъ боюсь,—лепетала безсвязно Марта.

И, быстро приблизившись, она опустилась передъ нимъ на колѣни и, схвативъ его руку, стала покрывать ее поцѣлуями.

— Зачѣмъ ты пришла?—спросилъ онъ мягко, не отнимая руки и ощущая какой-то странный, давно не испытанный приливъ нѣжности къ сердцу.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ не чувствовалъ онъ ничего подобнаго, съ тѣхъ поръ, какъ, замирая отъ любви, онъ стоялъ на порогѣ Марѳинькиной спальни и рвался къ ней всѣмъ своимъ существомъ, не смѣя оттолкнуть старуху, заграждавшую ему путь.

— Что тебѣ?—повторилъ онъ съ усиліемъ.

— Не отдаляйте меня отъ себя, я только васъ однихъ и люблю на свѣтѣ,—простонала она сквозь рыданіе, не поднимая головы съ его колѣней.

Онъ молчалъ.

— Я хочу всю жизнь посвятить вамъ однимъ. Не отдавайте меня замужъ, я не боюсь оставаться старой дѣвой...

— А! Ты вотъ про что!—вымолвилъ онъ, наконецъ, чуть слышно, не отрывая пристальнаго взгляда отъ пустаго пространства, которое наполнилось для него призраками изъ далекаго прошлаго.

— Ты вотъ про что,—повторилъ онъ еще тише, точно про себя.

— Я никого на свѣтѣ не люблю больше васъ,—продолжала она восторженно.—Не отталкивайте меня!

Онъ стряхнулъ, наконецъ, съ себя оцѣпенѣніе, овладѣлъ усиліемъ воли нервами и съ обычною сдержанностью приказалъ ей встать съ колѣней, перестать плакать и внимательно его выслушать.

— У меня есть причины желать скорѣе тебя пристроить,—началъ онъ.

Она опять рванулась къ нему и хотѣла схватить его руку, но онъ настойчиво отстранился отъ ея ласкъ.

— Постой, дай мнѣ договорить. У меня важныя причины желать тебя пристроить, и я очень жалѣю, что не позаботился объ этомъ раньше. Не случись того прискорбнаго обстоятельства, которое случилось сегодня, ты была бы уже помолвлена съ барономъ Фреденборгомъ. Но, къ несчастью, теперь ужъ, можетъ быть, поздно, и баронесса, чего добраго, не захочетъ, чтобъ ея сынъ на тебѣ женился,—прибавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

— Мы разорены?—спросила дѣвушка.

Онъ передернулъ нетерпѣливо плечами.

— Все это современемъ уладится, конечно,—объявилъ онъ, хмурясь и отвертываясь отъ ея пытливаго взгляда:—но теперь пока планы мои относительно Фреденборговъ разстроены.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И, помолчавъ немного, онъ поднялъ голову и, глядя на нее въ упоръ, произнесъ отрывисто и рѣзко:

— Вотъ все, что я могу тебѣ сказать, про остальное не смѣй допытываться. Оставь меня, я усталъ, мнѣ нуженъ покой.

Марта вышла изъ кабинета въ еще бо̀льшемъ волненіи, чѣмъ тогда, когда входила сюда, и съ еще бо̀льшей тоской въ душѣ.

Время шло. Наступили ясные, лѣтніе дни, но для нея горизонтъ не прочищался. Все мрачнѣе и мрачнѣе сгущалась вокругъ ихъ дома атмосфера мрачныхъ предчувствій, безотчетнаго страха и жуткихъ ожиданій чего-то ужаснаго и неотвратимаго.

Всѣ въ домѣ испытывали болѣе или менѣе то же самое чувство, и тѣ, что знали, въ чемъ дѣло, и тѣ, которымъ, какъ Мартѣ, только часть истины была открыта, и тѣ, которымъ ровно ничего не было извѣстно; всѣ ходили растерянные, подолгу забываясь въ праздныхъ размышленіяхъ о томъ, что съ ними будетъ, когда все рухнетъ, и, не отдавая себѣ отчета, въ чемъ именно будетъ состоять грозящая имъ катастрофа, всѣ были убѣждены, что никому отъ послѣдствій ея не спастись.

Гувернеръ съ гувернанткой перешептывались между собой о новыхъ мѣстахъ, которыя имъ легко было бы найдти въ лучшихъ домахъ города. Марья Леонтьевна молчала и молилась усерднѣе обыкновеннаго; старшіе слуги съ Михаиломъ Ивановичемъ во главѣ теряли энергію, бдительность ихъ со дня на день ослабѣвала, и дворня, не чувствуя больше надъ собою прежней узды, вольничала напропалую.

— И чтой-то онъ такъ долго барыню съ дѣтьми на дачу не отправляетъ,—говорила Маланья мужу, когда онъ ей описывалъ неурядицу, царившую у нихъ въ домѣ.

— Сняться бы имъ всѣмъ скорѣе съ мѣста да вояжъ себѣ какой ни на есть подальше устроить: самое разлюбезное было бы таперича для всѣхъ дѣло.

— Велѣлъ на дачу сбираться. Въ субботу люди выѣзжаютъ, а въ воскресенье барыня съ дѣтьми, съ барышней, мусью и мадамой.

— А самъ-то?

— Самъ въ городѣ остается. Сидитъ таперича по цѣлымъ днямъ запершись въ кабинетѣ, никого не велитъ къ себѣ пущать. И, по всему видать, не здоровится ему, вчера за дохтуромъ посылалъ.

Маланья нахмурилась.

— Нашелъ время хворать, нечего сказать,—проворчала она сквозь зубы.

— Скрываетъ про нездоровье-то. Не велѣлъ ни барынѣ, ни барышнѣ сказывать, что лекарство пьетъ. Барышня вечоръ допытывалась у меня про него. Бросьте, говорю, сударыня, папенька

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разгнѣваются, коль узнаютъ, что вы изволите про нихъ разспрашивать. Они важными дѣлами заняты и не желаютъ, чтобъ ихъ безпокоили. Ну, а барыня, та еще ни о чемъ не догадывается.

— Гдѣ такой курышкѣ догадаться,—презрительно усмѣхнулась Маланья.

То, что происходило въ домѣ барина, такъ страстно интересовало ее, что она съ бранью накидывалась на мужа, когда онъ долго не являлся къ ней съ донесеніями.

— Да пойми же ты, болванъ эдакій, что мнѣ все до крошечки надо теперь про него знать,—повторяла она мужу.

Когда такъ случалось, что Михаилу Ивановичу два-три дня не удавалось выбрать свободную минуту, чтобъ прибѣжать на Мѣщанскую, она выходила изъ терпѣнія и посылала за нимъ прислугу.

Дѣтей своихъ она давно отправила на дачу, а сама только и жила, что мыслями объ Александрѣ Васильевичѣ да о пакостяхъ, происходившихъ въ подмосковной, откуда по временамъ и на Мѣщанскую заносились вѣсти. Каждый разъ, когда пріѣзжали оттуда съ донесеніями отъ управителя, баринъ, выслушавъ докладъ, препровождалъ докладчика къ Маланьѣ, но самъ онъ до сихъ поръ не изъявлялъ желанія съ нею перетолковать, и ей волей-неволей приходилось покоряться его капризу.

Прошло еще недѣли двѣ, пыльныхъ и душныхъ, въ опустѣвшемъ Петербургѣ.

Александръ Васильевичъ ужъ полтора мѣсяца какъ жилъ одинъ одинешенекъ въ своемъ городскомъ домѣ, а Маланья томилась жгучимъ любопытствомъ и тревогой за десять минутъ ходьбы отъ него, какъ вдругъ случилось обстоятельство, заставившее ее рѣшиться на отчаянную мѣру. Черезъ квартальнаго, съ которымъ, какъ предусмотрительная хозяйка, она водила знакомство ужъ давно, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась домовладѣлицей, Маланьѣ стало извѣстно, что въ полиціи наводятъ объ ней справки.

Справлялись про нее въ кварталѣ про то, куда она ходитъ и кто у нихъ бываетъ, не получаетъ ли она писемъ съ почты, да не останавливаются ли у нихъ пріѣзжіе изъ провинціи.

— У насъ извѣстно, что супругъ вашъ при господинѣ Воротынцевѣ довѣреннымъ камердинеромъ состоитъ, а на господина Воротынцева былъ доносъ, и слѣдствіе производится. Надо такъ полагать, что и васъ съ супругомъ вашимъ по этому дѣлу будутъ допрашивать,—объяснялъ квартальный, сидя въ зальцѣ за накрытымъ столомъ, уставленнымъ водками, наливками и закусками.

— Пусть допрашиваютъ, за нашимъ бариномъ иныхъ поступковъ, кромѣ самыхъ что ни на есть благородныхъ, ничего не откроется. Его государь императоръ лично знаетъ, онъ во дворецъ вхожъ, богатствомъ да знатностью съ кѣмъ угодно потягаться можетъ,—надменно возразила Маланья, съ достоинствомъ выпрямляясь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Тэкъ-съ, очинно можетъ быть-съ. Я васъ только, значитъ, предупредить желалъ, по знакомству, значитъ. Уваженіе вамъ желалъ оказать, а что до прочаго, какъ считаете для себя пользительнѣе, такъ и поступайте,—сдержанно возразилъ квартальный, принимаясь за горячій пирогъ съ сигомъ, который поставила передъ нимъ кухарка.

Маланья подумала, что фордыбачиться ей передъ нимъ не слѣдъ, и, перемѣнивъ тонъ, поблагодарила за участіе.

— Скажу вамъ, Семенъ Николаевичъ, что и съ нашей стороны, чѣмъ только въ силахъ, завсегда будемъ за честь считать вамъ всякое удовольствіе предоставить. Вотъ у насъ таперича въ Царскомъ ягоды въ садикѣ поспѣли, малины да черной смородины такая прорва, дѣвать некуда, если супруга ваша не побрезгуетъ, я прикажу имъ варенья наварить, сколько пожелаютъ.

Прояснилось лице и у квартальнаго при этихъ словахъ.

— Премного обяжете-съ. Супруга моя хотѣла даже васъ объ этомъ просить.

— Съ превеликимъ нашимъ удовольствіемъ, сколько пожелаете, столько и наваримъ. На меду ли съ патокой, на сахарѣ ли, намъ все это можно.

— Благодаримъ покорно. Если еще что узнаю, той же минутой почту за удовольствіе вамъ попріятельски сообщить.

— Сдѣлайте ваше одолженіе.

Послѣ этого разговора Маланья мѣста себѣ весь день не могла найти, ходила изъ угла въ уголъ, какъ потерянная, безпрестанно подходя то къ одному окну, то къ другому, чтобъ посмотрѣть, не видать ли ея мужа.

Но онъ не шелъ. Наступилъ вечеръ, на сосѣдней каланчѣ пробило девять, а его все не было. Ждать дольше она была не въ силахъ и рѣшила сама къ нему пойдти.

Очень можетъ быть, что ему нельзя отлучиться отъ дому; можетъ быть, барину занедужилось или другое что случилось, и тогда, если даже и дѣвку за нимъ послать, онъ не придетъ.

Надо самой къ нему отправиться; вызвать его, хоть въ сѣни, что ли, и разсказать о случившемся. Пусть барину доложитъ. Ей надо знать, какъ отвѣчать на допросѣ. Если у нея съ Александромъ Васильевичемъ въ разбивку пойдетъ — бѣда!

Съ минуты на минуту тревога ея усиливалась. Опасность казалась совсѣмъ близкой. За нею могутъ прислать изъ полиціи завтра и даже сегодня ночью.

Квартальный обѣщалъ предупредить, но развѣ можно на него полагаться: онъ, можетъ, нарочно вретъ, притворяется другомъ, чтобъ выпытать отъ нея то, чего она не хочетъ сказать. Этого-то ему не добиться, разумѣется, не на таковскую напалъ; она себя знаетъ, хоть жилы изъ нея тяни, ни слова лишняго не проронитъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Надо, чтобъ и Александръ Васильевичъ это зналъ.

Она надѣла на голову большой темный платокъ, подколола его подъ подбородкомъ толстой булавкой и вышла на улицу.

Народу ей встрѣчалось мало. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, какъ теперь, такъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, всякій, кто могъ, выѣзжалъ изъ Петербурга, оставляя дома и квартиры на попеченіе довѣренныхъ слугъ. Передъ запертыми воротами, то тутъ, то тамъ, люди изъ дворни, собравшись въ кучки, сидѣли на лавочкахъ и беззаботно гуторили промежъ себя. Кое-гдѣ раздавалась пѣсня, тягучіе звуки гармоники и раскатистый смѣхъ. Было пыльно, душно и свѣтлѣе, чѣмъ днемъ въ ноябрѣ, но тоскливымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ петербургскихъ лѣтнихъ ночей.

Обычнаго оживленія не ожидала встрѣтить Маланья и въ домѣ Воротынцевыхъ; черезъ мужа ей ужъ давно было извѣстно, что, проводивъ семью на дачу, Александръ Васильевичъ жилъ затворникомъ, никого не принималъ и почти не выходилъ изъ своей половины, обращенной окнами въ садъ; все это она знала, но, тѣмъ не менѣе, когда она вошла во дворъ (черезъ калитку, ворота были заперты), запустѣніе, царившее здѣсь, непріятно поразило ее.

Не встрѣтивъ ни души, прошла она мимо параднаго подъѣзда и поросшей сорными травами клумбы съ изсякшимъ фонтаномъ и, когда, обогнувъ домъ, заглянула въ ту сторону, гдѣ были людскія, она увидала толпу дворовыхъ у старой бани, въ концѣ заросшаго травой пустыря съ колодцемъ посреди.

Компанія весело проводила время. Кто-то наяривалъ на балалайкѣ, казачки играли въ бабки, дѣвки съ парнями распѣвали деревенскія пѣсни.

Искать въ этой толпѣ такую важную особу, какъ Михаилъ Ивановичъ, не стоило труда, онъ не могъ принимать участіе въ забавахъ подобнаго рода, и, не долго думая, Маланья проникла черезъ черный ходъ въ домъ, поднялась по лѣстницѣ съ крутыми, истертыми ступенями, въ свѣтлыя сѣни, гдѣ тоже никого не было, и прошла во внутреннія комнаты.

Тутъ тоже — всѣ двери настежъ и никого.

Порядки!

Баринъ, вѣрно, прокатиться или въ гости уѣхалъ, а Мишка, чего добраго, спать завалился или на Мѣщанскую побѣжалъ.

Но какъ же было оставить домъ незапертымъ, не приказать хоть одному изъ казачковъ въ прихожей сидѣть? Долго ли кому нибудь съ улицы сюда залѣзть! Грабь, сколько душѣ угодно, сдѣлай одолженіе.

А грабить есть что, слава Богу! — размышляла Маланья, продолжая свое странствованіе по опустѣлымъ комнатамъ, съ мебелью и люстрами, окутанными въ чехлы, и машинально останавливаясь передъ знакомыми портретами и картинами.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Многіе изъ нихъ были вывезены изъ Воротыновки, и она еще въ дѣтствѣ любовалась ими вмѣстѣ съ барышней Марѳой Дмитріевной.

Сама того не замѣчая, дошла она до коридора, примыкавшаго къ бариновой половинѣ, и тутъ неожиданно увидала мужа.

Онъ выходилъ изъ буфетной съ чайнымъ приборомъ на серебряномъ подносѣ въ рукахъ, и встрѣча съ женой такъ его изумила, что онъ чуть было не выронилъ своей ноши.

— Малашенька!—вырвалось у него сдавленное восклицаніе.— Какъ ты сюда попала?

— Баринъ дома?—спросила она шепотомъ, кивая на дверь въ кабинетъ.

— Дома, дома. Что это тебѣ вздумалось? Боже сохрани, онъ тебя увидитъ...

— Не учи, сама знаю, что дѣлать, не маленькая,—оборвала она его на полусловѣ.

И, распахивая передъ нимъ дверь, чтобъ ему удобнѣе было пройти съ подносомъ, она прибавила все тѣмъ же отрывистымъ и повелительнымъ шепотомъ: —Неси ему чай, да выходи сюда скорѣе.

Онъ безпрекословно повиновался.

Баринъ сидѣлъ въ спальнѣ, на креслѣ, у окна, растворенаго въ садъ.

Изъ коридора черезъ отпертую дверь, у которой остановилась Маланья, его отлично было видно; на немъ былъ домашній костюмъ: шелковый коричневый бешметъ съ серебряными съ чернью пуговицами, надѣтый прямо на сорочку. Онъ держалъ въ одной рукѣ книгу, а другою пощипывалъ привычнымъ жестомъ сѣдѣющія бакенбарды. Появленіе камердинера съ подносомъ не заставило его оторвать глаза отъ книги, но Маланья подумала, что онъ только притворяется, что читаетъ: свѣтъ изъ окна съ трудомъ пробивался сюда сквозь деревья, ростущія у самыхъ оконъ, и разобрать самую крупную печать было бы трудно.

Маланья нашла въ немъ большую перемѣну съ зимы. Послѣдній разъ она любовалась имъ у обѣдни въ Казанскомъ соборѣ. Какимъ онъ былъ молодцомъ тогда! Точно десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ: такъ онъ осунулся и постарѣлъ.

Неужели анаѳемское дѣло его такъ состарило? Не совсѣмъ онъ, значитъ, покоенъ насчетъ его исхода.

Ей жутко стало при этомъ предположеніи.

«Надо съ нимъ перетолковать»,—повторяла она себѣ съ еще большей увѣренностью, чѣмъ прежде,—«надо съ нимъ перетолковать».

И мысли съ такой быстротой зароились въ ея мозгу, что она ни на одной изъ нихъ не могла остановиться.

«Онъ одинъ, совсѣмъ одинъ... выслать Мишку, чтобъ караулилъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ корридорѣ, и можно будетъ все ему высказать... и заставить его выслушать до конца... Пора! вѣдь для его же пользы... Когда онъ все узнаетъ, ему удобнѣе будетъ дѣйствовать... Другаго такого случая переговорить съ нимъ наединѣ не представится... Неужели имъ не воспользоваться? Да это было бы ужъ совсѣмъ глупо»...

Поставивъ подносъ на столикъ возлѣ бюро, Михаилъ Ивановичъ торопливо возвращался назадъ, какъ вдругъ голосъ барина, рѣзко прозвучавшій среди тишины, заставилъ его остановиться на полпути.

— Мишка, свѣчей!

Камердинеръ сталъ искать въ карманахъ сѣрнички, чтобъ зажечь восковыя свѣчи подъ тафтянымъ абажуромъ, стоявшія на бюро, а тѣмъ временемъ Маланья неслышно прошмыгнула позади его черезъ кабинетъ, и, когда онъ вошелъ съ зажженными свѣчами въ спальню, она ужъ стояла передъ бариномъ.

— Не извольте гнѣваться, сударь, а только мнѣ ужъ не втерпежъ дольше молчать... Какъ вашей милости будетъ угодно меня наказать, такъ и накажите, а только выслушайте сперва... должна я вамъ сказать... приказаніе ваше выслушать, — лепетала она торопливо и безсвязно, въ страхѣ, что ее тотчасъ вонъ выгонятъ. — Сегодня узнала я отъ квартальнаго, что обо мнѣ черезъ полицію справляются и что насъ съ Михайлой допрашивать будутъ по тому дѣлу, — продолжала она, слегка озадаченная молчаніемъ барина, — что вы изволите приказать, то мы и скажемъ, потому я... какъ раба ваша, и вашими благодѣяніями сверхъ мѣры мы съ Михайлой осыпаны, значитъ...

Онъ сдѣлалъ рукой знакъ, который она приняла за приказаніе смолкнуть, и, оборвавъ рѣчь на полусловѣ, стала ждать возраженій.

Но Александръ Васильевичъ какъ будто забылъ объ ея присутствіи: такъ углубился онъ въ чтеніе лежавшей передъ нимъ книги.

Вблизи онъ показался ей еще старообразнѣе, чѣмъ издали. Около губъ образовалась складка, которой прежде не было, высокій лобъ былъ изборожденъ тонкими морщинами, но, что всего больнѣе поразило ее, это желтизна его кожи, точно покойникъ.

Сердце ея разрывалось отъ жалости къ нему. Ей хотѣлось броситься передъ нимъ на колѣни и, кланяясь ему въ ноги, умолять его позволить ей все взять на себя, все, все...

Но она слишкомъ хорошо его знала, чтобъ осмѣлиться на такой порывъ. Онъ никогда, ни при какомъ случаѣ, не позволитъ холопкѣ забыться передъ нимъ, даже если-бъ дѣло шло о спасеніи ему жизни. И, сдавивъ въ груди чувства, душившія ее, она почтительно повторила:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не извольте на меня гнѣваться, сударь, но я осмѣлюсь вамъ доложить, что безпокоиться вамъ не объ чемъ; во всемъ, что случилось, я одна виновата. Вашей милости ничего не было извѣстно про ребеночка, что онъ живымъ родился. Я же самовольно распорядилась въ воспитательный его свезть. Ваше дѣло тутъ сторона. Вы въ то время въ Петербургѣ на службѣ были, а я тамъ, въ Яблочкахъ, вдвоемъ съ управителемъ, орудовала. Никакихъ отъ вашей милости распоряженій не было на этотъ счетъ, значитъ, я одна только и буду въ отвѣтѣ, если что... Управитель умеръ, теперича, стало быть, съ одной только меня надо взыскивать,— продолжала она, постепенно одушевляясь, ободренная терпѣливымъ молчаніемъ своего слушателя. — Я и на допросѣ такъ покажу, что отъ вашей милости, окромя приказаній беречь Марѳу Дмитріевну...

Ее опять прервали...

— Разскажи мнѣ про нее... какъ она тамъ, въ Воротыновкѣ, послѣ моего отъѣзда... и потомъ въ Яблочкахъ... разскажи мнѣ, какъ она умирала, я хочу знать,—вымолвилъ угрюмо Александръ Васильевичъ, отвертывая свое лицо отъ ея пытливаго взгляда.

Долго, болѣе двухъ часовъ длился разсказъ Маланьи. Все заставилъ ее вспомнить баринъ, всѣ подробности нравственной пытки, кончившейся преждевременною смертью несчастней Марѳиньки.

А Михаилъ Ивановичъ тѣмъ временемъ мотался взадъ и впередъ по корридору, не помня себя отъ тоски и страха.

Когда, наконецъ, жена его вышла изъ кабинета, лице у нея было такое сердитое, что онъ не посмѣлъ ничего спросить и дошелъ съ нею до воротъ молча.

И Маланья тоже не разжимала рта; но, когда онъ послѣдовалъ за нею на улицу, она строго приказала ему идти назадъ, при чемъ разразилась цѣлымъ потокомъ упрековъ.

— Куда тащишься? Баринъ одинъ во всемъ домѣ, а онъ, наколодикось, променажъ себѣ по улицамъ разрѣшаетъ! Безъ спросу! Да гдѣ у тебя совѣсть-то? На что похоже, какъ у васъ въ домѣ народъ-то распущенъ, срамота! Баринъ дома изволитъ быть, а казачки на заднемъ дворѣ въ бабки балуются, дѣвки, точно на деревнѣ, пѣсни играютъ въ двухъ шагахъ отъ господскаго дома. Всѣ комнаты я обошла, ни одной живой души не встрѣтила. Эхъ, подтянуть-то васъ, шельмецовъ, некому! Баринъ хвораетъ, дохтуръ ѣздитъ, лекарства прописываетъ, — передразнивала она, въ порывѣ негодованія, мужа:—какъ тутъ не захворать при такихъ порядкахъ! Да онъ у васъ и помретъ, такъ никто не замѣтитъ.

Вообще съ этого дня Маланья совсѣмъ явно перешла на сторону барина, и никому въ мірѣ не позволяла слова пикнуть противъ него.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Съ мужемъ же она стала обращаться еще пренебрежительнѣе и придирчивѣе прежняго, не давала ему ни въ чемъ выражать своего мнѣнія и еще строже требовала, чтобъ онъ отдавалъ ей отчетъ обо всемъ, что происходило въ домѣ.

Въ концѣ іюля Александръ Васильевичъ собрался ѣхать въ имѣніе своей жены на югъ Россіи; наканунѣ отъѣзда послалъ за Маланьей и имѣлъ съ нею продолжительный разговоръ; а когда, мѣсяца полтора спустя, онъ вернулся назадъ, она явилась къ нему въ тотъ же день, прежде чѣмъ онъ успѣлъ съѣздить въ Царское повидаться съ женой и дѣтьми.

— Что новаго?—спросилъ онъ у нея, улыбаясь при этомъ той ироническої усмѣшкой, подъ которой онъ скрывалъ тревогу, грызущую ему сердце.

Она стала жаловаться на дѣйствія его повѣреннаго, чиновника при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по фамиліи Трофимова, который, по ея словамъ, совсѣмъ беззаботно относится къ дѣлу и только даромъ деньги беретъ.

— Былъ здѣсь прокуроръ изъ Тулы: барышню свою въ пенсіонъ къ француженкѣ помѣстилъ. Про слѣдствіе, что въ Яблочкахъ производится, господину министру докладывалъ, а Трофимову это и по сихъ поръ неизвѣстно. Извольте-ка у него объ этомъ сами спросить, вотъ увидите, что я вамъ истинную правду докладываю.

— А тебѣ откуда это извѣстно? — полюбопытствовалъ баринъ.

— Когда нужно, такъ все узнаешь,—сдержанно отвѣчала она.

— А изъ полиціи ничего не было?

— Ничего-съ. Да оттуда еще не скоро будетъ. Хлопочутъ тамъ таперича, чтобъ дозволили могилу разрыть.

— Ну, и пусть разрываютъ, — съ раздраженіемъ объявилъ Александръ Васильевичъ и, поднявшись съ мѣста, сталъ большими шагами прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ.

Онъ былъ такъ счастливъ послѣднія шесть недѣль, когда ничего не слышалъ про это несчастное дѣло!

Теперь опять началась его пытка.

— Отъ кого у тебя эти свѣдѣнія? — спросилъ онъ отрывисто, останавливаясь передъ Маланьей и пристальнымъ, пытливымъ взглядомъ заглядывая ей въ глаза.

— Не извольте сумлѣваться, человѣкъ вѣрный-съ,— отвѣчала она уклончиво.

— Имя его?—повторилъ онъ настойчиво.

— Гусевъ-съ, Иванъ Степанычъ.

Воротынцевъ измѣнился въ лицѣ.

— Гусевъ?— повторилъ онъ, сдвигая брови: — да вѣдь и того тамъ, въ Яблочкахъ, такъ зовутъ.

— Это его братъ-съ. Не извольте безпокоиться, этотъ за насъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

этому выгоднѣе быть за насъ. Ему черезъ брата все до крошечки извѣстно, что тамъ дѣлается; онъ завсегда предупредить можетъ.

— Какимъ манеромъ ты съ нимъ познакомилась?

— Да мы его завсегда знали. Тульскіе вѣдь они. Сколько разъ въ Яблочки пріѣзжали оба съ братомъ. А Иванъ Степанычъ, тотъ неподалеку отъ насъ домикъ себѣ въ позапрошломъ году выстроилъ, сосѣдями мы таперича. Весной какъ-то онъ къ намъ зашелъ и сталъ про наше дѣло словечки закидывать, что онъ, молъ, тутъ не при чемъ и за брата не отвѣтчикъ.

— Вралъ, можетъ быть, чтобъ выпытать изъ тебя что нибудь.

— Чего ему выпытывать, когда ему все извѣстно,—возразила Маланья.

— Какъ это все?—переспросилъ онъ въ испугѣ.

— Да вы не извольте безпокоиться,—поспѣшила она заявить:— ваше дѣло тутъ сторона и, если до чего дойдетъ...

— Да я и не безпокоюсь вовсе,— съ раздраженіемъ прервалъ ее баринъ: — все это вздоръ и, кромѣ какъ пустяками, ничѣмъ не кончится. Ну, не найдутъ костей ребенка въ гробу, такъ что-жъ изъ этого? — продолжалъ онъ, снова принимаясь расхаживать въ волненіи по комнатѣ. — Почемъ я знаю, кто его оттуда вытащилъ?

— Я тоже говорю-съ,—подтвердила Маланья.

— Меня тамъ и не было, когда она умерла и ее хоронили,— горячился онъ, не вслушиваясь въ ея слова.— И, наконецъ, надо еще доказать, что онъ былъ живъ!

— Никакихъ приказаній отъ вашей милости намъ на этотъ счетъ не было,— съ твердостью и знаменательно отчеканивая слова, произнесла Маланья.

Но онъ продолжалъ разсуждать вслухъ съ самимъ собой, не поднимая на нее глазъ и точно забывая объ ея присутствіи.

— Надо доказать, что онъ живъ... А какъ это доказать? Гдѣ его найти? Ихъ туда каждый день десятками подбрасываютъ... Въ двадцать-то лѣтъ ихъ тамъ тысячи перебывало... тысячи перемерло... тысячи разбрелись по всей землѣ Русской, безъ имени, безъ... Да это все равно, какъ если-бъ кто вздумалъ искать булавку на днѣ морскомъ!..

И вдругъ онъ поблѣднѣлъ подъ впечатлѣніемъ неожиданной мысли, блеснувшей у него въ умѣ, и, остановившись передъ своей слушательницей, дрогнувшимъ голосомъ и съ усиліемъ произнося слова, спросилъ:

— Тамъ номера выдаютъ... ты уничтожила, конечно?

Она смутилась, опустила голову и прошептала чуть слышно, что номера у нея нѣтъ.

Уклончивость такого отвѣта не могла ускользнуть отъ Александра Васильевича, но настаивать онъ не сталъ. Потому ли, что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ему было слишкомъ тяжело распространяться по этому предмету, или потому, что въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что не стоитъ безпокоить себя подробностями на счетъ того, какимъ именно образомъ свершится то, что неминуемо должно свершиться такъ или иначе, но онъ отпустилъ Маланью, не выяснивъ вопроса о номерѣ, подъ которымъ ребенокъ его былъ записанъ въ воспитательномъ домѣ.

Бумажку съ номеромъ, выданную ей тамъ, Маланья впопыхахъ сунула въ карманъ, а потомъ, когда, нѣсколько дней спустя, она про нее вспомнила, найти ее не могла.

Отвозила она ребенка въ Москву не одна, съ нею ѣздила Лапшиха. У Маланьи морозъ подиралъ по кожѣ, когда она вспоминала подробности этой поѣздки, про разспросы Лапшихи, и какъ она интересовалась узнать: можно ли впослѣдствіи розыскать ребенка, отданнаго въ воспитательный домъ, или онъ ужъ пропалъ для матери навѣки? Очень можетъ быть, что сама же Маланья сказала ей про бумажку съ номеромъ, и что Лапшиха украла у нея эту бумажку.

А, кромѣ того, Гусевъ говорилъ ей про какую-то пеленку съ вышитымъ вензелемъ, про которую упомянуто въ слѣдствіи, а также о золотомъ крестикѣ съ буквами и годомъ и о колечкѣ съ драгоцѣннымъ камнемъ.

Правда, креста, снятаго съ себя и надѣтаго на ребенка умирающею матерью, Маланья снять съ него не рѣшилась. Не догадалась она также подмѣнить тряпкой безъ мѣтки батистовую простынку съ вензелемъ и гербомъ Воротынцевыхъ.

Тамъ, въ Яблочкахъ, остался цѣлый сундукъ съ дѣтскимъ бѣльемъ, сшитымъ и намѣченнымъ покойницей Марѳой Дмитріевной. Времени у нея было много послѣ того, какъ мужъ ее покинулъ, и она коротала длинные часы уединенія приготовленіемъ приданаго ожидаемому ребенку. Она и тогда, когда ее привезли въ подмосковную, продолжала этимъ заниматься, до тѣхъ поръ, пока не стала въ умѣ мѣшаться отъ тоски и страха.

А колечко, должно быть, то самое, что̀ покойница Марѳа Григорьевна подарила Марѳинькѣ въ день ея именинъ, за годъ до своей смерти. Ѳедосья Ивановна говорила тогда, что колечко это старая барыня сняла съ той, что умерла въ Гнѣздѣ, передъ тѣмъ, какъ въ гробъ ее стали класть.

Марѳинька не разставалась съ этимъ колечкомъ. Маланья его видѣла у нея на пальцѣ, за день до ея смерти. Оно ей было такъ широко, что часто спадывало. На мертвой его ужъ не было но Маланьѣ было тогда не до того, чтобы заботиться о томъ, куда оно дѣлось. У нея было столько хлопотъ, она натерпѣлась такого горя и страха за послѣдніе пять мѣсяцевъ, что если-бъ не боязнь быть засѣченной до смерти, какъ тетка ея Ѳедосья

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ивановна, или что ее сошлютъ въ степную деревню и отдадутъ тамъ замужъ за лядащаго мужиченку, она давно отказалась бы отъ опасной и гнусной роли тюремщицы, на которую, зная ея любовь къ красивому баринову камединеру, обрекъ ее Воротыновскій управитель.

Особенно тяжела сдѣлалась ея доля, когда Марѳинька стала отъ тоски и отчаянья въ умѣ мѣшаться, никого не узнавала, и надо было стеречь ее день и ночь, чтобъ бѣдъ не надѣлала. Тутъ ужъ Маланьѣ подчасъ подходило такъ жутко, что если-бъ послѣ родовъ несчастная Марѳинька не померла, тюремщица сама бы на себя наложила руки: вотъ въ какомъ она была разстройствѣ.

Очень можетъ быть, что именно этому обстоятельству новорожденный и обязанъ былъ тѣмъ, что остался въ живыхъ послѣ смерти матери.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. А. НЕКРАСОВѢ.

I.

ВЪ БЫТНОСТЬ мою въ Петербургѣ, въ январѣ 1891 года, мнѣ понадобилось навѣстить нѣсколько редакцій, гдѣ я сотрудничалъ. Чтобы не пропустить пріемныхъ часовъ, я взялъ извозчика. Сначала я не обратилъ никакого вниманія на моего возницу, но когда я выходилъ изъ подъѣзда уже третьей и послѣдней редакціи, извозчикъ, широкоплечій мужикъ, поворотилъ ко мнѣ сѣдобородое, но румяное лице и, многозначительно сощуривъ хитрые сѣрые глаза, спросилъ:

— Изъ сотрудниковъ будете, баринъ?

— Да...

— За ганараромъ, или со статьей?

— И за деньгами, и вотъ въ эту редакцію статью отдалъ. Поѣзжай, пожалуйста, на Сергіевскую.

Извозчикъ тронулъ свою сытую, недурную лошадь, и она побѣжала «хозяйской» рысцой. Извозчикъ опять повернулся ко мнѣ.

— Барину не удивительно, что я редакціонные порядки знаю?

— Вѣроятно, ты служилъ въ какой нибудь редакціи?

— Никакъ нѣтъ-съ. Восемь лѣтъ кучеромъ прослужилъ у Николая Алексѣевича Некрасова!

Извозчикъ пристально посмотрѣлъ на меня.

Сколько горделивой снисходительности было въ его взглядѣ! Онъ совсѣмъ повернулся ко мнѣ. Лошадь пошла шагомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Не ожидая вопросовъ, онъ началъ:

— Нанятъ къ Николаю Алексѣевичу я былъ сначала охотникомъ, при его охотѣ въ Чудовѣ состоять, но только я тамъ и года не выжилъ. Такой случай произошелъ, что Николай Алексѣевичъ пересталъ эту охоту держать.

— Какой случай?

— Разсказать могу. Слыхали, баринъ, что у Николая Алексѣевича замѣсто супруги (потомъ они, кажется, перевѣнчались) жила одна барышня, Зинаида Николаевна, царствіе ей небесное, покойницѣ!

— Слыхалъ.

— Ну, такъ вотъ черезъ эту самую Зинаиду Николаевну и закрылась наша Чудовская охота. Николай Алексѣевичъ имѣлъ такое обыкновеніе: какъ сильно проиграется въ своемъ клубѣ, такъ сейчасъ въ Чудово съ Зинаидой Николаевной на охоту. Она вѣдь тоже охотница была: въ мужскомъ платьѣ верхомъ на лошади на охоту ѣздила. Надѣнетъ это рейтъ-фракъ, брюки въ обтяжку, какъ рейтузы гусарскіе, на голову циммерманъ, волосы подъ шляпу подберетъ,—и узнать нельзя, что женскій полъ. Николай Алексѣевичъ до страсти любилъ ее въ этомъ костюмѣ.

Вотъ разъ, дѣло было лѣтомъ, пріѣзжаютъ они въ Чудово и, только позавтракали, сейчасъ чтобы на охоту собираться. Подали имъ верховыхъ лошадей. Выходятъ они на крыльцо, а любимая собака Николая Алексѣевича, Альфа, чуть съ ногъ не сбиваетъ и Николая Алексѣевича, и Зинаиду Николаевну. При Чудовской охотѣ было много собакъ, и хорошихъ собакъ, но Альфа находилась безотлучно при Николаѣ Алексѣевичѣ. Любилъ онъ ее, какъ любить собаку, быть можетъ, и не слѣдовало. Обыкновенная лягавая собака, сѣрая съ черными пятнами и съ ушами черными. Однако, понятливая, какъ человѣкъ, и самой высокой охотничьей дрессировки.

Сѣли они это на лошадей. Николай Алексѣевичъ стремя подержалъ Зинаидѣ Николаевнѣ и какой-то стихъ съ усмѣшкой прочиталъ, а я самого Николая Алексѣевича въ сѣдло посадилъ. Зинаида Николаевна чуть не съ мѣста въ галопъ свою лошадь подняла, Николай Алексѣевичъ, согнувшись, за ней еле поспѣваетъ. Я за ними, съ ружьями и припасами, въ американкѣ, слѣдомъ ѣду, слышу, смѣются оба, веселые, довольные. Послѣ лѣтняго Петербурга со штукатуркой да прочей ремонтной вонью Зинаида Николаевна каждой травкѣ радуется, каждому деревцу, и на все хлыстикомъ своимъ бѣлымъ Николаю Алексѣевичу показываетъ. День чудесный. На болотахъ дичи много. Думаю такъ: получатъ господа мои полное удовольствіе и охотниковъ тоже, по своему благородному обыкновенію, не забудутъ. Всѣмъ хорошо будетъ.

Только пріѣхали мы къ первому болоту, Зинаида Николаевна

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скорѣй съ коня да ко мнѣ за ружьемъ и за патронами. Пока мы Николая Алексѣевича изъ сѣдла вынули, а ужъ она патроны въ ружье свое вложила и бѣгомъ на ту сторону болота, крикнула только: «сейчасъ назадъ», и пропала въ лозникѣ. Говорила она послѣ, что ей показалось, будто тамъ двѣ утки вспорхнули и опять на прежнее мѣсто опустились.

Альфа повертѣлась возлѣ Николая Алексѣевича, повизжала, хвостомъ повиляла, но какъ увидѣла, что Николай Алексѣевичъ на скамеечку возлѣ сторожки присѣлъ да, по своему обыкновенію, со мной и съ другимъ охотникомъ въ бесѣду вступилъ, то она сначала ползкомъ, а потомъ шажкомъ, а потомъ во весь собачій карьеръ маршъ-маршемъ за Зинаидой Николаевной. И до того собака умная была, что, пока шагомъ шла, все оборачивалась, на Николая Алексѣевича посматривала, дескать позови, я останусь, но онъ и вида не подалъ, что ея штуки наблюдаетъ. И только, когда она улепетнула, сказалъ: «измѣнница!». Разговорились мы съ Николаемъ Алексѣевичемъ, скажемъ, какъ съ своимъ братомъ роднымъ, потому что умѣлъ онъ доходить до самаго мелкаго мужичьяго интереса и понималъ его, какъ слѣдуетъ,—вдругъ, слышимъ, выстрѣлъ, а вслѣдъ за нимъ неестественный крикъ Зинаиды Николаевны и доносится пронзительный вой Альфы. Мы всѣ точно приросли къ своимъ мѣстамъ, а Николай Алексѣевичъ побѣлѣлъ, какъ полотно, но тоже молчитъ и прислушивается. За первымъ крикомъ Зинаиды Николаевны воспослѣдовалъ другой, еще громогласнѣй. Альфа воетъ безъ передышки.

— Что вы стоите? Бѣгите! Несите ее! Она себя, навѣрно, подстрѣлила!

Николай Алексѣевичъ встать хотѣлъ и не поднялся, а только весь задрожалъ да ноги протянулъ. Легкій обморокъ съ нимъ приключился. Дали ему стаканъ воды съ виномъ, онъ опамятовался, но, всетаки, на ту сторону болота не пошелъ, а тутъ и охотникъ Семенъ, который бѣгалъ къ Зинаидѣ Николаевнѣ, назадъ прибѣжалъ и доложилъ, что съ Зинаидой Николаевной, благодаренье Богу, все благополучно, но, по нечаянности, ими застрѣлена собака Альфа: зарядъ утиной дроби въ животъ угодилъ. Собака издыхаетъ, а Зинаида Николаевна не знаетъ, что надъ ней дѣлать, платкомъ носовымъ рану зажала и кричитъ благимъ матомъ. Дѣйствительно, крики Зинаиды Николаевны не умолкали, а вой Альфы слышенъ былъ все слабѣй и слабѣй.

Какъ только Николай Алексѣевичъ услыхалъ докладъ Матвѣя, откуда силы взялись, какъ мальчикъ, бросился на ту сторону болота, такъ что мы за нимъ еле поспѣвали. Бѣжитъ онъ по слуху на крики, о настоящей дорогѣ слышать не хочетъ, все платье себѣ въ лознякѣ изодралъ, руки, лице исцарапалъ, однако добѣжалъ и довольно скоро добѣжалъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Зинаида Николаевна на берегу сидитъ, Альфа у нея на колѣняхъ. Бѣлыя лосины ея всѣ въ кровь перепачканы. Альфа чуть дышитъ, однако еще взваиваетъ.

Какъ только увидѣлъ Николай Алексѣевичъ свою Альфу, къ ней бросился, какъ къ человѣку, за морду схватилъ, въ глаза ей смотритъ и, вѣрите или нѣтъ, баринъ, поцѣловалъ онъ ее прямо въ морду нѣсколько разъ и собака его лизнула. Не смотря на Зинаиду Николаевну, переложилъ онъ Альфу къ себѣ на колѣни, обхватилъ обѣими руками, какъ дитя малое, да вдругъ какъ затрясется всѣмъ тѣломъ, да какъ зарыдаетъ, да какъ заголоситъ,— такъ только по деревнямъ кликуши кричатъ. Зинаида Николаевна къ нему бросилась утѣшать: прощенья проситъ, умоляетъ, чтобы онъ убилъ ее за эту собаку, ноги его цалуетъ. Извѣстно, чего женщина съ отчаянія не придумаетъ! Между тѣмъ, онъ ничего не слышитъ. Кричать пересталъ, но слезы по лицу такъ ручьями и катятся. Наконецъ, издохла таки Альфа. Николай Алексѣевичъ ей самъ глаза закрылъ и положилъ возлѣ себя на траву. Воззрился на Зинаиду Николаевну, за плечо ее потрясъ, чтобы она причитать перестала, и говоритъ ей такимъ голосомъ:

— Что ты плачешь, о чемъ убиваешься, въ чемъ прощенья просишь?... Эту собаку ты нечаянно убила, а каждый день гдѣ нибудь на свѣтѣ людей нарочно убиваютъ. Нисколько на тебя не сержусь, но дай свободу тоскѣ моей, я сегодня лучшаго друга лишился.

Съ этими словами онъ всталъ, намъ приказалъ собаку привезти на дачу и тамъ въ садикѣ зарыть ее въ землю, сѣлъ въ американку съ Зинаидой Николаевной, и съ первымъ же поѣздомъ они уѣхали въ Петербургъ. Собаку зарыли въ палисадникѣ и надъ ея, скажемъ, могилой Николай Алексѣевичъ монументъ воздвигъ. Положилъ плиту каменную, или, кажется, даже чугунную, а на той плитѣ приказалъ вырѣзать надпись: «Моему лучшему и единственному другу». Хорошенько не помню всѣхъ остальныхъ словъ. Этой плиты я не видалъ: люди разсказывали. Больше Николай Алексѣевичъ въ Чудово не пріѣзжали. Охота была закрыта, а я попалъ къ нимъ въ кучера.

II.

Мы проѣзжали по Литейной, мимо магазина серебряныхъ и золотыхъ вещей. Мнѣ нужно было купить двѣ-три серебряныя чайныя ложечки. Я остановилъ извозчика. Хозяинъ магазина насмѣшливо посмотрѣлъ на меня, когда я объявилъ ему о своемъ желаніи.

— У насъ не продаются три ложечки, — отвѣчалъ мнѣ этотъ удивительно чисто одѣтый нѣмецъ.

— Почему?—вырвалось у меня невольно.

Нѣмецъ отвернулся отъ меня, какъ отъ круглаго невѣжды въ сторону, и отвѣчалъ съ пренебреженіемъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Три ложечки продаются въ Александровскомъ рынкѣ, а порядочный магазинъ продаетъ дюжинами и въ крайнемъ случаѣ полдюжинами.

Я посмотрѣлъ на бѣдненькія витрины, гдѣ за стекломъ висѣли нейгольдовыя и серебряныя шейныя цѣпочки и сиротливо темнѣлъ подозрительно серебряный маленькій подносикъ. Въ двухъ небольшихъ ящикахъ, на стойкѣ, было много серебряныхъ, а больше никелевыхъ часовъ. Чайныхъ ложечекъ и вообще столоваго серебра, кромѣ вышеупомянутаго подносика, я такъ и не видалъ въ этомъ «порядочномъ» магазинѣ.

— Заказецъ какой получали или починку?—немедленно опросилъ меня любознательный Ѳедоръ. Я разсказалъ ему о своей неудачѣ. Ѳедоръ укоризненно покачалъ головой.

— Эхъ, баринъ, что же вы мнѣ раньше не сказали? Эти нѣмцы, какъ заберутся на Невскій или Литейный, такъ ужъ и не знаютъ, какую цѣну сложить. Объявили бы вы мнѣ о своемъ намѣреніи, я бы васъ въ тотъ магазинъ свезъ, гдѣ Николай Алексѣевичъ всегда серебро, золото да камушки покупалъ. Впрочемъ, время не ушло, да и магазинъ тотъ близко, въ Семіоньевскомъ, прикажете?—Затѣмъ онъ продолжалъ наставительнымъ тономъ:—Николай Алексѣевичъ по всѣмъ предметамъ былъ дока. Онъ только платьемъ да бѣльемъ щеголялъ и заказывалъ ихъ у первѣйшихъ мастеровъ, а на всѣ остальные предметы у него были свои, какъ онъ шутя говорилъ, придворные поставщики. Бѣдный магазинчикъ, небогатая лавочка, и вотъ въ этихъ лавочкахъ или черезъ хозяевъ этихъ лавочекъ, Николай Алексѣевичъ доставалъ себѣ всякій товаръ первѣйшаго сорта. Они ему, бывало, на квартиру приносятъ свои товары. А покупки Николай Алексѣевичъ любилъ дѣлать часто. Какъ выберется у него свободный часъ, другой,—сейчасъ это закладываемъ лошадей, и ѣдемъ деньги проживать, вещи наживать.

Мы подъѣхали къ магазину серебряныхъ и золотыхъ вещей придворнаго поставщика Некрасова. Три ложечки были немедленно свѣшаны и завернуты въ розовую папиросную бумагу. Отдавая деньги, я невольно спросилъ:

— Мнѣ говорили, что покойный Некрасовъ былъ вашимъ постояннымъ покупщикомъ?

— Не-кра-совъ!—вдумчиво повторилъ бѣлобрысый финляндецъ.

— Николай Алексѣевичъ, жилъ въ домѣ Краевскаго, на углу Литейнаго и Бассейной.

— Николай Алексѣичъ!—съ благоговѣніемъ воскликнулъ онъ:—о, это былъ такой покупатель, какихъ теперь нѣтъ! И какой человѣкъ, и какой шутникъ! Какъ только, бывало, онъ пріѣдетъ ко мнѣ въ магазинъ, или я приду въ его квартиру, онъ всегда спрашиваетъ: какая разница между финляндцемъ и русскимъ? Ну, я знаю его шутку, но, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, смѣюсь и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

говорю: «не знаю». Тогда онъ раскроетъ широко глаза: «финляндецъ свободенъ у себя дома и въ Россіи, а русскаго притѣсняютъ въ Финляндіи, а у себя дома онъ боится городоваго». Ну, конечно, я смѣюсь громко, много и долго и платокъ вынимаю, чтобы глаза вытирать, а онъ сидитъ довольный въ своихъ креслахъ, или лежитъ на оттоманкѣ, смотритъ на меня и улыбается. И его супруга всегда были рады, когда я приходилъ, потому что знали, что Николай Алексѣевичъ испытаетъ черезъ меня веселое расположеніе своего духа. О, Николай Алексѣевичъ это былъ настоящій господинъ!

Онъ умолкъ и поднялъ глаза въ потолокъ, какъ бы созерцая тамъ видѣніе «настоящаго господина». Финляндецъ былъ растроганъ, его выцвѣтшіе, голубые глазки смотрѣли печально.

— Что такъ долго засидѣлись?— спросилъ меня Ѳедоръ, когда я вышелъ изъ магазина.

— Обмолвился я о Некрасовѣ, такъ вотъ хозяинъ этого магазина подѣлился со мной своими воспоминаніями о вашемъ покойномъ баринѣ.

— Подѣлился воспоминаніями,—воскликнулъ Ѳедоръ, и невыразимымъ презрѣніемъ зазвучалъ его голосъ:—какія у него воспоминанія, у чухны! Можетъ, не на одну тысячу Николая Алексѣевича нагрѣлъ, вотъ его всѣ воспоминанія! И охота вамъ была, баринъ, въ его паскудной лавчонкѣ (добросовѣстный магазинъ придворнаго поставщика превратился въ паскудную лавчонку) имя покойника упоминать?

Ѳедоръ отвернулся отъ меня и сѣлъ, какъ и слѣдуетъ сидѣть извозчикамъ. Въ досадѣ онъ пріударилъ возжами свою лошадь. Весь Семіоньевскій переулокъ онъ проѣхалъ крупной рысью, не произнеся ни слова.

III.

Когда мы выѣхали на Литейную, я рѣшился прервать молчаніе.

— И согласно они жили?

Лошадь вдругъ пошла шагомъ, хотя, какъ мнѣ показалось, безъ всякаго къ тому понужденія со стороны Ѳедора. Опять я увидѣлъ румяное лице Ѳедора.

— Да, ужъ такъ согласно жили, что и разсказать нельзя. Я, разумѣется, въ комнаты рѣдко хаживалъ, но вѣдь отъ лакеевъ да горничныхъ не спрячешься. Да и не мудрено, что у нихъ миръ семейный не нарушался: вѣдь изъ-за чего между мужемъ и женой ссоры да споры бываютъ? Каждый хочетъ на своемъ поставить, одинъ другаго покорить хочетъ. Зинаида же Николаевна смотрѣла на Николая Алексѣевича не просто, какъ на мужа, а какъ на существо не земное; стихи его всѣ на память знала. Этими стихами онъ ее въ полонъ взялъ. Она еще съ дѣтства всѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его пѣсни твердила. Ну, а какъ познакомилась, да онъ ее своей лаской пригрѣлъ,—у нея только и свѣта было, что Николай Алексѣевичъ. Впрочемъ, нѣтъ, бывали и у нихъ споры. Николай Алексѣевичъ часто сердился, что Зинаида Николаевна все дома сидитъ. Она, дѣйствительно, безъ него шага изъ квартиры не дѣлала. Ужъ какъ онъ ни старался, на концерты, вечера, въ театры, цирки, билеты ей представлялъ, но только ничего этимъ не достигъ. Первое время она изъ страха, чтобъ не пропали деньги, за билеты плоченныя, ѣздила на концерты, но какъ ѣздила! Повезу ее хотя бы въ Дворянское, гдѣ даетъ концертъ первая, можетъ быть, во всемъ мірѣ пѣвица,—Зинаида Николаевна четверть часика посидитъ, да и назадъ. Ну, на другой день Николай Алексѣевичъ ее разспрашиваетъ, она ему ничего толкомъ отвѣтить не можетъ. Пуститься же на ложь или, скажемъ, выдумку женскую она не умѣла. Вспылитъ нашъ Николай Алексѣевичъ, кричитъ: это все фантазіи, молодое существо не можетъ выносить добровольнаго одиночества! Это ты на себя какую нибудь эпитимію дурацкую наложила, признайся!

Молчитъ она все время, пока онъ кипятится, но какъ простынетъ Николай Алексѣевичъ немножко, она его руку возьметъ, поцѣлуетъ и отвѣчаетъ ему: «Самъ посуди, Николай Алексѣевичъ, какъ я могу спокойно сидѣть въ театрѣ или концертѣ, когда у меня всѣ мысли о тебѣ. Ты, можетъ быть, какъ разъ, когда я въ театрѣ сижу, большія деньги въ клубѣ проигрываешь и черезъ это огорченье получаешь, а я въ это время надъ какимъ нибудь шутомъ гороховымъ въ театрѣ смѣюсь. И никакой эпитиміи я на себя не накладывала, но только что же дѣлать, если безъ тебя мнѣ всего спокойнѣе въ одиночествѣ. По крайней мѣрѣ, никто мнѣ не мѣшаетъ думать о тебѣ».

Послѣ такихъ разговоровъ Николай Алексѣевичъ въ клубъ дня два-три не ѣздитъ. Водитъ Зинаиду Николаевну на выставки разныя, катается съ ней по городу. Вотъ въ это время больше всего покупокъ у насъ производилось. Однимъ словомъ старается всѣми средствами Зинаидѣ Николаевнѣ удовольствіе предоставить. Но только больше двухъ-трехъ дней онъ не выдерживалъ, ужъ очень привыкъ къ своему клубу, жить безъ него не могъ.

— Говорятъ, онъ необыкновенно счастливъ былъ въ картахъ?

— Дѣйствительно, счастье онъ имѣлъ большое, но только проигрывался онъ тоже часто и большими кушами. Когда умеръ Николай Алексѣевичъ, послѣ него всѣхъ денегъ тысячъ пять-десять осталось, а вѣдь, если вѣрить сплетнямъ, будто онъ игралъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и всѣхъ обыгрывалъ, да прибавить къ этому доходъ съ его сочиненій, да съ «Отечественныхъ Записокъ», да знать его бережливость, нужно ожидать милліоннаго наслѣдства. По городу такъ и говорили: умретъ Некрасовъ, обнаружится его

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

состояніе, получатъ наслѣдники милліонъ, а то, можетъ быть, и всѣхъ два милліона. Вотъ и умеръ, и обнаружилось. Эхъ, толки людскіе!

Ѳедоръ понурилъ голову. Мы проѣхали нѣсколько шаговъ молча. Мной овладѣла безконечная грусть. Покойный поэтъ достигъ вершины славы. На его стихахъ воспиталось нѣсколько поколѣній, надъ ними проливали слезы. Пренебрегая, можетъ быть, художественной формой, «суровымъ и неуклюжимъ стихомъ», въ которомъ не было, по собственному признанію Некрасова, «свободной поэзіи», онъ будилъ лучшія чувства въ своихъ читателяхъ, — и что же? Произнесите въ любомъ обществѣ его славное имя, и всегда найдется какой нибудь обвинитель, который повторитъ отвратительную клевету о карточной игрѣ Некрасова. Такъ было при жизни поэта, такъ осталось и послѣ его смерти.

Мы уже ѣхали по Сергіевской.

— Не знаю, какъ кто, баринъ, а я про Николая Алексѣевича могу сказать, что это былъ святой человѣкъ. Судите сами, какъ я отъ него отходилъ, онъ ужъ совсѣмъ больной былъ и въ постелѣ лежалъ, такъ онъ мнѣ изъ собственныхъ рукъ своихъ триста рублей денегъ далъ и пару лошадей на мой выборъ. Съ его легкой руки, я извозчичьимъ промысломъ занялся и, могу сказать, живу, не жалуюсь. Жена у меня, двое дѣтей, старшій сынъ въ ремесленномъ училищѣ курсъ кончаетъ. Занимаемъ мы квартиру изъ четырехъ комнатъ съ кухней, конюшней и сараемъ. Двѣ комнаты семейство занимаетъ, а въ двухъ другихъ комнатахъ, тѣхъ, что поменьше, всегда найдется постоялецъ и двадцать рублей мнѣ въ мѣсяцъ платитъ, половину всей квартирной платы. Года полтора тому назадъ жилъ у меня въ этихъ комнатахъ вольнопрактикующій фельдшеръ. Представьте себѣ, баринъ, что онъ не признавалъ стиховъ Некрасова.

— Народный поэтъ у насъ одинъ, — говорилъ онъ: — Кольцовъ, а Николая Алексѣевича сочиненія онъ, прости его Господь, маргариномъ называлъ. Вѣрно, въ газетѣ какой вычиталъ. Газетами онъ до страсти зачитывался и даже къ себѣ на домъ «Петербургскую» выписывалъ.

Мы подъѣхали къ дому, гдѣ я жилъ.

Расплачиваясь съ Ѳедоромъ, я далъ ему денегъ нѣсколько болѣе, чѣмъ бы ему слѣдовало безъ разсказа о Некрасовѣ. Онъ съ жаромъ благодарилъ меня, просилъ «предать гласности» его воспоминанія и предлагалъ мнѣ, «ежели случится ѣзда по часамъ», увѣдомить его по городской почтѣ наканунѣ, онъ, быть можетъ, еще что нибудь «сообразитъ да вспомнитъ о Николаѣ Алексѣевичѣ». Я обѣщалъ исполнить его желаніе, и мы разстались.

Викторъ Бибиковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЧАЙНАЯ РОЗА [1].

XV.

ДНАЖДЫ, въ это время, мнѣ надо было куда-то спѣшно поѣхать. Когда я сходилъ съ лѣстницы, внизу, у швейцара, стоялъ сѣдой совсѣмъ человѣкъ, повидимому, пріѣзжій изъ деревни, — наѣздникъ, кучеръ, садовникъ, вообще бывшій дворовый. Они съ швейцаромъ говорили о чемъ-то и посматривали на верхъ. Когда я поровнялся съ ними, швейцаръ отворилъ мнѣ дверь, а старикъ снялъ фуражку и вытянулся. Я раскланялся, прошелъ въ подъѣздъ, сѣлъ на перваго извозчика и уѣхалъ.

Къ обѣду я вернулся домой. Мнѣ сказали, что меня на кухнѣ дожидается какой-то старикъ.

— Отъ кого?

— Не говоритъ. По дѣлу какому-то. Все разспрашивалъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ, Анатоліи Борисовичѣ, что у насъ бывалъ.

Въ кухнѣ я увидалъ того самаго старика, что стоялъ утромъ внизу со швейцаромъ.

— Что, батюшка, въ чемъ дѣло?—спросилъ я его.

— Позвольте вамъ однимъ доложить...

Я вышелъ изъ кухни въ корридоръ и остановился.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 344.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Большое дѣло-съ,—началъ старикъ.—Ужъ вы извольте лучше откушать, а то долго разсказывать.

— Въ чемъ дѣло-то?

— Да насчетъ Анатолія Борисовича, господина Перцева.

— При чемъ же я-то тутъ?

— Ужъ вы спасите отъ него насъ...

— Кого васъ?

— И Зинаиду Евграфовну и всѣхъ насъ.

Я стоялъ и ничего не понималъ.

— Какую Зинаиду Евграфовну? Отъ чего спасти?

— Зинаиду Евграфовну, госпожу Алябьину... отъ этого самаго Анатолія Борисовича.

— «Алябьину?...Зинаиду Евграфовну?»...—Я началъ смутно припоминать.

— Ну, да... Помню, — сказалъ я. — Онъ-то, Перцевъ-то, при чемъ же тутъ?

— Да они отъискали ее, явились...

— Ну?

— Ну, и начали... Господи, Боже нашъ, жили двадцать слишкомъ лѣтъ тихо, спокойно, благородно, кажется, никому не помѣха, и вдругъ надо же такое несчастіе!..

Мнѣ сперва Богъ знаетъ что пришло въ голову.

— Да вѣдь она же старуха ужъ.

— Въ томъ-то и дѣло-съ.

— Ну, что-жъ я тутъ могу сдѣлать? Ахъ, негодяй какой! Я догадывался... Не зналъ только, къ кому онъ попалъ...

— Да, ужъ человѣчекъ-съ, можно сказать, къ чести ихъ нельзя приписать, — вздыхая и закладывая руки назадъ, сказалъ старикъ,—сказалъ и уставился на меня.

— Я не знаю, что-жъ я могу тутъ сдѣлать?—повторилъ я.

— Я вамъ доложу-съ обо всемъ этомъ. Только это очень долго будетъ разсказывать. Вы извольте кушать сперва, а потомъ если позволите...

— Да вы какъ ко мнѣ-то попали? Почемъ вы знаете, что я его знаю.

— Онъ же намъ все разсказывалъ. И какъ это Григорій Михайловичъ ихъ къ вамъ прислали, и какъ вы имъ мѣсто при министрѣ предоставили...

— При министрѣ? Гм...

— Онъ разсказывалъ...

— Вретъ онъ все.

— Ну, думаемъ, баринъ знакомый; надо къ нему пойдти посовѣтываться. И старуха моя: иди, говоритъ, посовѣтуйся. Вѣдь, мы изъ тѣхъ же мѣстъ, изъ Покровскаго. Васъ-то, сударь, еще вотъ какими знали.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Старикъ показалъ рукой на аршинъ отъ полу, какимъ онъ меня зналъ.

— Хорошо, посидите на кухнѣ,—сказалъ я:—пообѣдаю, я васъ позову, потолкуемъ, вы мнѣ разскажете все...

Я пообѣдалъ, зажегъ въ кабинетѣ лампу, позвалъ старика, усадилъ его въ кресло, и онъ началъ.

XVI.

— Вдругъ они къ намъ явились...

— Позвольте, прежде всего, какъ васъ зовутъ?—сказалъ я.

— Аверьянъ... Марковъ...

— Ну-съ, вы какъ же... вы бывшій крѣпостной Алябьиныхъ?

— Такъ точно-съ. Они потомъ насъ отпустили съ женой на волю. Передъ самымъ этимъ несчастіемъ... какъ въ Петербургъ-то они тогда уѣхали... послѣдній-то разъ. Я камердинеромъ вторымъ былъ при нихъ. Маркела-то они тогда съ собой въ Петербургъ взяли, а меня при барынѣ оставили: смотри, говоритъ, Аверьянъ, что увидишь, что услышишь, никому ни слова. А вотъ тебѣ съ женой—вольная. И объ этомъ также пока никому изъ людей ничего не говори... Предчувствіе у нихъ тогда, надо полагать, такое было, что они къ намъ изъ Петербурга не вернутся... Они уѣхали, и начали мы жить безъ нихъ... Тутъ слухи разные пошли...

— Это вѣдь отецъ этого самаго Анатолія Борисовича былъ Борисъ Павловичъ,—сказалъ я.

— Такъ точно-съ. Вѣдь все это на моихъ глазахъ было. Бывало, подаешь имъ кушать, или чай, или десертъ, а они поютъ, на гитарѣ, на портепьяно играютъ... А Зинаида Евграфовна слушаютъ...

— Я помню, т. е. не самъ я это все видѣлъ, а разсказы объ этомъ обо всемъ я помню,—сказалъ я.

— Много тогда напраслины на нихъ говорили, и-и сколько,—замѣтилъ, какъ бы про себя, старикъ.

— Т. е. что?

— Да вотъ все про это. Ужъ намъ бы не знать? Да кому же и знать-то, какъ не людямъ? Жена-то моя вѣдь у Зинаиды Евграфовны въ камерфрельняхъ служила, такъ мнѣ-то она развѣ бы не сказала, если бы что было? Нѣтъ!.. — съ негодованіемъ, оживляясь, воскликнулъ старикъ:—нѣтъ-съ!.. А она была расположена къ нему, или, какъ бы сказать?—чувства нѣжныя имѣла къ нему. И Борисъ Павловичъ тоже крѣпко ихъ обожалъ... Такъ ужъ обожалъ... такъ обожалъ, что и сказать нельзя... И въ этомъ они даже, дѣйствительно, предо мною открывались. Взойдешь, бывало, къ нимъ въ комнату за чѣмъ нибудь, а онъ, Борисъ Павловичъ-то, сидятъ одни одинешеньки, задумались и взглянутъ—глаза-то у нихъ все равно вотъ какъ у помѣшаннаго... Вѣдь они, если изволите

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

помнить, разговорчивые такіе были, ну, и слово за слово начнутъ говорить, дальше да больше, и скажутъ: ахъ, Аверьянъ, несчастный я человѣкъ, ничего ты не знаешь и не понимаешь, а все это за то, что много и я самъ на своемъ вѣку сердецъ изсушилъ... И дѣйствительно, кто-кто только въ него тогда у насъ изъ барышень, да и изъ замужнихъ, не были влюблены?..

— Такъ что это только?.. А ничего эдакого у нихъ?.. — спросилъ я.

— Какъ передъ Истиннымъ вотъ!—опять воскликнулъ старикъ оглянулся на образъ и медленно перекрестился.

— Намъ-то бы съ женою не знать! Мы тогда и въ Петербургъ съ ними поѣхали, какъ баринъ скончался. Жена моя всю дорогу въ одномъ экипажѣ съ ними ѣхала. А какъ въ Москву пріѣхали, мы въ Лоскутной тогда остановились, а Борисъ Павловичъ къ тетенькѣ своей прямо поѣхалъ. На другой день мы въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ тронулись, а онъ въ Москвѣ остался. На станцію они, правда, пріѣзжали насъ провожать, и только къ ручкѣ по обыкновенію.

— А тогда-то разсказывали!—сказалъ я.

Старикъ только рукой махнулъ.

XVII.

— А какое сходство съ отцемъ у этого-то?—сказалъ я.

— Да въ этомъ-то вся и бѣда наша, что онъ лицомъ на того похожъ,—горько усмѣхаясь, отвѣтилъ мнѣ старикъ и сейчасъ же добавилъ:—Только, воля ваша, пріятности въ нихъ нѣтъ никакой, какая въ отцѣ-то была. Глаза эдакіе, какъ у волка... бѣгаютъ... безстыжіе... У насъ вѣдь покойнаго Бориса Павловича-то нѣсколько портретовъ есть—никакого сходства, какъ сравнить. А такъ, какъ взойдутъ, дѣйствительно...

— Это какіе же портреты? У Зинаиды Евграфовны? — спросилъ я.

— У нихъ... И письма у нихъ его... всѣ цѣлы... такъ и лежатъ, ленточками голубенькими перевязаны...

Я ужъ забылъ совсѣмъ объ Анатолѣ и разспрашивалъ про то, что было тогда, давно. Меня то интересовало гораздо больше. Аверьянъ охотно разсказывалъ.

— И вотъ-съ, какъ вернулись мы тогда изъ Петербурга съ барыней, похоронивши барина, тутъ Зинаида Евграфовна-то заключилась во флигелѣ у себя и никуда сама и къ себѣ никого. Одно время мы съ женой такъ и думали, что они либо тронутся въ мысляхъ своихъ, либо руки на себя наложатъ. Такъ мы ужъ и смотрѣли за ними. Потому они себя во всемъ, что произошло, винили: и что тогда этотъ откупщикъ, барина компаньонъ, умеръ, и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что баринъ разорились, и что потомъ они надъ собою это сдѣлали,—все это они себѣ, т. е. вотъ тому, что онѣ тогда нѣжное чувство къ Борису Павловичу возъимѣли,—къ этому вотъ приписывали. Такъ дожили мы до продажи Покровскаго. Продали, намъ надо было уѣзжать,—какъ же оставаться? Барыня Зинаида Евграфовна намъ съ женой и говорятъ:—Ну, говоритъ, Аверьянъ и Евпраксія, спасибо вамъ за всю вашу службу мнѣ, вотъ вамъ отъ меня, и дала намъ съ женой по сотенному билету, а я, говоритъ, теперь отсюда навсегда должна уѣхать. Мы съ женой и говоримъ имъ: все равно, говоримъ, вѣдь вамъ, сударыня, прислуга нужна будетъ,—возьмите и насъ съ собою, мы поѣдемъ... Онѣ эдакъ посмотрѣли на насъ, слезы у нихъ показались на глазахъ: спасибо, говоритъ, поѣдемте со мною, хорошо. Только я, говоритъ, васъ предупредить должна, богатства у меня никакого нѣтъ, а что есть у меня, осталось мнѣ отъ мужа, такъ это вотъ брилліанты, которые онъ мнѣ подарилъ, когда я еще невѣстой его была. А больше у меня ничего нѣтъ. Продать я должна буду ихъ въ Петербургѣ и на нихъ буду жить, потому родные у меня были бѣдные и тоже ничего мнѣ не оставили, да ихъ и въ живыхъ ужъ теперь никого нѣтъ—одна я, какъ перстъ, на этомъ свѣтѣ осталась... Умру, похороните меня, все ваше будетъ, что останется послѣ меня... Мы поблагодарили это ихъ, я къ ручкѣ подошелъ, жена въ плечико ихъ поцѣловала, а они насъ въ голову—сперва жену, а потомъ меня. Начали мы собираться, собрались и поѣхали. Пріѣхали мы въ Петербургъ, остановились въ гостиницѣ. Поѣхали барыня Зинаида Евграфовна съ женой моей къ ювелирамъ брилліанты эти продавать. А я дома, въ номерѣ, остался. Только вотъ онѣ приходятъ и говорятъ,—это Зинаида Евграфовна говоритъ,—подозвала меня и говоритъ: ну, Аверьянъ, а знаешь ли ты, мы вѣдь богатые люди. Знаешь, за сколько мы брилліанты-то съ Евпраксіей продали?—Почему же, говорю, сударыня, я знаю. Развѣ я въ нихъ понимаю что.—Ну, однако?—За пять тысячъ, говорю, продали,—такъ, наобумъ сказалъ, да и думаю—ужъ много.—За пятьдесятъ пять тысячъ, говоритъ... Даже улыбнулась при этомъ: вотъ, говоритъ, какіе мы богачи теперь!..

Аверьянъ, сказавъ это, опустилъ голову и развелъ руками. Помолчалъ и потомъ взглянулъ на меня.

— Ну, а дальше.

— Ну-съ, вотъ такъ мы и живемъ въ гостиницѣ недѣлю, другую. Дѣла у меня никакого нѣтъ. Барыня Зинаида Евграфовна съ женой моей каждый день ѣздятъ. Была она и на могилкахъ у родителей. Зинаида Евграфовна справить ихъ велѣли, заказали памятники, рѣшетки; были въ Смольномъ институтѣ, гдѣ Зинаида Евграфовна училась прежде, — гдѣ только не побывали. Вотъ однажды Зинаида Евграфовна и говоритъ моей женѣ: а сегодня,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

говоритъ, Евпраксія, мы поѣдемъ съ тобой посмотрѣть тотъ домъ на Петербургской сторонѣ, гдѣ я прежде съ родителями до института жила и гдѣ я родилась. Поѣхали они, пріѣхали. Нашли. Только домика того нѣтъ—мѣсто одно нашли, а на мѣстѣ этомъ ужъ новый домъ стоитъ, большой, деревянный. Остался только садъ, и признали Зинаида Евграфовна даже деревцо въ немъ и березку одну, подъ которой тогда играли, сиживали... Что они тамъ съ женой говорили, я жену-то еще и не спросилъ, какъ Зинаида Евграфовна кличетъ меня: Аверьянъ, поди-ка сюда... Вотъ, говоритъ, что мнѣ въ голову пришло: хочу я этотъ домъ съ садомъ, въ которомъ росла, купить и поселиться въ немъ. Только не знаю, что за него хотятъ и продадутъ ли еще его.—Воля ваша-съ, говорю.—Нѣтъ, а ты мнѣ что посовѣтуешь?—Да что же, говорю, я тутъ посовѣтовать могу? Извѣстно, въ своемъ домѣ будетъ лучше и пріятнѣе жить, чѣмъ такъ-то вотъ въ гостиницѣ за все втридорога платить и никакого удовольствія себѣ не видать.—Такъ и ты находишь, что купить намъ слѣдуетъ? Ну, тогда вотъ что. Съѣзди ты туда, на Петербургскую, въ эту улицу и тамъ все это, какъ и что, разузнай... Съѣздилъ я, сударь, разузналъ все. Продается домъ, только не изъ нужды, а наслѣдники продаютъ для раздѣла и хотятъ за него десять тысячъ—ни копѣйки меньше. На другой день мы съ барыней Зинаидой Евграфовной поѣхали туда къ нимъ, ужъ прямо въ домъ, къ хозяевамъ. Торговаться—не уступаютъ. А барыня боится, какъ бы другой кто не перекупилъ, какъ бы не упустить. За десять тысячъ такъ и покончили. Совершили купчую, все какъ слѣдуетъ, черезъ недѣлю изъ гостиницы и переѣхали. Отдѣлали все заново, выкрасили, обоями оклеили, мебели накупили—и стали жить. Лошадку свою завели, я кучеромъ сначала ѣздилъ, пока напали на хорошаго человѣка. Корову свою завели, куръ, все какъ слѣдуетъ... Жили тихо, смирно, благородно. При домѣ у насъ два флигеля—въ одномъ пріютъ былъ: онъ и до сихъ поръ помѣщается, четыреста рублей въ годъ платитъ; въ другомъ генералъ отставной жилъ, теперь ужъ дочери его, барышни, живутъ. И вотъ, кромѣ начальницы этого пріюта да этого генерала съ дочерьми, никто у насъ не бывалъ и сами мы никуда... И такъ прожили мы, сударь, тихо, смирно и благородно двадцать семь лѣтъ... Какъ вдругъ, это божеское наказаніе, явился этотъ соколъ ясный!..

Аверьянъ опять опустилъ голову и развелъ руками.

XVIII.

— И что же такое произошло?—спросилъ я, когда онъ, помолчавъ, по обыкновенію, снова поднялъ на меня глаза.

— Все-съ... все прахомъ пойдетъ... и пошло ужъ,—добавилъ онъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Опять опустилъ голову, развелъ руками и сказалъ:

— И вѣдь могъ я имъ отказать: я и карточку ихъ визитную несъ, и ничего бы, какъ я вижу, не было бы этого. Сказалъ бы: не принимаютъ-съ, и конецъ.

— Ну, все равно, онъ письмо бы написалъ.

— Не написалъ бы. Я бы, если бы зналъ, такъ бы ужъ принялъ его, что не написалъ бы... Онъ, какъ я понимаю это теперь, думалъ сперва, ни больше, ни меньше, какъ вспомоществованіе какое нибудь себѣ получить. О счастьѣ своемъ онъ и не думалъ... и думать даже не смѣлъ. А зналъ онъ, врагъ нашъ, слыхалъ, должно быть, это все, какъ барыня-то Зинаида Евграфовна къ отцу его расположена была, пріѣхалъ сюда въ нищетѣ, холодный да голодный; вспомнилъ, дай, думаетъ, отыщу, можетъ жива, по отцу, по старымъ чувствамъ своимъ, изъ сожалѣнія и мнѣ вспомоществованіе какое дастъ. Слыхалъ вѣдь, небось, что сестру-то его изъ жалости барыня Зинаида Евграфовна тогда отъ Мутовкиныхъ взяла и воспитывала,—ну, думаетъ, авось и мнѣ отъ щедроты своей не пожалѣетъ дать что нибудь... И вѣдь я видѣлъ его, наканунѣ видѣлъ... Вышелъ это я за ворота, стою съ нашимъ дворникомъ, говорю объ чемъ-то, а тутъ, напротивъ насъ, постъ, городовой на посту стоитъ. И вижу я, какъ господинъ какой-то стоитъ съ бумажкой въ рукахъ и о чемъ-то разспрашиваетъ его. А городовой-то отвѣчаетъ ему и все на нашъ домъ смотритъ. И онъ это говоритъ съ городовымъ, а самъ тоже на домъ оглядывается. Мнѣ бы тутъ подойдти, разговориться съ нимъ, я бы его сейчасъ по лицу узналъ, выспросилъ бы и сказалъ бы ему тутъ прямо-на-прямо: никого у насъ барыня чужихъ не принимаютъ, и нечего вамъ къ ней и ходить. И докладывать не стану объ васъ—и конецъ бы. Ну, не съумѣлъ, ума не хватило... А это онъ все высматривалъ да выспрашивалъ у всѣхъ, какъ и что... Это наканунѣ, такъ часовъ въ пять было. Барыня откушали, я вышелъ и видѣлъ съ городовымъ-то его. Утромъ, на другой день, часовъ въ десять, только что барынѣ Евпраксія моя кофе понесла—звонокъ. Отворяю—онъ.

— Зинаида Евграфовна дома?—Дома-съ,—говорю, а самъ эдакъ осматриваю его съ ногъ до головы. Сюртучекъ на немъ новенькій, а ужъ сапоги-то и шапочка подгуляли.

— Мой и сюртучекъ-то,—сказалъ я:—это я ему сдѣлалъ.

— Вотъ на грѣхъ-то!.. Ну-съ, смотрю я на него и думаю: доложить объ немъ или нѣтъ. Вдругъ онъ вынимаетъ карточку и говоритъ: «Передайте Зинаидѣ Евграфовнѣ»... Тутъ вотъ я и далъ маху. Мнѣ бы хорошенько прочитать карточку-то, а я только эдакъ мелькомъ взглянулъ на нее, да вижу—Евпраксія-то идетъ отъ барыни, я и говорю ей: на-ка, отдай-ка барынѣ, дожидаются, отвѣта ждутъ... Она пошла, а я съ нимъ остался въ передней, смотрю на

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

него, вдругъ и вспомнилъ, призналъ въ немъ Бориса-то Павловича. Онъ, думаю, сынъ его! Онъ и есть, навѣрное!.. А Евпраксія-то ушла и нейдетъ. Стоимъ мы съ нимъ, я на него ужъ смотрѣлъ, смотрѣлъ... давай, думаю, спрошу:

— Не сынъ ли,—говорю,—позвольте узнать, Бориса Павловича, господина Перцева будете?

— Сынъ,—говоритъ.—А вы почему меня узнали?

— Да какъ же,—говорю,—мнѣ не узнать. Я Бориса-то Павловича, слава Богу, хорошо зналъ.

— Сынъ... сынъ...—повторяетъ:—похожъ, а?

— Очень даже,—говорю.

— А тутъ Евпраксія-то выглянула изъ дверей, вышла, да и кличетъ меня. Я поскорѣй къ ней. Съ барыней-то, говоритъ, что сдѣлалось: узнать нельзя ее... Одѣваться сейчасъ, причесываться, платье новое шелковое. А сама вся такъ и горитъ, на щекахъ румянецъ, глаза блистаютъ... Вѣдь это знаешь, кто?—Бориса Павловича Перцева сынъ,—помнишь?—Знаю, говорю, помню.—Велѣла просить въ гостиную... Выйдетъ сейчасъ... Вернулся я въ переднюю и говорю ему: пожалуйте, приказали принять...

— И пальтишко-то на немъ рваное-рваное было. Неловко ему было, самъ и снялъ, на вѣшалку повѣсилъ...—съ досадой и презрѣніемъ добавилъ Аверьянъ.

— Вошелъ это онъ, сударь, въ гостиную, а мебель и убранство у насъ все богатое: вотъ сами изволите увидать...

— Какъ же это я увижу? Зачѣмъ это я-то туда поѣду?—удивился я.

— А какъ же-съ? — еще больше моего удивился Аверьянъ. — Какъ же сдѣлать-то тогда?

— Да что же сдѣлать?

— Спасти ихъ надо отъ него. Вонъ его, врага, изъ дому его надо вонъ.

Я сомнительно покачалъ головой.

— Ужъ вы, ради Бога. Вся надежда на васъ. Что-жъ это такое будетъ? Онъ и ее всю оберетъ, и мы съ женой,—вѣрой и правдой тридцать пять лѣтъ имъ служили,—ни съ чѣмъ останемся. Все псу подъ хвостъ пойдетъ...

— Ну, увидимъ. Дальше.

— Вотъ-съ, только вошелъ онъ въ гостиную-то, озирается, стоитъ, смотритъ, видитъ себя въ зеркалахъ... Не знаетъ, куда ему руки свои загребастыя дѣвать, и такъ сложитъ, и эдакъ... Вдругъ дверь отворяется, и барыня Зинаида Евграфовна выходитъ къ нему... Вышли, остановились и смотрятъ... Онъ вдругъ къ ручкѣ къ ней и на колѣни. Да какъ заплачетъ, заплачетъ... Барыня это сейчасъ испугались: «Встаньте, ахъ, что это вы, Анатоль. Встаньте»...

— Онъ это сейчасъ всталъ, платочкомъ утирается.—Сядьте здѣсь,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

говоритъ, Анатоль. Или нѣтъ, лучше пойдемте ко мнѣ, разскажите мнѣ все...—это Зинаида Евграфовна-то.

— Ну-съ, что ужъ онъ ей тамъ говорилъ, въ чемъ признавался, о чемъ просилъ, — этого я вамъ доподлинно разсказать не могу. Евпраксія моя входила туда къ нимъ нѣсколько разъ, слышала, что онъ ей все о страданіяхъ своихъ разсказывалъ, о гоненіяхъ разныхъ... Только, отпуская его отъ себя, Зинаида Евграфовна кликнули Евпраксію мою и приказали ей шкатулку съ деньгами подать и тутъ же при Евпраксіи вынули изъ шкатулки тысячный банковый билетъ, положили себѣ на колѣни, заперли опять шкатулку: унеси, говоритъ. Она понесла, а больше ужъ этого билета и не видали мы, и въ шкатулку барыня его не прятали... Онъ тутъ сряду, сейчасъ же, и уѣхалъ...

XIX.

— Ну, и шутъ съ нимъ. Сорвалъ, и прощай,—сказалъ я.

Аверьянъ покачалъ только головой:

— Да развѣ мы изъ-за этого! Это ужъ, Господь съ ней... Дальше-то что пошло... Дня три его не было. Является франтомъ. Узнать нельзя. Опять сейчасъ къ ручкѣ. Разговоръ тутъ ужъ у него, и все это—другое. А она, Зинаида Евграфовна-то, смотритъ на него и не нарадуется: Анатоль... Анатоль... (Аверьянъ передразнилъ ее). Не хотите ли того, не хотите ли этого? Евпраксія, принеси!.. Аверьянъ, подай!.. А онъ-то куражится. И все къ ручкѣ... Нѣтъ-нѣтъ, сидитъ-сидитъ, ходитъ-ходитъ — и опять къ ручкѣ все. Батюшка покойникъ, говоритъ, правъ былъ: оставилъ онъ намъ тайное духовное письмо, въ которомъ и мнѣ, и сестрѣ покойницѣ, которую вы воспитывали, завѣщалъ намъ, если что въ жизни съ нами случится, ни къ кому не обращаться, — къ вамъ. Она одна, говоритъ, вамъ какъ бы за мѣсто матери родной... Она вамъ и не откажетъ по мнѣ...

— А она, Зинаида Евграфовна-то, какъ дурочка, смотритъ на него и всему вѣритъ...

— Меня даже, сударь, разъ досада взяла. Стою я это, подаю имъ, онъ это лясы-то точитъ, а я не вытерпѣлъ и говорю: а гдѣ это, сударь, у васъ духовное это письмо? И можете ли вы его показать?—Такъ, вѣдь, какъ на меня!.. Ужъ барыня, Зинаида Евграфовна, насилу смирила его...

— И повадился онъ къ намъ ѣздить... Каждое утро, каждое утро. Какъ десять часовъ, такъ онъ тутъ—узнать, говоритъ, о здоровьѣ пріѣхалъ, какъ ночь провели. Поцѣлуетъ ручку, посидитъ съ четверть часа, опять поцѣлуетъ ручку и уѣдетъ... Черезъ недѣлю опять она ему тысячный билетъ вынула и отдала... Пріѣхалъ, наговорилъ это онъ ей, — вотъ тутъ и про васъ-то мы узнали, онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разсказалъ: опредѣлилъ, говоритъ, онъ меня къ министру... для секретныхъ порученій. Ужъ онъ ей несъ, несъ. И какъ министръ-то его призывалъ къ себѣ, и что ему говорилъ: вы, говоритъ, молодой человѣкъ хорошей фамиліи, съумѣйте себя поставить прилично, чтобы у васъ была квартира приличная, закладка для выѣзда...

Я вообразилъ себѣ эту сцену и разсмѣялся. Аверьянъ подумалъ, что я не вѣрю ему, и сталъ меня увѣрять:

— И про васъ тоже. Какъ это вы, сейчасъ, какъ онъ только явился къ вамъ, написали къ министру письмо, и онъ съ этимъ письмомъ поѣхалъ, и его приняли на службу... Какъ же-съ, все это онъ ей разсказалъ.

— Да этого не было ничего!

— Ну, все равно. А духовное письмо развѣ есть у него? Да я голову дамъ на отсѣченіе, что никакого письма у него нѣтъ!.. Однимъ словомъ,—если позволите выразиться такъ, — мошенникъ онъ... мазурикъ... жуликъ—ничего больше...

— Ну, она ему еще тысячу?

Аверьянъ вздохнулъ:

— Нѣтъ-съ, ужъ теперь онѣ ему пять тысячъ передавали. За этотъ мѣсяцъ-то онъ у нихъ ужъ пять тысячъ слизнулъ. Да и больше бы, пожалуй, только я-то ужъ вижу, куда это все пойдетъ, и рѣшился барынѣ все, какъ есть, въ глаза изложить, представить имъ, какъ есть все. Взошелъ къ нимъ вечеромъ, подалъ самоваръ, да и стою.—Ты, говоритъ, что Аверьянъ? Сказать имѣешь мнѣ что?—А вотъ что-съ, говорю: дозвольте вамъ правду всю высказать, какъ она есть передъ совѣстью. — Говори, говори. — Я имъ все это и началъ излагать—все, ужъ ничего не боялся.—Да, говоритъ, Аверьянъ, замѣчаю я и сама, что онъ не какъ слѣдуетъ благородному человѣку со мною поступаетъ, только жаль мнѣ его, по памяти объ отцѣ его Борисѣ Павловичѣ, мнѣ его жаль. — Да что же, говорю, жалѣть-то его? Помогли ему, всѣми мѣры и силы ему помогли,—теперь что же вамъ разориться, что ли, на старости лѣтъ для него? Ему развѣ хватитъ чего, на него развѣ напасешься? Ему все мало... Тутъ Евпраксія моя пришла, упала имъ въ ноги, плачетъ, молитъ... Себя, говоритъ, матушка барыня, пожалѣйте...

— Они и одумались было. Не велѣли было даже и принимать его. Я обрадовался: ну, думаю, слава Богу. Вдругъ видитъ его въ окно, подъѣхалъ онъ сегодня, она и кричитъ: Аверьянъ, прими, прими!.. Что-жъ, сударь, я подѣлаю?

— А онъ сегодня у нея еще тысячу слизнулъ. Мнѣ, говоритъ, до зарѣзу. Вчера, говоритъ, вечеромъ у министра въ карты посадили меня играть, отъ роду не игралъ, ну, тысячу рублей и проигралъ. Обѣщалъ сегодня привезти, заплатить. Не заплачу—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пулю въ лобъ!.. Вынулъ изъ кармана серебряный пистолетикъ вертитъ имъ то и дѣло. Какъ еще напугалъ-то ее...

— Ахъ, негодяй!—сорвалось у меня.

— Вотъ ужъ вѣрное-то слово изволили сказать!—живо подхватилъ Аверьянъ:—истинно, это негодяй... На старуху беззащитную коршуномъ—орломъ такимъ налетѣлъ.

— Вотъ, какъ ужъ онъ уѣхалъ, мы съ женой къ ней, къ Зинаидѣ Евграфовнѣ, и пристали. Позвольте, говорю я, пойдти мнѣ отъ вашего имени къ (Аверьянъ назвалъ при этомъ меня по имени и отчеству) узнать у нихъ всю правду объ немъ, какъ и что, у какого такого министра онъ служитъ. Они его на мѣсто опредѣляли, стало быть, они все и знаютъ. Потому, не можетъ этого быть, чтобы онъ все правду говорилъ. Обманываетъ онъ, обираетъ — и больше ничего... Зинаида Евграфовна и согласились. Что-жъ, говоритъ, сходи отъ моего имени, узнай. Я, говоритъ, не у него самого, а у родителей его въ домѣ, въ деревнѣ, нерѣдко бывала.

— Да, я помню ее,—сказалъ я.—Помню, ее еще Чайной Розой называли.

— Вотъ-вотъ! Какъ же-съ. Это имъ было прозваніе такое за красоту ихъ.

— Можете передать ей отъ меня, что это все вздоръ, что онъ про министра разсказывалъ вамъ. Нигдѣ онъ даже не служитъ. Прислалъ его сюда Григорій Михайловичъ съ письмомъ и т. д., и т. д.

И я все ему разсказалъ. Разсказалъ и то, какъ онъ себя велъ до этого тамъ, у насъ, въ губерніи.

Аверьянъ смотрѣлъ на меня и вдругъ сдѣлалъ необыкновенно сладкое лицо:

— А сами вы къ намъ не пожалуете?

— Да съ какой же стати?

— А если бы я вамъ отъ нихъ приглашеніе письмомъ ихъ принесъ?

— Да зачѣмъ это надо?

— Ахъ, какъ это вы говорите! Развѣ это то же самое—что я имъ передамъ отъ васъ, что сами вы имъ разскажете?

Я подумалъ и сказалъ:—Хорошо.

Очень также мнѣ хотѣлось и посмотрѣть старуху.

— А что она очень стара?—спросилъ я.

— Нѣтъ-съ. Особенно вотъ когда эдакъ растревожатся, разстроятся ежели.

— А тутъ,—я показалъ на лобъ,—ничего?

— Ничего-съ! Вотъ только какъ этотъ соколъ-то нашъ ясный прилетѣлъ... А то ничего, все какъ слѣдуетъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Пріѣду, посмотрю, что такое — любопытно.

Аверьянъ не зналъ, какъ ужъ и благодарить меня, ушелъ, обѣщалъ прійдти завтра и принести отъ Алябьиной письмо.

XX.

Но онъ пришелъ не завтра, а черезъ два дня, и принесъ мнѣ необыкновенно тонко и деликатно составленное и хотя почеркомъ начала столѣтія, но изящно написанное письмо Алябьиной. По всему видно было, что рѣшеніе написать его и самое написаніе составило тамъ цѣлое событіе, надъ которымъ много она ломала голову.

Письмо это цѣло у меня до сихъ поръ. Въ немъ Алябьина, очень обрадованная извѣстіемъ, что здѣсь, въ Петербургѣ, оказывается, постоянно живетъ одинъ изъ бывшихъ ея сосѣдей по имѣнію, выражаетъ твердую увѣренность, что онъ, оставаясь вѣрнымъ тѣмъ добрымъ и искреннимъ чувствамъ, которыя связывали два дома тамъ, въ деревнѣ, не откажется пріѣхать навѣстить ее, чтобы вмѣстѣ вспомнить хорошее, свѣтлое прошлое и т. д. О Перцевѣ, разумѣется, ни слова.

— Когда же удобнѣе всего пріѣхать? — спросилъ я Аверьяна.

— Сегодня вечеромъ-съ.

— Какъ, ужъ и сегодня...

— Сдѣлайте ваше одолженіе!—умоляющимъ голосомъ чуть не вскричалъ Аверьянъ.—Онъ вчера опять былъ у насъ. Предлагаетъ переѣхать къ намъ во флигель — пріютъ у насъ выѣзжаетъ, свой домъ купили, такъ флигель-то пустой, оказывается, съ будущаго мѣсяца будетъ. Позвольте, говоритъ, мнѣ для доказательства, какой я скромный образъ жизни веду, переѣхать къ вамъ во флигель. А то, говоритъ, я знаю, догадываюсь, что васъ на счетъ меня смущаютъ. Она была ужъ совсѣмъ готова, согласилась... А я знаю, къ чему онъ подъѣзжаетъ-то,—прищуривая глаза, добавилъ Аверьянъ.

— Къ чему же?

— Ужъ знаю-съ. Меня ему не провести. Знаю, все вижу. Это онъ какъ только заговорилъ,—знаю, думаю себѣ, куда ты голубчикъ норовишь... Нѣтъ, тутъ люди тридцать пять лѣтъ служили вѣрой-правдой. Побольше твоего заслужили, все съ нею переносили безъ ропота, и худое, и хорошее,—все видѣли съ нею...

— Что-жъ онъ къ наслѣдству, что ли, подбирается?—спросилъ я.

— И очень просто, — опять также хитро прищурясь, сказалъ Аверьянъ. — Только я васъ, сударь, спрошу: что же это будетъ? Люди ей вѣрой и правдой, можно сказать, всю жизнь служили,— имъ ничего, а какому-то, съ позволенія сказать... все потомъ достанется? Ну, будь это наслѣдникъ ея—словъ нѣтъ, а то кто онъ ей такой? И за что? Что онъ ей такое сдѣлалъ? Чѣмъ онъ ей милъ? Мы люди простые, а развѣ мы не понимаемъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да чѣмъ же милъ?—проговорилъ я, чтобы провѣрить своего догадку.

— А тѣмъ, что покойника отца своего Бориса Павловича напоминаетъ, къ которому у нихъ нѣжныя чувства тридцать лѣтъ назадъ были. Вотъ чѣмъ-съ... Такъ имъ стыдно—старухѣ. И тогда, и въ то время ничего хорошаго въ этомъ не было. Ну, да тогда, извѣстно, молодость, извинительно. И баринъ покойникъ къ тому же ихъ не то чтобы въ загонѣ, а въ небреженіи держалъ. Про тогдашнее я ужъ не говорю. А вспоминать это имъ теперь Бориса Павловича, да еще глядючи на сына его, эдакого, можно сказать... Тьфу!... Въ ихъ года молиться надо, о душѣ заботиться, о смерти думать, а они что затѣяли... объ чемъ думаютъ...

— Да вѣдь что-жъ, что думаетъ. Можетъ, у ней, Аверьянъ, и во всю жизнь-то только и было свѣтлаго, что эти, какъ вы говорите, ея нѣжныя чувства къ Борису Павловичу,—сказалъ я:—я вѣдь ея жизни вовсе не знаю, и какъ она жила съ мужемъ.

— Жила ничего, обыкновенно... Въ довольствѣ жила,—со вздохомъ отвѣтилъ мнѣ Аверьянъ.

— Довольство — что̀.

— Да я про прошлое, сударь, не говорю... А вотъ теперь-то. Вѣдь шестьдесятъ одинъ годъ имъ...

Я ничего ему не отвѣтилъ. Мы помолчали.

— Ужъ вы, сударь, явите Божескую милость, — заговорилъ Аверьянъ: — пріѣзжайте сегодня.

Меня брало сильное раздумье—ѣхать ли ужъ? Аверьянъ этотъ дѣлался мнѣ все больше и больше не по душѣ. И не за то онъ опостылѣлъ мнѣ теперь, что имѣлъ на нее тоже корыстные виды, а зачѣмъ онъ не понимаетъ этихъ больныхъ ея нѣжныхъ чувствъ, которыя, быть можетъ, дѣйствительно были ея единственными свѣтлыми воспоминаніями во всей ея жизни...

Но онъ былъ въ то же время правъ въ томъ отношеніи, что ее надо избавить отъ этого Анатоля, который ее непремѣнно всю оберетъ, играя на этихъ струнахъ, и въ концѣ концовъ она на старости лѣтъ останется нищей. Въ этомъ вотъ отношеніи онъ правъ, и къ ней надо поѣхать, предостеречь ее. Анатоль, какъ типъ, былъ для меня еще противнѣе.

— Хорошо, Аверьянъ,—сказалъ я:—кланяйтесь барынѣ, скажите, что въ восемь часовъ сегодня я буду.

XXI.

Злая иронія случая! Какъ разъ въ этотъ день я получилъ письмо и отъ старушки, родственницы моей, и отъ Григорія Михайловича Бехилева, въ которыхъ они благодарили меня за устрой-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ство судьбы Анатоля, т. е. что я устроилъ, что его прикомандировали и что со временемъ онъ, вѣроятно, получитъ мѣсто.

Старушка обѣщала мнѣ всѣ благополучія въ жизни за доброе дѣло спасенія молодаго человѣка: «Поддержать его въ трудный моментъ некому было, оттого онъ и опустился такъ; но теперь, когда онъ будетъ на глазахъ, и у него есть, къ кому онъ можетъ обратиться за совѣтомъ, ты увидишь, изъ него еще выйдетъ, можетъ быть, и блестящій молодой человѣкъ»,—писала она.

«Да, милостивый государь мой, оказать молодому человѣку во время поддержку,—это все, что нужно, въ большинствѣ случаевъ, для живой, не испорченной натуры,—и онъ спасенъ и сохранитъ навсегда въ сердцѣ своемъ чувство признательности», — писалъ Бехилевъ.

— «Ужъ и теперь сталъ «блестящимъ молодымъ человѣкомъ». Вотъ только на счетъ признательности сомнѣваюсь»,—подумалъ я, прочитавъ эти письма.

Въ восемь часовъ, въ девятомъ, я былъ на Петербургской сторонѣ, въ одной изъ тѣхъ длинныхъ улицъ, которыя примыкаютъ къ Большому проспекту, съ заборами, съ садиками и деревянными домиками съ мезонинами. Кто-то изъ прохожихъ указалъ мнѣ на усадьбу Алябьиной, именно усадьбу, а не домикъ, такъ какъ по серединѣ былъ настоящій большой, хорошій, отлично содержимый домъ, а по бокамъ его, въ нѣкоторомъ отдаленіи стояли въ качествѣ флигелей меньшіе домики съ мезонинами. Позади усадьбы,—хотя это было и зимой,—виднѣлся большой и густой садъ, очевидно, тоже принадлежащій сюда. Ворота были отворены, у воротъ сидѣлъ тепло, по формѣ одѣтый дворникъ съ бѣлымъ фартукомъ поверхъ тулупа. Я въѣхалъ во дворъ, обогнулъ по расчищенной отъ снѣга дорожкѣ цвѣтникъ передъ домомъ и остановился у главнаго подъѣзда, освѣщеннаго двумя керосиновыми фонарями съ бѣлыми рекфлекторами. Прелесть, настоящая, отличная усадьба богатаго человѣка, предпочитающаго жить не въ самомъ городѣ, а на окраинѣ, но за то широко, просторно, свободно.

Едва я позвонилъ, дверь деревяннаго подъѣзда съ начищенными мѣдными ручками и замкомъ отворилась, и я увидалъ Аверьяна въ черномъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ съ серебрянымъ подносомъ въ одной рукѣ.

— Пожалуйте,—оффиціально, почтительно кланяясь мнѣ, проговорилъ онъ, пропуская меня по мягкому, красному ковру во внутрь квартиры.

Большая, просторная, свѣтлая передняя, направо гостинная съ бархатной мебелью и золоченымъ зеркаломъ, прямо и налѣво тоже двѣ двери, но онѣ затворены.

Когда я снялъ пальто, Аверьянъ всталъ у дверей гостиной и, пропуская меня, опять сказалъ:—пожалуйте, сейчасъ доложу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Я подождалъ съ полминуты, и ко мнѣ изъ слѣдующей комнаты, слабо освѣщенной лампой съ темнымъ абажуромъ, вышла женщина въ черномъ, шелковомъ платьѣ, сразу показавшаяся мнѣ никакъ не старше тридцатипяти лѣтъ. Я подумалъ было, что это она кого нибудь выслала занять меня, пока войдетъ сама.

— Я очень рада,—проговорила она, протягивая мнѣ руку.—Пожалуйста, пойдемте ко мнѣ сюда... Вы, право, такъ любезны... я такъ рада... повторяла она.

Мы прошли въ слѣдующую полутемную комнату и усѣлись у столика съ большой китайской лампой съ темнымъ абажуромъ—она на диванчикѣ, а я въ креслѣ. Я не могъ видѣть хорошо лице ея—она была въ тѣни, но глаза, большіе и живые, блестѣли совсѣмъ, какъ у молодой.

— Неужели вы хоть сколько нибудь меня помните?—говорила она, замѣтивъ, что я разсматриваю ее.

— Помню... припоминаю,—отвѣчалъ я.

Она начала разспрашивать про родныхъ, про знакомыхъ, сосѣдей.

Я ей отвѣчалъ, кто умеръ, кто живъ, кто выбылъ изъ тамошнихъ мѣстъ.

— Я бы хотѣла туда поѣхать,—нѣтъ, не поѣхать, а птичкой слетать, чтобы меня никто не видалъ, никто не видалъ,—вдругъ, впадая въ какое-то странное настроеніе, сказала она.—Да... и меня иногда сильно тянетъ туда...

— Васъ и такъ бы никто не узналъ. Все новыя лица. И вы бы никого не узнали,—сказалъ я и подумалъ, какъ бы она не обидѣлась, не приняла это за намекъ на ея старость.

— Это-то, конечно! Изъ стариковъ вотъ вы трехъ только назвали. Всѣ остальные при мнѣ—что же?—еще мальчиками, дѣвочками были,—уже опять улыбаясь, сказала она.—Вѣдь этому который годъ, какъ я оттуда уѣхала? Тридцать третій? Да... Двадцати восьми лѣтъ я оттуда уѣхала, а мнѣ теперь шестьдесятъ первый. Да, тридцать три года. Много!

— Много,—повторилъ я и невольно сказалъ, глядя на нее:—но вы удивительно сохранились.

— Да развѣ я живу? Что-жъ васъ удивляетъ?

— Какъ, то есть...—началъ было я.

— Да развѣ это жизнь? Такъ можно сто лѣтъ прожить. Были и у меня испытанія, и сильныя, но это когда было? Все это еще тогда было. И потомъ, все это на меня вдругъ, какъ ураганъ, налетѣло, все смело, переломало—и опять ничего, опять ясное небо, тихая жизнь...

Въ дверяхъ показался Аверьянъ съ чаемъ на серебряномъ подносѣ, который онъ несъ съ тѣмъ необыкновеннымъ сознаніемъ серьезности своего дѣла, которое встрѣчается только у слугъ стариковъ, и притомъ изъ старинныхъ деревенскихъ барскихъ домовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XXII.

— Да,—опять начала она,—вы такъ на меня и смотрите,—знаете, бываютъ этакіе отлично сохранившіеся засушенные цвѣты... въ книгахъ попадаются... Нѣкоторые умѣютъ ихъ отлично засушивать.

— Какой же именно цвѣтокъ я долженъ въ васъ видѣть?—спросилъ я, невольно улыбнувшись.

— Это все равно,—продолжала она, очевидно, не понявъ моего намека:— все равно, всякій можно засушить даже цвѣтъ тотъ самый останется.

Я молчалъ, смотрѣлъ на нее.

— Для этого надо только сразу, какъ сорвали его, сейчасъ подъ такой прессъ, чтобы весь сокъ изъ него вышелъ, ничего бы не осталось, тогда онъ засохнетъ и навсегда такимъ останется,—останется, т. е. такого же цвѣта... Вотъ какъ и со мною было,—добавила она.

— Такъ ли?—сказалъ я.

— То есть что?

— Не ошибаетесь ли вы, дѣлая такое сравненіе?

— Увѣряю васъ.

— Въ такомъ случаѣ что же это за жизнь? Какъ же ею жить? Я понимаю, что еще можно этой жизнью жить, когда не сознаешь ея, не понимаешь, но разъ вы сознаете ее, понимаете... Какъ же ею можно удовольствоваться?

— А если ужъ въ душѣ у человѣка ничего не осталось?

— Я этому не вѣрю.

— Счастливый человѣкъ.

— Увѣряю васъ, и вы ошибаетесь.

— Нѣтъ.

— Чувство также живуче, какъ и мысль. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ отношеніи лично къ кому нибудь—да. Но засохнуть сердцемъ и душой въ отношеніи всѣхъ—этого я не понимаю.

— Ну, вы такой человѣкъ, а я иной.

— И вы, увѣряю васъ, такой же. Вотъ вы сами же говорили мнѣ, что вамъ хотѣлось бы повидать тѣ мѣста, наши, въ нашей сторонѣ. Развѣ это не тѣ же все чувства?

— О, да, въ прошедшемъ!—воскликнула она.—Въ прошедшемъ—да. Я только прошедшимъ и живу. Но мы говорили про настоящее. Я говорю—для настоящаго я тотъ же сохранившійся засушенный цвѣтокъ.

— Всетаки, значитъ, живете, чувствуете же.

Она разсмѣялась.

— Да, но вѣдь это жъ что же: я и ѣмъ, и пью. Конечно, я

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не мертвая... Я хотѣла вамъ сказать,—я, можетъ быть, плохо выразилась,—что послѣ того, что я тогда, тридцать три года тому назадъ испытала, я больше ужъ ни душой, ни сердцемъ не жила, я послѣ того втеченіе всего этого времени была вотъ этакимъ засушеннымъ цвѣткомъ. Я вѣдь отвѣчала вамъ на ваши замѣчанія, какъ я сохранилась. Это вотъ отчего.

— И неужели не жили и прошедшимъ?

— Прошедшимъ?—Она подумала:—прошедшимъ жила...

— Ну, вотъ видите.

— Но, если бы вы знали, какъ это глупо! А-ахъ, какъ это глупо... А еще глупѣе — понять это послѣ тридцати трехъ лѣтъ этакой жизни, на шестьдесятъ первомъ году... Это вѣдь не жизнь, это галюцинаціи, и онѣ могутъ, Богъ знаетъ, куда привесть. Вы знаете, онѣ могутъ обмануть, что это сама жизнь, и можно надѣлать такихъ глупостей по этимъ галюцинаціямъ...

Вошелъ опять Аверьянъ съ подносомъ.

— Хотите еще чаю?—спросила она.

— Позвольте.

Пока Аверьянъ бралъ чашки, она задумчиво молчала, чуть-чуть улыбаясь, а потомъ совсѣмъ задумалась, сдвинувъ немного брови.

XXIII.

— Я никакъ не ожидала,—начала она,—такого предисловія... Я думала, что мы просто встрѣтимся, вспомнимъ двухъ-трехъ знакомыхъ изъ того времени и начнемъ прямо разговоръ... о походахъ господина Перцева... Какъ онъ сюда попалъ? Что это за господинъ?.. Вы его хорошо знаете?

— Совсѣмъ не знаю. Слыхалъ объ немъ много.

— А какъ онъ къ вамъ попалъ?

Я ей разсказалъ все подробно. Она очень внимательно слушала меня, дѣлая иногда вопросы мнѣ, когда я, предполагая, что это ей извѣстно, опускалъ какую нибудь подробность, безъ которой дальнѣйшее было не совсѣмъ понятно.

— Значитъ, это просто не несчастный, запутавшійся человѣкъ, а прямо негодяй...—сказала она.

— Помоему—да.

— И эта служба его, вы говорите, все вздоръ?

— Вздоръ.

— Какъ я, однако, отстала!—проговорила она.

— Отъ чего?

— Да какъ же, я не поняла его сначала... Это новый совсѣмъ для меня типъ!

— Новый!—воскликнулъ я.—Что вы, Богъ съ вами, какой онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

новый. Ими такими, какъ онъ, хоть прудъ пруди, что называется.

— Можетъ быть... И навѣрное даже... Но для меня-то онъ новый. Тридцать пять, сорокъ лѣтъ назадъ, когда я жила, бывала вездѣ, не было тогда такихъ. Я не понимаю. Были, конечно, въ то время тоже... негодяи, но не этого типа. Это новый.

— Да, вотъ такъ если,—тогда, пожалуй, и новый.

— На все, на что угодно, посягнетъ!

— На что угодно,—подтвердилъ я.

— И ни передъ чѣмъ не останавливается?

— Ни передъ чѣмъ.

— Да, впрочемъ, что-жъ я спрашиваю, удивляюсь!—какъ бы опомнившись, сказала она:—если бы вы видѣли его здѣсь!..

— Я воображаю,—сказалъ я.

— Всетаки можетъ обмануть.

— Нѣтъ,—сказалъ я, но сейчасъ же вспомнилъ, что онъ и меня также обманулъ, притворившись не такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, вызвавъ во мнѣ сожалѣніе и участіе. — «А это-то, потомъ, какъ онъ вспомнилъ объ ней, остановился на ней, слушая разсказъ объ отцѣ, отыскалъ ее, потомъ и подъѣхалъ на томъ къ ней—развѣ это дуракъ?.. Нѣтъ, какой это дуракъ!»—мысленно заключилъ я.

— А, всетаки, вотъ обманулъ же васъ,—какъ бы догадываясь о моихъ мысляхъ, сказала она.—Вы приняли тоже въ немъ и участіе и вотъ помогли ему... Я на немъ, какъ говорится, теперь крестъ поставила,—добавила она:—я ужъ и раньше было сдѣлала это, но во мнѣ, всетаки, оставалась еще тогда надежда, сомнѣвалась, не была увѣрена, не ошибалась ли я... не поторопилась ли я...

— Выбросьте его изъ головы совсѣмъ,—сказалъ я:—не стоитъ онъ того, чтобы думать о немъ.

— А все вѣдь это, знаете, галюцинація надѣлала,—жизни прошедшей.

— Ну, и довольно.

— То есть что довольно? Довольно жить прошедшимъ?

— Довольно, по крайней мѣрѣ, дѣлать для этого прошедшаго.

— А чѣмъ же жить-то тогда? Чѣмъ же я жива-то буду?

— Живите для настоящаго.

— Котораго я не знаю.

— Узнаете.

— Все кончено. Вотъ я изъ прошедшаго-то вышла въ это настоящее и хорошо же его поняла! Хороши люди и въ этомъ настоящемъ! Стоютъ они, чтобъ захотѣть выходить къ нимъ изъ прошедшаго!.. Нѣтъ, уйду я опять въ гербарій, на свое мѣстечко—самое это лучшее.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А хотѣлось бы знать, кто у васъ тамъ, въ гербаріи этомъ, сосѣдъ?—сказалъ я:—какіе другіе еще цвѣта?

— Это я вамъ когда нибудь послѣ скажу,—улыбаясь, отвѣтила она мнѣ.

— Да вѣдь вы уйдете туда—когда же? васъ и не увидишь?

— Пожалуйста, вы посѣщайте меня, если вамъ не скучно со мною, — вдругъ спохватилась она при этихъ словахъ: — хоть изрѣдка... Вы, конечно, не помните, но вѣдь вотъ вашъ домъ, да еще два-три—и всѣ мои воспоминанія о той сторонѣ... А вѣдь вся моя молодость, все такъ ужасно... Вы, пожалуйста, меня не забывайте.

— Хорошо, благодарю васъ, я буду заходить,—сказалъ я.

На каминѣ тоненькимъ, серебрянымъ звономъ забили часы. Я насчиталъ двѣнадцать.

— Какъ я засидѣлся-то у васъ,—сказалъ я, вставая.

— Такъ что-жъ такое? Вы не думайте, мы здѣсь, въ гербаріумѣ, долго, иногда часовъ до трехъ, не спимъ. Я что нибудь читаю, Аверьянъ у себя тоже читаетъ и все вздыхаетъ,—говорила она, провожая меня.

Въ гостиной она еще разъ повторила, чтобы я заѣзжалъ, не забывалъ ея, и мы разстались.

— Ну, что-съ?—спросилъ меня Аверьянъ на лѣстницѣ.

— Она совсѣмъ молодецъ у васъ,—сказалъ я.—Я думалъ, она старуха дряхлая.

— Я докладывалъ вамъ. Вотъ только этотъ соколъ-то...

XXIV.

Я никакъ не ожидалъ встрѣтить ее такою. Я предполагалъ, что это развалина какая нибудь, выжившая изъ ума старуха, совсѣмъ тронутая, оглупѣлая, и вдругъ увидѣлъ женщину, у которой, не смотря на ея года, и глаза блестятъ и умъ совершенно ясный.

— «Говорятъ вотъ про француженокъ, что только онѣ однѣ умѣютъ удивительно сохраняться, а эта какъ?—думалъ я дорогой:—сохранившаяся засушенная чайная роза. Сама себя засушила и сохранилась».

Она долго послѣ не выходила у меня изъ головы. Я все думалъ о странныхъ этихъ чувствахъ, по которымъ она засушила себя, прожила въ такомъ видѣ тридцать слишкомъ лѣтъ, попробовала вызвать въ себѣ по воспоминаніямъ вновь ихъ, эти чувства, къ жизни во имя того, что было у нея свѣтлаго въ прошломъ, и теперь уходитъ опять послѣ неудачной попытки въ свой гербарій, какъ она выражается, и будетъ, совершенно спокойно соглашаясь, продолжать такое прозябаніе...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Черезъ мѣсяцъ я былъ недалеко въ той сторонѣ и заѣхалъ къ ней.

— Сею минуточкой только съ моей Евпраксіей уѣхали,—сказалъ мнѣ Аверьянъ.—Досадовать будутъ, что не застали вы ихъ.

— Ну, а что этотъ... не бываетъ у васъ?

— Слава Богу, нѣтъ-съ. Пріѣзжалъ три раза, не велѣли принимать. Писалъ потомъ—не отвѣчали. Такъ и отсталъ.

Я порадовался, конечно.

— Ну, слава Богу. И, не замѣчаете, не перемѣнилась, такая же, какъ и была прежде, не скучаетъ?

— Какое! Въ театръ два раза ѣздили! Никогда съ ней этого не бывало. Вдругъ говоритъ: Евпраксія, собирайся въ театръ, мы съ тобою поѣдемъ. Та ротъ разинула.—Что ты удивляешся? Не все же намъ сидѣть, поѣдемъ... Поѣхали. А потомъ другой разъ, вотъ надняхъ опять были.

— Смотрите,—разсмѣялся я:—какъ бы вы тутъ на старости лѣтъ не закутили съ нею.

— Нѣ-ѣтъ-съ. У насъ все честно, благородно.

Я опять уѣхалъ въ странномъ какомъ-то сомнѣніи... непониманіи... недоумѣніи.

— «Что это такое? Жизнь заговорила?»...

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ нея по городской почтѣ записку съ просьбой навѣстить ее. Въ запискѣ она очень сожалѣла, что я ея не засталъ.

Такъ какъ она не назначила, когда къ ней пріѣхать, то я поѣхалъ, спустя дня два-три, опять вечеромъ.

Она очень обрадовалась, опять усѣлись мы въ ея маленькой гостиной, около лампы съ темнымъ абажуромъ, какъ и первый разъ.

Она посмотрѣла на меня и ничего не говорила, какъ это дѣлаютъ обыкновенно, когда хотятъ сказать что нибудь очень любопытное или какую нибудь важную новость.

— Вы что-то хотите сказать?—началъ я.

— Да,—отвѣтила она.—Скажите, пожалуйста, вы вотъ, вѣроятно, знаете,—читаю я все: женскіе курсы... высшіе курсы... Что это такое? Я вѣдь ничего этого не знаю. Понятія объ этомъ никакого не имѣю.

— Это курсы, устроенные для женщинъ.

— Да что это такое?

— Какіе курсы? медицинскіе, педагогическіе? Вѣдь есть разные.

— Приходящія? Или живутъ тамъ?

— Большинство приходящія, но есть и общежитія.

— Можно это посмотрѣть?

— Вѣроятно. Я думаю.

— Это меня интересуетъ.

— Это очень интересно. Это еще новое у насъ дѣло.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Она замолчала и думала. Я смотрѣлъ на нее, снова ничего не понимая: «не можетъ же быть, чтобы она хотѣла поступить туда?»...

— Васъ собственно что̀ интересуетъ-то на этихъ-то курсахъ?—спросилъ я.

— Меня что̀ интересуетъ?—повторила она:—а вотъ видите... Какія это все женщины?

— Тамъ и женщины есть, и дѣвушки.

— Да какія онѣ?

— Тоже разныя.

— Какого типа?

— Разнаго.

— Мнѣ, вотъ видите, ужасно хотѣлось бы хоть одну видѣть.

— Да по одной вы не составите обо всѣхъ понятія.

— Это все вѣдь новые люди для меня... Я вѣдь понятія объ нихъ никакого не имѣю... Я бы и не одну, и больше хотѣла видѣть. Какъ это сдѣлать?

— Поѣзжайте, посмотрите, увидите.

— А вы ни съ одной не знакомы?

— Нѣтъ, знаю очень многихъ. Ну, конечно, онѣ для васъ новые люди. У васъ въ гербаріумѣ, въ прошедшемъ, нѣтъ такихъ, разумѣется,—сказалъ я.

Она подумала и проговорила:

— Вотъ видите... Ну, однимъ словомъ, это вамъ все равно, какъ и почему я пришла къ этому, какъ эта мысль явилась у меня,—только я бы хотѣла ихъ видѣть, говорить съ ними, хорошенько всмотрѣться въ нихъ... За время моего нахожденія въ гербаріумѣ, это самое крупное, что народилось у васъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ это такъ кажется. И потомъ, онѣ мнѣ интересны и близки, какъ женщинѣ женщины.

— Вотъ такъ и сдѣлайте, какъ я говорю,—сказалъ я:—поѣзжайте, посмотрите, познакомьтесь съ одной, съ другой, съ пятой, съ десятой.

— Это самое лучшее будетъ?

— Конечно. Да какъ же иначе-то? Не привести же вамъ одну или двухъ изъ нихъ на посмотрѣніе...

— Да, разумѣется,—подумавъ, согласилась она.

Я смотрѣлъ на нее, стараясь проникнуть въ ея мысль, что она затѣваетъ.

— А потомъ я вамъ скажу, что мнѣ въ голову пришло по поводу ихъ. Это я вамъ черезъ мѣсяцъ скажу,—заключила она.

— Хорошо, съ удовольствіемъ послушаю.

Она начала меня подробно разспрашивать о ихъ бытѣ, о томъ, кто такія онѣ, большей частью изъ какого слоя общества, какихъ больше — достаточныхъ или бѣдныхъ и проч., и проч. Потомъ,—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ это и съ чего началось... Точно, какъ я бы ей про Китай разсказывалъ, воспоминанія изъ путешествія. И все: — «Да?» — «Серьезно?» И потомъ:—«Ну, да ничего, я наверстаю»...

XXV.

Прошло съ мѣсяцъ времени. Въ Петербургѣ была сильная оттепель. На улицахъ стояли лужи, съ крышъ капало. Дворники по обыкновенію счистили весь снѣгъ, и ѣздить на саняхъ стало невозможно. Въ одинъ такой прекрасный день я пробирался на несчастномъ извозчикѣ изъ города на Васильевскій Островъ. Поднимаясь на Николаевскій мостъ, лошадь стала, извозчикъ соскочилъ съ облучка и, идя рядомъ съ лошадью, немилосердно хлесталъ ее кнутомъ. Я остановилъ его и тоже вышелъ изъ саней. Отдавая ему монетку, я услыхалъ, позади кто-то назвалъ меня по имени и отчеству.

— Не къ намъ ли изволили ѣхать?—говорилъ мнѣ Аверьянъ, когда я оглянулся.

— Ахъ, здравствуйте. Нѣтъ. А что?

— Да такъ, можетъ, вспомнили о насъ...

Онъ говорилъ это какъ-то странно, говорилъ и видимо чего-то не договаривалъ. Я взошелъ на панель моста и остановился съ нимъ.

— Ну, что Зинаида Евграфовна?—спросилъ я.

— Слава Богу-съ.

— Перцевъ не бываетъ у васъ?

— Какой ужъ Перцевъ! — отвѣтилъ Аверьянъ опять какъ-то загадочно, такъ что я посмотрѣлъ на него.

Онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Теперь насъ мамзели одолѣли...

Я не понималъ его.

— То-есть, это кто же, какія же это мамзели?

— А вотъ-съ эти, что учатся-то здѣсь. Какъ ихъ?—курсистки что ли...

— Да-а! Вотъ какъ!—воскликнулъ я.

— Какъ же-съ... И мы къ нимъ, и онѣ къ намъ. Каждый день только и знаемъ, что или къ нимъ ѣздимъ, или ихъ принимаемъ.

— Ну, слава Богу,—сказалъ я.—Это, всетаки, лучше, чѣмъ г. Перцеву деньги давать.

— Лучше-съ? Вы изволите думать? — съ ядовитой усмѣшкой проговорилъ Аверьянъ.

— Да какъ же нѣтъ!.. Господь съ вами!

— А помоему—такъ, какъ бы хуже того еще не вышло.

— Это почему?

— Потому, ужъ я вижу, куда это дѣло пошло...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— То есть, что же, вы думаете, онѣ у нея деньги будутъ выманивать? Нѣтъ, этого не будетъ,—сказалъ я.—Если она и поможетъ нуждающейся какой, такъ вѣдь это же пойдетъ на дѣло: это вѣдь не Анатолію Борисовичу дать.

— Ничего я не знаю-съ. Онѣ вѣдь насъ нынче не спрашиваютъ ни о чемъ. Это прежде бывало: чуть что, купить ежели что, сейчасъ:—«Аверьянъ, Евпраксія, какъ вы думаете, хочу я вотъ то-то и то-то купить». А нынче онѣ насъ не спрашиваютъ...

Аверьянъ былъ видимо недоволенъ и даже крайне возмущенъ поведеніемъ барыни. Хотѣлъ было я ему сказать: — «да что же, братецъ, ты тутъ понимаешь», но удержался и ничего не сказалъ.

Онъ продолжалъ:

— Вотъ такъ-съ: служили, служили, думали, хотя подъ старость уголъ себѣ свой заслужимъ.

Я опять промолчалъ.

— «Ужъ ты, Аверьянъ, и ты, Евпраксія, будьте покойны, умру ничего не возьму, родныхъ у меня никого нѣтъ, все вамъ оставлю»,—передразнивалъ онъ Алябьину.

— Эхъ, Аверьянъ,—сказалъ я:—вздоръ какой вы думаете, ну, кому же она оставитъ все, — конечно, вамъ же. И роздастъ если, ну, тысячу какую, вѣдь это же, я вамъ говорю, не г. Перцеву—все же еще вамъ останется. И вы съ женой вашей ужъ не молодые, дѣтей у васъ нѣтъ, оставлять вамъ тоже не кому...

— Нѣтъ-съ, у меня племянники есть, братнины дѣти, тамъ, въ деревнѣ, живутъ, имъ тоже помочь надо. Кто же имъ поможетъ?—вдругъ съ живостью и досадой сказалъ онъ.

Мы помолчали немного.

— Да вы чего собственно боитесь-то? — сказалъ я: — что она имъ, этимъ барышнямъ, все роздастъ? Весь свой капиталъ имъ отдастъ? У нея сколько этого капитала-то?

— Да вѣдь мы вотъ до этого года жили скромно, ни сами ни къ кому, ни къ намъ никто. Тратить мы что же тратили? Съ насъ и того хватало, что съ квартиръ получали, а до капитала-то мы не касались,

— Сколько же у нея?

— А Богъ ее знаетъ, сколько у нея теперь осталось, — уклончиво отвѣтилъ Аверьянъ.

— Ну, сколько у нея было до появленія у васъ этого г. Перцева? Она ему сколько дала,—5.000?

— Нѣтъ-съ, шесть.

— Ну, а сколько всего-то было у нея?

— Да больше сорока тысячъ было. Сорокъ три тысячи было, да купоны за годъ,—наконецъ, и то нехотя, съ трудомъ проговорилъ онъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, вотъ видите!—воскликнулъ я.—Останется еще довольно вамъ, хватитъ вамъ на всю вашу жизнь.

— Это вы такъ говорите только,—отвѣчалъ мнѣ Аверьянъ,— потому что вы не знаете, а мы-то ужъ догадываемся, что онѣ затѣваютъ-то, на какую сторону Зинаида Евграфовна гнутъ-то. Не говорятъ онѣ намъ, думаютъ, мы изъ ихъ разговоровъ-то ничего не понимаемъ, только мы все это, сударь, отлично понимаемъ... отлично... охъ, какъ хорошо.

— Да вы что думаете-то, чего собственно вы боитесь-то?— спросилъ я.

— А того-съ, что не только ужъ намъ, а и имъ-то самимъ, Зинаидѣ Евграфовнѣ, по ихъ затѣямъ, какъ бы только что, Богъ далъ, до скончанія ихъ жизни хватило,—съ презрительной усмѣшкой отвѣчалъ онъ.

— Не понимаю. Что же она роздаетъ много?

— Этого ужъ мы не знаемъ, а планы у нихъ въ головѣ такіе, что до добра ихъ не доведутъ.

— Стипендіи она, что ли, имъ выдаетъ?

— Какъ-съ?—переспросилъ Аверьянъ.

— Стипендіи... Это значитъ положила въ какое нибудь учрежденіе капиталъ, а проценты съ него чтобы шли на содержаніе одной или двухъ, сколько тамъ, ученицъ.

— Не знаю-съ. Ничего не знаю-съ... Можетъ, и до этого дойдутъ... Только я васъ спрошу, по какому же это такому праву онѣ, Зинаида Евграфовна, поступить такъ могутъ, коли ежели онѣ намъ съ женой сами духовный документъ выдали? — спросилъ Аверьянъ и сдѣлалъ одинъ глазъ хитрымъ.

Я на это улыбнулся.

— Ужъ не знаю,—сказалъ я.

— Ежели онѣ,—продолжалъ Аверьянъ,—выдали ужъ однажды на себя духовный документъ, то развѣ онѣ потомъ могутъ поступать такъ? Это еще мы увидимъ. Мы еще ихъ объ этомъ спросимъ.

Онъ даже поблѣднѣлъ, и губы у него судорожно двигались.

— Такихъ правъ у нихъ, у Зинаиды Евграфовны, не можетъ быть,—продолжалъ онъ.—Почемъ онѣ знаютъ, можетъ быть, мы изъ-за этого ихъ духовнаго документа и служили у нихъ съ женою все время, будучи въ надеждахъ, что этимъ самымъ себѣ уголъ подъ старость пріобрѣтаемъ.

— Охъ, Аверьянъ,—сказалъ я,—смотрите, осторожнѣй будьте.

Но онъ былъ непоколебимо убѣжденъ въ какомъ-то своемъ правѣ на нее на основаніи этого «духовнаго документа» и, повидимому, рѣшилъ, что насталъ, наконецъ, моментъ ему начать дѣйствовать.

Мнѣ не хотѣлось, чтобы дѣло дошло у нихъ до разрыва. Мнѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ихъ обоихъ—и его, и ее—было бы непріятно, даже жалко видѣть въ ссорѣ, и я сказалъ ему:

— Если вы, Аверьянъ, думаете начинать судиться съ ней, я васъ предупреждаю: вы навѣрняка проиграете. Духовныхъ завѣщаній можно писать сколько угодно. Сегодня она могла вамъ написать, завтра мнѣ, и то только и дѣйствительно будетъ, которое написано позже всѣхъ. Это ужъ я хорошо знаю, и вы мнѣ повѣрьте.

Но онъ посмотрѣлъ на меня до того снисходительно,—дескать, ужъ знаемъ, вѣроятно, что дѣлаемъ,—что я понялъ, что всякія мои дальнѣйшія вразумленія его будутъ дѣломъ совершенно напраснымъ, и прекратилъ этотъ разговоръ.

— Заѣзжайте, полюбуйтесь, — немного помолчавъ, иронически проговорилъ онъ.

XXVI.

Меня онъ очень заинтересовалъ всѣми этими разсказами объ Алябьиной и своими разсужденіями и намѣреніями что-то предпринять противъ нея. Я хотѣлъ какъ нибудь вскорѣ заѣхать къ ней, посмотрѣть и на нее, что за перемѣна въ ней произошла, и вообще что такое у нихъ тамъ идетъ; но у меня столько оказалось своего дѣла, къ тому же я разсчитывалъ скоро разстаться съ Петербургомъ и уѣхать въ этомъ году на лѣто пораньше въ деревню, что никакъ не могъ выбрать свободное время, чтобы съѣздить къ нимъ на Петербургскую сторону. Въ этихъ хлопотахъ, сборахъ и устройствахъ своихъ дѣлъ я дожилъ и этотъ разъ до весны, когда обыкновенно ужъ уѣзжаю наконецъ.

Былъ чудный, весенній день, ранней петербургской весны; все ужъ зазеленѣло, погода стояла ровная, жаркая, совсѣмъ какъ лѣтомъ. Я выбрался изъ города просто прокатиться по островамъ и вдругъ вспомнилъ объ Алябьиной. По дорогѣ я заѣхалъ къ ней.

Хорошенькая усадьба ея, теперь въ зелени, окруженная зелеными березками, липками, кленами, была прелесть какая уютная, веселая. На дворѣ шла какая-то постройка; стучали топоры, шипѣли пилы, всюду стружки, щепки, пахло свѣжимъ сосновымъ деревомъ. Я хотѣлъ было позвонить у подъѣзда, но увидалъ самое Алябьину, сидѣвшую на стулѣ какъ разъ передъ новымъ строеніемъ. Возлѣ нея стояли двое мужиковъ, и она съ ними разговаривала. Я пошелъ къ ней. Она увидала и очень обрадовалась мнѣ. И видъ у нея былъ такой веселый, довольный.

— Ахъ, досада какая,—вдругъ сказала она:—все вы не ѣхали, забыли меня совсѣмъ; чтобы вамъ еще недѣльку-другую подождать, тогда бы все ужъ у насъ готово было. Я и то такъ и порѣшила—непремѣнно васъ звать на новоселье.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да что это такое вы строите?—спросилъ я.

— Это-то?—она кивнула на постройку. — А вотъ видите что: на этомъ мѣстѣ флигель прежде стоялъ, у меня его подъ пріютъ нанимали, а теперь пріютъ выѣхалъ, свой домъ купилъ, я и хотѣла было просто отремонтировать хорошенько помѣщеніе, да какъ начали кое-что передѣлывать, глядимъ, флигель-то весь ужъ гнилой. Ну, знаете, мнѣ и не захотѣлось начинать этакое дѣло Богъ знаетъ какъ, въ гниломъ флигелѣ... Ахъ, да что-жъ я, впрочемъ, вамъ говорю,—спохватилась она:—вѣдь вы ничего не знаете...

— Ничего.

— О!—воскликнула она.—Тутъ у насъ все вверхъ дномъ пошло...

— Да что такое?

Я чуть было не сказалъ про Аверьяна, что слышалъ отъ него о какихъ-то перемѣнахъ, но во время вспомнилъ и ничего не сказалъ ей.

— Закутили? Новый домъ строите?

— Теперь совсѣмъ новый, двѣнадцать комнатъ. Вотъ эти,—она указала на окна справа,—вотъ эти четыре комнаты мои будутъ, я тутъ буду жить.

— А въ домѣ?

— Гдѣ? Въ домѣ?—Домъ отдаваться въ наемъ будетъ...

Я смотрѣлъ на нее и ничего не понималъ.

— О, вы ничего не знаете, что мы тутъ затѣваемъ!—смѣясь, сказала она.—Вы ничего не знаете, вамъ разсказать еще надо.

— Ничего не знаю,—повторилъ я.

— Я вамъ разскажу.

Она что-то повторила мужикамъ, все еще стоявшимъ передъ нею — рѣчь шла о какой-то перегородкѣ, которую надо переставить, потому что такъ будетъ удобнѣе; мужики-плотники ушли, и мы съ ней остались вдвоемъ передъ постройкой: она сѣла на стулъ, а я присѣлъ на какой-то обрубокъ.

Она смотрѣла на меня, молчала и улыбалась.

— Ну-съ,—сказалъ я,—вы хотѣли разсказывать...

— Да вотъ не знаю, какъ начинать, т. е. съ чего начинать... Ну, вы помните, тогда, когда вы были у меня послѣдній разъ, когда я еще вызывала васъ письмомъ-то?

— Помню.

— Помните, я къ вамъ приставала все съ разспросами объ этихъ учащихся дѣвушкахъ у насъ?

— Помню.

— Познакомилась я тогда, тутъ же какъ-то вскорѣ...

Она замолчала и опять посмотрѣла на меня.

— Ну, и что-жъ понравились онѣ вамъ?

— Понравились, или не понравились—это другой вопросъ: конечно, многія изъ нихъ очень странныя, т. е. и держатъ себя, и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

манеры... Ну, да гдѣ же нѣкоторымъ изъ нихъ было и манеръ этихъ набраться... Но между ними я такую бѣдноту нашла... Ахъ, вы не можете представить себѣ, какія есть бѣдныя между ними.

— Я знаю,—сказалъ я.

— Ахъ, какія есть бѣдныя. Одной колбасой да чаемъ только и питаются... Ну, только вотъ, когда я узнала это все и основательно это все узнала, и начала я думать. Потомъ побывала у нихъ въ общежитіи... Ну, тамъ всѣ только со средствами живутъ, которыя могутъ за себя платить. Хорошо тамъ, спору нѣтъ, но для бѣдныхъ это недоступно... Вотъ я, послѣ всего этого, и надумала, наконецъ.

— Устроить у себя имъ общежитіе?

— Да!..

— Доброе дѣло.

— Не общежитіе, а такъ, знаете, по выбору, какія мнѣ больше пришлись по душѣ, предложить пятерымъ или шестерымъ изъ нихъ жить у меня—комнаты и все прочее готовое.

— Отлично.

— Много я не могу, но шестерыхъ устрою... Я ужъ и ѣздила, куда нужно, спрашивала, достала разрѣшеніе... У меня ужъ все готово. Вотъ только,—она кивнула опять головой на постройку,—вотъ только за этимъ дѣло теперь и стало... Хотите, пойдемте туда, я вамъ все покажу, какъ тамъ будетъ,—продолжала она.

Я, разумѣется, согласился, и мы пошли. Вчернѣ флигель,—я называю его только флигелемъ, а это былъ порядочный деревянный домъ,—былъ уже совсѣмъ готовъ, и крыша, и полы, и печи; шли только ужъ чистыя, больше столярныя ужъ отдѣлки: прибивали наличники у оконъ, передѣлывали какую-то перегородку и проч. Оставалось только оштукатурить внутри стѣны, снаружи обить тесомъ, вставить рамы, выкрасить полы.

— Вотъ это будетъ общая столовая. Это вотъ общая умывальная и гардеробная. Здѣсь у каждой будетъ стоять свой шкафикъ—это я, знаете, чтобы въ комнатахъ у нихъ не было безпорядка, а то вездѣ будутъ платья, юбки: не слѣдить же, не осматривать же ихъ комнаты каждый день, не ловко вѣдь это... А вотъ эти четыре комнатки будутъ моими, тутъ я буду жить. Это тоже необходимо... Всетаки, онѣ молодыя дѣвушки...

Я ходилъ и хвалилъ.

Когда, наконецъ, мы все осмотрѣли и ужъ выходили, направляясь опять къ своимъ мѣстамъ, гдѣ до этого сидѣли, я случайно взглянулъ на одно изъ оконъ въ домѣ, прямо противъ новой постройки, и увидалъ въ немъ Аверьяна, сидѣвшаго, положивъ голову на руку, и смотрѣвшаго на насъ.

— «Значитъ, все еще онъ тутъ живетъ, не поссорились они»,—подумалъ я.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XXVI.

— Ну, что же, одобряете это все? — спросила она меня, останавливаясь передъ фасадомъ постройки.

— Одобряю. Очень хорошо... и лѣсъ хорошій, толстый...

— Нѣтъ, я спрашиваю не объ томъ, а вообще мысль эту, устроить эти квартирки?

— О, еще бы!

— Вѣдь, у меня что въ мысляхъ-то: я хочу, чтобы это дѣло было поставлено на твердую ногу, чтобы и послѣ моей смерти оно продолжалось бы все точно также. Мѣсто здѣсь у меня огромное, вонъ видите сколько пустаго: это все вѣдь застроить можно. Квартиры отдавать въ наемъ, и на это содержать пріютъ.

Она начала мнѣ объяснять, какъ это все она намѣрена осуществить, что ей для этого нужно будетъ сдѣлать и проч., и проч. Видно было, что это все у нея не фантазія одна только и не предположенія, которыя при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью могутъ разрушиться, а серьезно обдуманное намѣреніе, для приведенія въ исполненіе котораго она собрала и обсудила всѣ необходимыя свѣдѣнія, взвѣсила, оцѣнила ихъ, и теперь ужъ все дѣло за временемъ, а она не остановится, не раздумаетъ.

И было странно смотрѣть на эту женщину, всю погруженную теперь въ разсчеты и соображенія, исполненную предпріимчивости, энергіи. Еще и полугода не было, какъ я съ ней же бесѣдовалъ, болталъ, вспоминая отдаленное прошлое, и она мнѣ высказывала тогда, что она живетъ только въ одномъ этомъ прошедшемъ, одними этими своими воспоминаніями, сравнивала себя съ засушеннымъ цвѣткомъ изъ гербаріума, который сохранилъ, благодаря счастливымъ условіямъ, только одинъ свой цвѣтъ, а жизни ужъ нѣтъ въ немъ, и онъ никогда ужъ не почувствуетъ ни ея радостей, ни ея огорченій и печалей, ея тревогъ и заботъ...

— Что вы такъ... странно какъ-то смотрите на меня?—вдругъ спросила она.

— Я?—Ничего,—сказалъ я.

— Нѣтъ, вы что-то думали... Вы думали, вѣроятно: вотъ, нечего ей дѣлать, — отъ пустоты, отъ бездѣлья затѣваетъ благотворительную игру. Ничего не смыслитъ въ этомъ во всемъ, ничего не знаетъ, не понимаетъ, и берется.

— Никогда этого не думалъ. А думалъ, какъ мы съ вами полгода назадъ бесѣдовали, что вы тогда говорили,—помните о засушенномъ цвѣткѣ, который ужъ никогда больше не почувствуетъ жизни и не отзовется на нее, — и что теперь вы говорите и дѣлаете.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Жизнь увидала и захотѣлось самой жить. Хоть бочкомъ, сторонкой, да присоединиться къ толпѣ, пойти съ ней... Вы не поймете этого чувства,—заключила она.

— Это почему?

— А потому, что это надо испытать. Надо, чтобы понять эту радость жизни, прожить тридцать лѣтъ такъ, какъ я ихъ прожила.

— Только, пожалуйста, не примѣшивайте къ этому чувства раскаянія. А то начнутся у васъ эти напрасныя сожалѣнія о потерянномъ времени, о загубленной понапрасну жизни, о преступномъ эгоизмѣ, который позволялъ вамъ сосредоточиться только на одной себѣ, на однихъ чувствахъ и забыть всѣхъ — неимущихъ, голодныхъ, холодныхъ, которыхъ вы могли бы и должны бы спасать, утѣшать, которымъ вы обязаны помогать, и проч., и проч.

— Да, и я сознаю все это, и это вѣрно.

— Вѣрно, я не спорю. Но только, если вы будете предаваться этимъ позднимъ и грустнымъ размышленіямъ, вы ничего не сдѣлаете для живой жизни. Вы все будете думать опять-таки, въ сущности, о себѣ, о потерянномъ времени, сколько вы его потеряли,— все, что вы начнете и что сдѣлаете, будетъ вамъ казаться малымъ, ничтожнымъ, не стоящимъ названія дѣла; будете это сравнивать съ тѣмъ, что вы могли бы сдѣлать, если бы взялись за дѣло двадцать лѣтъ назадъ, и проч. Это все только будетъ убивать въ васъ рѣшимость, энергію, смыслъ дѣла, за которое вы беретесь. Этого вы больше всего бойтесь.

Она внимательно слушала.

— Вы помните только одно,—продолжалъ я:—свою тогдашнюю жизнь, свои тогдашніе взгляды и сравниваете ихъ съ теперешними. Можетъ быть, для того, чтобы они перемѣнились такъ, для васъ было необходимо прожить эти двадцать пять, тридцать лѣтъ именно такъ, какъ вы ихъ прожили. Можетъ быть, иначе въ васъ бы не заговорила такъ и самая эта радость жизни, и энергія, и готовность служить на пользу людямъ. Почемъ вы знаете, можетъ, это необходимо было все...

— Почему вы это такъ думаете?—вдругъ спросила она и сейчасъ же добавила:—почему вы узнали, что все это мнѣ приходитъ въ голову?

— Потому что и мнѣ самому это часто приходитъ на мысль о самомъ себѣ, и, потомъ, это общечеловѣческая черта — почему же вамъ быть исключеніемъ?

— Да, это тяжелое чувство, — проговорила она.

— И безплодное совсѣмъ.

— И вы вѣрно замѣтили, что это эгоистическое чувство,—продолжала она. — Это саморазсматриваніе себя въ прошедшемъ нисколько не ведетъ къ самосовершенствованію въ настоящемъ. Это

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

только опять-таки прилѣпливаніе мысли къ своей собственной особѣ... Я недавно читала объ одномъ пустынникѣ, это въ древности было, какъ онъ сорокъ лѣтъ прожилъ, отрѣшившись отъ жизни, и все думалъ только о спасеніи своей души, и вдругъ ему пришло въ голову, онъ догадался, что онъ величайшій эгоистъ, который только можетъ быть.

— И что-жъ онъ сдѣлалъ, когда онъ очнулся, понялъ это, догадался наконецъ?

— Онъ, видите ли, почувствовалъ жажду жизни тоже нѣсколько... опять-таки эгоистично. Онъ захотѣлъ пожить на закатѣ дней своихъ всласть... Онъ захотѣлъ любить, быть любимымъ, ну, и проч., и увидалъ, что онъ смѣшонъ, всѣ надъ нимъ только смѣются и обманываютъ его... Онъ удавился потомъ,—тихо добавила она:—но онъ самъ виноватъ, — продолжала она, — потому что онъ въ душѣ-то своей остался, всетаки, такимъ же эгоистомъ, какимъ и былъ. Это былъ, должно быть, очень чувственный старикъ...

— Да,—то онъ понялъ, что, заботясь о своей душѣ, онъ величайшій эгоистъ, а потомъ влюбляться сталъ, — тутъ что-то странное. Онъ, значитъ, не потому пересталъ заботиться о спасеніи своей души, что увидалъ въ этомъ эгоизмъ, а просто не выдержалъ искушенія, силы дольше не хватило у него на это... Онъ отчего бросилъ спасать душу? Это какъ случилось съ нимъ?

— Да все также вотъ...—отвѣтила она:—увидалъ живыхъ людей, столкнулся съ ними, сталъ вспоминать про свою молодость, про свою любовь, какъ онъ любилъ, какъ его любили... дальше ужъ онъ и не могъ въ гербаріумѣ оставаться...

Она помолчала немного и продолжала ужъ въ другомъ тонѣ:

— Это, всетаки, очень хорошая повѣсть. Тутъ есть одна у меня знакомая дѣвушка, изъ учащихся, она часто ко мнѣ приходитъ, и мы просиживаемъ съ ней иногда цѣлые вечера. Какъ жаль, что ея нѣтъ теперь,—я ей много про себя, про свою жизнь разсказывала,—она мнѣ эту книгу и дала. Это старинная книга, но она очень хорошо написана. Очень хорошо,—еще разъ повторила она.

Я посидѣлъ еще у нея и сталъ собираться уѣзжать.

— Когда же опять теперь заѣдете?

— Да ужъ не знаю. Я думаю надняхъ въ деревню ѣхать.

— А какъ же новоселье? Какъ же, вы развѣ у насъ не будете? Черезъ двѣ недѣли вѣдь все будетъ готово уже.

Я сказалъ, что разсчитываю уѣхать непремѣнно и едва ли попаду на новоселье.

— Ну, на всякій случай я вамъ пришлю записку съ извѣщеніемъ, вы пріѣзжайте непремѣнно тогда, если будете еще здѣсь.

Я обѣщалъ, разумѣется.

Когда я совсѣмъ уже уходилъ, въ усадбу съ улицы вошла молодая дѣвушка, очень скромно, но прилично одѣтая.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А вотъ и Халютина, это—про которую я вамъ говорила, что книгу-то эту мнѣ дала,—заговорила Алябьина.—Я ее пригласила со мной вмѣстѣ жить. Мы вотъ въ этихъ комнатахъ съ ней вдвоемъ будемъ жить.

Я простился съ Алябьиной и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ къ себѣ въ деревню.

XXVIII.

Въ Петербургъ я вернулся очень поздно, передъ самыми праздниками, и въ первый же день моего пріѣзда встрѣтился на улицѣ съ Аверьяномъ. Онъ ѣхалъ съ какими-то кордонками, корзинками, очевидно, съ покупками къ праздникамъ. Мы раскланялись, но онъ началъ что-то говорить мнѣ, показывая рукой, и заставлялъ своего извозчика повернуть ко мнѣ. Я также остановился.

— Зинаида Евграфовна приказали долго жить, — проговорилъ онъ, подъѣзжая ко мнѣ и останавливаясь рядомъ съ моимъ извозчикомъ.

Это было до того неожиданно услыхать для меня, что я только и могъ сказать: какъ?

— Отъ разрыва сердца-съ...

Мы оба подъѣхали къ тротуару у самой думы, вышли изъ саней, и онъ началъ разсказывать, какъ это все случилось.

Она скончалась какъ разъ наканунѣ новоселья. Что-то не было готово, она не успѣла или забыла получить какую-то бумагу, это все ее волновало очень, и вечеромъ, часовъ въ девять, вдругъ, сидя въ креслѣ, когда эта нужная бумага была ею уже получена, схватилась рукой за лѣвый бокъ, поблѣднѣла, проговорила: «ахъ, не хорошо мнѣ»... и, пока посылали за докторомъ, пока докторъ пріѣхалъ, ея ужъ не стало.

— Ну, и что-жъ?—спросилъ я.

— Похоронили ихъ честь честью... на Смоленскомъ... три священника были, съ пѣвчими. Потомъ столъ былъ... Все какъ быть ихъ званію надлежитъ...

— Ну, а.... нескромный вопросъ: кому же все послѣ нея досталось?

— Намъ-съ... Вѣдь духовный документъ на насъ съ женою у нихъ былъ.

— И домъ этотъ, и деньги всѣ?..

— Все-съ... Изъ денегъ онѣ растратили вотъ только, что успѣли на это новое обзаведеніе израсходовать, знаете: на бѣлье, посуду, самоварчики—только-съ...

— И еще тоже нескромный вопросъ: что же, въ этомъ новомъ флигелѣ кто же живетъ?

— Подъ квартиры-съ отдаемъ,—уже совсѣмъ хозяйственнымъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тономъ отвѣчалъ Аверьянъ, и сталъ звать меня сдѣлать ему честь не побрезговать заѣхать къ нему.

Я обѣщалъ, но никакъ не могъ собраться.

Потомъ ужъ и Аверьянъ, должно быть, умеръ, потому что мнѣ какъ-то пришлось проѣзжать мимо этого дома, и на воротахъ я увидалъ голубую вывѣску лентой и на ней надпись золотыми буквами: «домъ купца Масленникова».

А, можетъ, онъ и продалъ его...

С. Терпигоревъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ДО И ПОСЛѢ [1]).

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

XI.

„Съ поздравленіемъ“.

На ПОСЛѢДНЕЙ недѣлѣ поста бурсаковъ распустили. Пріѣзжала моя мать и говорила съ о. Петромъ. Она была поражена при извѣстіи, что меня не пустятъ на праздники. Но это было заявлено въ такихъ категорическихъ выраженіяхъ, что спорить не приходилось.

— Помилуйте, какъ мы его можемъ пустить? Вѣдь онъ исполатчикъ!

— Неужели? Онъ? Мой сынъ—исполатчикъ?

Мать моя была въ восторгѣ. Не ожидала она, чтобы ея маленькій сынъ сдѣлалъ такіе успѣхи и удостоился такой чести. Когда же ей сообщили, что я также и солистъ, то этимъ она была окончательно побѣждена и заявила:

— Ну, тогда, конечно... Тогда и говорить нечего!..

По моей просьбѣ она спросила, нельзя ли будетъ отпустить меня съ Пичужкой на четвертый день, хоть на недѣлю. О. Петръ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 370.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

неопредѣленно мотнулъ головой и еще болѣе неопредѣленно издалъ какой-то нечленораздѣльный звукъ.

— Мм... Посмотримъ, посмотримъ!.. Заранѣе невозможно сказать!..

Но Пичужко, который обо всемъ уже основательно подумалъ, замѣтилъ моей матери, когда мы были съ нею около экипажа (онъ уже ей понравился):

— Сидоровъ тоже вотъ такъ просился, и о. Петръ сказалъ ему: «посмотримъ»... А его отецъ,—онъ священникомъ въ Обдираловкѣ,—привезъ ему, о. Петру, передъ самымъ праздникомъ двухъ индюковъ да еще колбасъ, такъ о. Петръ на четвертый день самъ сказалъ Сидорову: ну, поѣзжай домой на недѣльку... Ей-Богу!..

Результатомъ этого разговора было то, что наканунѣ праздника въ городъ пріѣхалъ Антонъ и завезъ въ соборный домъ, на квартиру о. Петра цѣлый кулъ праздничнаго съѣстнаго добра, которое было принято великодушно. А это въ свою очередь привело къ тому, что въ тотъ же день послѣ генеральной спѣвки о. Петръ сказалъ мнѣ:

— Твоя мать просила отпустить тебя на недѣлю. Такъ ты, пожалуй, поѣзжай на четвертый день... И Пичужко, пожалуй, пусть ѣдетъ... только чтобы къ Крещенью были здѣсь. Да не забудь передать мой поклонъ твоимъ родителямъ!

Пришло и Рождество. Мы выстояли длинную обѣдню и прямо изъ церкви пошли къ архіерею на домъ. Онъ выпелъ къ намъ въ праздничной рясѣ, въ клобукѣ, съ четками; мы торжественно пропѣли ему концертъ, онъ поздравилъ насъ съ праздникомъ и выдалъ о. Петру двадцать пять рублей. Это уже было у него такое положеніе. Послѣ этого мы, мальчики, разговлялись, такъ какъ весь Филипповъ постъ намъ давали строго-постную пищу. Нечего и говорить, что мы съ Пичужкой придали мало значенія жалкой ѣдѣ, что стояла на общемъ столѣ. Какая-то сомнительная курица, кусокъ сала не первой свѣжести и селянка изъ колбасы съ капустой, да еще вареныя яица. У насъ въ сундукѣ было такое сокровище, какъ жареный поросенокъ, начиненный гречневой кашей, индюшка и колбасы, настоящія деревенскія колбасы, а не покупныя съ подозрительнымъ запахомъ.

Но такъ какъ ждать, пока всѣ выйдутъ изъ комнаты, чтобы мы могли сосредоточиться надъ нашимъ сундукомъ, у насъ не хватало терпѣнія, то мы вдругъ неожиданно для самихъ себя совершили подвигъ великодушія: вытащили изъ мѣшка поросенка и положили его на столъ. Нечего и прибавлять, что черезъ какія нибудь пять минутъ отъ него и слѣда не осталось. Индюшку же и колбасы мы утаили и рѣшили, что будемъ ѣсть ихъ тихонько отъ другихъ гдѣ нибудь въ укромномъ уголкѣ, въ глубинѣ развалинъ стараго дома...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Къ двумъ часамъ мы должны были снарядиться, чтобы начать хожденіе съ поздравленіями. Это было не трудно. Надо было облачиться въ такъ называемые «парады». Этотъ костюмъ еще и донынѣ не вышелъ изъ употребленія въ архіерейскихъ хорахъ. Мнѣ не такъ давно приходилось видѣть на петербургскихъ улицахъ взрослыхъ людей, облаченныхъ въ это во всякомъ случаѣ неудобное одѣяніе. Синій суконный кафтанъ длиной пониже колѣнъ, на груди толстая подкладка изъ войлока «для форсу», края кафтана обшиты бѣлымъ позументомъ, плечи приподняты и тоже съ войлочной подкладкой, сбоку какіе-то очень запутанные позументные шнуры въ родѣ адъютантскихъ аксельбантовъ, съ висящими тяжеловѣсными кистями. Костюмъ тяжелый, угловатый, некрасивый, мѣшавшій свободно двигаться и ходить. Мнѣ пришлось труднѣе всѣхъ, потому что на мою мѣрку «парада» не оказалось. Самый малый былъ мнѣ ниже пятъ и волочился по землѣ. Я былъ въ отчаяніи. Я просилъ, чтобы мнѣ позволили идти въ сюртукѣ, но объ этомъ и слышать не хотѣли. Это испортило бы весь эффектъ картины. Помилуй Богъ, всѣ пѣвчіе въ парадахъ, только одинъ о. Петръ въ рясѣ, и то въ своей новой темносиней рясѣ, и вдругъ какой-то мальчуганъ въ сюртукѣ. Это будетъ настоящее пятно на бѣломъ фонѣ, репейникъ среди букета нѣжныхъ цвѣтовъ, каковыми должны были представляться всѣ остальные мальчики, а также басы и тенора, а среди нихъ красноносый о. Павелъ и рыжеусый и всегда болѣе или менѣе пьяный Ѳедоръ.

Снаряженіе происходило въ спѣвочной, куда собрались всѣ и принесли «парады». Въ два часа пришелъ о. Петръ, и мы уже были готовы.

— Ну, что-жъ, двинемся, что ли?

И началось странное шествіе. Компанія человѣкъ въ тридцать растянулась въ длинную линію. Стоялъ легкій морозецъ, едва тронувшій поверхность жидкой грязи, заливавшей сплошь всѣ улицы. Поверхъ «парадовъ» мы накинули наши казенныя пальто, изъподъ которыхъ дикимъ образомъ висѣли длинныя полы синихъ кафтановъ съ позументами. Я долженъ былъ нести настоящій тяжелый трудъ, такъ какъ мнѣ все время приходилось подтягивать кверху и поддерживать обѣими руками полы моей парадной одежды, которыя иначе волочились бы и мѣшали бы мнѣ идти. Занятый этой работой и сосредоточенный на ней, я не сразу обратилъ вниманіе на то, что моему другу Пичужкѣ вмѣстѣ съ другимъ мальчикомъ досталась не очень завидная роль. Онъ шелъ неподалеку отъ меня, слегка наклонившись на правый бокъ, словно у него тутъ была привѣшена пудовая гиря. Я поровнялся съ нимъ и спросилъ его:

— Чего это ты такъ нагнулся?

— А ты думаешь, это легкая штука? — отвѣтилъ онъ, косясь однимъ глазомъ внизъ и въ бокъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что такое?

— А вотъ это!

Онъ приподнялъ лѣвой рукой полу пальто и показалъ мнѣ двѣ толстыхъ и длинныхъ нотныхъ тетради, которыя несъ въ правой рукѣ.

— Я несу ноты, я и Курбенко. Я несу басъ и альтъ, а онъ теноръ и дискантъ. Мы съ нимъ всегда носимъ ноты...

— Почему же только вы, а другіе не носятъ?—спросилъ я.

— Да ужъ такъ заведено. Всегда носятъ ноты тѣ, которые поплоше. Ну, а мы съ нимъ почти что безголосые. Такъ, неизвѣстно, за что насъ и держатъ... Вотъ мы и носимъ ноты. Тутъ всѣ концерты, на всякій случай... Потому кто нибудь попроситъ спѣть то, другое, третье...

— А вѣдь это тяжело, должно быть? а?

— А ты думалъ, легко? Фунтовъ по десять въ каждой тетради будетъ... Ну, да я привыкъ, мнѣ ничего. Я это всегда дѣлаю...

— Можетъ быть, я помогъ бы тебѣ? а?

— Куда тебѣ? Ты свои фалды едва ли донесешь какъ слѣдуетъ... Это тоже нелегкая штука...

Мы сдѣлали порядочный путь. Я слышалъ, какъ о. Петръ разговаривалъ съ о. Павломъ.

— Сперва, разумѣется, къ губернатору, а потомъ обойдемъ Привозную улицу. Часамъ къ пяти будемъ у Степана Ивановича, у него ужъ всегда закуска... Это ужъ каждый годъ... Тамъ вотъ и подкрѣпимся... Потомъ пройдемся по Старообрядческой, а уже какъ стемнѣетъ, къ Кургузенкѣ попадемъ... Ну, тамъ уже какъ слѣдуетъ подкрѣпимся. Кургузенко вчера меня встрѣтилъ. Такъ смотрите,—говоритъ,—о. Петръ, завтра ко мнѣ къ послѣднему, у меня для васъ готовится... Чудачина этотъ Кургузенко...

Губернаторскій домъ стоялъ особнякомъ и былъ самый красивый домъ во всемъ нашемъ губернскомъ городѣ. Прежде всего онъ выдавался своимъ казеннымъ кирпичнымъ цвѣтомъ, такъ что, проходя мимо него, всякій уже зналъ, что здѣсь живетъ казенный человѣкъ. Съ трехъ сторонъ его во второмъ этажѣ глядѣли на прохожихъ величественные балконы, а у главнаго входа былъ пристроенъ обширный павильонъ, около котораго день и ночь стояли два солдата. Домъ заканчивался башенкой съ длиннымъ шпицемъ, на которомъ вертѣлся флюгеръ, и не доставало только штандарта, чтобы вышло совсѣмъ торжественно.

Солдаты посмотрѣли на насъ съ недоумѣніемъ, но допустили до крыльца. Одинъ изъ теноровъ, болѣе практичный и развязный, пошелъ впередъ и дернулъ звонокъ. Вышелъ швейцаръ въ ливреѣ.

— Доложите ихъ превосходительству, что пришли пѣвчіе съ поздравленіемъ! — бойко сказалъ теноръ, костюмъ котораго мало отличался отъ ливреи швейцара.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Швейцаръ посмотрѣлъ на насъ и сказалъ снисходительно:

— Проходите, уже былъ приказъ!

Это никого не удивило, потому что губернаторъ всегда принималъ пѣвчихъ. Какъ это ни странно, но въ нашемъ губернскомъ городѣ это считалось почти доказательствомъ хорошаго тона.

— Послушайте, любезнѣйшій!—обратился о. Петръ къ швейцару со всей изысканностью, требуемой хорошимъ воспитаніемъ:—какъ бы намъ обо что нибудь ноги вытереть!

— А вотъ коврикъ!—швейцаръ указалъ глазами на маленькій коврикъ.

— Ахъ, нѣтъ, намъ коврикъ не идетъ!... Мы его совсѣмъ изгадимъ!

Швейцаръ внимательно посмотрѣлъ на наши ноги, блестѣвшія отъ толстаго слоя свѣжей грязи, и сказалъ:

— Н...да! Это вѣрно. Я вамъ рогожу принесу!..

И принесъ рогожу, которая въ двѣ минуты превратилась въ какіе-то грязные клочья. Мы поднялись по лѣстницѣ на верхъ, стараясь идти по обѣ стороны ковровой дорожки, такъ какъ, не смотря на истребленіе рогожи, всетаки, мало надѣялись на чистоту своихъ сапогъ.

Войдя въ обширный залъ, гдѣ стояло множество мебели, невиданныхъ и непонятныхъ для меня фасоновъ, рояль, висѣли картины, мы размѣстились полукругомъ у порога: басы и тенора позади, а мальчики впереди. О. Петръ же впереди всѣхъ и нѣсколько отступя отъ насъ. Онъ вынулъ изъ кармана камертонъ, извлекъ изъ него двумя пальцами звукъ, поднесъ камертонъ къ уху и задалъ тонъ. Затѣмъ онъ энергично махнулъ рукой, и мы звонкими голосами хватили fortissimo: «сла-а-а-а-а-а-ава во вышнихъ Богу»...

Въ то время, какъ мы пѣли, въ дверь изъ другой комнаты осторожно просунулся высокій старикъ съ бритымъ лицомъ: это былъ самъ губернаторъ; а изъ двери выглядывало нѣсколько женскихъ головокъ. Губернаторъ слушалъ внимательно, какъ истый любитель хороваго пѣнія, а головки присматривались къ намъ, шептали какія-то замѣчанія и смѣялись, очевидно, находя насъ очень смѣшными. Мы кончили. Губернаторъ подошелъ къ намъ и сказалъ:

— Благодарю васъ, господа! Какъ здоровье преосвященнѣйшаго владыки? Онъ, должно быть, утомился въ обѣднѣ?

— Владыка принимали насъ. Они здоровы, ваше превосходительство,—отвѣтилъ о. Петръ.

— Еще разъ благодарю васъ! Вы доставили мнѣ истинное удовольствіе!—и тутъ губернаторъ протянулъ о. Петру руку, которую тотъ пожалъ такимъ образомъ, какъ дѣлаютъ это опытные доктора послѣ визитовъ, какъ бы загребая нѣчто хрупкое и деликатное.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мы вышли, накинули на плечи верхнее платье и очутились на улицѣ. Тотчасъ около о. Петра образовалась группа изъ басовъ и теноровъ, среди которыхъ особенно суетился о. Павелъ.

— Сколько? — спросилъ о. Павелъ, не сводя глазъ съ руки о. Петра, которая оставалась сжатой въ кулакъ.

— У-у! Ужъ сейчасъ и насѣли! Сколько! сколько! Боитесь, что себѣ возьму, что ли!—и о. Петръ всенародно разжалъ кулакъ, въ которомъ оказались двѣ бумажки: красная и синяя.

— Пятнадцать! Гм... поскупился! А прошлый разъ двадцать пять далъ!

— То на Пасхѣ! Онъ на Пасхѣ всегда двадцать пять даетъ!.. Ну, теперь махнемъ по Привозной. Сперва къ Парамонову... Онъ любитъ, чтобъ къ нему прямо отъ губернатора. Въ прошлый годъ раньше зашли къ Котенкѣ, такъ Парамоновъ обидѣлся и не принялъ.

Парамоновъ былъ первой гильдіи купецъ, богатый и представительный. Хотя онъ и не былъ соборнымъ старостой, но въ соборѣ всегда стоялъ за свѣчнымъ столикомъ, красуясь своей шейной медалью на красной лентѣ. Когда мы позвонили, то вышедшая горничная прямо спросила:

— Отъ губернатора?

— Прямо отъ губернатора!— хоромъ сказали о. Петръ, о. Павелъ и Ѳедоръ. Впрочемъ, Парамоновъ и безъ того зналъ это, потому что слѣдилъ въ окно. Онъ уже раньше сдѣлалъ распоряженіе прислугѣ:

— Ежели пѣвчая придетъ отъ губернатора, зови въ комнату, а ежели къ кому другому зайдетъ, гони! Потому я никакъ не хуже другихъ, а много лучше!.. Я первой гильдіи!..

Но, не смотря на такое высокое мнѣніе о себѣ, Парамоновъ, съ степеннымъ умиленіемъ слушавшій наше пѣніе, сунулъ въ руку о. Петру всего лишь двѣ трехрублевки.

— Ишь-ты, скареда какая! Почтенія требуетъ, а красненькой пожалѣлъ!—говорили пѣвчіе на улицѣ.

— Что-жъ! двѣ трешницы — тоже деньги! И на нихъ можно выпить изрядно! — философски замѣтилъ Ѳедоръ, который рѣшительно всѣ явленія природы разсматривалъ съ этой весьма субъективной точки зрѣнія.

Какъ и было предположено, раіонъ Привозной улицы мы обошли къ пяти часамъ. Всюду, куда мы ни заходили, повторялось одно и то же. Мы становились у порога и пѣли все тотъ же праздничный концертъ, хозяинъ съ семействомъ умиленно слушали, а затѣмъ пожиманіе руки о. Петра и легкое выгребываніе съ его стороны. Это дѣйствіе, благодаря многолѣтней практикѣ, онъ производилъ съ необыкновенною ловкостью. Иные изъ хозяевъ считали приличнымъ поговорить о погодѣ, были и такіе, что указывали

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на столъ съ яствами и говорили: «не закусите ли?». Но говорили это такимъ тономъ, что мы немедленно отказывались. Да намъ и разсчета никакого не было, такъ какъ мы имѣли въ виду свои заранѣе намѣченные пункты, которые назывались на партесномъ языкѣ «паузами». Когда выходили на улицу, около о. Петра сейчасъ же мелькалъ о. Павелъ и раздавался торопливый вопросъ: «сколько?». О. Петръ разжималъ кулакъ. Можно было думать, что нашъ почтенный регентъ подозрѣвался въ нечистотѣ на руку: до такой степени строгъ былъ надъ нимъ контроль.

Наконецъ, около пяти часовъ мы добрались до Степана Ивановича и могли сдѣлать «паузу». Когда мы подходили къ дому Степана Ивановича, то услышали стукъ въ окно, и сквозь двойную раму на насъ смотрѣло весело улыбающееся жирное лицо хозяина. Очевидно, онъ уже давно поджидалъ насъ и уготовалъ для насъ многія блага. Дверь оказалась отверстою, такъ что мы вошли прямо безъ доклада. Знаніе нашихъ привычекъ тутъ было видно во всемъ, хотя бы, напримѣръ, въ томъ, что въ передней на полу лежали къ нашимъ услугамъ три рогожи, которыя мы сейчасъ же и превратили въ сплошную грязь. Когда же мы вошли въ обширную комнату, гдѣ мебель, однако-жъ, изъ предосторожности и не смотря на великій праздникъ, была покрыта сѣрыми чехлами, то видъ широко раскрытаго стола несказанно обласкалъ наше зрѣніе. Чего тутъ только не было, какихъ яствъ, и какія количества! Индивидуумы, какъ поросенокъ, индюшка, гусь, курица, присутствовали въ двухъ экземплярахъ каждый, а что касается неодушевленной мелочи, въ родѣ колбасъ, сальтисоновъ, ветчины и т. п., то этого было несмѣтное множество. Бутылки показывали свои горлышки изъ-за всѣхъ этихъ съѣстныхъ горъ, но надъ всѣмъ возвышалась огромная бутыль зеленаго стекла, и было до послѣдней степени очевидно, что въ той бутыли помѣщалась водка. Повторяю, знаніе вкусовъ и привычекъ нашей компаніи сквозило здѣсь во всемъ.

Однако-жъ, когда мы вошли и стали обычнымъ полукругомъ, хозяинъ что-то замѣшкался и вышелъ только тогда, когда раздалось наше пѣніе. Его добродушное, съ масляными глазами, лице, по своимъ размѣрамъ въ ширину, съ разными жировыми дополненіями ниже подбородка и за щеками, вполнѣ соотвѣтствовавшее его коренастой, широкой и кузатой фигурѣ, повидимому, очень хотѣло улыбнуться во всю ширь, но торжественность минуты обязывала къ сдержанности и благолѣпію, поэтому и онъ, и жена его, женщина тоже почтенныхъ размѣровъ, и чады съ домочадцами, которыхъ было множество, выдерживали постный видъ. Это была, такъ сказать, часть оффиціальная. Но едва мы протянули окончательный аккордъ, и въ то время, какъ Ѳедоръ тянулъ еще своей гремучей октавой послѣднюю ноту, хозяинъ, хозяйка, чады и до-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мочадцы, всѣ разомъ расцвѣли и привѣтливо заговорили, стараясь проявить передъ нами свою любезность.

— Просимъ покорнѣйше, господа! Садитесь, закусите, сдѣлайте милость! Подкрѣпите силы! Вамъ чего угóдно? А вамъ чего? Поросеночка? Индюшечки? Вотъ окорокъ! Хорошій окорокъ, удался вполнѣ! Отецъ Павелъ! Ѳедоръ Евстигнеичъ! Водочки! Уже? Ну, такъ по второй! а? И по второй уже? Вотъ и отлично! Такъ по третьей, чего же лучше!..

Это говорили всѣ разомъ и всѣ вертѣлись около стола, подставляя намъ разныя кушанья. Но это было напрасно. Наши аппетиты не нуждались въ поощреніи, они были великолѣпны. Мы и вообще не страдали слабостью аппетитовъ, но теперь, шляясь по улицѣ изъ дома въ домъ, нагуляли ихъ въ превосходной степени и ѣли отмѣнно.

Хозяева смотрѣли на насъ и любовались, какъ мы ѣдимъ. Я вообще замѣтилъ, что есть любители посмотрѣть, какъ ѣдятъ другіе. При этомъ требуются два условія: чтобы угощающіе были сыты, угощаемые — голодны и ѣли крѣпко, здорово и захлѣбисто. Изъ массы любителей такого рода выдѣляются особенные охотники угощать пѣвчихъ, потому что пѣвчіе, а въ особенности архіерейскіе, ѣдятъ и пьютъ классически. Этотъ своеобразный спортъ въ сильной степени развитъ въ провинціи среди купцовъ и болѣе запасливыхъ чиновниковъ. Въ столицахъ такого рода любители угощаютъ актеровъ, а въ нашемъ захолустьѣ никакихъ актеровъ никогда не водилось, поэтому пріятно было угостить хоть пѣвчаго. Степанъ Ивановичъ принадлежалъ къ такимъ спортсменамъ, и не только онъ самъ, но и все его многочисленное семейство,—женатые сыновья и замужнія дочери, на Рождествѣ и Пасхѣ, разговлялись у него съ своими женами и мужьями,—и все это, какъ главнаго развлеченія, ожидало прихода архіерейскихъ пѣвчихъ съ поздравленіемъ. И, безъ сомнѣнія, развлеченіе состояло вовсе не въ томъ, что пѣвчіе пропоютъ свой концертъ, который можно было послушать въ этотъ день и въ соборѣ, а именно въ томъ, какъ эта болѣе или менѣе голодная и любящая выпить и закусить орава будетъ насыщаться.

Бутылки звенѣли, бутыль зеленаго стекла дѣятельно перемѣщалась съ мѣста на мѣсто, но большею частью какъ-то застаивалась въ томъ пунктѣ, гдѣ сидѣлъ Ѳедоръ Евстигнеичъ. Надо отдать справедливость о. Петру, онъ насыщался невнимательно и больше бесѣдовалъ съ хозяевами. Когда же онъ всецѣло повернулся къ столу и взглянулъ въ то мѣсто, гдѣ стояла бутыль, то съ ужасомъ всплеснулъ руками.

— Ѳедоръ, съ ума сошелъ?! Ей-Богу, онъ съ ума сошелъ!— воскликнулъ о. Петръ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А-а-а! — комически проревѣлъ Ѳедоръ, страшно разинувъ пасть и стараясь залѣзть въ самую глубину своей октавы.

— Ѳедоръ, Ѳедоръ! Ай-ай-ай-ай-ай!—съ безконечнымъ укоромъ воскликнулъ о. Петръ.

Стоило только взглянуть на Ѳедора, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ уже почти готовъ. Изъ бутыли значительная часть влаги перешла въ его желудокъ. Ѣлъ же онъ не особенно много, но пилъ часто.

— Э, ничего, ничего,—говорилъ хозяинъ поощрительно:—вкушайте!

— Ѳедоръ Евстигнеичъ, вкушайте на здоровье!

— Уже вкусилъ! Вку-у-си-илъ! — заявилъ Ѳедоръ. Когда онъ порядочно выпивалъ, то говорилъ чистѣйшей октавой, протягивая послѣдній слогъ, какъ въ церкви.

— Да какъ же можно! Вѣдь намъ еще сколько ходить надо! Какъ же это возможно!—негодовалъ о. Петръ.

— А что, вы думаете, я не въ состояніи ходить? Ого-о-о! Еще васъ перегоню, о. Петръ! Ей-Богу, перегоню! Давайте, попробуемъ! а?

— Ей-Богу, это свинство! Этотъ Ѳедоръ, кажется, и взрослый человѣкъ, и басъ, и все какъ слѣдуетъ, а совершенно будто мальчикъ!

— Гм... Мальчикъ столько не можетъ выпить,—какой же я мальчикъ? Ха-ха-ха!...

И всѣ хозяева, и гости смѣялись на это замѣчаніе, а о. Петръ негодовалъ по поводу того, что дальнѣйшее хожденіе съ поздравленіемъ, пожалуй, придется совершать безъ октавы, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно, что октава есть украшеніе всякаго хора, и среди купцовъ большой спросъ на октаву.

Ѳедоръ въ доказательство того, что онъ въ сущности не пьянъ, порывисто поднялся съ своего мѣста, но въ тотъ же мигъ сѣлъ обратно. Приходилось ему убѣдиться въ противномъ.

— Гм... я пьянъ! Неужели я пьянъ?—спрашивалъ онъ не то себя самого, не то стоявшую передъ нимъ бутыль, а о. Петръ стоялъ тутъ же и качалъ головой.

— А я сейчасъ протрезвлюсь! Ей-Богу! Вотъ увидите! Я знаю одно такое хорро-ошее средство.—И онъ схватилъ бутыль, налилъ, но не рюмку, а винный стаканъ, и выпилъ залпомъ. Послѣ этого эпизода лице его сдѣлалось совсѣмъ безсмысленнымъ, глаза закрылись, и онъ благополучно уснулъ на мѣстѣ,

— Ничего, ничего!—говорили хозяева, весело улыбаясь. До такой степени любили они этотъ спортъ угощенія пѣвчихъ, что даже и это считали за пріятное,—Нѣтъ, ничего, ничего... Онъ у насъ отдохнетъ... У насъ есть такая комнатка...

— Какъ можно? Что вы? Развѣ можно безъ октавы? Безъ октавы невозможно!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Такъ вѣдь все одно—онъ не пойдетъ! Чѣмъ же онъ пойдетъ, коли у него совсѣмъ ногъ нѣтъ? Сами посудите!

Ѳедоръ въ это время въ полуснѣ задвигалъ ногами въ доказательство того, что у него ноги есть. Но это движеніе ровно ничего не доказало, и его пришлось почти что снести въ ту маленькую комнатку, о которой говорили хозяева. Пиршество между тѣмъ подвигалось къ концу. У мальчиковъ блистали глаза, потому что любезные хозяева ежеминутно подливали намъ вино. Насъ разбиралъ безотчетный смѣхъ, и мы весело хохотали. На столѣ уже лежали горы пряниковъ и конфектъ и всякихъ лакомствъ, хозяева брали ихъ пригоршнями и наполняли наши карманы. Но наполнить ихъ было не легко, ибо эти карманы, придѣланные къ «парадамъ», были необъятны. Повидимому, они дѣлались спеціально для «поздравленій». По крайней мѣрѣ, былъ случай, что одинъ басъ, у котораго дома сидѣло голодное семейство изъ одиннадцати душъ (такая разсказывалась легенда), однажды, ходя съ поздравленіемъ, всадилъ въ карманъ своего «парада» цѣлый окорокъ, слегка только надъѣденный, и тихонько занесъ его домой...

Мы простились съ хозяевами дружески. Они упрашивали насъ сидѣть еще, но намъ предстояло длинное путешествіе. Когда мы вышли и о. Петръ подъ контролемъ о. Павла раскрылъ кулакъ правой руки, то въ немъ, въ дополненіе ко всему, оказалась еще красненькая.

— Вотъ ужъ поистинѣ гостепріимный хозяинъ! — сказали въ одинъ голосъ басы и тенора: — и не гордъ... Не то, что Парамоновъ! Требуетъ, чтобы къ нему прямо отъ губернатора шли, а самъ скаредничаетъ—двѣ трешницы далъ!

Тутъ же, на улицѣ, держали совѣтъ по одному очень щекотливому вопросу.

— А Ѳедоръ-то каковъ?! Не выдержалъ! Помоему, это прямотаки скотство! — говорилъ о. Петръ, дѣйствительно сильно разгнѣванный на Ѳедора. Съ его регентской точки зрѣнія хоръ безъ октавы въ самомъ дѣлѣ казался чѣмъ-то крайне недодѣланнымъ, несовершеннымъ, ну, вотъ все равно, что лошадь безъ четвертой ноги или обѣдъ безъ водки.

— Какъ же мы съ нимъ теперь будемъ? а?—спрашивалъ о. Павелъ, всегда очень ревнивый къ денежнымъ вопросамъ.

— На счетъ чего это?

— Да на счетъ части! Какую теперь ему часть можно дать? Что-жъ, онъ дошелъ до половины и забастовалъ!..

— Ну, что тамъ! Неужели высчитывать? Это неблагородно. Вѣдь это у него болѣзнь такая! Это не отъ его воли.

— Хороша болѣзнь! Полъ-бутыли выжралъ одинъ! А хотя бы болѣзнь, мнѣ какое дѣло? Помоему, справедливость требуетъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чтобы вычетъ сдѣлать... Съ какой стати мое добро будетъ пропадать! Вѣдь онъ все-одно пропьетъ!..

— Нѣтъ, я не согласенъ! Это неблагородно! — повторилъ о. Петръ.—Это со всякимъ человѣкомъ можетъ случиться!.. Сегодня съ Ѳедоромъ, а завтра съ вами, о. Павелъ... Да!..

— Ну, ужъ это извините! Скорѣй это съ вами случится, о. Петръ, а со мной ничего такого не можетъ случиться...

— Да будетъ, будетъ! Съ вами только начни разговоръ, ужъ вы сейчасъ и станете задирать! Вы извѣстнѣйшій задира!..

— И нисколько не задира, а извѣстно—всякій человѣкъ свой собственный интересъ соблюдаетъ. Помилуйте, я буду драть глотку до вечера, а онъ будетъ себѣ сладко спать, и ему столько же, сколько и мнѣ. За что? Нѣтъ, на это я не согласенъ!

Вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ. Но хищный о. Павелъ еще очень долго говорилъ объ этомъ, подходилъ то къ одному, то къ другому пѣвчему и агитировалъ въ томъ смыслѣ, чтобы непремѣнно Ѳедора обидѣть.

XII.

Дѣлёжка.

Впродолженіе трехъ первыхъ дней праздника насъ таскали по дворамъ и всюду мы пѣли одно и то же. Тяжеловѣсные «парады», казалось, все становились тяжелѣй и тяжелѣй, а на третій день они были уже просто невыносимы. И такъ какъ къ этому дню и обыватели были оставлены попроще, то многимъ изъ насъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, было разрѣшено ходить въ сюртукахъ. «Парады» красовались только на пятерыхъ мальчикахъ, причемъ для этого были выбраны самые захудалые, т. е. тѣ, у которыхъ голосъ былъ наисходѣ или и совсѣмъ его не было, какъ у Пичужки.

Бѣдный Пичужко едва волочилъ ноги, таская уже третій день тяжелыя нотныя тетради. Мнѣ было гораздо легче идти въ сюртукѣ, и я возобновилъ попытку раздѣлить его ношу.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ!—буквально простоналъ онъ:—о. Петръ увидитъ, прибьетъ меня...

— Ну, можетъ, какъ нибудь не увидитъ... Я подъ полой буду держать!...

Пичужко серьезно задумался надъ этимъ вопросомъ. Мнѣ было жаль смотрѣть на моего друга. Лице у него было истомлено и блѣдно. «Парадъ» тѣснилъ его со всѣхъ сторонъ, со лба катились крупныя капли пота. Онъ то и дѣло перекладывалъ тетради изъ одной руки въ другую: такъ руки его быстро уставали. Но, наконецъ, онъ рѣшился. Мы незамѣтно отстали отъ процессіи и, когда она повернула за уголъ, Пичужко передалъ мнѣ половину своихъ тетрадей, а я поспѣшно спряталъ ихъ подъ полу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Теперь немного легче! — сказалъ онъ: — да гляди, чтобы о. Петръ не запримѣтилъ...

Я, разумѣется, только объ этомъ и заботился. Но зоркіе глаза были у о. Петра.

— Это что тамъ у тебя подъ полой отдувается?—спросилъ онъ у меня, когда послѣ раздѣванья въ какомъ-то домѣ я недостаточно ловко пристроилъ свои тетради.

— Это такъ... подкладка подвернулась! — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ я, боясь бѣды для Пичужки.

— Ну, какая тамъ подкладка!? Разсказывай! Должно быть, стибрилъ гдѣ нибудь цѣлую колбасу? а?

Это оскорбительное предположеніе вызвало на лицѣ моемъ густой румянецъ. Тѣмъ обиднѣе это было, что оскорбленіе было высказано передъ цѣлымъ хоромъ и вызвало общій смѣхъ.

— Я не тибрилъ колбасы!...—отвѣтилъ я, тяжело дыша и глядя на регента исподлобья.

— Ну, такъ цѣлую индюшку, должно быть...

Смѣхъ усилился. Хористы были веселые люди и очень любили всякіе поводы посмѣяться. Но въ то время, какъ меня такимъ образомъ травили, выступилъ Пичужко и самоотверженно заявилъ:

— Это не колбаса и не индюшка, о. Петръ!... Это онъ помогаетъ мнѣ нести ноты...

— Что-о? Ноты? Это почему?

— Ему очень тяжело. У него совсѣмъ руки замлѣли!... — объяснилъ я.

— Ха, ха! Вотъ нѣжности! Скажите, пожалуйста! Руки замлѣли!... Да что же ему больше дѣлать, если онъ нотъ не будетъ носить? Голосъ у него гусиный, и я не знаю, за что его въ хорѣ держатъ... Отдай ему ноты! А ты не нѣжничай, Пичужко!... Вотъ выдумки!..

Я долженъ былъ отдать тетради Пичужкѣ, который безропотно взялъ ихъ и опять, пыхтя и обливаясь потомъ, заковылялъ, какъ-то особенно нагибаясь впередъ и въ бокъ.

Въ этотъ день наше хожденіе кончилось раньше, чѣмъ въ предыдущіе, и ходили мы какъ-то вяло. Съ одной стороны столь однообразное занятіе всѣмъ надоѣло (насъ, мальчиковъ, оно и вовсе не прельщало), а съ другой—наши руководители не видѣли особеннаго интереса. Общая касса пополнялась слабо, потому что даянія были незначительны. «Больше изъ чести ходимъ», — говорили тенора и басы. Но и не ходить тоже нельзя было. Лица, которыхъ мы посѣщали въ этотъ день, были или знакомые регента и другихъ вліятельныхъ пѣвчихъ, или обѣднѣвшіе богачи, прежде платившіе щедро.

Часовъ въ шесть вечера мы уже пришли домой. До послѣдней степени усталые, мы тотчасъ же растянулись на своихъ жесткихъ кроватяхъ и предались отдохновенію. Наша праздничная роль была

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

окончена. Взрослымъ пѣвчимъ еще предстояло произвести дѣлежъ добычи, до насъ же это совсѣмъ не касалось.

Я лежалъ молча, погруженный въ мысли, которыхъ теперь не помню, но, должно быть, то были очень мрачныя мысли восьмилѣтняго мальчугана, послѣ трехдневнаго глупаго шаганья по городу и дранья глотки. Эти три дня праздника, на которые я привыкъ дома смотрѣть, какъ на самые отрадные дни въ моей жизни, были для меня самыми тяжкими рабочими днями. Ничего, кромѣ тяжести въ головѣ, ломоты въ утомленныхъ ногахъ и какой-то безысходной горечи въ сердцѣ, не ощущалъ я. Мнѣ хотѣлось плакать, кусать подушку, биться головой объ стѣну. И никогда въ жизни я не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, одинокимъ, брошеннымъ и обиженнымъ.

Въ комнатѣ былъ полумракъ, сумерки сгустились, но лампу не зажигали. Было положено, не взирая ни на какія показанія календаря, зажигать лампу въ девять часовъ. Въ обычные дни эти сумрачные часы мы проводили во дворѣ, бѣгая въ запуски вокругъ развалинъ стараго дома, но теперь было не до того. Быть можетъ, не одинъ я жалѣлъ о пропавшемъ праздникѣ, но и всѣ мои товарищи въ это время томились тѣмъ же чувствомъ. Впрочемъ, большая часть изъ нихъ заснули глубокимъ сномъ въ тотъ моментъ, когда легли на кровати. Не надо забывать, что иные пили вино вмѣстѣ съ взрослыми, которымъ доставляло какое-то особенное удовольствіе видѣть посоловѣлые глазки на дѣтскомъ лицѣ.

Кто-то прикоснулся рукой къ моей головѣ и сѣлъ на мою кровать. Я догадался и тотчасъ же убѣдился, что это Пичужко.

— Ты не спишь? — спросилъ онъ меня.

— Гдѣ тамъ?!—какимъ-то тономъ безнадежнаго отчаянья отвѣтилъ я. — Праздникъ пропалъ, совсѣмъ пропалъ!

— Э, что!... Я привыкъ!... Я уже и не помню, когда у меня былъ праздникъ! Я такъ смотрю: что для пѣвчаго праздникъ-то и есть самая каторга... Съ вечера надо отпѣть всенощную, это— съ шести до одиннадцати, а на другой день съ девяти да до часу на голодный желудокъ — обѣдня, а тамъ еще вечерня... Вотъ онъ нашъ праздникъ. Да еще ноты таскать. Вѣдь я всегда ноты таскаю, каждую субботу и каждое воскресенье изъ архіерейскаго дома да въ соборъ. Отъ этого у меня въ рукахъ какое-то дрожаніе сдѣлалось, и я никакъ не могу ровно писать научиться. Все какія-то дрожащія каракульки выходятъ. Нѣтъ, ежели-бъ не нужда, лучше бы въ бурсѣ жить, чѣмъ тутъ... Еще слава Богу, что архіерей меня любитъ, а то я не знаю, что они со мной сдѣлали бы... Экономъ меня въ водовозную тачку запрягалъ бы. Онъ меня терпѣть не можетъ...

— За что?

— За то, что архіерей любитъ. Такъ и называетъ меня «любимчикъ»... Послушай, да ты не вѣшай носъ. Что за охота?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Праздникъ пропалъ... Праздника мнѣ жаль! — повторилъ я и почувствовалъ, что слезы подступаютъ у меня къ горлу и дрожатъ въ голосѣ.

— Да вѣдь мы завтра ѣдемъ! — сказалъ Пичужко.

Послѣ этого восклицанія я вдругъ оживился, словно то, что сказалъ мой другъ, было для меня новостью. Правда, отъ усталости, огорченія и какого-то отупѣнія я почти забылъ объ этомъ или, по крайней мѣрѣ, не думалъ. Но, когда Пичужко напомнилъ мнѣ о завтрашнемъ отъѣздѣ, мои мысли приняли вдругъ самое веселое направленіе. Вся домашняя обстановка со всѣми мельчайшими подробностями разомъ встала въ моемъ воображеніи, сердце забилось радостно, голова посвѣжѣла, и я уже не ощущалъ никакой усталости. Я поднялся съ кровати.

— Знаешь что?—промолвилъ Пичужко и разсмѣялся.—Пойдемъ туда, къ спѣвочной!... я думаю, тамъ теперь какъ разъ самая драка происходитъ!...

— Какая драка? — спросилъ я.

— А обыкновенная драка. Вѣдь тамъ же дѣлятся...

— Кто дѣлится? — я сразу не могъ понять, въ чемъ дѣло.

— Басы и тенора! Ужъ это всегда дракой кончается, каждый годъ. О. Павелъ непремѣнно нападетъ на Ѳедора или съ самимъ отцомъ Петромъ сцѣпится! Ужъ это непремѣнно! Охъ, и жадный же этотъ о. Павелъ! Ты присмотрись, у него и глаза такіе, какъ у голодной собаки. Должно быть, онъ дома плохо ѣстъ, что ли!... Въ прошломъ году на Рождествѣ онъ съ о. Петромъ сцѣпился, да какъ! Другъ друга за косы... До архіерея дошло, и архіерей страшно разсердился, хотѣлъ обоихъ выгнать изъ хора, да они стали плакать... Простилъ. Пойдемъ! Я тебѣ говорю, что тамъ уже непремѣнно, если не дерутся, то ругаются!...

Нечего и говорить, что меня это очень интересовало. Посмотрѣть, какъ о. Павелъ и о. Петръ вцѣпятся другъ другу въ косы, да чего же лучше?

Мы вышли, спустились по невысокой деревянной лѣсенкѣ и прошли черезъ дворъ къ тому мѣсту, гдѣ одиноко стояло маленькое круглое зданіе съ куполомъ и со шпицомъ. Въ его широкія окна видѣнъ былъ тусклый свѣтъ. Подойдя поближе, мы могли различить фигуры пѣвчихъ. Большинство безучастно сидѣло за длиннымъ столомъ, ему, повидимому, было все равно, или же оно было увѣрено, что его мнѣніе не будетъ принято во вниманіе. О. Петръ сидѣлъ особнякомъ, то-есть за тѣмъ же столомъ, но около него съ обѣихъ сторонъ, какъ и во время спѣвокъ, образовалось пустое мѣсто. Онъ былъ красенъ, что-то убѣдительно говорилъ и стучалъ кулакомъ по столу. Его рыжіе волосы въ разныхъ мѣстахъ слипались отъ пота, который катился съ него градомъ, ряса и кафтанъ были разстегнуты, подъ ними была видна ситцевая рубашка

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и отчасти волосатая грудь. Рѣчь его была обращена главнымъ образомъ къ о. Павлу, который шагалъ по спѣвочной и неистово размахивалъ головой и руками. Очевидно, онъ протестовалъ противъ чего-то. На общемъ фонѣ еще выдѣлялась почтенная фигура благообразнаго дьякона Синицкаго, перваго баса и солиста, обладавшаго необыкновенно мягкимъ, бархатистымъ голосомъ. У него былъ такой же мягкій и пріятный характеръ, какъ и голосъ. Ѳедоръ стоялъ въ сторонкѣ и смотрѣлъ на споривших съ выраженіемъ добродушнаго презрѣнія. Его взглядъ какъ бы говорилъ: «и о чемъ люди спорятъ, чего ради ссорятся? Все едино будетъ пропито во славу Божію!».

Споръ между тѣмъ касался его. Это было видно изъ того, что спорщики ежеминутно указывали на него взглядами. О. Петръ иногда обращался къ Синицкому, и тотъ начиналъ высказывать свое благоразумное мнѣніе, но о. Павелъ порывисто перебивалъ его, махалъ рукой и завладѣвалъ рѣчью.

Мы подошли къ самой двери и стали слушать.

— Да что вы говорите!—раздраженно восклицалъ о. Петръ:— что онъ тамъ лишнее выпилъ, эка бѣда! Онъ октавистъ, а октависту невозможно не пить, не такъ ли, господа?

— Не-воз-мож-но!—отвѣтилъ за всѣхъ самъ Ѳедоръ глубочайшей октавой. Многіе засмѣялись.

— Ежели онъ не будетъ выпивать, у него никакой октавы не будетъ, а что тогда преосвященный скажетъ? Преосвященный любитъ, чтобы въ хорѣ гудѣла октава...

— Гу-у-у!—прогудѣлъ Ѳедоръ, желая, очевидно, тутъ же на дѣлѣ показать, какъ въ хорѣ гудитъ октава.

— Такъ пускай преосвященный назначитъ ему особое жалованье на выпивку!—возразилъ о. Павелъ.—Пускай тогда и выпиваетъ, а не на мои деньги!...

— Однако, о. Павелъ, ежели ужъ на то пошло, то и съ вами это бывало. Помните, на похоронахъ купца Самолетова? Вы тогда въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ были пироги,—ну, да, у васъ тамъ экономка была знакомая,—нализались еще до выноса, а ужъ во время обѣдни-то, когда пришлось пѣть концертъ «Возведохъ очи мои», вы—ни бе, ни ме!... Пришлось мнѣ соло выдѣлывать... Ну, а деньги тогда раздѣлили такъ, какъ бы этого не было!...

— То совсѣмъ другое дѣло! То на похоронахъ! Какія тамъ деньги? По полтора рубля на брата пришлось,—эка деньги! А тутъ за двѣсти карбованцевъ сумма доходитъ, это совсѣмъ другой запахъ имѣетъ... Нѣтъ, я этого ни за что не дозволю. Дѣлите, какъ хотите, а я буду жаловаться...

— Кому? Неужто къ преосвященному пойдете?

— А что-жъ такое? А хотя бы къ преосвященному? Я по справедливости...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А забыли, что было въ прошломъ году?...

— Въ прошломъ году вы, о. Петръ, ерепенились, оттого и вышло...

— Ну, какъ вамъ угодно. Я раздѣлилъ такъ,—и всѣ согласны, кромѣ васъ, о. Павелъ. Согласны, господа?

— Мы согласны! — отвѣтили пѣвчіе разомъ.

— Вотъ и превосходное дѣло. А вы, о. Павелъ, можете жаловаться... Посмотримъ, что вамъ отпоетъ преосвященный...

— Ишь, тоже хороши, нечего сказать!—злобно замѣтилъ о. Павелъ: — управились! Знаютъ, что къ преосвященному не пойду... Тоже народъ!...

— А не пойдете, зачѣмъ похваляетесь?

— А затѣмъ, что вы — свиньи, вотъ зачѣмъ! Назначили себѣ куши...

— Какіе куши? Что вы говорите, о. Павелъ? Нѣтъ, вы потише, пожалуйста! Вы не завирайтесь!...

— Нѣтъ, вы потише!... Вы же себѣ взяли вдвое больше, чѣмъ мнѣ, напримѣръ... Извѣстно, вамъ выгодно!

— «Постой, постой, драка-то еще будетъ!— шепнулъ мнѣ Пичужко:—а я уже думалъ, что такъ обойдется».

— Такъ вѣдь я же регентъ, кажется? Значитъ же это что нибудь! — горячо возразилъ о. Петръ.

— Эка важность—регентъ! Подумаешь, какая мудрость рукой махать! Глотку драть, я думаю, тоже не легко!...

— А вотъ я хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ вы будете рукой махать! Угодно вамъ? Хорошо. Я завтра же скажу преосвященному, что вотъ, молъ, о. Павелъ желаетъ регентомъ быть! Угодно? Что-жъ вы молчите, о. Павелъ? Ага! Рукой махать надо умѣючи. А вы въ теноровой партіи, ежели что новенькое, лапти плетете!... Надоѣли вы мнѣ, о. Павелъ, вотъ какъ надоѣли! Вѣчно-то вы грызетесь да попрекаете... И вотъ, клянусь вамъ Богомъ, слово еще скажите, и я, — вотъ пусть всѣ будутъ свидѣтелями, — завтра же отъ регентства откажусь... И пускай преосвященный, какъ хочетъ, гнѣвается, пускай въ деревню меня ссылаетъ... Я или вы!... Вотъ что! Господа, получите!...

О. Павелъ больше не спорилъ. Угроза подѣйствовала, потому что ничего такъ не боялся онъ въ цѣломъ свѣтѣ, какъ архіерея. Мы отошли отъ двери и стали противъ окна, чтобъ видѣть, какъ раздаютъ деньги. Руки пѣвчихъ протягивались къ о. Петру и получали кредитныя бумажки, а лица выражали полное удовольствіе. Получилъ свою порцію и Ѳедоръ. Онъ потрясъ бумажками въ воздухѣ и изрекъ что-то, должно быть, очень потѣшное, потому что весь хоръ, за исключеніемъ о. Павла, засмѣялся.

Черезъ минуту мы отошли подальше къ развалинамъ стараго дома, потому что и пѣвчіе начали выходить изъ «спѣвочной», по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

спѣшно направляясь къ воротамъ. Было уже темно, но Ѳедоръ, который шелъ неторопливо, замѣтилъ насъ и подошелъ къ намъ.

— Эй, Пичуга!—какъ-то таинственно моргая бровями, произнесъ онъ:—приходи ко мнѣ завтра, я тебя орѣхами и изюмомъ угощу!.. Видишь, деньги есть! И ты приходи, мелюзга!—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Мы завтра ѣдемъ!—отвѣтилъ Пичужко.

— Куда такое? Въ Парижъ, что ли?

— Нѣтъ, а вотъ къ нему. Онъ меня беретъ!..

— А-а! Это отлично! Такъ онъ, значитъ, славный парень! Ну, послѣ приходи, когда пріѣдешь... Ладно? Орѣхи съ изюмомъ, а!? Вѣдь ты любитель этого!..

— Да вы къ тому времени все уже пропьете, Ѳедоръ!—сказалъ Пичужко.

— Гм!..—подумавъ, произнесъ Ѳедоръ:—что правда, то правда! Ахъ, и шельма же ты, Пичуга! Какой сообразительный!

И Ѳедоръ вслѣдъ за другими удалился.

XIII.

Волненія моего друга.

На другой день я всталъ часовъ въ семь. Я имѣлъ полную возможность спать дольше, потому что не предстояло идти ни въ церковь, ни въ школу, но гдѣ тутъ было спать, когда въ этотъ день долженъ былъ пріѣхать Антонъ на парѣ нашихъ деревенскихъ лошадей. Я проснулся уже давно, но такъ какъ было еще темно, то я валялся въ постели. Первымъ долгомъ я, разумѣется, пошелъ будить Пичужку, но, къ моему изумленію, нашелъ постель его пустой. Я рѣшительно не понималъ, что̀ бы это могло значить. Зачѣмъ Пичужкѣ вставать такъ рано? Какія такія у него дѣла? И ужъ у меня явилось ревнивое подозрѣніе насчетъ того, нѣтъ ли у него какихъ нибудь тайнъ отъ меня, а въ особенности—не подружился ли Пичужко съ кѣмъ нибудь изъ другихъ моихъ товарищей. Меня это очень безпокоило, потому что я дорожилъ дружбой этого мальчика, единственнаго, съ кѣмъ я сошелся и съ чьей стороны видѣлъ теплое и искреннее отношеніе.

Я наскоро одѣлся и вышелъ за ворота поглядѣть, не пріѣхалъ ли Антонъ. Тутъ я замѣтилъ небольшую сѣрую фигуру, которая медленно ковыляла вдоль желѣзной рѣшетки взадъ и впередъ.

— Пичужко? Что ты тутъ дѣлаешь?—воскликнулъ я.

Пичужко удивился мнѣ еще больше, чѣмъ я ему.

— А ты уже всталъ?—спросилъ онъ и, какъ мнѣ показалось, былъ недоволенъ тѣмъ, что я всталъ.

— Ну, такъ что же, что я всталъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да ничего... Видишь, я выглядываю...

— Кого?

— Выглядываю твоихъ лошадей... я думалъ, ты будешь спать, я первый увижу и этой вѣстью разбужу тебя. А ты всталъ...

Я понялъ, откуда происходило его разочарованіе. Онъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ. Мнѣ показалось, что онъ какъ-то особенно взволнованъ. Щеки его были румяны, тогда какъ обыкновенно онѣ отличались блѣдностью, глаза блестѣли.

— Ахъ, ты не повѣришь, какъ мнѣ не терпится! Ой, какъ не терпится!...—восклицалъ онъ, глядя въ улицу, откуда по его разсчету должны были появиться наши лошади.—Ты знаешь... Да нѣтъ, вѣдь ты понять не можешь...

— А что такое, Пичужко?

— Да то, братъ, что я уже и не помню, когда видѣлъ поле, садъ, деревню!.. Вотъ ты послушай, какъ у меня сердце бьется!..

Онъ взялъ мою руку и приложилъ къ своей впалой худосочной груди. Дѣйствительно, сердце у него сильно билось, а рука была горяча.

— Я, братъ, съ тѣхъ поръ, какъ меня привезли въ бурсу, никуда не ѣздилъ, все здѣсь торчу. Вѣдь у меня никого нѣтъ... А люблю я степь, какъ рыба любитъ воду! Стой, стой!

Онъ на минуту прислушался и потомъ вдругъ запрыгалъ самымъ веселымъ образомъ. Показалась наша бричка, запряженная парой лошадей съ подвязанными хвостами, и на высокихъ козлахъ сидѣлъ Антонъ, божественный Антонъ, представлявшій въ своей особѣ для насъ всѣ тѣ прелести деревенской свободы, которыя насъ ожидали.

Бричка подкатила къ воротамъ; обыкновенно серьезный и даже угрюмый Антонъ улыбался и какъ-то заманчиво шевелилъ усами. Пичужко страшно заволновался.

— Какъ ты думаешь, намъ нечего ждать, пока экономъ проснется? Вѣдь мы отпущены? а?—спрашивалъ онъ, сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе уѣхать.

Я колебался. Экономъ не былъ строгъ, но любилъ, чтобы обо всемъ у него спрашивались. Пожалуй, за это самовольство намъ потомъ достанется. Эту мысль я выразилъ Пичужкѣ.

— Э, да мнѣ теперь все равно!—восклицалъ онъ въ какомъ-то дикомъ восторгѣ.—Что будетъ потомъ, и увидимъ потомъ! Онъ, пожалуй, проспитъ до двѣнадцати часовъ. Вчера, кажись, они съ Иваномъ Яковлевичемъ до полуночи чай съ ромомъ тянули!...

— Приказали сундукъ привезти и торбу,—сказалъ Антонъ.

Пичужко побѣжалъ въ припрыжку и мигомъ притащилъ мой сундукъ и торбу, ту самую знаменитую торбу, въ которой привозили мнѣ изъ деревни всякія вкусныя вещи. Онъ всячески хотѣлъ ускорить отъѣздъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Велѣно еще въ лавку заѣхать, голову сахару взять и фунтъ кофію...—спокойно сообщилъ Антонъ.

На лицѣ Пичужки выразилась досада; все это казалось ему помѣхой счастью. Но онъ ничего не могъ возразить противъ головы сахару и фунта «кофію». Когда все было готово, я, всетаки, обнаружилъ нерѣшительность: можно ли ѣхать, не сказавшись эконому, нашему единственному ближайшему начальнику и воспитателю.

Пичужко негодовалъ, но не могъ поколебать меня. Я боялся не столько за себя, сколько за него. Экономъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, да, кромѣ того, у меня былъ голосъ и разныя другія пѣвческія достоинства. У Пичужки же ничего этого не было, и онъ могъ поплатиться серьезно.

Но вдругъ лице моего друга оживилось. Онъ указалъ мнѣ взглядомъ во дворъ.

— Гляди, гляди! Преосвященный вышелъ!

Я взглянулъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ архіерея. Онъ вставалъ рано и въ восьмомъ часу обыкновенно гулялъ по длинному корридору, а въ хорошую погоду выходилъ и во дворъ. На немъ былъ темносѣрый касторовый полукафтанъ съ мѣховой опушкой на краяхъ, на головѣ котиковая шапочка въ формѣ скуфьи, а на ногахъ высокія мѣховыя туфли. Онъ сходилъ со ступенекъ, держа въ одной рукѣ свою кипарисовую палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, а въ другой — цвѣтной платочекъ съ какимъ-то содержимымъ. Завидѣвъ его, къ нему со всѣхъ сторонъ мчалась всякаго рода птица, хлопая крыльями и издавая разнообразные звуки. Архіерей съ благодушнымъ, почти умильнымъ выраженіемъ лица разсыпалъ имъ кормъ, и при этомъ обращался къ своимъ любимцамъ съ поощрительными словами:

— Ну, ну! Обжорливый, обжорливый! Будетъ съ тебя, уступи другому! А ты что зѣваешь? а? Ахъ, ты—слабенькій! Видишь, ничего тебѣ и не досталось! Ахъ, ахъ! И птицы, какъ и люди! Кто посильнѣе, тотъ и урвалъ... Общій законъ! общій законъ! Господи, помилуй!...

— Знаешь что?—шепнулъ мнѣ Пичужко:—когда онъ кончитъ кормить птицъ, мы подойдемъ къ нему и возьмемъ благословеніе, да кстати и попросимся у него. Ужъ онъ навѣрно скажетъ: «Съ Богомъ, друзья мои, съ Богомъ!». Онъ всегда такъ говоритъ. Ну, а потомъ, въ случаѣ экономъ взбѣсится, мы ему: насъ преосвященный отпустилъ и благословилъ насъ!

Хотя архіерей былъ завѣдомо добръ къ намъ, но я, всетаки, побаивался его, и меня всегда удивляло, что Пичужко не только не избѣгаетъ встрѣчи съ нимъ, но даже какъ будто нарочно лѣзетъ. Тѣмъ не менѣе я согласился. Очень ужъ хотѣлось Пичужкѣ поскорѣе уѣхать.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Архіерей уже вытряхивалъ платокъ, давая этимъ знать своимъ питомцамъ, что больше корма у него нѣтъ.

— Ну, теперь пойдемъ. Это въ самый разъ!—сказалъ Пичужко и живо двинулся во дворъ, а я нерѣшительно слѣдовалъ по его стопамъ. Я никогда еще не видалъ Пичужку такимъ оживленнымъ и подвижнымъ. Не смотря на то, что предстояло такое серьезное дѣйствіе, какъ встрѣча и бесѣда съ самимъ архіереемъ, онъ не шелъ, а какъ-то подпрыгивалъ и рѣшительно весь двигался. Конечно, онъ не замѣчалъ этого, это происходило помимо его воли и выражало его душевное состояніе.

Онъ подошелъ къ архіерею какъ-то сразмаху и остановился передъ нимъ въ упоръ и, сложивъ руки—одну на ладонь другой, крестомъ, не просилъ, а, казалось, требовалъ благословенія.

— А, да это ты, философъ!—привѣтливо сказалъ архіерей:—что такъ рано всталъ? Не спится тебѣ, что ли? А я думалъ, послѣ этихъ вашихъ поздравленій вы всѣ безъ ногъ лежите! Охъ, не по душѣ мнѣ эти шатанья по домамъ, не по душѣ!.. Позорно это для духовнаго сословія, позорно!..

Архіерей давно уже возмущался обычаемъ хора ходить на праздникахъ по домамъ. Въ особенности онъ протестовалъ противъ того, что взрослые пѣвчіе таскали съ собой мальчугановъ. Нравы этихъ почтенныхъ лицъ были ему хорошо извѣстны, и отъ ихъ примѣра онъ не ждалъ ничего хорошаго для дѣтей. И былъ такой случай, что онъ запретилъ эти хожденія. Но пѣвчіе съ о. Петромъ во главѣ слезно взмолились. Они заявили, что таковъ древній обычай, и, кромѣ того, сослались на свое семейное положеніе и традиціонную скудость средствъ. Во имя своихъ дѣтей они просили не лишать ихъ этого заработка и не отмѣнять обычая, унизительность котораго освящена древностью. Архіерей, всегда становившійся втупикъ и опускавшій руки, когда дѣлались ссылки на семейное положеніе, сдался и отмѣнилъ свое рѣшеніе.

Послѣ Пичужки и я взялъ благословеніе. Мнѣ архіерей сказалъ:

— А ты все такой же маленькій? а? Что же ты не ростешь?

Я, разумѣется, ничего не отвѣтилъ и не потому только, что не зналъ причины, мѣшавшей мнѣ вырости, а главнымъ образомъ потому, что струсилъ. Но Пичужко и не думалъ трусить. Нимало не смущаясь, онъ заговорилъ прямо:

— Мы, ваше преосвященство, собираемся ѣхать!

— Куда это вы собираетесь ѣхать?

— Въ деревню, къ нему вотъ!.. Онъ беретъ меня!

— А-а! Вотъ какъ! Это хорошо. Хорошо и то, что онъ тебя беретъ, потому что ты сирота и бѣденъ. Значитъ, онъ добръ. Хорошо и то, что ты ѣдешь, философъ. Его матушка славные пироги дѣлаетъ, я пробовалъ ихъ... Ей-ей, славные пироги!..

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Архіерей смѣялся. Это была правда, что онъ пробовалъ пироги издѣлья моей матушки, когда ѣздилъ по епархіи. Онъ и тогда очень хвалилъ ихъ. Я дивился только тому, что это такъ долго осталось у него въ памяти.

— Такъ ѣдете? Эге!—прибавилъ онъ, взглянувъ на ворота и замѣтивъ нашу бричку съ Антономъ:—да уже за вами и колесница прикатила! Ну, а о. Петръ отпустилъ?

— Отпустилъ!—отвѣтилъ Пичужко.

— А экономъ ничего не имѣетъ?

— Тоже отпустилъ!..

— А родители твои знаютъ, что ты его берешь?—обратился онъ уже ко мнѣ.

— Они даже сами хлопотали у о. Петра!—отвѣтилъ, всетаки, Пичужко, и при этомъ на губахъ его заиграла улыбка.

— Хлопотали? а? Это значитъ—индюка привезли? Ахъ, ты—философъ!.. Ну, съ Богомъ, съ Богомъ поѣзжайте! Ты это ладно дѣлаешь, что дружишь съ нимъ! Пичужко добрый мальчикъ, добрый! у него добрые глаза!..

Онъ поблагословилъ насъ и отпустилъ. Мы бѣгомъ помчались за ворота, сѣли въ бричку и покатили.

Когда бричка наша проѣзжала мимо зданія бурсы, я взглянулъ на окна той комнаты, въ которой недавно жилъ, и увидалъ высунувшуюся въ форточку голову моего великодушнаго покровителя Остапова. Кажется, онъ узналъ нашу бричку и догадался о цѣли нашего путешествія. Онъ дѣлалъ мнѣ весьма выразительные знаки, которые я очень легко понялъ въ томъ смыслѣ, чтобъ я привезъ ему изъ деревни чего нибудь съѣстнаго. Въ эту минуту я такъ хорошо былъ настроенъ, что въ душѣ далъ себѣ слово непремѣнно привезти Остапову особую торбу съ саломъ и колбасами. Я воображалъ, какое это будетъ для него торжество и какъ умилится его сердце. Ничѣмъ нельзя было такъ тронуть сердце стараго изголодавшагося бурсака, какъ поднесеніемъ въ его полное распоряженіе торбы, наполненной сытной и вкусной живностью.

Мы заѣхали въ бакалейный магазинъ, гдѣ всегда забирали товары. Оказалось, что у Антона былъ въ голенищѣ сапога спрятанъ списокъ порученій, изъ котораго мы узнали, что «голова сахару и фунтъ кофію» были только самыми крупными представителями списка, оттого и засѣли въ головѣ Антона, но, кромѣ этого, надо было заѣхать еще въ нѣсколько мѣстъ и купить тысячу разныхъ мелочей; это не доставило ни малѣйшаго удовольствія моему другу Пичужкѣ, которому хотѣлось какъ можно скорѣе выѣхать на степной просторъ и вдохнуть всею своею захудалою грудью вольнаго воздуха. Но всеже онъ не злился, и досаду свою выражалъ добродушнымъ ворчаніемъ и даже посмѣивался.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

А тутъ еще, какъ на бѣду, случилось неожиданное осложненіе. Одна изъ лошадей расковалась на переднія ноги; обѣ подковы какъ-то разомъ отлетѣли. Пришлось завернуть въ кузницу и тамъ провозиться цѣлый часъ. Очевидно, судьба, прежде чѣмъ допустить Пичужку къ блаженству, хотѣла провести его черезъ рядъ испытаній.

Но вотъ, наконецъ, мы выѣхали за городъ. Уже передъ нами открылась безконечная степь, покрытая тонкимъ слоемъ сѣроватаго подтаявшаго снѣга. Мѣстами изъ-подъ снѣга выглядываютъ причудливой формы черныя пятна; дорога влажная, колеса брички подымаютъ и подбрасываютъ кверху куски грязи; воздухъ тепловатый, сочный, свѣжій; Пичужко дышитъ всей грудью; я вижу, какъ онъ упивается этимъ воздухомъ, какъ глаза его горятъ, жадно обводя окрестность, а на щекахъ расцвѣтаютъ розы.

— Ахъ, какъ хорошо! Господи, какъ хорошо!—восклицаетъ онъ восторженнымъ, задыхающимся голосомъ:—и зачѣмъ только мы живемъ въ этихъ душныхъ комнатахъ, на кой чертъ мы зубримъ эту латынь, когда есть на свѣтѣ такая прелесть: смотри, какое небо, какое солнце! А вонъ, гляди, какая-то птица пролетѣла! Что это за птица? Какъ она вольно машетъ крыльями!..

— Да это ворона!—убійственно охлаждающимъ тономъ поясняетъ Антонъ, полуобернувшись къ намъ съ своихъ высокихъ козелъ.

— Ворона? Я ее расцѣловалъ бы!—восклицаетъ Пичужко, и хохочетъ, и прыгаетъ на своемъ мѣстѣ, и, кажется, въ то же время и плачетъ. По крайней мѣрѣ, глаза его полны слезъ и голосъ дрожитъ.

— Да что съ тобой, Пичужко?—спрашиваю я, недостаточно понимая его настроеніе.

Пичужко не отвѣчаетъ и продолжаетъ хохотать и прыгать. Только когда послѣ полуторачасовой ѣзды впереди показались оголенныя верхушки тополей и вербъ, а затѣмъ изъ-за нихъ выплыло и все наше село, онъ взялъ себя въ руки, сталъ сидѣть смирнѣе и вообще приготовился къ встрѣчѣ съ моими родными, которыхъ еще не зналъ.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ПОЭТА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА [1].

II.

Число лицъ, тѣснившихся вокругъ поэта, было велико; перечислить ихъ всѣхъ, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, невозможно, да и нѣтъ надобности, такъ какъ участіе ихъ въ дѣлѣ постановки и веденія драмы — темно иль ничтожно. Вполнѣ достаточнымъ будетъ, если я упомяну: генерала князя В. С. Голицына, который, по сказанію Н. П. Раевскаго [2], до размолвки съ Лермонтовымъ въ началѣ іюля, былъ распорядителемъ на всѣхъ праздникахъ, устроиваемыхъ молодежью, князя С. В. Трубецкаго [3], князя Шаховского, графа Ламберта, графа Толстаго, С. Д. Безобразова, И. П. Иваницкаго, К. В. Неклюдова, А. К. Арнольди, П. В. Волкова, Л. С. Пушкина [4], Н. П. Раевскаго, Веригина, Манзея, Зельмица, Дмитревскаго, Сатина, Креницына, Лисаневича, Тутолмина, Бенкендорфа [5] и декабристовъ Лорера и князя Валеріана Голицына. Все это были люди, принадлежавшіе къ избранному обществу или отличившіеся въ рядахъ боевыхъ кавказскихъ войскъ. Ихъ соединяли семейныя петербургскія связи, боевое товарищество или давнее знакомство. Всѣ они пріѣхали въ Пятигорскъ, чтобы отдохнуть, по-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLVII, стр. 427.
[2]) «Нива», 1885 года, № 1.
[3]) Квартировавшаго вмѣстѣ съ княземъ А. И. Васильчиковымъ.
[4]) Брата поэта А. С. Пушкина.
[5]) Сына шефа жандармовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жить, освѣжиться и запастись новыми силами для службы отчизнѣ въ канцеляріяхъ или на полѣ брани. Всѣ они ежедневно сталкивались у источниковъ, на бульварѣ или у знакомыхъ, обмѣнивались полученными изъ столицъ или съ мѣстъ служенія послѣдними новостями, толковали о повышеніяхъ, наградахъ и переводахъ и спѣшили воспользоваться всѣми тѣми удовольствіями, которыя могла предоставить имъ «водяная жизнь».

На первомъ планѣ, конечно, стояли дамы. Но пріѣзжихъ дамъ избраннаго общества было очень мало. Въ Пятигорскѣ втеченіе всего сезона жила только одна княгиня Эристова изъ Тифлиса, дама Бальзаковскаго типа, да семейство какого-то тайнаго или полутайнаго совѣтника Полуэктова, состоявшее изъ старушки матери и двухъ перезрѣлыхъ дочерей, дѣвицъ анемичныхъ и золотушныхъ. Появлялись, впрочемъ, у источниковъ нѣсколько пріѣзжихъ помѣщицъ,—барынь-дебелыхъ, толстыхъ и красныхъ, но всѣ онѣ чрезъ нѣсколько дней перекочевывали, по совѣту врачей, на другія группы водъ—въ Желѣзноводскъ или Кисловодскъ, и пятигорскіе гости поневолѣ должны были довольствоваться дамами мѣстнаго общества.

Наибольшимъ гостепріимствомъ изъ мѣстнаго общества отличались дома Марьи Ивановны Верзилиной и Екатерины Ивановны Мерлини. Оба они посѣщались пріѣзжей аристократіей, но въ первомъ, «у ногъ трехъ грацій», свила себѣ гнѣздышко молодежь, а во второмъ—«у прекрасной кисловодской героини», «дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», ютились болѣе положительные и солидные люди. Въ первомъ влюблялись, шалили, смѣялись и плясали, во второмъ—тонировали, пикировались и убивали время въ нескончаемыхъ разговорахъ, прогулкахъ и кавалькадахъ за городъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ все это маленькое общество объединялось, устроивался какой нибудь общественный балъ, праздникъ, фестиваль, и всѣ члены кружка проводили время вмѣстѣ и веселились какъ могли [1]).

---

[1]) П. А. Висковатовъ, въ своей біографіи Лермонтова (стр. 395), говоритъ, что пятигорское общество подраздѣлялось на «пріѣзжую аристократію», «смѣшанное общество», «мѣстное болѣе аристократическое» и «мѣстное менѣе аристократическое общество». Но такого подраздѣленія признать нельзя. Вся пріѣзжая аристократія, какъ видно изъ приведеннаго выше списка лицъ, окружавшихъ поэта, ограничивалась четырьмя-пятью лицами. Прочіе же были просто служащіе дворяне и только по отношенію къ болѣе неразвитымъ слоямъ общества, именно «l'armée russe», какъ называлъ Лермонтовъ простыхъ кавказскихъ воиновъ, они, по своему внѣшнему лоску и виду, могли казаться аристократіей Что же касается мѣстной аристократіи, то ея совсѣмъ не было. Изъ общей сѣренькой массы чиновниковъ, офицеровъ и казаковъ выдѣлялись два дома генераловъ Верзилина и Мерлини, но ихъ нельзя считать аристократическими: это были дома выслужившихся офицеровъ. Поэтому все пятигорское общество, пріѣзжее и мѣстное, можетъ быть подведено подъ одно общее для него названіе: «смѣшаннаго общества» (société melée). Далѣе П. А. Висковатовъ говоритъ, что мѣстное общество, особенно дамы, не сходились съ столичными гостями, что болѣе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вотъ при какихъ благопріятныхъ условіяхъ начался пресловутый сезонъ 1841 года.

Лермонтовъ успѣвалъ быть вездѣ и всюду, но вечера предпочтительно проводилъ у Верзилиныхъ. Дочери Петра Семеновича [1]) славились своею красотою. Старшая Аграфена Петровна была уже помолвлена за ногайскаго пристава Дикова, а Эмилія и Надежда, въ особенности первая, считавшаяся «розой Кавказа» и «царицей водъ», привлекали, завлекали и увлекали толпившуюся въ ихъ гостиной молодежь.

По словамъ П. А. Висковатова, Лермонтовъ охарактеризовалъ Верзилинскихъ барышень такимъ шуточнымъ экспромптомъ:

Предъ дѣвицей Emilie
Молодежь лежитъ въ пыли,
У дѣвицы же Nadine
Былъ поклонникъ не одинъ,
А у Груши цѣлый вѣкъ
Былъ лишь дикій человѣкъ [2]).

Здѣсь началась драма, и здѣсь разыгралась она такимъ печальнымъ эпизодомъ, какъ вызовъ на дуэль. Въ завязкѣ драмы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ была, по обыкновенію, женщина, а въ развязкѣ—завистники и ненавистники поэта. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Верзилинскіе вечера привлекали всѣхъ и все, что было молодо, остроумно, представительно и жаждало жизни и веселья. Здѣсь собирались зàпросто, сюда шли, какъ говорится, на огонекъ, безъ приглашеній, въ надеждѣ встрѣтить кого нужно и провести вечеръ по душѣ. Кромѣ самихъ «трехъ грацій» хозяекъ, на вечерахъ бывали дѣвицы: Озерская, Быховецъ, Лебединская, Зельмицъ и др. У каждой изъ нихъ, конечно, имѣлись свои поклонники, и всѣ сходились здѣсь и «убивали вечера» весело и непринужденно. Главнѣйшей забавой были танцы подъ фортепіано, за которое садились дѣвицы и кавалеры по желанію или по неимѣнію ангажемента для танцевъ. Въ антрактахъ пѣли, рисовали, играли въ фанты, въ

аристократическое мѣстное общество было въ антагонизмѣ съ пріѣзжей аристократіей, оберегало права свои и ревниво не уступало своихъ кавалеровъ. Здѣсь уже положительно нельзя понять, о комъ идетъ рѣчь, какія дамы не сходились съ столичными гостями, кто проявлялъ антагонизмъ, какія оберегалъ права и кому ревниво не уступались кавалеры. Все это тайна, извѣстная только почтенному біографу и требующая разъясненій, такъ какъ въ дѣйствительности, кажется, ничего подобнаго и не происходило. Была, правда, ссора у генеральши Мерлини съ кн. Эристовой изъ-за Пьера Волкова, но тутъ оберегала свои права и не уступала кавалера пріѣзжая княгиня, а не «мѣстная аристократка», и подобный единичный случай едва ли справедливо обобщать и характеризовать имъ все общество. Впрочемъ, все это не имѣетъ никакого отношенія къ послѣднимъ днямъ жизни поэта и можетъ быть вполнѣ игнорировано.

[1]) Падчерица Эмилія, по молвѣ, тоже считалась его дочерью.

[2]) Намекъ на ея жениха Дикова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жмурки, въ кошку-мышку, или выходили въ садъ, бѣгали въ горѣлки, играли въ серсо и др. игры. Иногда всѣмъ обществомъ ходили на прогулку и составляли кавалькады для поѣздки за городъ, въ нѣмецкую колонію Каррасъ, расположенную верстахъ въ семи отъ Пятигорска, по Желѣзноводской дорогѣ, или на Перкальскую скалу, на одномъ изъ склоновъ Машука.

Лермонтовъ, всегда веселый, внимательный и услужливый, былъ душой общества. Онъ дирижировалъ удовольствіями и часто самъ принималъ въ нихъ участіе. Его разговоръ былъ занимателенъ, анекдоты смѣшны, шутки остры. О жизни на водахъ, по словамъ Н. П. Раевскаго [1]), велся точный отчетъ, въ видѣ «альбома приключеній», куда молодежь зарисовывала все: ея кавалькады, пикники и каррикатуры на «водяное общество». Лермонтовъ бойко рисовалъ, и часто, утомленный треволненіями дня, садился за альбомъ и воспроизводилъ въ немъ свои живыя эпиграммы, не давая въ нихъ пощады никому. Однажды, по разсказу Эмиліи Шанъ-Гирей [2]), Надежда Петровна, сестра ея, стала просить Михаила Юрьевича написать ей что нибудь въ альбомъ. Какъ онъ ни отговаривался, его не слушали, окружили всей толпой, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: «пишите!». И написалъ онъ слѣдующую шутку-экспромптъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежно
Надъ шейкою нѣжно...
На поясѣ ножъ.
C'est un vers qui cloche [3]).

Потомъ онъ нарисовалъ ей же въ альбомъ курда [4]). Все это цѣло и теперь у ея дочери.

Князь А. И. Васильчиковъ говорилъ П. А. Висковатову [5]), что въ Лермонтовскихъ каррикатурныхъ наброскахъ Мартыновъ игралъ главную роль. Онъ помнилъ, напримѣръ, сцену, гдѣ Мартыновъ верхомъ въѣзжаетъ въ Пятигорскъ. Кругомъ восхищенныя и по-

---

[1]) «Нива», 1885 года, № 7.

[2]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[3]) Экспромтъ этотъ переданъ не вполнѣ точно. Стихъ «разобранъ вашъ рядъ» не имѣетъ риѳмы, а Лермонтовъ, какъ извѣстно, «хромыхъ стиховъ» не писалъ. Въ варіантѣ этого экспромта, сообщеннаго Н. П. Раевскимъ («Нива», 1885 года, № 7), есть дополнительный стихъ: «И букли назадъ». А вмѣсто «локона» говорится: «Платочекъ небрежно подъ шейкою нѣжной завязанъ узломъ». Что же правильнѣе? Мнѣ кажется, что П. А. Висковатову, прежде чѣмъ помѣщать исправленный экспромптъ въ «Полное собраніе сочиненій» поэта (томъ I, стр. 348), слѣдовало бы свѣрить его съ подлинникомъ, находящимся, какъ заявила г-жа Шанъ-Гирей, у дочери Надежды Петровны.

[4]) По другимъ отзывамъ, не курда, а Мартынова въ изступленіи.

[5]) Біографія М. Ю. Лермонтова, стр. 403 и 404.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

раженныя его красотою дамы. И въѣзжающій герой, и пораженныя его красотою дамы были замѣчательно похожи. Подъ рисункомъ была подпись: «Monsieur le poignard faisant son entrée à Piatigorsk». Въ альбомѣ же можно было видѣть Мартынова, огромнаго роста, съ огромнымъ кинжаломъ отъ пояса до земли, объясняющагося съ миніатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, на поясѣ которой рисовался маленькій кинжальчикъ. Комическую подпись князь А. И. Васильчиковъ не помнилъ. Изображался Мартыновъ часто на конѣ. Онъ ѣздилъ плохо, но съ претензіей, изгибаясь. Былъ рисунокъ, на которомъ Мартыновъ, въ стычкѣ съ горцами, что-то кричитъ, махая кинжаломъ, сидя въ полуоборотъ на лошади, поворачивающей вспять. Михаилъ Юрьевичъ говорилъ: «Мартыновъ положительно храбрецъ, но только плохой ѣздокъ, и лошадь его боится выстрѣловъ. Онъ въ этомъ не виноватъ, что она ихъ не выноситъ и скачетъ отъ нихъ». Помню,—разсказывалъ Васильчиковъ,—и себя, изображеннаго Лермонтовымъ, длиннымъ и худымъ посреди бравыхъ кавказцевъ. Поэтъ изобразилъ тоже самого себя маленькимъ, сутуловатымъ, какъ кошка вцѣпившимся въ огромнаго коня, длинноногаго Монго-Столыпина, серьезно сидѣвшаго на лошади, а впереди всѣхъ красовавшагося Мартынова, въ черкескѣ, съ длиннымъ кинжаломъ. Все это гарцовало передъ открытымъ окномъ, вѣроятно, дома Верзилиныхъ. Въ окнѣ были видны три женскія головки. Лермонтовъ, дававшій всѣмъ мѣткія прозвища, называлъ Мартынова: «le sauvage au grand poignard», или «montagnard au grand poignard», или просто: «monsieur le poignard». Оно довелъ этотъ типъ до такой простоты, что просто рисовалъ характерную кривую линію да длинный кинжалъ, и каждый тотчасъ узнавалъ, кого онъ изображаетъ. Обыкновенно наброски разсматривались въ интимномъ кружкѣ, и такъ какъ тутъ не щадили сами составители ни себя, ни друзей, то было неудобно сердиться, и Мартыновъ затаивалъ свое недовольство. Однако бывали и такія каррикатуры, которыя не показывались. Это болѣе всего бѣсило Мартынова. Однажды онъ вошелъ къ себѣ, когда Лермонтовъ съ Глѣбовымъ съ хохотомъ что-то разсматривали или чертили въ альбомѣ. На требованіе вошедшаго показать, въ чемъ дѣло, Лермонтовъ захлопнулъ альбомъ, а когда Мартыновъ, настаивая, хотѣлъ его выхватить, то Глѣбовъ здоровою рукою отстранилъ его, а Михаилъ Юрьевичъ, вырвавъ листокъ и спрятавъ его въ карманъ, выбѣжалъ. Мартыновъ чуть не поссорился съ Глѣбовымъ, который тщетно увѣрялъ его, что каррикатура совсѣмъ къ нему не относилась.

Разъ, въ казино, по разсказу Куликовскаго, послѣ игры молодежь ужинала. Разговоръ коснулся Мартынова, кто-то изъ кавказцевъ въ защиту его какой-то неловкости замѣтилъ: «ну, что вы хотите, господа, вѣдь онъ не Соломонъ же у насъ». Лермонтовъ не выдержалъ, всталъ со стула и сказалъ внушительно:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Онъ правъ! Нашъ другъ Мартышъ не Соломонъ,
«Но Соломоновъ сынъ,
«Не мудръ, какъ царь Шалима, но уменъ,
«Умнѣй, чѣмъ жидовинъ.
«Тотъ храмъ воздвигъ, и сталъ извѣстенъ всѣмъ
«Гаремомъ и судомъ,
«А этотъ храмъ, и судъ, и свой гаремъ
«Несетъ въ себѣ самомъ».

Неистовое «браво, браво! Михаилъ Юрьевичъ!» покрыло эту характеристику отсутствовавшаго соперника.

Марья Ивановна Верзилина тоже была не прочь посмѣяться, слушая разсказы Михаила Юрьевича, и для того просила его иногда разсказать ей что нибудь. Въ собенности ее интересовало, если она могла услышать что нибудь о соперницѣ своихъ дочерей, генеральшѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Мерлини. Зная такую слабость почтенной атаманши, Лермонтовъ не скупился на импровизаціи. Вотъ одна изъ такихъ импровизацій, записанная В. И. Чиляевымъ со словъ Глѣбова.

«Слишкомъ мѣсяцъ у Мерлини
«Разговоръ велся одинъ:
«Что творится у княгини [1]),
«Здравъ ли вѣрный паладинъ.

«Но съ недѣлю у Мерлини
«Перемѣна—рѣчь не та,
«И вкругъ имени княгини
«Обвилася клевета.

«Пьеръ [2]) обѣдалъ у Мерлини,
«Ѣздилъ съ ней въ Шотландку разъ,
Не понравилось княгинѣ,
«Вышла ссора за Каррасъ.

«Пьеръ отрекся... и Мерлини,
«Какъ тигрица, взбѣшена,
«Въ замкѣ храброй героини,
«Какъ предъ штурмомъ, тишина».

Особенно смѣялась Марья Ивановна, когда онъ разсказывалъ ей о какомъ-то калужскомъ помѣщикѣ, который привезъ на воды трехъ дочерей, съ цѣлью выдать ихъ замужъ за кавказскихъ офицеровъ, и, не найдя имъ жениховъ, бросилъ ихъ и уѣхалъ домой одинъ. Разсказъ этотъ Михаилъ Юрьевичъ закончилъ такъ:

«Онъ мѣтилъ въ умники, попался въ дураки,
«Ну, стоило ли ѣхать для того съ Оки!»

Нѣкоторые біографы поэта заявили, что Лермонтовъ и Мартыновъ ухаживали за Надеждой Петровной, младшей дочерью П. С.

[1]) Эристовой.
[2]) П. В. Волковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Верзилина. Но это не вполнѣ вѣрно. Ухаживалъ за ней одинъ Мартыновъ, и то только въ началѣ сезона. Лермонтовъ же съ перваго дня появленія въ домѣ Верзилиныхъ оцѣнилъ по достоинству красоту Эмиліи Александровны и сталъ за ней ухаживать. Марья Ивановна отнеслась къ его ухаживанію за ея старшей дочерью съ полной благосклонностью, да и сама m-lle Эмилія была не прочь поощрить его искательство. В. И. Чиляевъ положительно удостовѣрялъ, что она сначала была даже слишкомъ благосклонна къ Михаилу Юрьевичу. Все было сдѣлано съ ея стороны, чтобы завлечь «петербургскаго льва», не смотря на его некрасивость. Взглядъ ея былъ нѣженъ, бесѣда интимна, разговоръ коротокъ (она называла его просто Мишель), прогулки и tête-à-tête'ы продолжительны, и счастье, казалось, было ужъ близко... какъ вдругъ дѣвица перемѣнила фронтъ. Ея вниманіе привлекъ другой, болѣе красивый и обаятельный мужчина. Мужчина этотъ былъ Николай Соломоновичъ Мартыновъ. Не стѣсняясь его ухаживаніемъ за Надеждой Петровной, она быстро повела на него атаку, и онъ сдался. Ему стало совершенно ясно, что лучшей карьеры ему и не сдѣлать. Красавица жена и протекція тестя, бывшаго наказнаго атамана кавказскаго казачьяго войска [1]), могли поставить вновь на ноги его, отставнаго маіора, уволеннаго изъ службы за какую-то амурную исторію. И онъ, не задумываясь, подалъ ей руку, и антагонизмъ соперниковъ обострился. Было ли это сдѣлано съ цѣлью испытанія привязанности Михаила Юрьевича, или же съ намѣреніемъ подвигнуть его на рѣшительный шагъ, или же, наконецъ, просто по вѣтренности и сердечному влеченію къ красавцу Мартынову,—осталось тайною Эмиліи Александровны. Но фактъ предпочтенія Лермонтову Мартынова—фактъ непреложный: онъ заявленъ такимъ компетентнымъ и безпристрастнымъ лицомъ, какъ В. И. Чиляевъ.

Съ этого времени, именно съ конца іюня, и началось со стороны Лермонтова усиленное бомбардированіе эпиграммами и карикатурами Мартынова и самое тонкое и любезное поддразниваніе m-lle Верзиліи, какъ онъ сталъ называть Эмилію, соединивъ въ этомъ названіи начало фамиліи ея отца «Верз» и конецъ ея имени «илія». Къ этому же времени относится и брошенная имъ по ея адресу эпиграмма:

«Зачѣмъ, о счастіи мечтая,
«Ее зовемъ мы: гурія?
«Она, какъ дѣва,—дѣва рая,
«Какъ женщина же—фурія».

---

[1]) П. А. Висковатовъ, въ біографіи Лермонтова (стр. 396), пишетъ, что Петръ Семеновичъ Верзилинъ находился въ это время въ Пятигорскѣ, но его не было: онъ находился въ Варшавѣ, и только одна Марья Ивановна съ дочерьми была дома.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ [1]) Эмилія Александровна говоритъ: «Онъ не ухаживалъ за мной, а находилъ особенное удовольствіе me taquiner. Я отдѣлывалась какъ могла, то шуткою, то молчаньемъ, ему же крѣпко хотѣлось меня разсердить; я долго не поддавалась, наконецъ, это мнѣ надоѣло, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду съ нимъ говорить и прошу его оставить меня въ покоѣ. Повидимому, игра эта его забавляла просто отъ нечего дѣлать, и онъ не переставалъ меня злить. Однажды онъ довелъ меня почти до слезъ; я вспылила и сказала, что ежели бы я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его изъ-за угла въ упоръ. Онъ какъ будто остался доволенъ, что, наконецъ, вывелъ меня изъ терпѣнья, просилъ прощенья, и мы помирились, конечно, не надолго. Какъ-то разъ ѣздили верхомъ большимъ обществомъ въ колонію Каррасъ. Неугомонный Лермонтовъ предложилъ мнѣ пари à discrétion, что на обратномъ пути будетъ ѣхать рядомъ со мною, что ему рѣдко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, садясь на лошадь, шепнула старику Зельмицу и юнкеру Бенкендорфу, чтобы они ѣхали подлѣ меня и не отставали. Лермонтовъ ѣхалъ сзади и все время зло шутилъ на мой счетъ. Я сердилась, но молчала. На другой день, утромъ рано, уѣзжая въ Желѣзноводскъ, онъ прислалъ мнѣ огромный прелестный букетъ въ знакъ проиграннаго пари».

Нѣтъ сомнѣнія, что это все такъ и было, но относится ко второму періоду ея отношеній къ поэту, о томъ же, что было въ первомъ, — она не только благоразумно умалчиваетъ, но отъ всякаго намека на ея кокетство (чтобы не сказать болѣе) съ Лермонтовымъ открещивается и старается всѣми силами замести хвостомъ слѣды [2]). Впрочемъ, впослѣдствіи Эмилія Александровна, какъ заявляетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова [3]), сама сознавала свое легкомысліе, говоря: «Если бы тогда мы (разумѣй: я) смотрѣли на Михаила Юрьевича, какъ теперь,

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Въ тѣхъ «Воспоминаніяхъ» она пишетъ: «часто слышу я разсказы и разспросы о дуэли М. Ю. Лермонтова, не разъ приходилось и мнѣ самой отвѣчать и словесно, и письменно, даже печатно принуждена была опровергать ложное обвиненіе, будто я была причиною дуэли. Но, не смотря на всѣ мои заявленія, многіе до сихъ поръ признаютъ во мнѣ княжну Мери. Каково же было мое удивленіе, когда я прочла въ біографіи Лермонтова въ послѣднемъ изданіи его сочиненій: «старшая дочь генерала Верзилина, Эмилія, кокетничала съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ, отдавая преимущество послѣднему, чѣмъ и возбудила въ нихъ ревность, что и подало поводъ къ дуэли». Никто изъ серьезныхъ Лермонтистовъ не признавалъ въ ней княжны Мери, да у нея съ княжной никогда ничего общаго и быть не могло. Что же касается факта кокетства, или, проще сказать, ловли жениха въ Лермонтовѣ и Мартыновѣ, то онъ вполнѣ констатируется вышеприведеннымъ заявленіемъ В. И. Чиляева.

[3]) Стр. 439.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

то это бы не было. Онъ для насъ былъ молодымъ человѣкомъ, какъ всѣ». Огневыя слова на мрачномъ фонѣ картины: нужно ли пояснять ихъ!

Князь А. И. Васильчиковъ, въ статьѣ своей «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ» [1]), а за нимъ и П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова [2]), приводятъ нѣкоторыя шалости поэта, какъ-то: опустошеніе блюдъ, подаваемыхъ къ обѣду, уничтоженіе боченка огурцовъ во время чтенія стиховъ какимъ-то пріѣзжимъ піитой и надламываніе тарелокъ, и дѣлаютъ изъ этого неблагопріятные выводы о характерѣ поэта. Но я не послѣдую за ними, я знаю источникъ и цѣль подобнаго неблагопріятнаго разсказа [3]) и не придаю серьезнаго значенія шуткамъ поэта въ кругу товарищей, если онѣ дѣйствительно происходили. Но, при всемъ уваженіи къ авторитету князя Васильчикова, нельзя не усомниться, чтобы поэтъ въ одинъ разъ могъ съѣсть или унести въ карманахъ боченокъ огурцовъ. Вѣдь это напоминаетъ разсказы изъ «Тысячи и одной ночи».

Между тѣмъ событія зрѣли. Въ средѣ лицъ, окружавшихъ поэта, произошелъ расколъ, и Мерлинисты отпали. Вотъ какъ передаетъ объ этомъ Н. П. Раевскій [4]): «Какъ-то разъ, недѣли за три-четыре до дуэли, мы сговорились, по мысли Лермонтова, устроить пикникъ въ нашемъ обычномъ гротѣ у Николаевскихъ ваннъ. Распорядителемъ на нашихъ праздникахъ бывалъ обыкновенно генералъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, но въ этотъ разъ онъ съ чего-то заупрямился и сталъ говорить, что неприлично женщинъ хорошаго общества угощать постоянными трактирными ужинами послѣ танцевъ съ кѣмъ ни попало на открытомъ воздухѣ. Лермонтовъ возразилъ ему, что здѣсь не Петербургъ, что то, что неприлично въ столицѣ, совершенно на своемъ мѣстѣ на водахъ съ разношерстнымъ обществомъ. На это князь предложилъ устроить настоящій балъ въ казенномъ Ботаническомъ саду. Лермонтовъ замѣтилъ, что не всѣмъ это удобно, что казенный садъ далеко за городомъ и что затруднительно будетъ препроводить нашихъ дамъ, усталыхъ послѣ танцевъ, позднею ночью обратно въ городъ. Вѣдь биржевыхъ-то дрожекъ въ городѣ было трое-четверо, а свои экипажи у кого были. Такъ не на повозкахъ же тащить?

— «Такъ здѣшнихъ дикарей учить надо!—сказалъ князь.

«Лермонтовъ ничего не возразилъ, но этотъ отзывъ князя Го-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.
[2]) Стр. 405 и 406.
[3]) Статью князя Васильчикова мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ.
[4]) «Нива», 1885 года, № 7.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лицына о людяхъ, которыхъ онъ уважалъ и въ средѣ которыхъ жилъ, засѣлъ у него въ памяти, и, возвратившись домой, онъ сказалъ намъ: «господа, на что намъ непремѣнно главенство князя на нашихъ пикникахъ? Не хочетъ онъ быть у насъ,—и не надо. Мы и безъ него съумѣемъ справиться». Не скажи Михаилъ Юрьевичъ этихъ словъ, никому бы изъ насъ и въ голову не пришло перечить князю Голицыну, а тутъ словно насъ бѣсъ дернулъ. Мы принялись за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что праздникъ вышелъ—прелесть. Площадку передъ гротомъ занесли досками для танцевъ, гротъ убрали зеленью, коврами, фонариками; а гостей звали, по обыкновенію, съ бульвара. Лермонтовъ былъ очень веселъ, не уходилъ въ себя, и отъ души шутилъ и смѣялся, не смотря на присутствіе armée russe. Нечего говорить, что князя Голицына не только не пригласили на нашъ пикникъ, но даже не дали ему объ немъ знать. Но вѣдь немыслимо же было, чтобъ онъ не узналъ о нашей продѣлкѣ въ такомъ маленькомъ городишкѣ. Узналъ князь и крѣпко разгнѣвался: то онъ у насъ голова былъ, а тутъ вдругъ и гостемъ не позванъ. Ну, да только такъ не такъ, а слышимъ мы черезъ нѣкоторое время, что князь отъ своей мысли не отсталъ, выписываетъ угощенье, устроиваетъ ротонду въ казенномъ саду, сзываетъ гостей, а намъ ни слова! Михаилъ Юрьевичъ какъ узналъ, что насъ-то обошли, и говоритъ намъ: «Что-жъ? Прекрасно. Пускай онъ себѣ дамъ изъ слободки набираетъ, благо тамъ капитаншъ много. Насъ онъ не зоветъ, и, даю голову на отсѣченіе, ни одна изъ нашихъ дамъ у него не будетъ!».

Вотъ причина къ ожесточенію отпавшей кучки Мерлинистовъ и гнусному шепоту: «проучить надо ядовитую гадину!».

Но возвратимся къ празднику, оставшемуся надолго въ воспоминаніяхъ мѣстнаго общества, подъ названіемъ «Лермонтовскій вечеръ».

Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ» [1]) пишетъ: «Въ началѣ іюля Лермонтовъ и компанія устроили пикникъ для своихъ знакомыхъ дамъ въ гротѣ Діаны, противъ Николаевскихъ ваннъ. Гротъ внутри премило былъ убранъ шалями и персидскими шелковыми матеріями, въ видѣ персидской палатки, полъ устланъ коврами, а площадку и весь бульваръ освѣтили разноцвѣтными фонарями. Дамскую уборную устроили изъ зелени и цвѣтовъ: украшенная дубовыми листьями и цвѣтами люстра освѣщала гротъ, придавая окружающему волшебно-фантастическій характеръ. Танцовали по песку, не боясь испортить ботинки, и разошлись по домамъ лишь съ восходомъ солнца въ сопровожденіи музыки».

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ запискахъ декабриста Лорера [1]) мы находимъ описаніе этого вечера. Вотъ оно. Іюля 3-го молодежь задумала дать балъ въ честь знакомыхъ пятигорскихъ дамъ. Деньги собрали по подпискѣ. Лермонтовъ былъ главнымъ иниціаторомъ, ему помогали другіе. Мѣстомъ торжества избрали гротъ Діаны возлѣ Николаевскихъ ваннъ. Площадку для танцевъ устроили такъ, что она далеко выходила за предѣлы грота. Сводъ грота убрали разноцвѣтными шалями, соединивъ ихъ въ центрѣ въ красивый узелъ и прикрывъ круглымъ зеркаломъ; стѣны обтянули персидскими тканями; повѣсили искусно импровизированныя люстры, красиво обвитыя живыми цвѣтами и зеленью. На деревьяхъ аллей, прилегающихъ къ площадкѣ, горѣли болѣе 2,000 разноцвѣтныхъ фонарей. Музыка, помѣщенная и скрытая надъ гротомъ, производила необыкновенное впечатлѣніе, особенно въ антрактахъ между танцами, когда играли избранные музыканты или солисты. Во время одного антракта кто-то игралъ тихую мелодію на струнномъ инструментѣ, и Лермонтовъ увѣрялъ, что онъ приказалъ перенести, нарочно для этого вечера, эолову арфу съ «бельведера», выше Елисаветинскаго источника. Отъ грота лентой извивалось красное сукно до изящно убранной палатки—дамской уборной. По другую сторону велъ устланный коврами путь къ буфету. Небо было бирюзовое съ легкими небольшими янтарными облачками, между которыми мерцали звѣзды. Была полная тишина—ни одинъ листокъ не шевелился. Густая пестрая толпа зрителей обступала импровизированный танцовальный залъ. Свѣтъ фантастически ударялъ по костюмамъ и лицамъ, озаряя листву деревъ изумруднымъ свѣтомъ. Общество было весело настроено, и Лермонтовъ танцовалъ необыкновенно много. Послѣ одного бѣшенаго тура вальса, Лермонтовъ, весь запыхавшійся отъ усталости, подошелъ къ Лореру и тихо спросилъ: «Видите ли вы даму Дмитревскаго? Это—его «каріе глаза!»—не правда ли, какъ она хороша?». Дмитревскій [2]) былъ поэтъ, и въ то время влюбленъ былъ и пѣлъ прекрасными стихами о какихъ-то карихъ глазахъ. Лермонтовъ восхищался этими стихами и говорилъ: «Послѣ твоихъ стиховъ разлюбишь поневолѣ черные и голубые глаза и полюбишь карія очи»... Въ самомъ дѣлѣ она была красавицей. Большіе каріе глаза, осѣненные длинными рѣсницами и темными, хорошо очерченными бровями, поразили бы всякаго... Балъ продолжался до поздней ночи, или вѣрнѣе до утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а скоро и всѣ стали расходиться. Съ вершины грота,—заключилъ описаніе вечера Лореръ, — я видѣлъ, какъ усталыя группы спускались на бульваръ. Разошлась и молодежь... а я все еще сидѣлъ, погруженный въ мечты!...

---

[1]) То же, 1874 года, № 6, и «Біографія Лермонтова», П. А. Висковатова, стр. 410 и 411.

[2]) Тогда—вице-губернаторъ Кавказской области.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова [1]) говоритъ: Балъ этотъ, въ высшей степени оживленный, не понравился лицамъ, не расположеннымъ къ Лермонтову. Они не принимали участія въ подпискѣ, а потому и не пошли на него. Еще до бала они всячески старались убѣдить многихъ изъ бывшихъ согласными участвовать въ немъ, отстать отъ предпріятія и создать свой «вполнѣ приличный, а не такой, гдѣ убранство домашнее, дурнаго вкуса (de mauvais goût) и дамъ заставляютъ танцовать по песку»... Но, такъ какъ молодежь не согласилась, то князь Голицынъ и рѣшился устроить балъ въ день своихъ именинъ (15-го іюля) въ Ботаническомъ саду, и строптивую молодежь не приглашать.

Далѣе въ біографіи Лермонтова [2]) мы находимъ слѣдующія указанія.

Нѣкоторыя изъ вліятельныхъ личностей изъ пріѣзжающаго въ Пятигорскъ общества, желая наказать «несноснаго выскочку и задиру», ожидали случая, когда кто нибудь, выведенный имъ изъ терпѣнія, «проучитъ ядовитую гадину» [3]). Какъ въ подобныхъ случаяхъ это бывало не разъ, искали какое либо подставное лице, которое, само того не подозрѣвая, явилось бы исполнителемъ задуманной интриги. Такъ, узнавъ о выходкахъ и полныхъ юмора продѣлкахъ Лермонтова надъ молодымъ Лисаневичемъ, однимъ изъ поклонниковъ Надежды Петровны Верзилиной, ему, черезъ нѣкоторыхъ услужливыхъ лицъ, было сказано, что терпѣть насмѣшки Михаила Юрьевича не согласуется съ честью офицера. Лисаневичъ указывалъ на то, что Лермонтовъ расположенъ къ нему дружественно и въ случаяхъ, когда увлекался и заходилъ въ шуткахъ слишкомъ далеко, самъ первый извинялся передъ нимъ и старался исправить свою неловкость. Къ Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль—проучить. «Что вы, — возражалъ Лисаневичъ, — чтобы у меня поднялась рука на такого человѣка!» Есть полная возможность полагать,—заключаетъ изъ этого П. А. Висковатовъ,—что тѣ же лица, которымъ не удалось подстрекнуть на недоброе дѣло Лисаневича, обратились къ другому поклоннику Надежды Петровны—Н. С. Мартынову. Здѣсь они, конечно, должны были встрѣтить почву болѣе удобную для брошеннаго ими сѣмени. Мартыновъ, мелко самолюбивый и тщеславный человѣкъ, коего умственное и нравственное пониманіе не выходило за предѣлы общепринятыхъ понятій, давно уже раздражался противъ Лермонтова, котораго онъ въ душѣ считалъ ниже

---

[1]) Стр. 411 и 412.

[2]) Стр. 408 и 409.

[3]) Выраженія, которыми, по удостовѣренію П. А. Висковатова, клеймили поэта, въ бесѣдѣ съ нимъ, нѣкоторые изъ его современниковъ, бывшихъ тогда на водахъ. Интересно было бы узнать имена этихъ лицъ, этихъ цѣнителей и судей поэта!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

себя и по «карьерѣ», и по талантамъ «салоннымъ». О его поэтическомъ геніи Мартыновъ, какъ и многіе современники, судилъ свысока, а, можетъ быть, въ критической оцѣнкѣ своей не заходилъ далѣе того полковаго командира Михаила Юрьевича, который послѣ невзгоды послѣдняго, постигшей его за стихи на смерть Пушкина, выговаривалъ ему: «Ну, ваше ли дѣло писать стихи?! Предоставьте это поэтамъ и занимайтесь хорошенько командованіемъ своего взвода». Гдѣ было Мартынову задумываться надъ Лермонтовымъ, какъ великимъ поэтомъ, когда люди, какъ товарищъ поэта Арнольди, еще въ 1884 году говорили, что всѣ они въ то время писали стихи не хуже Лермонтова [1]).

Дѣйствительно, озлобленіе отпавшихъ отъ Лермонтовскаго кружка Мерлинистовъ, по разсказу В. И. Чиляева, было сильное. Имъ хотѣлось во что бы то ни стало дискредитировать Лермонтовское диктаторство, вовлечь поэта съ кѣмъ нибудь въ ссору, довести до дуэли, до суда, до разжалованія въ рядовые, и удалить его такимъ образомъ изъ общества. Орудіемъ для того былъ избранъ Мартыновъ, а рукой, направлявшей орудіе,—«князь Ксандръ». Недобрая роль выпала въ этой интригѣ на долю князя. Затаивъ въ душѣ расположеніе къ поэту за безпощадное разоблаченіе его княжескихъ слабостей, онъ, какъ истинный рыцарь іезуитизма, сохраняя къ нему по наружности прежнія дружескія отношенія, взялся руководить интригою въ сердцѣ кружка и, надо отдать справедливость, мастерски исполнялъ порученное ему дѣло. Онъ съумѣлъ подстрекнуть Мартынова обуздать человѣка, соперничавшаго съ нимъ за обладаніе красавицей, раздуть вспышку и, не смотря на старанія прочихъ товарищей къ примиренію, довести соперниковъ до дуэли, уничтожить «выскочку и задиру» и послѣ его смерти прикинуться и числиться однимъ изъ его лучшихъ друзей. Отъ него самого я слышалъ,—говорилъ В. И. Чиляевъ,—такого рода отзывъ о поэтѣ: «Мишеля, что бы тамъ ни говорили, а поставить въ рамки слѣдуетъ!».

Въ городѣ, между тѣмъ, былъ пущенъ слухъ о предстоящей дуэли, но, какъ всѣ слухи, безъ указаній: гдѣ, у кого и за что. Начальство, чуткое къ бѣдѣ, прислушивалось и озиралось, но, не имѣя точныхъ указаній, ходило во тьмѣ ощупью. Во всякомъ случаѣ, кое-какія мѣры были приняты наугадъ. Столыпинъ и Лермонтовъ, которымъ данный медицинскимъ начальствомъ шестинедѣльный курсъ леченія сѣрными минеральными водами 10-го іюля истекалъ, были вызваны къ коменданту, и 12-го іюля утромъ они являлись.

— Ну, что, господа, — встрѣтилъ ихъ, по словамъ В. И. Чиляева, полковникъ Ильяшенковъ строго, — какъ ваше здоровье?

---

[1]) «Русская Старина», 1885 г., № 2.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Надѣюсь, воды помогли, вѣдь вы предписанный вамъ курсъ, кажется, прошли уже, что же вы намѣрены дѣлать? Въ отрядъ что ли поѣдете?

— Да, мы чувствуемъ себя гораздо лучше, г. полковникъ,— отвѣчалъ Столыпинъ,—но вліяніе водъ, какъ вамъ небезъизвѣстно, сказывается не вдругъ, а по прошествіи извѣстнаго времени, поэтому ничего положительнаго теперь сказать пока нельзя. Во всякомъ случаѣ намъ, чтобы окончательно окрѣпнуть, необходимо, по совѣту врача, взять еще по нѣсколько желѣзистыхъ ваннъ.

— Ну, что же, поѣзжайте въ Желѣзноводскъ!—поспѣшилъ съ разрѣшеніемъ старикъ, обрадованный возможностью сплавить отъ себя опасныхъ гостей:—когда вы можете выѣхать?

— Да дня три позвольте пробыть еще здѣсь,—проговорилъ не приготовленный къ такой быстрой развязкѣ Столыпинъ: — нужно поѣхать нанять квартиру и собраться.

— Ну, хорошо, три дня я вамъ даю,—отвѣчалъ повеселѣвшій комендантъ,—а когда отправитесь, донесите рапортами.

За симъ, какъ бы окончивъ оффиціальный пріемъ, онъ отошелъ къ окну и, поманивъ къ себѣ рукой Лермонтова, сталъ тихо, ласково и добродушно говорить съ нимъ.

— А вы не унимаетесь, все такой же безпардонный,—качалъ головою старикъ:—ко всѣмъ привязываетесь, надо всѣми смѣетесь, это не хорошо! Посмотрите, сколько враговъ вы себѣ нажили, а вѣдь это все друзья ваши были.

Лермонтовъ встрепенулся. Его тронула простая, душевная рѣчь старика, и онъ отвѣтилъ ему экспромптомъ:

«Моя друзья вчерашніе—враги,
«Враги—мои друзья,
«Но, да проститъ мнѣ грѣхъ Господь Благій,
«Ихъ презираю я..

«Вы также знаете вражду друзей
«И дружество врага,
«Но чѣмъ ползущихъ давите червей?...
«Подошвой сапога».

Старикъ разчувствовался, положилъ руку на плечо поэта и участливо сказалъ ему:

— Послушайте, Лермонтовъ, я васъ люблю... знаете ли, я часто думаю, если бы у меня былъ такой сынъ, я бы вполнѣ былъ счастливъ!... Я не нарадовался бы на него!... Вѣдь вы—такой умница!... И что же? только дурачитесь... Бросьте все это... вѣдь они убьютъ васъ!...

Лермонтовъ саркастически улыбнулся, отступилъ шагъ назадъ и, подумавъ немного, съ чувствомъ проговорилъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Имъ жизнь нужна моя—ну, что же, пусть возьмутъ,
«Не мнѣ жалѣть о ней!
«Въ наслѣдіе они одно пріобрѣтутъ—
«Клубъ ядовитыхъ змѣй».

— Нѣтъ, ужъ лучше уѣзжайте поскорѣе!—перебилъ его комендантъ,— черезъ три дня я жду рапорта. Прощайте.— И старикъ откланялся.

Въ тотъ же день камердинеръ Михаила Юрьевича, старый дядька его Ефимъ Соколовъ, былъ посланъ въ Желѣзноводскъ нанять квартиру, а вечеромъ, то-есть 12-го іюля, а не 13-го, какъ пишетъ Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [1]), Лермонтовъ былъ вызванъ на дуэль Мартыновымъ. Роковой вечеръ прошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Народу, по словамъ П. А. Висковатова [2]), было не много: полковникъ Зельмицъ съ дочерьми, Лермонтовъ, Мартыновъ, Трубецкой, Глѣбовъ, Васильчиковъ, Левъ Пушкинъ и еще нѣкоторые [3]). Въ этотъ вечеръ Мартыновъ былъ мраченъ и танцовалъ мало [4]). У Раевскаго [5]) весьма характеристично описано начало вечера. «Собрались мы всѣ,— говоритъ онъ,— и передъ танцами вздумали музыкой заняться. А у Михаила Юрьевича, надо вамъ знать, была странность: терпѣть онъ не могъ, когда кто изъ любителей, даже и талантливый, играть или пѣть начнетъ. А тутъ, какъ на грѣхъ, засѣлъ за фортепіано юнкеръ одинъ, офицерства дожидавшійся, Бенкендорфъ; игралъ онъ недурно, скорѣй даже хорошо, но бѣда въ томъ, что Михаилъ Юрьевичъ его не очень-то жаловалъ. Какъ началась наша музыка, Михаилъ Юрьевичъ усѣлся въ сторонкѣ, въ уголку, ногу на ногу закинувъ, что его обычной позой было, и не говоритъ ничего, а я-то ужъ вижу по глазамъ его, что ему не по себѣ. Взглядъ у него былъ необыкновенный, а глаза

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Біографія Лермонтова, стр. 413.

[3]) Были еще Н. П. Раевскій, Креницынъ, Тутолминъ, Дмитревскій и Бенкендорфъ. Въ біографіи Лермонтова (стр. 397) Висковатовъ говоритъ, что Раевскій рѣдко бывалъ у Верзилиныхъ. Напротивъ, это былъ самый частый гость и свой человѣкъ въ семьѣ Верзилиныхъ. Онъ жилъ у нихъ и прежде, когда лечился отъ раны, полученной въ 1839 году подъ Ахульго, и послѣ дуэли и, наконецъ, въ 1842 году сопровождалъ ихъ, когда онѣ отправились къ Петру Семеновичу въ Варшаву.

[4]) В. И. Чиляевъ говорилъ, что Мартыновъ явился на вечеръ съ предвзятымъ намѣреніемъ сдѣлать Лермонтову вызовъ на дуэль, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, такъ какъ Лермонтовъ и Столыпинъ на другой день утромъ должны были ѣхать въ Желѣзноводскъ, для осмотра нанятой для нихъ камердинеромъ Соколовымъ квартиры, а съ переѣздомъ ихъ туда возможность вызова уничтожалась и предположеніе «поставить поэта въ рамки» не осуществилось бы. А этимъ, какъ извѣстно, были заинтересованы отпавшіе Мерлинисты, «князь Ксандръ» и другіе недруги.

[5]) «Нива», 1885 года, № 7.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

черные. Вѣрите ли, если начнетъ кого, хоть на пари, взглядомъ преслѣдовать,—загоняетъ, мѣста себѣ человѣкъ не найдетъ. Подошелъ я къ нему, а онъ и говоритъ: «Слѣтокъ, будетъ съ насъ музыки. Садись вмѣсто него, играй кадриль. Пусть ужъ лучше танцуютъ». Я послушался, сталъ играть французскую кадриль. Размѣстились всѣ, а одной барышнѣ кавалера не достало. А тутъ вдругъ Николай Соломоновичъ, poignard нашъ, жалуетъ. Запоздалъ, потому франтъ! Какъ пойдетъ ноготки полировать да душиться,— часы такъ и бѣгутъ. Вошелъ. Ну, просто сіяетъ. Бешметикъ бѣленькій, черкеска верблюжьяго тонкаго сукна безъ галунчика, а только черной тесемкой обшита и серебряный кинжалъ чуть не до полу. Какъ онъ вошелъ, ему и крикнулъ кто-то изъ насъ: «Poignard! вотъ дама. Становитесь въ пару, сейчасъ начнемъ». Онъ будто и не слыхалъ, поморщился слегка и прошелъ въ диванную, гдѣ сидѣли Марья Ивановна Верзилина и ея старшая дочь Эмилія Александровна. Ужъ очень ему этимъ poignard'омъ надоѣдали. И отъ своихъ, и отъ пріѣзжихъ, и отъ l'armée russe ему другаго имени не было. А на бѣду барышня оказалась изъ бѣдненькихъ. Жаль, забылъ я, кто именно была эта барышня. Однако, ничего, протанцовали кадриль. Барышня, переконфуженная такая, подходитъ ко мнѣ и проситъ, чтобы пустилъ я ее играть, а самъ бы потанцовалъ. Я пустилъ ее и вижу, что Мартыновъ вошелъ въ залу, а Михаилъ Юрьевичъ и говоритъ громко: «Велика важность, что poignard'омъ назвали. Не слѣдъ бы изъ-за этого неучтивости дѣлать!» А Мартыновъ въ лицѣ измѣнился, и фраза: «Михаилъ Юрьевичъ! я много разъ просилъ!... пора бы и перестать!» — сорвалась у него съ языка. Лермонтовъ сдержался, ничего ему не отвѣтилъ. Но когда кончился вечеръ и друзья пошли домой, Мартыновъ дорогой повторилъ свою просьбу перестать издѣваться надъ нимъ [1]) и сдѣлалъ Лермонтову вызовъ».

Это одна версія столкновенія друзей на вечерѣ. Теперь послушаемъ другую. Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [2]) описываетъ событіе такъ: «Я не говорила и не танцовала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванья. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: «M-lle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie». — Ну, ужъ такъ и быть, въ послѣдній разъ, пойдемте!—было ему отвѣтомъ. Михаилъ Юрьевичъ далъ слово не сердить меня больше, и мы, провальсировавъ, усѣлись мирно разговаривать [3]). Къ намъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который

[1]) Хотя никакого издѣвательства въ замѣчаніи Лермонтова, если оно было сказано такъ, какъ передалъ Раевскій, и нѣтъ.

[2]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[3]) Въ возраженіяхъ же своихъ Раевскому («Нива», 1885 года, № 27), она (Э. Шанъ-Гирей) варьируетъ вступленіе своего разсказа такъ: «Лермонтовъ имѣлъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux mieux. Не смотря на мои предостереженія, удержать ихъ было трудно. Ничего злаго особенно не говорили, но смѣшнаго много; но вотъ увидѣли Мартынова, разговаривающаго очень любезно съ младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на которомъ игралъ князь Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его montagnard au grand poignard. Надо же было такъ случиться, что, когда Трубецкой ударилъ послѣдній аккордъ, слово poignard раздалось по всей залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ весьма сдержаннымъ сказалъ Лермонтову: «Сколько разъ просилъ я васъ оставить свои шутки при дамахъ», и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе: «языкъ мой—врагъ мой», Михаилъ Юрьевичъ отвѣчалъ спокойно: «ce n'est rien; demain nous serons bons amis». Танцы продолжались, и я думала, что тѣмъ кончилась вся ссора. На другой день Лермонтовъ и Столыпинъ должны были ѣхать въ Желѣзноводскъ. Послѣ ужъ разсказывали мнѣ, что, когда выходили отъ насъ, то Мартыновъ повторилъ свою фразу, на что Лермонтовъ спросилъ: «что-жъ, на дуэль что ли вызовешь меня за это?». Мартыновъ отвѣтилъ рѣшительно: «Да», и тутъ же назначили день».

П. А. Висковатовъ занесъ въ біографію М. Ю. Лермонтова разсказъ г-жи Шанъ-Гирей, прикрасивъ его нѣсколько, вѣроятно, со словъ ея, слышанныхъ имъ отъ нея впослѣдствіи[1]). Но совершив-

---

страсть поддразнивать (taquiner), за что мы часто съ нимъ ссорились, а какъ я нѣсколько дней ужъ съ нимъ не говорила, то когда начались танцы, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Faisons la paix, un tour de valse je vous prie». Я долго не соглашалась, то, наконецъ, онъ и сказалъ: «de grâce, m-elle Emilie, un tour de valse pour la dernière fois de ma vie». — «Если такъ, нечего дѣлать, пойдемте!».

[1]) Разсказъ объ этомъ вечерѣ кн. Васильчикова въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 года, № 1, коротокъ и теменъ. Вотъ онъ: «Однажды на вечерѣ у генеральши Верзилиной Лермонтовъ въ присутствіи дамъ отпустилъ какую-то новую шутку, болѣе или менѣе острую надъ Мартыновымъ. Что онъ сказалъ, мы не разслышали, знаю только, что, выходя изъ дому на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему очень тихимъ и ровнымъ голосомъ пофранцузски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ». На что Лермонтовъ такимъ же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: «А если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія». Больше ничего у нихъ въ тотъ вечеръ и въ послѣдующіе дни не было». Необходимо замѣтить, что вся вообще статья кн. Васильчикова, написанная въ отвѣтъ на статью «Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ», появившуюся въ журналѣ «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10, не отличается правдой и безпристрастіемъ. Въ ней какъ будто сквозитъ намѣреніе скрыть длинные когти подъ рясой отшельника. П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 415) говоритъ: «Что касается недомолвокъ со стороны кн. Васильчикова въ статьѣ его въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, то это обусловливалось вни-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шееся въ домѣ Верзилиныхъ было лишь прологомъ къ драмѣ, окончаніе котораго разыграно подъ покровомъ темной ночи на улицѣ, когда противники расходились по домамъ.

По разсказу В. И. Чиляева, вечеръ этотъ былъ сдѣланъ Марьей Ивановной Верзилиной въ честь отъѣзжавшаго въ Желѣзноводскъ М. Ю. Лермонтова, котораго она устройствомъ сего вечера хотѣла поблагодарить за пикникъ въ гротѣ Діаны 8-го іюля. Танцы продолжались далеко за полночь, молодежь веселилась на распашку, и только Мартыновъ, злой и мрачный, портилъ настроеніе общества и, ища предлога для ссоры, два раза сцѣплялся съ Лермонтовымъ за его шутки надъ его неумѣстнымъ высокомѣріемъ и пристрастіемъ къ засученнымъ рукавамъ [1]). Окончательно же онъ вызвалъ его на дуэль по выходѣ изъ дома Верзилиныхъ. Лермонтовъ съ Глѣбовымъ шли впереди, за ними кучка молодежи, Зельмицъ съ Пушкинымъ, а въ хвостѣ—князь Васильчиковъ съ Мартыновымъ. Молодежь шумно хохотала, а Мартыновъ, перешепнувшись съ Васильчиковымъ, догналъ Михаила Юрьевича, остановилъ его безцеремонно за руку и, возвысивъ голосъ, рѣзко спросилъ его:

— Долго ли ты будешь издѣваться надо мной, въ особенности въ присутствіи дамъ?... Я долженъ предупредить тебя, Лермонтовъ, что если ты не перестанешь насмѣхаться, то я тебя заставлю перестать,—и онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

Лермонтовъ разсмѣялся и, продолжая идти, спросилъ: «что же, ты обидѣлся что ли?».

— Да, конечно, обидѣлся.

— Ну, такъ не хочешь ли потребовать удовлетворенія?

— Почему и не такъ...

Тутъ Лермонтовъ перебилъ его словами: «меня изумляетъ и твоя выходка, и твой тонъ... Впрочемъ, ты знаешь, вызовомъ меня испугать нельзя, я отъ дуэли не откажусь... Хочешь драться—будемъ драться».

— Конечно, хочу,—отвѣчалъ Мартыновъ,—и потому разговоръ этотъ можешь считать вызовомъ.

Лермонтовъ разсмѣялся и сказалъ: «Ты думаешь торжествовать надо мной у барьера. Но это вѣдь не у ногъ красавицы»... Мар-

---

маніемъ къ бывшему еще въ живыхъ Мартынову, защищать котораго приходилось князю во время слѣдствія по дѣлу. Сообщенія, сдѣланныя княземъ мнѣ уже позднѣе и послѣ смерти Мартынова, разнствуютъ съ прежними показаніями». Хорошо, значитъ, вниманіе, хороша защита, если они основаны на неправдѣ и искаженіи истины! А г. Висковатовъ приводитъ еще нѣкоторыя показанія кн. Васильчикова, какъ авторитетъ и непреложное доказательство высказанныхъ имъ предположеній.

[1]) Не доказываетъ ли это свидѣтельство, что записанныя Раевскимъ и Эміліей Шанъ-Гирей вспышки Мартынова случились обѣ: одна—послѣ первой кадрили, а другая—послѣ одного изъ вальсовъ въ разгарѣ, если не въ концѣ вечера?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тыновъ быстро повернулся и пошелъ назадъ. Уходя, онъ сказалъ, что на утро пришлетъ секунданта [1]).

— Вотъ она злоба-то дня въ чемъ выразилась! — сострилъ Михаилъ Юрьевичъ, обратившись къ Глѣбову и другимъ столпившимся вокругъ него товарищамъ.—Ты, Глѣбовъ, конечно, не откажешься быть моимъ секундантомъ? (Тотъ утвердительно кивнулъ головою). Я со Столыпинымъ поѣду завтра въ Желѣзноводскъ осмотрѣть нанятую квартиру и сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ ея, а ты устроивай дѣла здѣсь и, чѣмъ кончишь, дай мнѣ туда знать. — Затѣмъ, окинувъ быстрымъ взглядомъ изумленную молодежь, онъ проговорилъ, улыбаясь, какъ бы въ раздумьѣ: «кого-то Мартышка пришлетъ къ намъ для переговоровъ—Лису иль Волка [2])?»—и сталъ прощаться. Пожимая руки товарищамъ, онъ подарилъ ихъ экспромптомъ, едва ли не послѣднимъ въ жизни:

«Ну, вотъ теперь у васъ для разговоровъ будетъ
«Дня на три тема
«И, вѣрно, въ васъ къ себѣ участіе возбудитъ
«Не Миллеръ—Эмма».

---

[1]) Разсказъ этотъ о вызовѣ былъ напечатанъ мною во «Всемірномъ Трудѣ» 1870 года, № 10. «Когда я,—пишетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 416),—прочитавъ это мѣсто князю Васильчикову, спросилъ его: «Такъ ли это было?»—князь отвѣчалъ: «Можетъ быть, кто же знаетъ! суть вѣрна! Въ этомъ родѣ оба они передавали разговоръ свой, но послѣдняя фраза не могла быть сказана Лермонтовымъ. Мартыновъ если и торжествовалъ надъ нимъ у ногъ красавицъ, то развѣ такихъ, которыми Лермонтовъ не могъ серьезно интересоваться. Лермонтовъ шаля пріударялъ за разными женщинами, но заинтересовывался только личностями, выходящими изъ ряда обыденности». На этомъ основаніи послѣдняя фраза Лермонтова о торжествѣ у ногъ красавицы г. Висковатовымъ въ сказанной біографіи не помѣщена въ текстѣ, а объ ней въ примѣчаніи приведенъ вышесказанный отзывъ князя Васильчикова. Считаю долгомъ пояснить, что брошенный Лермонтовымъ Мартынову упрекъ въ необузданной самоувѣренности о торжествѣ не относился до «разныхъ женщинъ», а той красавицы, изъ-за которой у нихъ велся почти цѣлый мѣсяцъ самый ожесточенный споръ и которую, наконецъ, отбилъ Мартыновъ, то-есть Эмиліи Александровны, или «Верзилiи», какъ окрестилъ ее въ послѣднее время Лермонтовъ. Что же касается ироническаго восклицанія князя Александра Иларіоновича: «кто же это знаетъ!»—приведу тотъ фактъ, что разсказъ В. И. Чиляева объ этомъ вызовѣ записанъ со словъ Глѣбова, присутствовавшаго при немъ лично. Вообще свѣдѣнія, сообщенныя имъ, мнѣ кажется, имѣютъ болѣе достовѣрности, чѣмъ разсказы, замѣтки и воспоминанія князя Васильчикова и Эмиліи Шанъ-Гирей, вопервыхъ, потому, что онъ не былъ лицомъ, прикосновеннымъ къ дѣлу или заинтересованнымъ тѣмъ или другимъ его объясненіемъ, а, вовторыхъ, потому, что разсказъ его былъ записанъ тогда же, то-есть въ 1841 году, а не по прошествіи 30 лѣтъ, какъ написана статья князя Васильчикова, и слишкомъ 45, какъ разглагольствія г-жи Шанъ-Гирей. Притомъ же и самое служебное положеніе В. И. Чиляева, именно званіе плацъ-адъютанта, давало ему возможность знать многое, чего не знали другіе, хотя бы даже и сами участники роковаго событія или прикосновенныя къ нему лица.

[2]) Подразумѣвались: Лисаневичъ, поклонникъ Н. П. Верзилиной, и П. В. Волковъ, атташе княгини Эристовой.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Молодежь молча переглянулась. Никто не понялъ, о какомъ Миллерѣ и Эммѣ говорилъ имъ Михаилъ Юрьевичъ. И только послѣ дуэли, когда схоронили предательски убитаго поэта, кто-то, кажется, Дмитревскій, разгадалъ смыслъ сказанныхъ имъ словъ. Подъ именемъ *Миллеръ* были скрыты иниціалы поэта: *Ми Лер*, а подъ именемъ *Эмма* — иниціалы Мартынова: *М* (Эм) *а*, или же иниціалы Эмиліи и Мартынова: *Эм Ма*.

П. Мартьяновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ РАЗРЫВЪ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ 1853 ГОДА [1].

III.

Посольство князя Меншикова въ Константинополь.

Война Черногоріи съ Турціей. — Заступничество Австріи за черногорцевъ. — Порта принимаетъ австрійскій ультиматумъ. — Чрезвычайное посольство князя Меншикова.—Аудіенція его у султана.—Совѣщанія князя Меншикова съ рейсъ-эфенди по дѣлу о святыхъ мѣстахъ.—Жалобы великаго визиря и рейсъ-эфенди иностраннымъ дипломатамъ. — Прибытіе пословъ: англійскаго—лорда Редклифа и французскаго—Лакура. — Объясненіе Редклифа съ турецкими министрами и съ русскимъ посломъ.—Взглядъ князя Меншикова на положеніе дѣлъ.—Инструкція французскому послу.—Соглашеніе между нимъ и Меншиковымъ по вопросу о святыхъ мѣстахъ. — Нота русскаго посла Портѣ съ требованіемъ фирмановъ и сенеда.—Порта издаетъ фирманы, но отказываетъ въ сенедѣ.—Ультиматумъ князя Меншикова.—Совѣты Редклифа туркамъ и обѣщаніе англійской помощи.—Порта отклоняетъ русское требованіе о сенедѣ.—Второй и послѣдній ультиматумъ Меншикова. — Вторичный отказъ Порты.—Нота Меншикова о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Портою. — Примирительная попытка представителей великихъ державъ. — Послѣдняя уступка Меншикова. — Порта отвергаетъ предложенный имъ проектъ ноты. — Отплытіе князя Меншикова со всѣми чинами посольства въ Севастополь.

СОГЛАШЕНІЕ съ Турціей по вопросу о святыхъ мѣстахъ было главною, но не единственною цѣлью отправленія князя Меншикова чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь. Ему, кромѣ того, поручалось потребовать отъ Порты прекращенія военныхъ дѣйствій противъ Черногоріи, грозившихъ этой странѣ полнымъ разореніемъ и порабощеніемъ.

Со временъ Петра Великаго русскіе государи питали особое благоволеніе къ черногорскому народу и оказывали ему покровительство и щедрую помощь. Въ немъ находили мы вѣрныхъ и преданныхъ союзниковъ противъ турокъ при Екатеринѣ II и даже противъ французовъ при Александрѣ I. Изъ всѣхъ европейскихъ державъ, русскій дворъ одинъ признавалъ Черногорію независимою отъ Порты. Стоявшіе во главѣ ея владыки, изъ рода

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLVII, стр. 456.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Петровичей, пріѣзжали ставиться въ Россію, и отъ нашего свя-тѣйшаго синода принимали рукоположеніе во епископа.

Въ октябрѣ 1851 года скончался владыка Петръ II, назначивъ преемникомъ племянника своего Даніила. Прибывъ въ Петербургъ, молодой Петровичъ представилъ императору Николаю о всеобщемъ желаніи черногорцевъ имѣть не духовнаго, а свѣтскаго государя, и съ разрѣшенія его величества не принялъ постриженія, а былъ провозглашенъ наслѣдственнымъ княземъ черногорскимъ, подъ именемъ Даніила I.

Такая существенная перемѣна, происшедшая въ государственномъ устройствѣ Черногоріи, свидѣтельствовавшая о признаніи ею за русскимъ царемъ права измѣнять ея законы и самый порядокъ престолонаслѣдія, была крайне непріятна вѣнскому двору, съ конца прошлаго столѣтія привыкшему считать эту страну «входящею въ сферу австрійскаго вліянія». Дѣйствительно, по составленному Іосифомъ II и принятому Великою Екатериною плану раздѣла Балканскаго полуострова, Черногорія вмѣстѣ съ Малою Валахіею, Сербіею, Босніею, Герцеговиною и Албаніею должна была отойдти къ Австріи. Со времени пріобрѣтенія послѣднею Далмаціи и Боки Которской, небольшое славянское княжество было отрѣзано отъ моря австрійскими владѣніями и впало въ естественную матеріальную зависимость отъ своего могущественнаго сосѣда. Это, впрочемъ, не мѣшало ему продолжать духовно тяготѣть къ Россіи и отъ нея одной ожидать въ будущемъ улучшенія своей участи. Но, при существованіи тѣсныхъ союзническихъ отношеній между императорскими дворами с.-петербургскимъ и вѣнскимъ, австрійское правительство не рѣшилось гласно выказать своего неудовольствія. Оно признало Даніила княземъ, при возвращеніи изъ С.-Петербурга черезъ Вѣну приняло его съ почетомъ и обѣщало ему свою поддержку въ возникавшихъ между имъ и Турціею несогласіяхъ.

Занятіе черногорцами двухъ турецкихъ крѣпостей—Жабляка въ Герцеговинѣ и Спужа въ Албаніи, побудило Порту предписать Омеру-пашѣ, только что усмирившему возстаніе въ Босніи, во главѣ многочисленной арміи вторгнуться въ Черногорію и принудить ее признать надъ собою верховную власть султана. Императоръ Францъ-Іосифъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ съ одной стороны расположить въ свою пользу христіанское населеніе западныхъ областей Оттоманской имперіи, съ другой—дать почувствовать султану, что въ Вѣнѣ не забыли отказа Порты выдать австровенгерскихъ и польскихъ выходцевъ, искавшихъ убѣжища въ турецкихъ владѣніяхъ.

Австрійскія пограничныя власти доносили о готовившемся возстаніи южныхъ славянъ, подвластныхъ Портѣ, сигналомъ къ которому должно было послужить первое столкновеніе турокъ съ черногорцами. Императоръ Францъ-Іосифъ вознамѣрился не противо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дѣйствовать этому движенію, даже не относиться къ нему враждебно, а, напротивъ, втихомолку поддерживать его, такъ, однако, чтобы при этомъ не были нарушены отношенія добраго сосѣдства съ Турціею. Цѣль его была упрочить и усилить вліяніе Австріи въ пограничныхъ съ нею земляхъ и привязать къ ней христіанско-славянское населеніе ихъ узами довѣрія и благодарности [1]).

Сообразно съ симъ приняты были Австріею соотвѣтствующія военныя мѣры. Цѣлый корпусъ, подъ начальствомъ хорватскаго бана Іелачича, приведенъ на военное положеніе и получилъ приказаніе расположиться вдоль рѣки Унны на боснійской границѣ. Пограничное укрѣпленіе Драгалъ занято сильнымъ гарнизономъ; усилены и укомплектованы войска, расположенныя въ Далмаціи; небольшая эскадра отправлена въ Тойлу, съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать высадкѣ турокъ на австрійскомъ берегу и вступленію военныхъ ихъ судовъ въ далматинскія гавани.

Въ первыхъ числахъ января 1853 года Омеръ-паша проникъ до Острожскаго монастыря въ долинѣ Зеты. Тамъ завязался кровопролитный бой, исходъ котораго былъ неблагопріятенъ черногорцамъ. Черногорія была открыта турецкому вторженію.

Австрійское правительство послало въ лагерь турецкаго главнокомандующаго двухъ офицеровъ, дабы предупредить его, что если оттоманскія войска займутъ Клекъ или Суторину, два прибрежные пункта на Адріатическомъ морѣ, хотя и принадлежащіе Турціи, но со всѣхъ сторонъ окруженные австрійскими владѣніями, то войска императора Франца-Іосифа немедленно перейдутъ черезъ Унну и займутъ Боснію. Они должны были также потребовать отъ Омера-паши удаленія изъ его арміи венгерскихъ и польскихъ выходцевъ.

Въ то же время австрійскій императоръ отправилъ въ Константинополь своего генералъ-адъютанта графа Лейнингена съ чрезвычайнымъ порученіемъ къ султану. Австрійскому послу было приказано потребовать отъ Порты: отозванія турецкихъ войскъ изъ Черногоріи, возстановленія въ ней statu quo, уравненія въ правахъ христіанъ съ мусульманами на всемъ протяженіи Оттоманской имперіи, предоставленія имъ полной религіозной свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ добыть отъ Порты вознагражденіе за убытки, понесенные австрійскими подданными отъ ежегодно повторяющихся разбойничьихъ набѣговъ, и обѣщаніе соблюдать statu quo въ Клекѣ и Суторинѣ, устранить ограниченія и препятствія, наложенныя въ послѣднее время на австрійскую торговлю, и, на-

[1]) Графъ Грюнне, генералъ-адъютантъ императора Франца-Іосифа, управлявшій его военною канцеляріею, графу Іелачичу, бану Хорватіи, 26-го декабря 1852 г. (7-го января 1853 г.).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

конецъ, удалить отъ предѣловъ Австріи польскихъ и венгерскихъ выходцевъ, служащихъ въ турецкихъ войскахъ [1]).

Графъ Лейнингенъ прибылъ въ Константинополь въ концѣ января 1853 года и предъявилъ Портѣ требованія своего двора въ формѣ ультиматума. Онъ былъ поддержанъ представителями Англіи и Франціи. Русскій повѣренный въ дѣлахъ, къ которому австрійскій посолъ обратился съ просьбою о содѣйствіи, отвѣчалъ, что не имѣетъ инструкцій по этому предмету. Вскорѣ послѣ того инструкціи были, однако, получены. Онѣ предписывали г. Озерову оказать графу Лейнингену самую горячую поддержку. Но было поздно. Порта уже уступила, и посланецъ императора Франца-Іосифа съ торжествомъ возвратился въ Вѣну [2]).

Въ австрійской столицѣ не разсчитывали на такой быстрый и рѣшительный успѣхъ. Іелачича запросили по телеграфу, въ какой срокъ можетъ онъ съ пятнадцатитысячнымъ отрядомъ перейдти чрезъ Унну и углубиться въ Боснію на трехдневный переходъ. Въ восемь дней,—былъ его отвѣтъ. Намѣстнику Далмаціи приказано объявить Омеру-пашѣ и князю Даніилу, что Австрія беретъ на себя возстановленіе statu quo ante bellum, и пригласить турецкаго главнокомандующаго очистить Черногорію, предупредивъ его, что войска Іелачича готовы вступить въ Боснію. Самому Іелачичу писали изъ Вѣны, что императоръ Францъ-Іосифъ не намѣренъ начинать съ Турціею войны, которая потребовала бы силъ несравненно значительнѣйшихъ, чѣмъ тѣ, что расположены нынѣ въ Хорватіи и Далмаціи; что рѣчь идетъ лишь о временномъ занятіи Босніи и Черногоріи (sic), для поддержанія предъявленныхъ Портѣ требованій; что сначала предположено занять Банья-луку и затѣмъ направиться къ Травнику. Все было готово къ наступленію, когда узнали въ Вѣнѣ о принятіи Портою австрійскаго ультиматума [3]).

Едва ли эти военныя приготовленія Австріи были извѣстны императорскому кабинету. Но не подлежитъ сомнѣнію, что сами же мы убѣждали вѣнскій дворъ вступиться за Черногорію и оказать ей помощь пропускомъ оружія, пороха и военныхъ снарядовъ. Во изъявленіе удовольствія, возбужденнаго въ немъ успѣхомъ посольства Лейнингена, императоръ Николай пожаловалъ австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ графу Буолю алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго [4]).

---

[1]) Adolph Beer, die Orientalische Politik Oesterreichs, стр. 437—441.

[2]) Ср. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, ч. II, стр. 12, съ противоположнымъ утвержденіемъ Порты въ «Orientalische Politik Oesterreichs», стр. 443.

[3]) Beer, Orientalische Politik Oesterreichs, стр. 441.

[4]) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, ч. I, стр. 123.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тѣмъ необходимѣе казалось государю не медлить долѣе отправленіемъ князя Меншикова въ Константинополь.

Ему поручалось потребовать отъ Порты: во-первыхъ, обнародованія февральскаго фирмана.

Во-вторыхъ, въ видѣ удовлетворенія за прошлые отзывы Фуадъ-эфенди, изданія объяснительнаго фирмана, провозглашающаго право греческаго духовенства на владѣніе Виѳлеемскимъ храмомъ, не смотря на передачу ключа отъ него католикамъ; отмѣны всѣхъ прочихъ преимуществъ, дарованныхъ латинянамъ и не упомянутыхъ въ февральскомъ фирманѣ; возобновленія купола надъ Святымъ Гробомъ безъ участія католиковъ.

Въ-третьихъ, прочныхъ ручательствъ въ соблюденіи въ будущемъ правъ восточныхъ христіанъ православнаго исповѣданія и заключенія формальнаго акта, гласнаго или тайнаго, имѣющаго обязательную силу договора и обнимающаго совокупность мѣръ и распоряженій, принятыхъ для сохраненія statu quo православной церкви на Востокѣ.

Въ случаѣ, если бы потребовалось успокоить султана относительно французскихъ угрозъ, послу разрѣшалось предложить ему заключеніе тайнаго оборонительнаго союза. Если же его требованія были бы отвергнуты, то ему предписывалось дать Портѣ три дня на размышленіе и по истеченіи этого срока оставить Константинополь вмѣстѣ со всѣми чинами императорскаго посольства.

Инструкціи эти не были безусловно обязательными для князя Меншикова. Высокое положеніе, имъ занимаемое, и личное довѣріе государя выдѣляли его изъ прямой подчиненности министерству иностранныхъ дѣлъ. Данныя ему наставленія были лишь изложеніемъ политическихъ результатовъ, достиженіе которыхъ признавалось желательнымъ, и послу предоставлялось видоизмѣнять ихъ по мѣрѣ надобности и по своему усмотрѣнію [1]).

Онъ имѣлъ вручить султану собственноручное письмо императора Николая, разъяснявшее главную цѣль посольства. Государь выражалъ въ немъ чувства прискорбія и удивленія, возбужденныя въ его величествѣ извѣстіемъ о рѣшеніи Порты по дѣлу о святыхъ мѣстахъ, указывалъ на добросовѣстность, съ которою самъ всегда соблюдалъ свои обязательства и договоры съ султаномъ, а уклоненія послѣдняго отъ исполненія данныхъ обѣщаній называлъ «поступками, которые прискорбны ему, какъ другу, обидны, какъ союзнику, и налагаютъ на него, какъ на государя, весьма тяжкія обязанности». Приписавъ ихъ вліянію «неопытныхъ или неблагонамѣренныхъ министровъ», императоръ утверждалъ, что далекъ отъ мысли подвергнуть Порту распрямъ съ другими державами или предложить ей нарушеніе заключенныхъ съ ними договоровъ,

[1]) Тамъ же, ч. I, стр. 159—162.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

но совѣтовалъ султану «сохранить права, освященныя вѣками, признанныя всѣми его славными предшественниками и подтвержденныя имъ самимъ, въ пользу православной церкви, догматы которой исповѣдываются многими изъ состоящихъ подъ его владычествомъ христіанъ, равно какъ и большею частью собственныхъ подданныхъ государя». Если-бъ сохраненіе этихъ правъ повело къ какому либо замѣшательству или подвергло опасности владѣнія султана, то обстоятельства эти еще болѣе упрочатъ союзъ его съ Россіею и поведутъ «къ соглашенію, которое положило бы конецъ требованіямъ и притязаніямъ, несовмѣстнымъ съ независимостью его правительства и со внутреннимъ спокойствіемъ его имперіи». «Позволяю себѣ надѣяться, — заключалъ государь свое письмо, — что ваше величество, убѣдясь въ справедливости этихъ замѣчаній и въ искренности словъ моихъ, устраните съ твердостью коварные и недоброжелательные извѣты, клонящіеся къ разрыву дружества и добраго сосѣдства, столь благополучно существовавшихъ доселѣ между нами» [1]).

Министерство иностранныхъ дѣлъ снабдило князя Меншикова проектомъ конвенціи, которую онъ долженъ былъ стараться заключить съ Портою, и общею инструкціею, въ коей излагался взглядъ императорскаго кабинета на отношенія наши къ великимъ европейскимъ державамъ.

Франція хотя и предлагала намъ разрѣшить споръ о святыхъ мѣстахъ путемъ прямаго съ нею соглашенія, но мы не придавали значенія ея предложенію. Императора Наполеона мы признали съ ограниченіями, которыя если и отвѣчали исповѣдуемымъ намъ политическимъ началамъ, то не могли не оскорбить его самолюбія. Мы не только заподозрѣвали въ немъ притязаніе принять на себя исключительное покровительство надъ католическою церковью въ Турціи, но допускали тайный умыселъ возбудить на Востокѣ смуты для осуществленія собственныхъ честолюбивыхъ видовъ, а потому и не надѣялись на уступчивость его въ Константинополѣ. Впрочемъ, отозваніе маркиза Лавалетта и замѣщеніе его другимъ представителемъ при Портѣ считалось благопріятнымъ признакомъ.

Отъ новаго министерства, образовавшагося въ Англіи подъ предсѣдательствомъ лорда Абердина, мы ожидали всего лучшаго. Возстановленіе имперіи во Франціи и воспоминанія о борьбѣ противъ перваго Наполеона у насъ считали достаточнымъ для упроченія общихъ видовъ между великобританскимъ правительствомъ и Россіей не вѣрили, чтобы между конституціонною Англіею и бонапартовскою Франціею могла существовать такая же тѣсная связь, какъ во времена Іюльской монархіи. Мы откровенно объяснились съ

[1]) Императоръ Николай султану Абдулъ-Меджиду 24-го января (5-го февраля) 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

великобританскимъ министерствомъ о цѣли посольства князя Меншикова и о намѣреніяхъ нашихъ относительно Порты, и, указавъ ему на вѣроятные замыслы императора французовъ, просили отнять у послѣдняго всякую надежду на содѣйствіе Англіи въ случаѣ, если бы онъ рѣшился возжечь войну на Востокѣ. Мы не сомнѣвались, что англійскій представитель въ Константинополѣ поддержитъ наши требованія предъ Портою.

Еще менѣе безпокоились мы относительно поведенія Австріи и Пруссіи, съ которыми состояли въ тѣсномъ союзѣ, при совершенномъ тождествѣ видовъ и прочности взаимныхъ обязательствъ во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики. Въ особенности твердо вѣрили мы въ дружбу Австріи, которая сама предупредила просьбу нашу о поддержкѣ въ Константинополѣ выраженіемъ недовѣрія къ тайнымъ происканъ французскаго правительства на Востокѣ. «Мы имѣемъ полное право надѣяться, — говорилось въ инструкціи князю Меншикову,— что ваша свѣтлость найдете въ уполномоченномъ вѣнскаго двора, искренно намъ союзнаго, совершенную взаимность содѣйствія, которая происходитъ отъ стремленія къ одной цѣли и желанія достигнуть однихъ и тѣхъ же результатовъ» [1]).

Подъ такими радужными предзнаменованіями предпринялъ князь Меншиковъ поѣздку свою въ Константинополь. Его сопровождала блестящая и многочисленная свита, военная и дипломатическая, въ составѣ которой выдавались вице-адмиралъ Корниловъ и генералъ-маіоръ Непокойчицкій. Военный пароходъ «Громоносецъ», на которомъ отплылъ изъ Севастополя чрезвычайный посолъ со своею свитою, бросилъ якорь въ Босфорѣ 16-го (28-го) февраля. Чины русскаго посольства со множествомъ христіанъ, состоявшихъ подъ нашимъ покровительствомъ, устроили ему торжественную встрѣчу.

18-го февраля (2-го марта) посолъ имѣлъ первое свиданіе съ великимъ визиремъ. Легенда о сѣромъ пальто, въ которомъ князь Меншиковъ будто бы явился на это свиданіе, сводится къ тому, что онъ дѣйствительно надѣлъ такое пальто поверхъ фрака, но, разумѣется, снялъ его при входѣ въ пріемную Мегемета Али-паши и перекинулъ черезъ руку, а потомъ положилъ возлѣ себя на диванѣ. Мелочной случай этотъ, конечно, не былъ бы замѣченъ, если бы не сопровождался серьезною демонстраціею. Уже въ первомъ разговорѣ своемъ съ великимъ визиремъ посолъ объявилъ ему, что, желая успѣшно исполнить возложенное на него государемъ порученіе, онъ не можетъ вести переговоровъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Фуадомъ-пашею, котораго не считаетъ человѣкомъ до-

[1]) Инструкція графа Нессельроде князю Меншикову 24-го января (5-го февраля) 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бросовѣстнымъ. Выходя отъ визиря, онъ не только не сдѣлалъ этому министру обычнаго посѣщенія, но прошелъ мимо него, какъ бы его не замѣчая. Послѣдствіемъ была отставка Фуада и замѣщеніе его въ должности рейсъ-эфенди Рифаатомъ-пашею.

Перемѣна эта замедлила на цѣлую недѣлю пріемъ князя Меншикова султаномъ, состоявшійся въ Чираганскомъ дворцѣ лишь 24-го февраля (8-го марта). На торжественной аудіенціи посолъ вручилъ Абдулъ-Меджиду вѣрительную грамоту и произнесъ краткую рѣчь, въ которой, выразивъ дружескія чувства императора къ султану и участіе его величества къ благополучію его царствованія и къ прочности Оттоманской имперіи, заявилъ, что на него самого возложена забота объ упроченіи согласія и дружескаго сосѣдства обоихъ государствъ, и что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее для достиженія этой цѣли. Письмо государя князь передалъ Абдулъ-Меджиду на второй частной аудіенціи, послѣдовавшей непосредственно за первою. Оно произвело сильное впечатлѣніе на султана, съ трудомъ скрывавшаго свое смущеніе. Чтобы успокоить его, Меншиковъ сказалъ, что, не смотря на поданный турецкими министрами поводъ къ неудовольствію, императоръ Николай не измѣнилъ своего дружескаго расположенія къ Турціи и радъ будетъ усиленію сухопутныхъ и морскихъ силъ ея, съ цѣлью обезпеченія ея независимости. Султанъ извинился въ происшедшихъ недоразумѣніяхъ, тщательно выгораживая личную за нихъ отвѣтственность. Посолъ просилъ у него позволенія посѣтить давняго своего знакомаго, бывшаго сераскира Хозрева-пашу и передать ему украшенный алмазами портретъ государя [1]).

Прибытіе князя Меншикова въ сопровожденіи видныхъ представителей русской арміи и флота, торжественный пріемъ, ему оказанный какъ Портою, такъ и христіанскимъ населеніемъ Царьграда, были уже явленіями необычайными. Впечатлѣніе, произведенное ими, еще болѣе усилилось, когда услыхали тонъ его рѣчей, почтительный съ султаномъ, рѣзкій и высокомѣрный съ министрами его, холодно вѣжливый съ представителями великихъ державъ, но всегда рѣшительный и твердый. Умы на Востокѣ всегда склонны къ преувеличенію, еще легче воспламеняется тамъ воображеніе. Не успѣлъ посолъ начать переговоры, какъ стоустая молва уже распространяла невѣроятнѣйшіе слухи о предъявленныхъ имъ притязаніяхъ. Въ Портѣ забили тревогу. Подъ вліяніемъ паническаго страха, обуявшаго турецкихъ министровъ, великій визирь признался англійскому повѣренному въ дѣлахъ, что не вѣритъ въ примирительный характеръ Меншиковскаго посольства, а полагаетъ, что цѣль его—добиться у Турціи такихъ уступокъ, которыя разрушили бы ея независимость, и что намѣреніе русскаго

[1]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 25-го февраля (9-го марта) 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

императора состоитъ въ томъ, чтобы попрать права Порты и достоинство султана. Полковникъ Розъ, временно замѣнявшій лорда Стрэдфорда Редклифа, находившагося въ отпуску въ Англіи, внялъ просьбѣ Мегемета-Али и собственною властью предложилъ командиру расположенной въ Мальтѣ англійской эскадры адмиралу Дундасу прибыть съ нею въ Вурлу, для оказанія поддержки турецкому правительству. Оправдывая это распоряженіе въ глазахъ своего правительства, онъ писалъ, что вмѣсто того, чтобы остановить свои войска, Россія направляетъ ихъ къ турецкимъ границамъ, что она заготовляетъ провіантскіе магазины въ княжествахъ, прежде чѣмъ изложить свои жалобы Портѣ, что вообще она принимаетъ важныя мѣры на сушѣ и на морѣ, съ очевидною цѣлью поработить Турцію или объявить ей войну [1]).

Таковъ былъ первый шагъ представителя Англіи, на помощь котораго долженъ былъ согласно инструкціямъ своимъ разсчитывлть нашъ посолъ. Въ разговорахъ съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Портѣ г. Озеровымъ Розъ заявилъ, что по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ изъ С.-Петербурга, правительство наше обязалось намѣренія свои по дѣламъ Турціи предварительно сообщать великобританскому кабинету и получать его одобреніе, и что въ этомъ смыслѣ онъ объяснился и съ турецкими министрами. Озеровъ возразилъ, что объ одобреніи дѣйствій независимой державы со стороны иностраннаго правительства не можетъ быть и рѣчи, и что всякое посторонное вмѣшательство въ предстоящіе между Россіею и Турціею переговоры способно лишь затруднить соглашеніе. Въ свою очередь, Розъ высказалъ мнѣніе, что Портѣ слѣдуетъ предоставить рѣшеніе спора о святыхъ мѣстахъ непосредственнымъ переговорамъ Россіи съ Франціей. Тогда Меншиковъ велѣлъ объявить ему, что самъ лордъ Джонъ Руссель находитъ неправильными притязанія французскаго правительства. Но Розъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи, и Озеровъ вынужденъ былъ поставить ему на видъ, что хотя общую цѣль европейскихъ державъ и составляетъ поддержаніе цѣлости Оттоманской имперіи, но что въ дѣйствіяхъ своихъ посольства ихъ независимы другъ отъ друга, и что Россія не допуститъ посторонняго вмѣшательства по вопросамъ, исключительно ея касающимся. Отказомъ отвѣчалъ нашъ посолъ на требованіе представителя Англіи сообщить его инструкціи или отложить переговоры съ Портою впредь до возвѣщеннаго возвращенія въ Константинополь лорда Стрэдфорда Редклифа, а Озеровъ прибавилъ, что князь Меншиковъ будетъ напротивъ стараться какъ можно скорѣе окончить возложенное на него государемъ порученіе [2]).

---

[1]) Полковникъ Розъ графу Кларендону 22-го февраля (6-го марта) 1883 года.
[2]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 25-го февраля (9-го марта) 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Такъ доносилъ въ С.-Петербургъ нашъ посолъ, а между тѣмъ, полковникъ Розъ сообщалъ своему правительству, что, по словамъ Меншикова, Россія намѣрена потребовать отъ Порты исполненія дарованнаго грекамъ фирмана, а также личнаго удовлетворенія императора Николая; впрочемъ отставка Фуада могла уже отчасти служить такимъ удовлетвореніемъ. Англійскій повѣренный въ дѣлахъ полагалъ, что если Франція не нарушитъ statu quo въ особенности въ отношеніи купола, который нашъ посолъ считалъ русскимъ дѣломъ, то с.-петербургскій кабинетъ не потребуетъ дальнѣйшаго удовлетворенія [1]).

Въ ожиданіи прибытія вновь назначеннаго посла Лакура, французскимъ посольствомъ въ Константинополѣ управлялъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Бенедетти. И къ нему, такъ же какъ и къ англійскому его товарищу, обратился великій визирь съ просьбою призвать французскій флотъ на защиту турецкой столицы. Но Бенедетти не взялъ на себя, подобно Розу, вызвать эскадру изъ Тулона, а ограничился доведеніемъ просьбы визиря до свѣдѣнія своего правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ князю Меншикову, что если Порта, удовлетворяя русскимъ требованіямъ, отмѣнитъ сдѣланныя Франціи уступки по вопросу о святыхъ мѣстахъ, то французское правительство будетъ этимъ поставлено въ невозможное положеніе. Посолъ нашъ отозвался, что ему не поручено вести переговоровъ по этому предмету съ французскимъ посольствомъ, о русскихъ же вооруженіяхъ, на которыя обратилъ его вниманіе Бенедетти, коротко замѣтилъ, что, вѣроятно, ихъ правительства объснятся о томъ между собою, прибавивъ, что «движеніе Омера-паши съ пятидесятитысячнымъ войскомъ къ австрійскимъ границамъ, присутствіе въ его арміи иностранныхъ революціонеровъ и покушеніе турокъ овладѣть Черногоріею вполнѣ оправдываютъ мѣры, принятыя нами для собственной безопасности» [2]).

Прошло около мѣсяца со времени прибытія князя Меншикова въ Константинополь, а онъ не начиналъ еще переговоровъ съ Портою. Посолъ присматривался къ обстоятельствамъ и къ людямъ, ему незнакомымъ, изучалъ ихъ, а между тѣмъ упускалъ драгоцѣнное время. Одною изъ причинъ такой медленности, по всей вѣроятности, служила перемѣна, происшедшая въ общемъ положеніи дѣлъ, вслѣдствіе состоявшагося за два дня до прибытія князя принятія Портою австрійскаго ультиматума, поддержать который вмѣнялось ему въ обязанность его инструкціями. Наконецъ 10-го (22-го) марта онъ имѣлъ первое совѣщаніе съ Рифаатъ-беемъ и

---

[1]) Полковникъ Розъ графу Кларендону 26-го февраля (10-го марта) 1853 года.

[2]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 26-го февраля (10-го марта) 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изложилъ ему наши требованія по вопросу о святыхъ мѣстахъ. Они заключались въ слѣдующемъ:

1) Дарованный католикамъ ключъ отъ Виѳлеемской церкви, а также пожалованная имъ султаномъ и поставленная въ вертепѣ звѣзда, не даютъ имъ права на обладаніе большимъ престоломъ храма, ни на измѣненіе существовавшаго въ ней порядка богослуженія и права греческаго духовенства охранять главный входъ. 2) Въ Геѳсиманіи первенство остается за греками и очередь въ богослуженіи соблюдается согласно предложенію іерусалимскаго патріарха. 3) Виѳлеемскимъ храмомъ владѣютъ на равныхъ правахъ греки и католики. 4) Отмѣняются всѣ права, дарованныя католикамъ и русскому правительству неизвѣстныя. 5) Порта разрушитъ гаремы, загромождающіе терассы храма Гроба Господня. 6) Признаются права грековъ на обновленіе большаго купола, подъ наблюденіемъ іерусалимскаго патріарха. 7) Предоставленныя грекамъ святыни должны быть точно обозначены, такъ чтобы прочія христіанскія общины не могли впредь предъявлять на нихъ притязаній. Въ то же время князь Меншиковъ, заявивъ Рифаатъ-бею, что опытъ заставляетъ насъ въ сношеніяхъ съ Портою искать ручательствъ болѣе прочныхъ, чѣмъ обѣщанія ея, столь часто ею нарушенныя или неисполненныя, вручилъ ему проектъ конвенціи, составленный въ императорскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и приложенный къ его инструкціямъ.

Конвенція эта должна была состоять изъ шести статей и отдѣльнаго секретнаго акта. Первая статья постановляла, что «православная христіанская вѣра будетъ постоянно пользоваться покровительствомъ блистательной Порты и что министры императорскаго всероссійскаго двора будутъ, какъ и прежде, облечены правомъ ходатайствовать въ пользу церквей константинопольскихъ и другихъ, а также въ пользу духовенства, каковыя просьбы будутъ уважены, какъ приносимыя отъ имени сосѣдней и искренно дружественной державы». Второю статьею опредѣлялся порядокъ свободнаго и согласнаго правиламъ и уставамъ восточной церкви и древнему обычаю избранія патріарховъ и прочихъ духовныхъ лицъ и обезпечивалось имъ пользованіе всѣми предоставленными имъ отъ Порты правами. Третья статья обязывала Порту назначать избранныхъ синодомъ патріарховъ пожизненно и не смѣнять ихъ впредь, исключая тѣхъ случаевъ, когда оказалось бы, что патріархъ притѣсняетъ раію, или нарушаетъ уставы вѣры или виновенъ въ государственной измѣнѣ. Четвертою статьею Порта принимала предъ русскимъ дворомъ обязательство соблюдать и поддерживать права и льготы православной церкви и ея служителей въ Іерусалимѣ и другихъ мѣстахъ, безъ всякаго ущерба для прочихъ христіанскихъ общинъ, подданныхъ либо иностранцевъ, посѣщающихъ храмъ Гроба Господня и другія святыни, какъ сообща съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

греками, такъ и отдѣльно. Въ пятой статьѣ приводятся фирманъ и гатти-гумаюнъ, которыми утверждаются постановленія предшественниковъ султана въ пользу патріаршей іерусалимской церкви съ перечисленіемъ святынь, предоставленныхъ какъ православному, такъ и римско-католическому вѣроисповѣданію, и объявляется обѣщаніе Порты въ точности соблюдать эти фирманъ и гатти-гумаюнъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они были сообщены русскому двору. Шестая статья признаетъ за русскими подданными, посѣщающими Іерусалимъ и прочія святыя мѣста, право на покровительство мѣстныхъ властей наравнѣ съ націями, коимъ наиболѣе благопріятствуетъ мѣстное правительство, и предоставляется русскому двору право построить въ Іерусалимѣ или въ окрестностяхъ, церковь, посвященную богослуженію русскаго духовенства и странноприимный домъ для неимущихъ и больныхъ поклонниковъ.

Отдѣльнымъ и секретнымъ актомъ императоръ Николай обязывался въ случаѣ, если бы удовлетвореніе его требованій возбудило противъ Порты неудовольствіе или вражду какой либо европейской державы, помогать султану своими сухопутными и морскими силами для защиты его владѣній [1]).

На слѣдующій же день рейсъ-эфенди сообщилъ старшему драгоману нашего посольства, что дѣло о святыхъ мѣстахъ будетъ разсмотрѣно въ совѣтѣ и представлено на утвержденіе султана, рѣшеніе котораго будетъ сообщено французскому повѣренному въ дѣлахъ. Но тогда же онъ выразилъ сомнѣніе въ возможности побѣдить препятствія, возбуждаемыя предложенною конвенціею. Рифаатъ спѣшилъ оговориться, что самъ онъ находитъ наши требованія вполнѣ основательными; что нельзя оправдать вмѣшательство и происки Порты въ дѣлахъ греческаго духовенства, нападенія турокъ на Черногорію и проч.; что признаніе Аали-пашою французскихъ притязаній вызвало требованіе конвенціи со стороны русскаго правительства; что предъявленныя нами условія не заключаютъ ничего чрезвычайнаго, но что въ желаемой намъ формѣ они едва ли могутъ быть приняты Портою [2]).

19-го (31-го) марта князь Меншиковъ имѣлъ съ рейсъ-эфенди второе совѣщаніе, продолжавшееся около семи часовъ. Они пришли къ соглашенію по всѣмъ вопросамъ, касавшимся святыхъ мѣстъ, за исключеніемъ порядка службы въ Геѳсиманской пещерѣ и вопроса о куполѣ, возобновить который турки предлагали на счетъ султана. Посолъ не сомнѣвался, что всѣ требованія наши по дѣлу о святыхъ мѣстахъ будутъ удовлетворены Портою [3]).

---

[1]) Проектъ конвенціи и отдѣльнаго секретнаго акта напечатаны у Богдановича въ «Исторіи восточной войны», т. I, стр. 28—31.

[2]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 14-го (26-го) марта 1853 года.

[3]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 24-го марта (5-го апрѣля) 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Иначе относились министры султана къ предложенной нами конвенціи. Великій визиръ жаловался англійскому повѣренному въ дѣлахъ, что русскій посолъ имѣетъ тайные умыслы, цѣль которыхъ принудить Порту заключить съ Россіею секретный союзъ. Онъ не предлагалъ его оффиціально,—говорилъ полковнику Розу Мегеметъ-Али-паша,—но сказалъ нѣсколькимъ знакомымъ ему лицамъ, находящимся, какъ ему извѣстно, въ сношеніяхъ съ нами, что турки-де напрасно полагаются на англійское и французское правительство, ибо опытъ давно показываетъ, что они много потеряли и ничего не выиграли, слѣдуя ихъ политикѣ и совѣтамъ. Такими рѣчами онъ ищетъ получить ихъ поддержку и избѣжать ихъ противодѣйствія въ дѣлѣ тайнаго договора, который старается заключить. Политика его весьма туманна. То онъ хочетъ привлечь Порту на сторону Россіи ласкою, увѣряя, что намѣренія его правительства миролюбивы; то пытается убѣдить ее, указывая на невыгоды и безполезность ея надеждъ на Англію и Францію, на то, какъ дурно она поступаетъ, слѣдуя совѣтамъ этихъ двухъ державъ, къ которымъ она не должна быть привязана, въ особенности если принять въ соображеніе, что государственное ихъ устройство отлично отъ турецкаго, тогда какъ послѣднее, напротивъ, сходно съ русскимъ и австрійскимъ. Два дня тому назадъ князь Меншиковъ имѣлъ совѣщаніе съ Рифаатомъ-пашою. Онъ сказалъ ему, что прежде, чѣмъ сообщить блистательной Портѣ сущность возложеннаго на него порученія и требованія своего правительства или дать какія либо объясненія, онъ требуетъ отъ Рифаата-паши формальнаго обѣщанія Порты, что она не сообщитъ представителямъ ни Англіи, ни Франціи ничего объ его требованіяхъ или предложеніяхъ, присовокупивъ, что желаетъ вести переговоры въ глубочайшей тайнѣ, въ противномъ случаѣ онъ и не коснется предмета.

Разумѣется, великій визиръ увѣрялъ, что Порта отказалась скрывать отъ представителей западныхъ державъ ходъ переговоровъ, но тотчасъ прибавилъ, что, вѣроятно, кто либо изъ турецкихъ министровъ, страха ради, далъ обѣщаніе сохранять ихъ въ тайнѣ. Тогда же онъ передалъ полковнику Розу сущность требованій, предъявленныхъ нашимъ посломъ, который будто бы предупредилъ, что если таковыя дойдутъ до свѣдѣнія англійскаго посольства, то самъ онъ и русская миссія немедленно оставятъ Константинополь.

Рифаатъ-паша также держалъ великобританскому повѣренному въ дѣлахъ рѣчи, крайне враждебныя по отношенію къ Россіи. «Я не дитя,—восклицалъ онъ,—я старый министръ, хорошо знакомый съ договорами, связывающими блистательную Порту съ дружественными державами. И я, слава Богу, слишкомъ хорошо понимаю важность нашихъ добрыхъ отношеній къ Франціи и Ан-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гліи, полное значеніе обязанности нашей соблюдать трактаты, все протяженіе зла, которому подверглось бы мое правительство, отступивъ отъ нихъ или ихъ нарушивъ, чтобы не сообщить безъ малѣйшаго колебанія ихъ представителямъ всякое требованіе или предложеніе, которое Россія пожелала бы навязать намъ и которое не было бы согласно съ правомъ, установленнымъ въ этихъ трактатахъ» [1]).

Въ такомъ положеніи находились переговоры, когда въ Константинополь прибыли послы: англійскій—лордъ Стрэдфордъ Редклифъ и вновь назначенный французскій—Лакуръ. Первый заѣхалъ по пути въ Парижъ и въ Вѣну, видѣлся съ императорами Наполеономъ и Францомъ-Іосифомъ и ихъ министрами иностранныхъ дѣлъ и достигъ Царьграда 24-го марта (5-го апрѣля), а два дня спустя туда же пріѣхалъ и французскій его товарищъ.

На другой же день по пріѣздѣ, лордъ Стрэдфордъ Редклифъ посѣтилъ князя Меншикова, а на третій день былъ принятъ султаномъ. Турецкіе министры, привыкшіе подчиняться его вліянію, спѣшили къ нему за указаніемъ и совѣтомъ. Англійскій дипломатъ скоро замѣтилъ, однако, что они не довѣряютъ ему всей сущности переговоровъ, происходившихъ между ними и русскимъ посломъ. Отсутствіе въ нихъ откровенности онъ приписывалъ внушеніямъ князя Меншикова. Мало по малу турки признались, что въ рѣчахъ, обращенныхъ къ нимъ послѣднимъ, «слышались, то неудовольствіе и жалобы, то дружественныя увѣренія, сопровождаемыя положительными требованіями по дѣлу о святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ, указаніями на дальнѣйшіе виды и вообще настойчивостью, по временамъ граничащею съ угрозами». О «дальнѣйшихъ видахъ» они объяснили, что сначала русскій посолъ освѣдомился о намѣреніяхъ Порты относительно заключенія съ Россіею оборонительнаго союза, но что, встрѣтивъ отпоръ, онъ направилъ всѣ свои усилія къ преобразованію Константинопольскаго патріархата, къ болѣе ясному и точному опредѣленію основаннаго на договорахъ права Россіи покровительствовать греческимъ и армянскимъ подданнымъ Порты въ религіозныхъ вопросахъ и къ заключенію формальнаго соглашенія, которое обнимало бы всѣ эти предметы. Старайтесь,—отвѣчалъ лордъ Стрэдфордъ турецкимъ министрамъ,—вести дѣло о святыхъ мѣстахъ отдѣльно отъ дальнѣйшихъ русскихъ предложеній, каковы бы они ни были. Если князь Меншиковъ предъявитъ вамъ ихъ, то вы будете въ полномъ правѣ не вдаваться въ ихъ обсужденіе, пока не будетъ вамъ представлена вся сущность ихъ, размѣры и поводы къ нимъ. Если при разсмотрѣніи ихъ окажется, что они обусловливаютъ въ пользу иностранной державы такую степень

[1]) Полковникъ Розъ графу Кларендону, конецъ марта и начало апрѣля нов. ст. 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вліянія на христіанскихъ подданныхъ Порты, которая окажется опасною или неудобною для отправленія въ будущемъ законной власти султана, то министры его хорошо поступятъ, отклонивъ ихъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—это не должно препятствовать устраненію всѣхъ существующихъ злоупотребленій по прямому почину верховной власти. Послѣ аудіенціи у султана великій визирь съ рейсъ-эфенди не замедлили повѣдать англійскому послу во всѣхъ подробностяхъ переговоры свои съ княземъ Меншиковымъ и сущность предъявленныхъ имъ требованій.

Въ одинаковомъ смыслѣ высказался лордъ Стрэдфордъ Редклифъ и въ первыхъ бесѣдахъ своихъ съ нашимъ посломъ. Въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ онъ вполнѣ призналъ справедливость нашихъ требованій и обѣщалъ содѣйствовать признанію ихъ какъ Портою, такъ и Франціею. Но онъ не скрылъ своего знакомства и съ прочими нашими домогательствами «касательно покровительства надъ всею греческою церковью и духовенствомъ въ Турціи» и выразилъ мнѣніе, что они встрѣтятъ серьезное сопротивленіе со стороны Порты и что самыя дружественныя Россіи державы будутъ взирать на нихъ неблагопріятно. Русскій посолъ возражалъ, стараясь смягчить «размѣры и значеніе» нашихъ притязаній, но англійскій дипломатъ настаивалъ на своемъ взглядѣ, настаивая на рѣзкомъ различіи между подтвержденіемъ нѣкоторыхъ обязательствъ, уже признанныхъ договорами, и распространеніемъ вліянія равносильнаго протектората иностранной державы надъ самымъ важнымъ и многочисленнымъ разрядомъ данниковъ и подданныхъ султана. Впрочемъ, споръ продолжался не долго, такъ какъ оба посла рѣшили прекратить обсужденіе вопроса, которое могло повести къ взаимному раздраженію [1]).

Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этихъ бесѣдъ князь Меншиковъ изложилъ графу Нессельроде взглядъ свой на исходъ порученныхъ ему переговоровъ. Онъ увѣренъ былъ, что Порта удовлетворитъ всѣмъ нашимъ требованіямъ по дѣлу о святыхъ мѣстахъ, но полагалъ, что турки побоятся связать себя конвенціею, и, чтобы избѣжать ея, султанъ предпочтетъ написать государю извинительное письмо въ самомъ покорномъ тонѣ и послать его чрезъ довѣренное лицо въ С.-Петербургъ. Предвидя важныя затрудненія, посолъ намѣревался дѣйствовать постепенно: сперва разрѣшить спорный вопросъ о святыхъ мѣстахъ, затѣмъ получить отъ Порты объяснительный фирманъ со включеніемъ въ него условія объ учрежденіи въ Іерусалимѣ русскаго страннопріимнаго дома и, наконецъ, отложить до послѣдней минуты переговоры о потребованномъ нами ручательствѣ въ формѣ конвенціи. Въ заключеніе онъ предложилъ

[1]) Лордъ Стрэдфордъ Редклифъ графу Кларендону, начало апрѣля новаго стиля 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на разрѣшеніе государственнаго канцлера слѣдующіе вопросы: «Должно ли доводить настоянія до прекращенія дипломатическихъ сношеній съ Портою? Можно ли довольствоваться нотою либо другимъ документомъ вмѣсто формальнаго трактата? Въ случаѣ разрыва согласно ли будетъ съ видами императорскаго кабинета объявить Портѣ, что всякое нарушеніе льготъ восточной церкви, противное смыслу Кайнарджійскаго договора, заставитъ Россію требовать отъ Порты удовлетворенія средствами, которыя будутъ прискорбны императору, какъ по дружбѣ его къ султану, такъ и по всегдашнему сочувствію къ Оттоманской Портѣ, но которыя обязательны для него, какъ православнаго государя?» Со своей стороны князь Меншиковъ утверждалъ, что безъ поддержанія нашихъ требованій силою императорскому посольству трудно будетъ возвратить себѣ прежнее вліяніе на диванъ [1]).

Въ ожиданіи отвѣта изъ С.-Петербурга посолъ занялся окончательнымъ разрѣшеніемъ спора о святыхъ мѣстахъ.

Преемникъ маркиза Лавалетта, Лакуръ, какъ уже замѣчено выше, прибылъ въ Константинополь почти одновременно съ лордомъ Стрэдфордомъ Редклифомъ. Незадолго до отъѣзда его изъ Парижа, тамъ было получено извѣстіе о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Константинополѣ прибытіемъ русскаго чрезвычайнаго посла, и объ обращенной къ англійскому и французскому повѣреннымъ въ дѣлахъ просьбѣ Порты касательно вызова флотовъ ихъ націй въ турецкія воды. Не освѣдомившись даже о томъ, одобритъ ли великобританское правительство произвольное приглашеніе, посланное полковникомъ Розомъ адмиралу Дундасу, прибыть со ввѣренною ему эскадрою въ Вурлу, тюильрійскій кабинетъ предписалъ тулонской эскадрѣ, состоявшей подъ начальствомъ адмирала де-ла-Сюсса, немедленно отправиться въ Архипелагъ и бросить якорь въ Саламинской бухтѣ. Въ то же время министръ иностранныхъ дѣлъ снабдилъ отъѣзжавшаго къ своему посту Лакура инструкціею, въ которой предписывалось ему, «пока диванъ будетъ подверженъ лишь нравственному давленію, ограничиваться поддержаніемъ въ немъ мужества, заключеніемъ его въ предѣлахъ благоразумія и преподаніемъ ему просвѣщенныхъ совѣтовъ». Но если бы князь Меншиковъ прервалъ переговоры или прибѣгнулъ къ понудительнымъ мѣрамъ, то французскому послу предстояли иныя обязанности. При этомъ предвидѣлось три случайности. Во-первыхъ, Россія могла занять Молдавію и Валахію. Въ такомъ случаѣ Лакуру надлежало выждать обращенія къ нему Порты, и тогда онъ могъ пригласить эскадру адмирала де-ла-Сюсса вступить въ Дарданеллы. Впрочемъ, и безъ обращенія Порты ему разрѣшалось предложить эскадрѣ, въ случаѣ на-

[1]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 29 марта (10 апрѣля) 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

добности, стать на якорѣ близь острова Вурлы или въ Эносскомъ заливѣ. Во-вторыхъ, если бы черноморскій флотъ вышелъ изъ Севастополя, а русскія войска, вступивъ въ княжества, приблизились къ турецкимъ берегамъ Чернаго моря или открыли военныя дѣйствія, то этимъ самымъ война началась бы на дѣлѣ, и султанъ былъ бы освобожденъ отъ обязанностей, налагаемыхъ на него договоромъ 1841 года. Лакуръ долженъ былъ тогда пригласить эскадру появиться за Дарданеллами подъ условіемъ не только согласія, но и письменнаго обращенія Порты, а если бы таковаго не послѣдовало, то французскому послу слѣдовало внушить рейсъ-эфенди, чтобы онъ съ этою просьбою обратился въ великобританское посольство, а самому заявить своему англійскому товарищу, что Франція вводитъ суда свои въ проливъ единственно въ видахъ защиты Оттоманской имперіи и безъ всякой своекорыстной цѣли. При разрѣшеніи Портою высадки экипажей англійскаго и французскаго флотовъ и занятія ими Дарданельскихъ заливовъ, предполагалось англійской эскадрѣ поручить защиту одного берега, а французской другаго. Въ-третьихъ, въ случаѣ появленія русскаго флота у входа въ Босфоръ и попытки его прорваться къ Константинополю, послу разрѣшалось, съ согласія султана, предложить адмиралу де-ла-Сюссу приплыть подъ стѣны турецкой столицы и помогать туркамъ не только силами, въ его распоряженіи находящимися, но и собственною военною опытностью. Съ этой минуты адмиралъ долженъ былъ дѣйствовать независимо, и Лакуръ имѣлъ лишь право указать время, когда ему слѣдуетъ выйдти изъ Босфора. Друэнъ-де-Люисъ заканчивалъ депешу выраженіемъ убѣжденія, что если дѣло дойдетъ до борьбы за существованіе Оттоманской имперіи, то и англійскій флотъ приметъ вмѣстѣ съ французскимъ участіе въ ея защитѣ, и предоставлялъ Лакуру въ рѣшительную минуту сообщить содержаніе своихъ инструкцій великобританскому посольству и вообще примѣнять ихъ, какъ только, по мнѣнію его, существованію Турціи будетъ грозить дѣйствительная опасность [1]).

Не взирая на такія наставленія, преподанныя французскому представителю при Портѣ на случай разрыва между нею и Россіею, Лакуръ оказался сверхъ чаянія сговорчивымъ и уступчивымъ въ переговорахъ своихъ съ княземъ Меншиковымъ по дѣлу о святыхъ мѣстахъ. Согласно обѣщанію, данному нашему послу, и инструкціямъ лондонскаго кабинета, лордъ Страдфордъ Редклифъ постарался убѣдить своего французскаго товарища въ неосновательности противодѣйствія Франціи нашимъ справедливымъ требованіямъ. Онъ совѣтовалъ ему удовольствоваться достигнутыми раньше преимуществами, ключемъ отъ Виѳлеемскаго храма и серебря-

[1]) Друэнъ-де-Люисъ Лакуру 10-го (22-го) марта 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ною звѣздою, на отобраніи которыхъ у католиковъ Россія не настаивала, и уступить по вопросамъ о куполѣ, о богослуженіи въ Геѳсиманской пещерѣ и о привратникѣ въ Виѳлеемѣ. Онъ не скрылъ отъ него, что по разрѣшеніи этого спеціальнаго спора с.-петербургскій кабинетъ лишенъ будетъ главнаго предлога для дальнѣйшихъ своихъ требованій, по мнѣнію англійскаго дипломата, имѣвшихъ цѣлью возстановить русское вліяніе въ Турціи на исключительномъ основаніи, въ повелительной и обязательной формѣ [1]).

Соглашеніе не замедлило состояться между послами русскимъ и французскимъ на условіяхъ почти тождественныхъ съ тѣми, которыя были первоначально предъявлены нами Портѣ. Звѣзда и ключъ отъ Виѳлеемской церкви оставались въ рукахъ латинянъ, но не давали имъ никакихъ новыхъ правъ. Привратникъ этого храма долженъ былъ быть попрежному изъ грековъ, но входъ въ него оставался свободнымъ для христіанъ всѣхъ исповѣданій. Виѳлеемскимъ садомъ владѣли православные и римскіе католики на одинаковыхъ правахъ. Распредѣленіе часовъ богослуженія въ Геѳсиманской пещерѣ было условлено согласно желанію іерусалимскаго патріарха. Первые часы дня предоставлялись грекамъ, за ними слѣдовали армяне, наконецъ, латиняне, но въ указѣ Порты должно было быть выпущено выраженіе «права первенства» грековъ. Относительно купола надъ Гробомъ Господнимъ рѣшено, что возстановленіе его приметъ на себя султанъ, а что іерусалимскому патріарху будетъ предоставлено наблюдать за тѣмъ, чтобы въ постройкѣ не было никакихъ нововведеній и чтобы куполъ былъ возобновленъ въ прежнемъ видѣ. Турецкія строенія, возвышавшіяся надъ террасами Святаго Гроба, положено не снести, а лишь заложить въ нихъ окна, выходящія во внутренность храма [2]).

Портѣ оставалось лишь облечь условія франко-русскаго соглашенія въ форму правительственныхъ указовъ. За нѣсколько дней до заключенія его князь Меншиковъ обратился къ рейсъ-эфенди съ нотою слѣдующаго содержанія.

«Его превосходительство министръ иностранныхъ дѣлъ, ознакомясь при вступленіи своемъ въ должность съ происходившими до того времени переговорами, усмотрѣлъ изъ нихъ двуличіе своихъ предшественниковъ. Онъ долженъ былъ убѣдиться, какъ мало было принято во вниманіе уваженіе, подобающее императору все-

---

[1]) Eastern papers, ч. I, стр. 125 и 155.

[2]) Eastern papers, ч. I, стр. 248. Изложеніе франко-русскаго соглашенія по дѣлу о святыхъ мѣстахъ Богдановичемъ въ его «Исторіи восточной войны», т. I, стр. 49—52, составленное на основаніи донесеній князя Меншикова графу Нессельроде, страдаетъ неполнотою и неточностью. Соглашеніе состоялось 10-го (22-го) апрѣля 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

россійскому, и какъ великодушенъ его величество, предлагая Портѣ средство выйдти изъ затрудненій, въ которыя она была вовлечена недобросовѣстностью своихъ министровъ. Министры эти злоупотребили довѣріемъ своего государя, поставя его въ противорѣчіе съ собственными его словами и въ такое положеніе относительно его союзника и друга, которое несовмѣстно ни съ высокимъ обаяніемъ, ни съ достоинствомъ верховной власти. Государь императоръ хотя и одушевленъ желаніемъ предать забвенію прошлое и признать за удовлетвореніе увольненіе лживаго министра и открытое исполненіе торжественныхъ обѣщаній, но считаетъ своею обязанностью потребовать твердыхъ ручательствъ за будущее. Онъ требуетъ ихъ формально, положительно, и такъ, чтобы они обезпечили неприкосновенность исповѣданія, къ которому принадлежатъ какъ большинство подданныхъ Порты и Россіи, такъ и императоръ самъ. Онъ желаетъ лишь такихъ ручательствъ, которыя заключались бы въ документѣ или соглашеніи, равносильныхъ договору и независимыхъ отъ толкованій неблагомыслящаго или недобросовѣстнаго министра».

Ссылаясь на проявленную Портою медленность въ рѣшеніи по поводу предложеній, сдѣланныхъ ей русскимъ посломъ, князь требовалъ отъ нея скораго и категорическаго отвѣта, который долженъ былъ заключаться въ объяснительномъ фирманѣ, узаконивающемъ новый порядокъ, установленный между православными и католиками въ Виѳлеемѣ и въ Геѳсиманіи, и въ повелѣніи султана о возобновленіи купола надъ Гробомъ Господнимъ. Мѣры, подлежащія внесенію въ эти акты, излагались въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ вошли въ соглашеніе, о которомъ переговаривались между собою послы русскій и французскій, но о самомъ соглашеніи не упоминалось ни слова.

Этимъ, впрочемъ, не ограничивались требованія Меншикова. Въ дополненіе къ фирману и повелѣнію онъ требовалъ отъ Порты «сенеда (указа) или конвенціи съ ручательствомъ за сохраненіе строгаго statu quo преимуществъ каѳолической греко-россійской вѣры, восточной церкви и святынь, принадлежащихъ этому исповѣданію либо исключительно, либо совмѣстно съ прочими исповѣданіями въ Іерусалимѣ». Посолъ присовокуплялъ, что Россія не требуетъ отъ Порты политическихъ уступокъ, а желаетъ лишь успокоить совѣсть вѣрующихъ увѣренностью въ сохраненіи того порядка, «который существуетъ нынѣ и всегда существовалъ до настоящаго времени».

«Въ виду враждебныхъ стремленій,—продолжалъ князь,—которыя впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ обнаруживались противъ всего, что соприкасается съ Россіею, и въ интересѣ церковныхъ общинъ православнаго исповѣданія, Россія требуетъ объяснительнаго и положительнаго акта съ ручательствомъ, такого акта, кото-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рый никоимъ образомъ не наносилъ бы ущерба ни прочимъ исповѣданіямъ, ни отношеніямъ Порты къ другимъ державамъ. Оттоманская Порта, въ мудрости своей, взвѣситъ всю тяжесть совершенныхъ правонарушеній и сравнитъ ихъ съ умѣренностью потребованныхъ удовлетворенія и ручательствъ, которыя чувство законной самозащиты могло бы развить въ духѣ несравненно болѣе пространномъ и рѣшительномъ. Отвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ укажетъ послу на предлежащія ему дальнѣйшія обязанности, которыя во всякомъ случаѣ не могутъ не отвѣчать достоинству представляемаго имъ правительства и вѣры, исповѣдуемой его государемъ» [1]).

На ноту эту Порта отвѣчала сообщеніемъ двухъ фирмановъ, изъ которыхъ первый относился къ разрѣшенію споровъ между православными и латинянами въ Виѳлеемѣ и въ Геѳсиманіи, а второй къ возобновленію купола надъ Святымъ Гробомъ, на основаніяхъ, соотвѣтствовавшихъ русско-французскому соглашенію, и совершенно умалчивала о третьемъ нашемъ требованіи конвенціи или сенеда съ ручательствомъ за будущее [2]).

Меншикову хорошо было извѣстно, чьимъ внушеніямъ повиновалась Порта, пытаясь отдѣлаться однимъ молчаніемъ. Введенный въ заблужденіе готовностью англійскаго посла поддерживать наши требованія въ переговорахъ съ Лакуромъ о святыхъ мѣстахъ, князь рѣшился прочесть лорду Стрэдфорду Редклифу составленный имъ проектъ сенеда или конвенціи съ Портою. Хотя этотъ проектъ и во многомъ отличался отъ редакціи конвенціи, составленной въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и приложенной къ инструкціямъ Меншикова, хотя князь вовсе исключилъ изъ него нѣкоторыя первоначальныя условія и значительно смягчилъ другія, согласно замѣчаніямъ своего собесѣдника, англійскій посолъ возражалъ противъ всякаго договора, утверждая, что существуетъ значительная разница между обѣщаніемъ султана покровительствовать своимъ христіанскимъ подданнымъ и дарованіемъ права этого покровительства какой либо иностранной державѣ. Одна и та же степень вмѣшательства,— говорилъ онъ, — можетъ быть весьма опасна для Порты, если станетъ примѣнять его столь могущественное государство, какъ Россія, въ пользу десяти милліоновъ православныхъ подданныхъ султана, тогда какъ оно совершенно невинно по отношенію къ Австріи, религіозное сочувствіе которой распространяется лишь на самое небольшое число христіанъ, въ числѣ коихъ есть много ея собственныхъ подданныхъ. Впрочемъ, Стрэдфордъ не настаивалъ на своихъ возраженіяхъ, боясь помѣшать успѣху переговоровъ съ французскимъ посломъ, близившихся къ окончанію [3]).

[1]) Князь Меншиковъ Рифаату-пашѣ 7-го (19-го) апрѣля 1853 года.
[2]) Рифаатъ-паша князю Меншикову 24-го апрѣля (5-го мая) 1853 года.
[3]) Въ этомъ сознается самъ лордъ Стрэдфордъ Редклифъ. См. Eastern pa-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но какъ только состоялось франко-русское соглашеніе, великобританскій посолъ сдѣлался гораздо невоздержнѣе въ своихъ рѣчахъ. Разговаривая съ Озеровымъ о предстоящемъ отвѣтѣ Порты на ноту князя Меншикова, онъ замѣтилъ, что отвѣтъ этотъ будетъ составленъ въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ, что къ нему будутъ приложены необходимые фирманы и что мы, конечно, примемъ его съ довѣріемъ. «Я знаю, — продолжалъ онъ,— что вы хотите развязки болѣе торжественной, но это ни благоразумно, ни справедливо. Положеніе ваше по сочувствію къ вамъ христіанъ, подданныхъ Турціи, всегда будетъ внушать подозрѣнія. Всякій одержанный вами на этой почвѣ успѣхъ возбудитъ недовѣріе не только Порты, но и всѣхъ насъ, людей Запада. Если вы желаете исправить какое либо нарушеніе заключенныхъ съ вами трактатовъ, требуйте и, безъ сомнѣнія, вы получите немедленное удовлетвореніе; но если вы домогаетесь новыхъ правъ, то встрѣтите сильное противодѣйствіе и вооружите противъ себя коалицію. Скажу вамъ прямо: слишкомъ тѣсная дружба между вами и Турціей возбудитъ столько же подозрѣній въ Европѣ, сколько разрывъ, который повлечетъ за собою войну». Сообщая графу Нессельроде эти слова англійскаго дипломата, котораго отнюдь нельзя упрекнуть въ недостаткѣ откровенности, князь Меншиковъ замѣчалъ: «Порта болѣе, чѣмъ когда либо, слѣпо предана внушеніямъ лорда Стратфорда, турецкіе министры сообщаютъ ему въ подробности все, что касается до нашихъ переговоровъ, а великобританскій посолъ, принимая на себя явно роль миротворца, побуждаетъ въ тайнѣ диванъ противиться намъ въ самомъ важномъ изъ нашихъ требованій» [1]).

Но въ С.-Петербургѣ настаивали на безусловномъ исполненіи Портою именно этого требованія. Въ отвѣтъ на предложенные посломъ вопросы государственный канцлеръ, по высочайшему повелѣнію, предлагалъ ему строго придерживаться своихъ инструкцій, назначить министрамъ султана трехдневный срокъ для принятія нашихъ предложеній, изложенныхъ въ его послѣдней нотѣ Рифаату-пашѣ, и по минованіи этого срока безъ точнаго удовлетворительнаго отвѣта объявить данное ему порученіе оконченнымъ и оставить Константинополь [2]).

Князь Меншиковъ спѣшилъ исполнить волю государя. Онъ тотчасъ же сообщилъ рейсъ-эфенди проектъ сенеда или конвенціи, въ заключеніи которой мы усматривали единственное удовлетворительное ручательство въ исполненіи Портою данныхъ намъ обѣщаній.

---

pers, ч. I, стр. 156. Разговоръ его съ Меншиковымъ происходилъ 8-го (20-го) апрѣля.

[1]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 14-го (26-го) апрѣля 1853 года.

[2]) Графъ Нессельроде князю Меншикову 31-го марта (12-го апрѣля) и 11-го (23-го) апрѣля 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Проектъ этотъ, какъ уже было замѣчено выше, во многомъ отличался отъ составленнаго въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Желая по возможности облегчить его прянятіе Портою, посолъ удалилъ изъ него почти все, что вызвало возраженія Рифаата-паши и нѣкоторыхъ другихъ турецкихъ министровъ при веденіи съ ними словесныхъ переговоровъ по этому предмету. Первая статья прежняго проекта, признававшая, между прочимъ, право русскихъ министровъ въ Константинополѣ ходатайствовать въ пользу православныхъ церквей и духовенства, была замѣнена другою, которою Порта обязывалась не производить измѣненій въ правахъ и преимуществахъ, коими съ древнѣйшихъ временъ пользуются во владѣніяхъ султана православныя церкви, духовныя учрежденія и духовенство, и навсегда обезпечить имъ пользованіе оными, на основаніи statu quo. Вторая и третья статьи о порядкѣ назначенія и увольненія православныхъ патріарховъ были вовсе исключены, а вмѣсто нихъ предложена новая статья, распространявшая на православную церковь всѣ права и преимущества, которыя оттоманское правительство предоставило или предоставитъ въ будущемъ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ посредствомъ договоровъ, конвенцій или оффиціальныхъ распоряженій. Статья четвертая, пятая и шестая первоначальнаго проекта о святыхъ мѣстахъ составили въ новомъ статьи третью, четвертую и пятую, и не подверглись измѣненіямъ, за исключеніемъ вступительныхъ словъ въ первой изъ нихъ, гдѣ выраженіе «Блистательная Порта обязывается передъ императорскимъ россійскимъ дворомъ» замѣнено словами: «Блистательная Порта, заботясь о религіозныхъ убѣжденіяхъ подданныхъ своихъ, исповѣдующихъ это (православное) ученіе, обѣщаетъ и проч.». Наконецъ, къ новому проекту прибавлена шестая и послѣдняя статья, подтверждающая всѣ прежніе договоры Россіи съ Портою. Статья эта должна была замѣнить опущенное въ первой статьѣ право предстательства русскихъ министровъ въ Константинополѣ въ защиту православной церкви и духовенства, право, предоставленное намъ статьею 7-ю Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, на которой впродолженіе восьмидесяти лѣтъ мы всегда основывали наше вмѣшательство въ пользу христіанскихъ подданныхъ султана.

Въ сопровождавшей проектъ сенеда или конвенціи нотѣ князь Меншиковъ сознавался, что въ немъ поколеблено внушенное ему ласковымъ пріемомъ султана убѣжденіе въ готовности Порты благосклонно отнестись къ его предложеніямъ, направленнымъ къ возобновленію и упроченію узъ древней дружбы ея съ Россіею. Онъ принялъ во вниманіе возраженія Рифаата-паши, относившіяся какъ къ внѣшнему виду, такъ и къ внутреннему содержанію нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ условій. Относительно перваго онъ остается при заявленіи, что опытъ указываетъ на необходимость торже-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ственнаго обязательства, облеченнаго въ форму договора. Что же касается до содержанія, то онъ изложилъ взглядъ свой на него въ словесной нотѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля. Получивъ нынѣ отъ Порты сообщеніе двухъ фирмановъ по дѣлу о святыхъ мѣстахъ, онъ не преминетъ передать ихъ своему правительству. Но, такъ какъ ему не доставлено отвѣта на третье и самое важное изъ его предложеній, то онъ долгомъ считаетъ предъявить рейсъ-эфенди требованія, которыя должны быть почитаемы за послѣднее выраженіе воли его государя. Основанія соглашенія остаются тѣ же, какъ и прежде. Православное восточное исповѣданіе, его служители и ихъ имущества должны отнынѣ пользоваться подъ покровительствомъ султана всѣми правами и преимуществами, издавна имъ принадлежащими, а также всѣми выгодами, предоставленными другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Новый фирманъ по вопросу о Святомъ Гробѣ долженъ получить силу формальнаго обязательства Порты относительно русскаго двора. Въ Іерусалимѣ русскіе поклонники должны быть также уравнены въ правахъ съ поклонниками другихъ націй. Препровождая проектъ сенеда, посолъ выражалъ надежду, что Порта оправдаетъ справедливыя ожиданія его государя и по устраненіи всякаго недовѣрія и колебанія не замедлитъ сообщить ему въ отвѣтъ на его сообщеніе рѣшенія султана не позже 28-го апрѣля (10-го мая). Дальнѣйшая проволочка можетъ быть принята имъ лишь за доказательство неуваженія къ его правительству и возложитъ на него самыя прискорбныя обязанности [1]).

Еще ранѣе отправленія русской ноты лордъ Стрэдфордъ Редклифъ пытался убѣдить нашего посла не дѣлать этого шага, въ письмѣ, въ которомъ просилъ его не уклоняться «отъ справедливости и умѣренности, свойственныхъ императору Николаю въ отношеніяхъ его къ чужестраннымъ государямъ». Князь Меншиковъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ раздѣлить взглядовъ англійскаго посла, и отстаивалъ свою свободу дѣйствій, прибавивъ, «что императорскому посольству невозможно оставаться въ Константинополѣ при тѣхъ условіяхъ, въ которыя оно нынѣ поставлено, и согласиться занять второстепенное положеніе, на которое хотятъ низвести его». При личномъ свиданіи посолъ нашъ подтвердилъ, что онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ уступчивости, и что дворъ его не хочетъ долѣе оставаться въ состояніи подчиненности, въ которомъ держатъ Россію по отношенію къ единовѣрцамъ ея государя [2])

Русскій ультиматумъ произвелъ на министровъ султана потрясающее дѣйствіе. Въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ они со

---

[1]) Нота князя Меншикова Рифаату-пашѣ отъ 24-го апрѣля (5-го мая) 1853 года и приложенный къ ней проектъ сенеда.

[2]) Eastern papers, ч. 1, стр. 217.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

страхомъ отзывались о послѣдствіяхъ отказа въ нашихъ требованіяхъ. Но лордъ Стрэдфордъ Редклифъ спѣшилъ поддержать въ нихъ мужество. На совѣщаніи, происходившемъ ночью, въ загородномъ домѣ великаго визиря, и въ которомъ, кромѣ хозяина, приняли участіе сераскиръ и рейсъ-эфенди, англійскій посолъ далъ имъ совѣтъ—въ отвѣтной нотѣ «оставить открытою дверь для продолженія переговоровъ, но не соглашаться на уступки, несовмѣстныя въ истиннымъ благосостояніемъ и съ независимостью Оттоманской имперіи». Вмѣсто требуемаго княземъ Меншиковымъ ручательства онъ предложилъ имъ обнародовать по почину самого султана фирманъ, обезпечивающій всѣ духовныя и свѣтскія преимущества подвластныхъ Портѣ народностей, и оффиціально сообщить его пяти великимъ христіанскимъ державамъ. На вопросъ великаго визиря: можетъ ли Порта разсчитывать на помощь англійской средиземной эскадры, посолъ отвѣчалъ уклончиво, приглашая своихъ собесѣдниковъ противопоставить грозящимъ имъ опасностямъ «нравственную рѣшимость», а не «демонстраціи, которыя могутъ лишь усилить тревогу и вызвать неудовольствіе».

Обѣщаніе англійской помощи лордъ Стрэдфордъ Редклифъ приберегалъ для самого султана, у котораго испросилъ аудіенцію. Похваливъ турецкихъ министровъ за готовность согласиться на всѣ безопасныя уступки русскимъ требованіямъ, а также за твердость, съ которою они рѣшились противиться «притязаніямъ, посягающимъ на независимость и достоинство ихъ государя», посолъ продолжалъ: «Я ждалъ, чтобы узнать ихъ собственныя впечатлѣнія относительно истребованныхъ княземъ Меншиковымъ ручательствъ, и не могъ не одобрить рѣшенія, повидимому, принятаго имъ единогласно. Самъ я думаю, что если ваше величество утвердите это рѣшеніе, то русскій посолъ, вѣроятно, прерветъ сношенія свои съ Портою и уѣдетъ, быть можетъ, со всѣмъ своимъ посольствомъ. Нельзя также считать невозможнымъ временнаго занятія Россіею Дунайскихъ княжествъ, какъ бы оно ни было несправедливымъ. Но я предвижу навѣрное, что въ настоящемъ нечего опасаться ни объявленія войны, ни какого либо открытаго враждебнаго поступка, ибо императоръ Николай не можетъ прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ вслѣдствіе существующихъ несогласій, не становясь въ противорѣчіе съ самыми торжественными его увѣреніями и не подвергая себя негодующему порицанію всей Европы. Я постигаю, что при подобныхъ обстоятельствахъ Портѣ надлежитъ противопоставить нравственный отпоръ такимъ требованіямъ, которыя въ дѣйствительности нельзя признать справедливыми или основательными, и что это начало слѣдуетъ примѣнить при протестѣ къ занятію княжествъ, не ради слабости или отчаянія, а въ надеждѣ на свое правое дѣло и на сочувствіе дружественныхъ и независимыхъ правительствъ. Твердо и съ честью придерживаясь

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ можно долѣе такого образа дѣйствій, всего легче, по мнѣнію моему, достигнуть окончательнаго успѣха, при наименьшей степени задора и избѣжать разстройства торговыхъ интересовъ».

Абдулъ-Меджидъ сдѣлалъ видъ, будто раздѣляетъ мнѣніе посла, и увѣрялъ его, что вполнѣ сознаетъ указанную имъ опасность, а также, что онъ готовъ принять подъ свое покровительство религіозныя права всѣхъ своихъ подданныхъ. Показавъ Страдфорду послѣднія письменныя сообщенія, которыми министры его обмѣнялись съ русскимъ посломъ, султанъ поблагодарилъ его за участіе, принятое въ разрѣшеніи спора о святыхъ мѣстахъ, и выразилъ увѣренность въ дружественную поддержку Великобританіи. Тогда представитель Англіи торжественно объявилъ, что въ случаѣ близкой опасности ему разрѣшено пригласить начальника англійскихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ держать эскадру свою въ готовности [1]).

Аудіенція происходила 28-го апрѣля (9-го мая), наканунѣ истеченія назначеннаго княземъ Меншиковымъ срока для доставленія отвѣта, который и былъ посланъ на слѣдующій день, къ вечеру. Рифаатъ-паша повторялъ обычныя увѣренія въ желаніи Порты поддерживать миръ и союзъ съ Россіею и въ стремленіи султана утвердить на прочномъ основаніи расположеніе и дружбу, связывающія его съ императоромъ. Но изъ предъявленныхъ ей посломъ требованій Порта готова удовлетворить лишь тѣ, которыя по существу своему не посягаютъ на независимость ея внутренняго управленія и на интересы, сопряженные съ пользованіемъ ея правами. Она согласна вести переговоры объ учрежденіи въ Іерусалимѣ русской церкви и больницы и о предоставленіи разныхъ преимуществъ православнымъ духовнымъ лицамъ и поклонникамъ и даже принять на себя письменныя обязательства по этому предмету, но такимъ образомъ, чтобы верховныя права ея остались неприкосновенными. Поэтому она не можетъ дать требуемаго Россіею ручательства въ неотъемлемости преимуществъ, дарованныхъ султаномъ своимъ подданнымъ греческаго исповѣданія, хотя послѣдній и далекъ отъ мысли отмѣнить ихъ или уменьшить, а напротивъ близко принимаетъ къ сердцу ихъ поддержаніе. Подобный актъ между двумя правительствами противорѣчилъ бы международному праву и въ послѣдствіяхъ своихъ уничтожилъ бы основныя начала независимости Оттоманской имперіи. Порта будетъ и впредь уважать и поддерживать права православной церкви, но не иначе, какъ согласнымъ съ независимостью ея образомъ. Она твердо рѣшилась доказать на дѣлѣ свое благосклонное и отеческое расположеніе ко всѣмъ своимъ подданнымъ, и провозглашеніе предъ лицомъ всего свѣта чистоты ея намѣреній и неизмѣнности ея образа

[1]) Eastern papers, ч. 1, стр. 177 и 213.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мыслей должно имѣть значеніе дѣйствительнаго и полнаго ручательства [1]).

Въ широковѣщательныхъ фразахъ, прикрывающихъ отказъ Порты исполнить наши требованія, князь Меншиковъ узналъ складъ мыслей и даже выраженія пословъ англійскаго и французскаго. Въ своемъ возраженіи онъ высказалъ сожалѣніе по поводу обнаруженнаго Портою недовѣрія къ намѣреніямъ императора Николая, которому она приписывала желаніе присвоить себѣ новое право въ ущербъ независимости и верховной власти султана. Ничего подобнаго государь не желаетъ, а хочетъ лишь получить явное доказательство заботливости султана о православной вѣрѣ, исповѣдуемой Россіею и которой онъ естественный защитникъ. Лишь актъ, проистекающій изъ верховной власти султана, лишь свободное и торжественное обязательство могутъ изгладить воспоминаніе объ ошибкахъ, содѣянныхъ въ этомъ отношеніи злонамѣреннымъ или неловкимъ министромъ. Послу поручено вести переговоры о такомъ доказательствѣ уваженія Порты къ религіознымъ убѣжденіямъ императора. Но, если она отвергнетъ начала, служащія тому основаніемъ, если въ систематическомъ противодѣйствіи она будетъ сама закрывать ему пути соглашенія, то онъ вынужденъ будетъ объявить, что считаетъ порученіе свое исполненнымъ, прерываетъ сношенія свои со дворомъ султана и возлагаетъ на министровъ его отвѣтственность за всѣ имѣющія произойдти отъ того послѣдствія. Посолъ не считаетъ себя въ правѣ признать послѣднюю турецкую ноту за отвѣтъ, соотвѣтствующій достоинству его государя, и назначаетъ новый трехдневный срокъ для полученія окончательнаго отвѣта Порты на свое сообщеніе [2]).

Рейсъ-эфенди предложилъ князю личное свиданіе. Но Меншиковъ, уже переѣхавшій на пароходъ «Громоносецъ», рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку къ примиренію и испросилъ аудіенцію у султана. Абдулъ-Меджидъ пригласилъ его къ себѣ 1-го (13-го) мая и принялъ въ присутствіи лишь двухъ лицъ: перваго драгомана русскаго посольства и своего адъютанта. Князь изложилъ султану всѣ поводы неудовольствія императорскаго кабинета на Порту и доказалъ необходимость дать намъ ручательства въ вѣрномъ соблюденіи правъ и преимуществъ православной церкви въ Турціи. «Воля моего государя непреклонна, — объявилъ онъ.—Его расположеніе къ Оттоманской Портѣ, не допускающее и тѣни помышленія о преобладаніи, требуетъ формальнаго опроверженія злорадныхъ толковъ о его намѣреніяхъ. Онъ домогается явнаго доказательства вашей довѣренности. Никогда мой августѣйшій государь и не думалъ, какъ доносили вашему вели-

[1]) Рифаатъ-паша князю Меншикову 28-го апрѣля (10-го мая) 1853 года.
[2]) Князь Меншиковъ Рифаатъ-пашѣ 29-го апрѣля (11-го мая) 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

честву, вмѣшиваться въ дѣла между вами и вашими подданными. Какъ въ мирное, такъ и въ военное время онъ воздерживался отъ призыва къ столь естественному сочувствію своихъ единовѣрцевъ въ Турціи. Агенты его величества всегда склоняли ихъ къ слѣпому повиновенію верховной власти, и въ настоящихъ обстоятельствахъ мой августѣйшій государь, желая согласовать свою высокую набожность и религіозныя свои убѣжденія съ поддержаніемъ и утвержденіемъ вашей монархіи, обращается единственно къ могуществу и справедливости вашего величества, чтобы обезпечить и охранить подъ вашею защитою вѣковыя льготы и преимущества православнаго исповѣданія».

Абдулъ-Меджидъ изъявилъ искреннее желаніе возстановить сердечное и прочное согласіе съ высокимъ своимъ союзникомъ и увѣренность въ безкорыстіи его намѣреній. Тогда посолъ обратилъ вниманіе султана на опасный оборотъ, данный переговорамъ его министрами, превратившими ихъ въ вопросъ европейскій. Онъ представилъ султану печальную участь, ожидающую Турцію въ томъ случаѣ, если она, подобно Греціи, Бельгіи или другимъ мелкимъ государствамъ подпадетъ вліянію ареопага великихъ державъ и будетъ управляться протоколомъ, имѣющимъ силу формальныхъ трактатовъ. Въ то же время онъ просилъ дать ему опредѣлительный отвѣтъ и не скрылъ прискорбныхъ послѣдствій дальнѣйшей проволочки. Султанъ обѣщалъ доставить отвѣтъ на третій день, прибавивъ, что князь получилъ бы таковой и ранѣе, если бы отставка великаго визиря не лишала его самого главнаго его совѣтника. Изъ дворца Меншиковъ возвратился на свой пароходъ, предупредивъ Рифаата-пашу, что не поѣдетъ на свиданіе съ нимъ, такъ какъ получилъ лично отъ султана обѣщаніе скораго отвѣта [1]).

Дѣйствительно не только великій визирь, но и сераскиръ и рейсъ-эфенди подали въ отставку. Причиною этого рѣшенія было согласіе султана принять нашего посла не только помимо участія ихъ, но и безъ ихъ вѣдома. Великимъ визиремъ провозглашенъ былъ Мустафа-паша, а прежній визирь Мегеметъ-Али занялъ мѣсто сераскира. Решидъ-паша назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ [2]).

Князь Меншиковъ не только послалъ, согласно установленному обычаю, Озерова въ Порту привѣтствовать новыхъ министровъ, но и самъ посѣтилъ Решида-пашу на другой же день по вступленіи его въ должность. На требованіе князя яснаго и точнаго отвѣта рейсъ-эфенди отвѣчалъ краткою нотою, въ которой указывалъ на невозможность, вслѣдствіе происшедшихъ въ министерствѣ перемѣнъ, обсудить и разрѣшить въ короткое время столь важный

[1]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 9-го (21-го) мая 1853 года.
[2]) Eastern papers, ч. I, стр. 194.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и затруднительный вопросъ, какимъ представлялся вопросъ о религіозныхъ преимуществахъ. Порта искренно желаетъ отыскать ручательство такого рода, которое одинаково удовлетворило бы какъ русскій дворъ, такъ и ее самое, но для этого потребуется срокъ отъ пяти до шести дней. Впрочемъ онъ приложитъ все стараніе, дабы разрѣшить вопросъ если возможно еще ранѣе [1]).

Зная, что на 5-ое (17-ое) мая созвано было чрезвычайное собраніе дивана для обсужденія русскихъ предложеній, Меншиковъ согласился дать просимую отсрочку. Онъ написалъ Решиду-пашѣ, что разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Портою уже сталъ совершившимся фактомъ, но что, принимая во вниманіе затруднительное положеніе новаго министерства и личное доброжелательство самого рейсъ-эфенди, онъ отложилъ отправленіе оффиціальнаго о томъ сообщенія до 6-го (18-го) мая. Посолъ присовокупилъ, что всякое дальнѣйшее колебаніе оттоманскаго правительства будетъ сочтено за признакъ оскорбительнаго для Россіи недовѣрія и что неизбѣжнымъ и немедленнымъ послѣдствіемъ будетъ отъѣздъ князя изъ Константинополя въ сопровожденіи всѣхъ членовъ императорскаго посольства [2]).

Верховный совѣтъ Порты собрался въ составѣ сорока восьми членовъ. Въ совѣщаніи участвовали всѣ министры настоящіе и бывшіе, и въ числѣ послѣднихъ Хозревъ и Фуадъ, шейкъ-уль-исламъ, главные улемы, областные правители и другіе высшіе сановники. Большинствомъ 45-ти голосовъ противъ 3-хъ совѣтъ рѣшилъ отвергнуть русскій ультиматумъ.

Рѣшеніе совѣта было на другой же день лично сообщено князю Меншикову Решидъ-пашою. Въ то же время рейсъ-эфенди изложилъ ему крайнія уступки, на которыя соглашалась Порта. Честь ея, говорилъ онъ, требуетъ чтобы исключительныя духовныя преимущества, дарованныя предшественниками султана и подтвержденныя имъ самимъ, оставались въ полной силѣ, и чтобы греческое духовенство пользовалось одинаковыми правами со всѣми прочими христіанскими подданными султана. На этомъ основаніи совѣтъ постановилъ: провозгласить верховное рѣшеніе, обезпечивающее statu quo іерусалимскихъ святынь, съ тѣмъ, чтобы въ немъ не было совершаемо измѣненій безъ предварительнаго согласія съ русскимъ и французскимъ дворами; даровать Константинопольскому патріарху фирманъ съ подтвержденіемъ правъ греческаго духовенства; сообщить князю Меншикову въ заключеніе переговоровъ объяснительную ноту и предложить ему сенедъ, имѣющій силу формальнаго договора, объ уступкѣ мѣста для сооруженія русскихъ церквей и странноприимнаго дома въ Іерусалимѣ [3]).

---

[1]) Решидъ-паша князю Меншикову 3-го (15-го) мая 1853года.

[2]) Князь Меншиковъ Решиду-пашѣ 3-го (15-го) мая 1853 года.

[3]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 9-го (21-го) мая 1853 года; Eastern papers, ч. I, стр. 196.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Предложенія эти, сообщенныя словесно, были повторены въ нотѣ рейсъ-эфенди. Но терпѣніе Меншикова истощилось. Не дожидаясь полученія этой ноты, онъ послалъ Портѣ оффиціальное сообщеніе о разрывѣ дипломатическихъ съ нею сношеній.

Онъ писалъ Решиду-пашѣ, что въ отвѣтъ на письменныя его обращенія, подкрѣпленныя словесными разъясненіями, не оставляющими ни малѣйшаго сомнѣнія въ безкорыстіи видовъ и намѣреній императора всероссійскаго, онъ не получилъ ничего, кромѣ уклончивыхъ и обманчивыхъ увѣреній. Оба доставленные ему фирмана по іерусалимскому дѣлу не могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ. Порта, недовѣрчиво отнесясь къ нашимъ требованіямъ, проявила недостатокъ уваженія къ августѣйшему и многолѣтнему союзнику и тѣмъ самымъ оправдала опасенія императорскаго кабинета за участь древнихъ правъ восточной церкви. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ единствѣ вѣры и въ узахъ, утвержденныхъ издревле взаимными пользами и географическимъ положеніемъ обѣихъ сторонъ, залогъ прочной дружбы, Порта этими самыми причинами побуждается къ попыткѣ, оскорбительной для Россіи. Словесно сообщенныя Решидомъ-пашою предложенія, клонящіяся къ тому, чтобы обязательную силу получило лишь обѣщаніе Порты разрѣшить учрежденіе въ Іерусалимѣ русской больницы, не могутъ быть приняты. Убѣдясь въ тщетности своихъ усилій достигнуть съ Портою соглашенія удовлетворительнаго и отвѣчающаго достоинству его августѣйшаго государя, посолъ долгомъ почитаетъ объявить:

Что онъ считаетъ порученіе свое оконченнымъ;

Что императорскій дворъ не можетъ, не нарушая своего достоинства и не подвергаясь новымъ оскорбленіямъ, оставить долѣе посольство свое въ Константинополѣ и продолжать политическія сношенія съ оттоманскимъ правительствомъ на прежнихъ основаніяхъ;

Что вслѣдствіе того и въ силу даннаго послу полномочія, онъ покинетъ Константинополь, взявъ съ собою всѣхъ чиновъ императорскаго посольства, за исключеніемъ директора коммерческой канцеляріи, который, съ состоящими при немъ чиновниками, будетъ продолжать производить дѣла судоходныя и торговыя, защищать интересы русскихъ подданныхъ и заботиться объ отправленіи морскихъ судовъ;

Что посолъ глубоко сожалѣетъ о необходимости этого рѣшенія, но что, въ точности исполнивъ повелѣнія императора, передавъ на обсужденіе блистательной Порты предложенія самыя примирительныя, справедливыя и всего лучше отвѣчающія истиннымъ интересамъ Оттоманской имперіи, и получивъ прискорбную увѣренность въ томъ, что кабинетъ его величества султана не расположенъ принять и удовлетворить ихъ, онъ исполняетъ послѣдній

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

долгъ, возлагая отвѣтственность за всѣ послѣдствія, какія могутъ отъ того произойти, на оттоманскій кабинетъ, который, повидимому, поставилъ себѣ задачею вызвать серьезное столкновеніе между двумя имперіями;

Что отказъ въ ручательствахъ въ пользу православнаго грекороссійскаго исповѣданія отнынѣ приводитъ императорское правительство къ необходимости искать этихъ гарантій въ собственной своей силѣ;

Что, такимъ образомъ, всякое измѣненіе въ настоящемъ положеніи восточной церкви и ея цѣлости будетъ почтено императоромъ равносильнымъ нарушенію духа и буквы существующихъ договоровъ и какъ враждебное Россіи дѣйствіе и возложитъ на его величество обязанность прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыхъ онъ въ постоянной своей заботливости о прочности Оттоманской имперіи и въ искренней дружбѣ своей къ его величеству султану и къ его августѣйшему родителю всегда старался избѣгать [1]).

Извѣстіе о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Портою одинаково встревожило и министровъ султана, и иностранныхъ дипломатовъ, пребывавшихъ въ Константинополѣ. 7-го (19-го) мая лордъ Стрэдфордъ Редклифъ, въ качествѣ старшины дипломатическаго корпуса, пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе представителей великихъ державъ: французскаго посла и повѣренныхъ въ дѣлахъ австрійскаго и прусскаго. Всѣ они были согласны между собою въ необходимости произвести сообща попытку для примиренія враждующихъ сторонъ. Представителю Австріи поручено было отправиться къ князю Меншикову и отъ имени своихъ сотоварищей выразить ему сожалѣніе о происшедшемъ разрывѣ и радость, съ которою они привѣтствовали бы мирный исходъ несогласій, если бы таковой оказался еще возможнымъ, а также узнать, согласится ли князь частнымъ путемъ принять изготовленную Портою ноту и подвергнуть ее спокойному обсужденію [2]).

Между тѣмъ, въ русскомъ посольствѣ была получена эта обѣщанная Решидомъ-пашею объяснительная нота. Она составлена была въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ, говорила о безграничномъ довѣріи султана къ своему августѣйшему сосѣду и союзнику, императору всероссійскому, «о превосходныхъ качествахъ русскаго государя, доказанныхъ на опытѣ и стяжавшихъ ему всеобщее уваженіе», о драгоцѣннѣйшей надеждѣ Абдулъ-Меджида при каждомъ случаѣ укрѣплять и утверждать столь счастливо существующія между дворами дружескія отношенія, но ни на шагъ

[1]) Князь Меншиковъ Решиду-пашѣ 6-го (18-го) мая 1853 г. Странно, что Богдановичъ во главѣ II своей «Исторіи восточной войны», излагающей посольство князя Меншикова въ Константинополѣ, совершенно умалчиваетъ объ этой важной нотѣ.

[2]) Eastern papers, ч. I, стр. 205.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не подвигала дѣла къ желаемой нами развязкѣ. Изложенныя въ нотѣ предложенія были лишь повтореніемъ сообщенныхъ на словахъ Решидомъ Меншикову и отвергнутыхъ послѣднимъ. Особенную важность придавала нота фирману, дарованному султаномъ патріарху константинопольскому, и провозглашала его ручательствомъ достаточнымъ для устраненія всякихъ сомнѣній въ расположеніи Порты къ своимъ христіанскимъ подданнымъ [1]).

Турецкая нота не могла удовлетворить нашего посла, но, уступая убѣжденіямъ австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, онъ рѣшился удовольствоваться, вмѣсто конвенціи или сенеда, такою нотою, въ которой Порта изложила бы потребованныя нами ручательства по всѣмъ возбужденнымъ между ею и нами вопросамъ. Проектъ ея былъ составленъ княземъ Меншиковымъ и довѣрительнымъ путемъ препровожденъ къ рейсъ-эфенди.

Совершенно отличаясь по формѣ отъ первоначально предложеннаго проекта конвенціи или сенеда, нота эта имѣла съ нимъ одинаковое содержаніе. Она должна была сопровождать сообщеніе послу ираде султана, разрѣшающаго всѣ вопросы, составлявшіе предметъ переговоровъ его съ Портою. Во вступленіи упоминалось о желаніи султана дать своему августѣйшему союзнику и другу, императору всероссійскому, новое доказательство искреннѣйшей дружбы и желанія упрочить давнія отношенія добраго сосѣдства и совершеннаго согласія, существующія между обоими государствами, «о полномъ довѣріи султана къ постоянно благосклоннымъ намѣреніямъ его императорскаго величества, направленнымъ къ поддержанію цѣлости и независимости Оттоманской имперіи», и «о рѣшеніи принять въ серьезное соображеніе откровенныя и искреннія представленія русскаго посла въ пользу православной греко-россійской вѣры, исповѣдуемой августѣйшимъ союзникомъ султана и большинствомъ ихъ обоюдныхъ подданныхъ». «Вслѣдствіе сего, — говорилось далѣе, — нижеподписавшемуся повелѣно дать настоящею нотою самое торжественное увѣреніе русскому правительству, представляемому нынѣ при его величествѣ султанѣ его свѣтлостью княземъ Меншиковымъ, касательно неизмѣнной заботливости и чувствъ великодушія и терпимости, одушевляющихъ его величество султана по отношенію къ безопасности и благосостоянію въ его владѣніяхъ духовенства церквей и духовныхъ учрежденій христіанскаго восточнаго исповѣданія. Дабы придать больше ясности этимъ увѣреніямъ формальнымъ образомъ, опредѣлить главные предметы этой высокой заботливости, подкрѣпить дополнительнымъ разъясненіемъ, вызваннымъ ходомъ времени, смыслъ относящихся до религіозныхъ вопросовъ статей, заключенныхъ прежде между обѣими державами договоровъ и предупре-

[1]) Решидъ-паша князю Меншикову 7-го (19-го) мая 1853 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дить навсегда тѣмъ недоразумѣнія или несогласія по этому предмету между обоими правительствами, его величество султанъ разрѣшилъ нижеподписавшемуся объявить нижеслѣдующее»...

Слѣдовали четыре статьи, заключавшія принимаемыя на себя Портою обязательства, сходныя съ соотвѣтствующими статьями первоначальнаго проекта сенеда, за выпускомъ лишь той изъ нихъ, которою подтверждались условія всѣхъ прежнихъ трактатовъ, состоявшихся между Россіею и Портою [1]).

Решидъ-паша препроводилъ русскій проектъ ноты къ лорду Стрэдфорду Редклифу съ просьбою ознакомить съ нимъ представителей великихъ державъ и сообщить Портѣ мнѣніе ихъ о предстоящемъ ей рѣшеніи. Собранные вторично у англійскаго посла, посолъ французскій и австрійскій и прусскій повѣренные въ дѣлахъ вмѣстѣ съ нимъ подписали ноту на имя Порты, въ которой объявили, что въ вопросѣ, столь близко касающемся свободы рѣшеній и верховной власти его величества султана, Решидъ-паша всего лучше разсудитъ, какія слѣдуетъ ему принять мѣры, они же при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не считаютъ себя въ правѣ высказать мнѣніе свое по этому предмету [2]).

Решидъ понялъ тайный смыслъ отзыва западныхъ дипломатовъ и, подобно имъ, слѣдуя внушеніямъ англійскаго посла, отвергнулъ Меншиковскій проектъ ноты, подъ тѣмъ предлогомъ, что измѣненная форма русскихъ требованій не измѣняла ихъ сущности, равносильной признанію права покровительства Россіи надъ православною церковью въ Турціи. Получивъ извѣстіе о томъ 9-го (21-го) мая, князь Меншиковъ въ слѣдующую же ночь отплылъ на пароходѣ «Громоносецъ», приказавъ снять императорскій гербъ съ фронтона зданія русскаго посольства и взявъ съ собою весь личный составъ его. Передъ отъѣздомъ онъ въ послѣдней нотѣ протестовалъ противъ намѣренія Порты—собственною властью подтвердить въ фирманѣ на имя константинопольскаго патріарха права и преимущества православной церкви. Посолъ заявилъ рейсъ-эфенди, что подобнымъ актомъ были бы подвержены сомнѣнію всѣ льготы, издавна предоставленныя ей, но въ актѣ томъ не упомянутыя, а потому императорскій кабинетъ будетъ считать такой фирманъ за враждебное дѣйствіе, направленное противъ Россіи [3]).

Татищевъ.

---

[1]) Проектъ ноты, сообщенной княземъ Меншиковымъ Решиду-пашѣ 8-го (20-го) мая 1853 года.

[2]) Представители великихъ державъ въ Константинополѣ Решиду-пашѣ 9-го (21-го) мая 1853 года.

[3]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 9-го (21-го) мая 1853 года; онъ же Решиду-пашѣ того же числа и года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ОБРУСѢНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ И ЗАДАЧИ ОБРУСИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

ВѢКА ПРОШЛИ съ тѣхъ поръ, какъ Русское государство вышло изъ этнографическихъ предѣловъ славяно-русской народности и включило въ себя цѣлый рядъ племенъ, обособляющихся отъ нея физическимъ типомъ, языкомъ, религіей и всѣмъ строемъ своей культуры. Рядомъ съ русскими подъ одной государственной властью очутились финны Волжскаго бассейна и Сибири, вмѣстѣ съ ними когда-то дѣлившіе зависимость отъ монголо-татарскихъ завоевателей — черемисы, мордва, вотяки, остяки, можетъ быть, башкиры, затѣмъ потомки и ближайшіе родичи былыхъ повелителей Руси татары, калмыки, буряты, якуты, кочевое населеніе уходящихъ въ южную Сибирь и Среднюю Азію Заволжскихъ степей и, наконецъ, живой колоссальный этнографическій музей, представляемый Кавказомъ.

Одни изъ этихъ народовъ и народцевъ, заброшенные въ лѣса и тундры Сибири, втеченіе длиннаго ряда вѣковъ оставались на зачаточной стадіи политическаго развитія и служили попеременно матеріаломъ для пополненія то той, то другой господствующей надъ ними народности, другіе соединились съ русскимъ народомъ послѣ вѣковъ самостоятельной жизни, утомленные и обезсиленные неравной борьбой съ крупными сосѣдями (грузины и другія христіанскія племена Кавказа), третьи уступили только силѣ и связаны единствомъ вѣры или крови съ самостоятельными и могущественными государствами Востока — монголы-буддисты съ Китаемъ, многочисленныя мусульманскія народности Волжскаго бас-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сейна, Средней Азіи, Сибири и Кавказа съ Турціей и Персіей. Какой modus vivendi долженъ имѣть мѣсто въ государствѣ, составленномъ изъ такой пестрой смѣси этнографическихъ элементовъ, съ громаднымъ преобладаніемъ одной народности, можетъ ли государство ограничивать свои требованія отъ инородцевъ одними политическими отношеніями — исправнымъ внесеніемъ налоговъ, выполненіемъ воинской повинности, повиновеніемъ установленнымъ властямъ, или оно должно стремиться къ культурному объединенію входящихъ въ него народностей, къ полной ассимиляціи ихъ съ народностью господствующей? Этотъ вопросъ первостепенной научной и практической важности выдвинулся у насъ въ послѣднее время на видное мѣсто. Какъ всякій живой вопросъ, онъ раздѣлилъ публицистовъ на два хорошо намъ знакомыхъ лагеря: консерваторы и націоналисты рѣшаютъ его въ одномъ направленіи, либералы и «европейцы»—въ другомъ. Но при всемъ различіи окончательныхъ выводовъ и тѣхъ и другихъ объединяетъ одна общая черта: и консерваторы, и либералы смотрятъ на «Европу» и преподносятъ испробованныя или пробуемыя еще ею средства. Консерваторы обращаютъ свои взоры на Пруссію и въ ея германизаторской политикѣ видятъ образецъ для русскаго правительства. Передъ глазами либераловъ и «космополитовъ» (пусть читатель проститъ намъ эти избитыя въ нашей печати клички) носится европейскій идеалъ федеративнаго государства, на основѣ полной свободы развитія каждой народности. Одни стрѣляютъ по воробьямъ изъ пушекъ и готовы примѣнить къ какимъ нибудь вогуламъ или бурятамъ весь тяжелый аппаратъ прусской политики, другіе не прочь сочинить самобытныя культуры у телеутовъ и орочоновъ. Между этими крайностями до извѣстной степени колеблется втеченіе нынѣшняго столѣтія и наша политика по отношенію къ инородцамъ. Вчера мы сочиняли продолженіе къ остановившейся исторіи сибирскихъ инородцевъ и проектировали самоѣдскіе штаты (Сперанскій), сегодня сочиняемъ ассимиляціонные проекты по прусскому образцу и готовы примѣнить ихъ къ тѣмъ же самоѣдамъ. Ни ту, ни другую политику нельзя назвать нормальной. На русскомъ инородческомъ востокѣ не примутся ни прусскія, ни австрійскія (далеко не идеальныя, скажемъ кстати) насажденія. Тутъ нужно усовершенствовать, очистить отъ мѣшающихъ росту примѣсей то, что росло уже втеченіе вѣковъ, нужно тщательно изслѣдовать результаты сожительства русскихъ съ инородцами и воспользоваться тѣмъ, что даетъ историческій опытъ. Слѣдуетъ признаться, что сдѣлано въ этомъ направленіи чрезвычайно мало. Даже въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, которымъ ближе всего было бы вѣдать дѣло, дается вѣра такимъ банальностямъ, какъ объякучиваніе и отатареніе русскихъ въ Сибири. Изучать вопросъ приходится съ азовъ. Можетъ быть, исходя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изъ этихъ соображеній, читатели найдутъ нелишнимъ тотъ запасъ относящихся сюда фактовъ, который даетъ слабо еще изученная исторія бывшаго Казанскаго царства и Сибири, и согласятся съ тѣми практическими выводами, которые на немъ построены. Мы начнемъ обзоръ результатовъ, къ которымъ привело вѣковое сожительство русскихъ съ инородцами избраннаго раіона, съ его крайняго запада.

Подвинувшись съ юга и запада къ берегамъ Оки и Волги, русскіе славяне вошли въ соприкосновеніе съ сплошной инородческой массой, которая занимала громадную территорію на востокѣ до Урала, переходила Уралъ и распространялась по неизмѣримымъ пространствамъ Сибири. Первыми племенами, которыя встрѣтились съ нашими колонистами, были мещера и мордва: мещера на западѣ отъ Оки въ предѣлахъ нынѣшней Рязанской губерніи, мордва на востокѣ въ сплошныхъ лѣсахъ, которые занимали Нижегородское Заволжье и примыкающія къ нему нынѣшнія губерніи Тамбовскую, Пензенскую и Симбирскую. Исторія отношеній рязанскихъ колонистовъ къ мещерѣ лежитъ внѣ наблюденія. Мы можемъ только констатировать ея результаты. Мещера передвинулась подъ напоромъ русскихъ за Оку въ предѣлы Тамбовской и Пензенской губерній (Спасскій уѣздъ въ первой, Чембарскій и Керенскій — во второй), но не спасла своей національности. Въ настоящее время она только нѣкоторыми особенностями костюма да фамильными прозвищами, въ которыхъ уцѣлѣли древнія языческія имена, отличается отъ сосѣднихъ русскихъ. Самое имя народа удерживается благодаря русскимъ. «Въ Паимѣ насъ дразнятъ мещерой, а мы русскіе», — говорилъ намъ чембарскій мещерякъ-ямщикъ и былъ глубоко убѣжденъ, что никакого различія между нимъ и русскимъ человѣкомъ нѣтъ.

За мещерой передъ русскими очутилась мордва. Въ XIII вѣкѣ на пограничныхъ пунктахъ племени появилось два русскихъ города: Кадомъ (нынѣ заштатный городъ Тамбовской губерніи) и Нижній. Кадомъ былъ колоніей Рязани и уже въ 1209 году управлялся рязанскимъ тысяцкимъ; Нижній былъ аванпостомъ княжества Владимірскаго. И тотъ и другой начали успѣшно выполнять свое историческое призваніе: князья независимой мордвы оказываются, напримѣръ, подвластными князю нижегородскому, но татарское нашествіе остановило начавшійся процессъ. До XVI вѣка Нижегородское Заволжье и Кадомскій край недоступны для русскаго колониста. Только паденіе Казани сдѣлало для нихъ безопасными татаръ и въ мордовскіе лѣса проникаютъ русскія поселенія. Чѣмъ сопровождалось первое соприкосновеніе русскихъ съ мордвой, говоритъ намъ всего краснорѣчивѣе карта. Возьмемъ относящіеся къ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерніямъ листы карты Стрѣльбицкаго и мы увидимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ ея краскахъ, въ чередованіи бѣлыхъ и зеленыхъ пространствъ, всю исторію русско-мордовскаго соприкосновенія. Кадомъ стоитъ въ вершинѣ лѣсистаго острова, который доходитъ на югѣ до Моршанска. На западѣ отъ этого острова за Цной идутъ безлѣсныя пространства Шацкаго уѣзда, на востокѣ за верховьями притоковъ видны такія же пространства Темниковскаго и Спасскаго уѣздовъ. Лѣса начинаютъ занимать значительныя пространства на востокъ отъ Мокши, которая въ предѣлахъ Краснослободскаго уѣзда круто поворачиваетъ на югъ,—въ уѣздахъ Краснослободскомъ и Наровчатскомъ. Отыскивая хозяевъ этихъ лѣсныхъ и безлѣсныхъ пространствъ, мы открываемъ, что русское населеніе занимаетъ вмѣстѣ съ татарами обѣ широкія безлѣсныя полосы на западѣ и востокѣ отъ Кадомскаго лѣснаго острова, мордва жмется по бокамъ этого острова и забирается внутрь его, расчистивши значительныя пространства. На западѣ мы имѣемъ цѣпь селеній Шацкой мордвы, на востокѣ Темниковской и Спасской. Многія изъ этихъ селеній стоятъ теперь среди открытыхъ полей, но ихъ относительная близость къ лѣсу и названія (Лѣсное Конобѣево, Лѣсные Цвѣты, Мордовская Поляна) указываютъ, что нѣкогда они были въ предѣлахъ Кадомскаго лѣса. Густое русское населеніе на обоихъ безлѣсныхъ пространствахъ указываетъ, что сюда прежде всего направился потокъ русской колонизаціи, и русскіе поселенцы занимали расчищенныя уже мордвою мѣста, оттѣсняя ее на дикія лѣсныя поляны. Первый періодъ соприкосновенія двухъ народностей не могъ такимъ образомъ дать никакихъ результатовъ въ смыслѣ обрусѣнія: мордва уходила на новыя мѣста и оставляла русскихъ единственными хозяевами своихъ покинутыхъ земель. Но основы будущаго обрусѣнія были всеже заложены: мордва была разобщена компактными русскими массами. Русскіе колонисты двигались по пятамъ за мордвой и основывали свои поселки рядомъ съ мордовскими. Начиная со второй половины XVII вѣка мы имѣемъ возможность слѣдить за результатами этого сосѣдства. Въ 1654 году рязанскій архіепископъ Мисаилъ, которому поручено было Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Никономъ привести къ крещенію Шацкую мордву, доносилъ царю: «и жены ихъ мордвы и дѣти русскимъ языкомъ говорить горазды, и живутъ между русскими людьми вмѣстѣ» (Ист. обозр. Ряз. іер., 123—124). Русскій языкъ такимъ образомъ проникъ въ мордовскую массу, но привязанность къ своей вѣрѣ была у мордвы еще такова, что архіепископъ Мисаилъ, рискнувшій употребить при своей проповѣди принудительныя мѣры, поплатился жизнью: мордовская стрѣла пронизала его сердце. Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ убійствомъ заявлено было расположеніе мордвы остаться при своей старинѣ, прошло 200 лѣтъ, и Шацкая мордва осталась мордвой только по имени. Подобно Чембарской мещерѣ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

она считаетъ себя русскими и сохранила кое-какіе остатки національной старины только въ костюмѣ. Нѣкоторыя селенія, бывшія языческими, мордовскими, въ эпоху Мисаила, какъ Инина Слобода, Ялтуново, Ернеево, даже по имени перестали быть мордовскими; мы не находимъ ихъ въ перечнѣ мордовскихъ деревень въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Тамбовской губерніи. То же явленіе подготовляется по другую сторону Кадомскаго лѣса въ уѣздахъ Темниковскомъ и Спасскомъ. Здѣсь рядомъ съ мордвой, сохраняющей свой языкъ, имѣются уже такія селенія, гдѣ мордва считаетъ себя русскими. Майновъ, посѣтившій этотъ край въ 1877 году, сообщаетъ, что мордва Темниковская, Кадомская и Спасская сильно обрусѣли и не прочь выдавать себя за русскихъ (Очеркъ юридич. быта мордвы). Даже тамъ, гдѣ мордва сохранила еще свой языкъ, замѣтно, что окончательное обрусѣніе ея совсѣмъ близко. Мордовскій языкъ переполненъ русскими словами, которыя употребляются въ замѣнъ соотвѣтствующихъ собственныхъ. И. И. Дубасовъ въ своихъ «Очеркахъ изъ исторіи Тамбовскаго края» даетъ образчикъ этого языка въ отрывкѣ мордовской пѣсни:

«Вандыни Ушмань Байкась порашась,
«Седландазе сѣрый-бурый алашанцъ
«Серга-дизнь вислоухій-борзый изанъ».

Переходя изъ Тамбовской губерніи въ Пензенскую, мы находимъ вполнѣ обрусѣлую мордву въ цѣломъ рядѣ деревень Чембарскаго и Городищенскаго уѣздовъ. Болѣе или менѣе стойко мордва-мокша удерживаетъ свою національность на сѣверѣ губерніи, въ уѣздахъ Краснослободскомъ, Наровчатскомъ и Инсарскомъ. Здѣсь говорятъ еще на родномъ языкѣ, живутъ и вѣрятъ по преданіямъ старины, но почва для будущаго обрусѣнія уже готова. Мордва оцѣплена русскими селеніями, разбита на небольшіе острова: въ Наровчатскомъ и Инсарскомъ уѣздахъ мельче—деревень въ 5 и менѣе, въ Краснослободскомъ—крупнѣе. Въ центрѣ и по окраинамъ самаго крайнаго изъ мордовскихъ острововъ, въ Краснослободскомъ уѣздѣ между рѣками Мокшей и Сивинью расположились желѣзо-дѣлательные заводы, на которыхъ мордва работаетъ вмѣстѣ съ русскими и перенимаетъ у нихъ костюмъ, пѣсни и, конечно, языкъ.

Та же картина постепеннаго обрусѣнія открывается передъ нами, когда мы обратимся къ другой вѣтви мордовскаго племени—къ эрзѣ. Всѣ наблюдатели и изслѣдователи эрзи находятъ, что она вообще гораздо сильнѣе обрусѣла, чѣмъ мокша, и это вполнѣ справедливо.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ 1863 году по списку населенныхъ мѣстъ Нижегородской губерніи числилось 25,000 душъ мордвы, называемой терюханами. Тогда уже эта мордва представлялась до такой степени обрусѣвшей, что употребляла русскій языкъ въ своихъ молитвахъ и распѣвала русскія пѣсни. Мы посѣтили этотъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

край въ 1889 году и встрѣтили вполнѣ обрусѣвшее населеніе. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ селѣ Борисовѣ жители прямо называли себя русскими, въ другихъ—«русской мордвой». До какой степени здѣсь сильно оказалось обрусѣніе, можно судить потому, что терюхане считаютъ языкъ, на которомъ говоритъ необрусѣвшая еще Арзамасская мордва, татарскимъ. Покойный Веске, въ томъ же году осенью посѣтившій терюханъ, нашелъ въ языкѣ ихъ лишь нѣсколько мордовскихъ словъ, уцѣлѣвшихъ въ названіяхъ различныхъ принадлежностей костюма и утвари. Въ уѣздахъ Ардатовскомъ, Арзамасскомъ, Лукояновскомъ, Княгининскомъ, Сергачскомъ и въ большей части Симбирской губерніи дѣло въ общемъ не зашло еще такъ далеко. Мордва говоритъ еще своимъ языкомъ, хотя съ громадной примѣсью русскихъ словъ, но приближающееся полное обрусѣніе выражается въ томъ, что мордовская молодежь предпочитаетъ русскія пѣсни своимъ и, не умѣя говорить болѣе или менѣе сносно порусски, распѣваетъ русскія пѣсни. Вмѣстѣ съ произведеніями русскаго народнаго творчества въ жизнь эрзи проникаютъ русскія юридическія понятія, нормы семейныхъ отношеній, вѣрованія и обряды. Майновъ въ своемъ «Очеркѣ юридическаго быта мордвы» отмѣчаетъ такія заимствованія, какъ взглядъ на грѣховность брака между лицами, состоящими въ духовномъ родствѣ, въ самыхъ дальнихъ степеняхъ родства кровнаго. Къ числу признаковъ приближающагося обрусѣнія мордвы слѣдуетъ отнести развитіе среди нея черничества и раскола. Чернички имѣются въ настоящее время почти въ каждомъ мордовскомъ селѣ среди эрзи, какъ и среди мокши. Расколъ проникаетъ въ мордовскую среду главнымъ образомъ въ Саратовской губерніи. Рядомъ съ этими признаками подготовляющагося обрусѣнія, мы видимъ въ области эрзи цѣлые раіоны, гдѣ оно уже представляетъ совершившійся фактъ: таковы, напримѣръ, нѣкоторые мордовскіе приходы въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, въ Сызранскомъ и Карсунскомъ Симбирской. Особенно сильно подвинулось дѣло обрусѣнія мордвы въ губерніяхъ, которыя она заселила позднѣе, уступая передъ русскими въ своихъ старыхъ жилищахъ,—Саратовской, Самарской, Оренбургской и Казанской. Совершенно обрусѣлая мордва живетъ въ Балашовскомъ уѣздѣ (села Мордовскій Карай, Рѣпное, Козловка), въ Саратовскомъ (деревня Пилюгино), въ Вольскомъ (село Ключи, или Мордовскій Ключъ), въ Петровскомъ (село Лопатка и другія), въ восточной части Кузнецкаго. Въ Самарской губерніи, въ уѣздахъ Самарскомъ, Бузулукскомъ, Николаевскомъ и Новоузенскомъ имѣется, по изслѣдованіямъ отца Гребнева, цѣлый рядъ селъ, въ которыхъ мордовское населеніе совершенно обрусѣло («Самарскія Епархіальныя Извѣстія», 1886 г., № 23).

Мордва приняла русскій языкъ, русскій костюмъ, раздѣляетъ съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

русскими крестьянами то религіозное броженіе, которое породило въ Нижнемъ Поволжьѣ столько раскольничьихъ сектъ. Секты «собесѣдниковъ», «божьихъ людей», «блаженныхъ» имѣютъ среди своихъ адептовъ не малое количество мордвы. Совершенно обрусѣлой оказывается мордва и въ верхнемъ теченіи Черемшана—на границѣ губерній Самарской и Казанской; въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи мордва также не прочь выдавать себя за русскихъ. Вотъ каковы, стало быть, результаты сожительства съ русскимъ народомъ для одного изъ самыхъ крупныхъ инородческихъ племенъ Россіи, самаго крупнаго изъ восточно-финнскихъ.

За мордвой по Волгѣ и Камѣ къ Уралу слѣдуютъ черемисы, вотяки и пермяки изъ финновъ, татары и чуваши изъ тюрковъ. Русское вліяніе въ жизни черемисъ чувствуется гораздо слабѣе, чѣмъ въ жизни мордвы. Причина заключается въ томъ, что край, который они занимаютъ, гораздо менѣе привлекалъ къ себѣ русскую колонизацію, чѣмъ черныя земли Заволжья, а сѣверныхъ колонистовъ (изъ Вятки и Вологды) отдѣляла отъ черемисъ территорія вотяковъ. Главная масса черемисъ, занимая Царевококшайскій уѣздъ, сѣверъ Чебоксарскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ Казанской губерніи, Яранскій, Уржумскій и отчасти Малмыжскій Вятской, находится почти внѣ соприкосновенія съ русскими, въ особенности въ центрѣ. Представителями русской народности являются здѣсь власти, духовенство и лишь въ послѣднее время школа. Обрусѣніе въ смыслѣ знакомства съ русскимъ языкомъ замѣчается главнымъ образомъ на крайнемъ западѣ Черемисскаго края, гдѣ черемисы соприкасаются съ русскимъ народомъ—въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, Ветлужскомъ—Костромской, Котельничскомъ и Яранскомъ уѣздахъ Вятской губерніи. Вотяки, подобно черемисамъ, далеки отъ полнаго обрусѣнія, хотя соприкосновеніе ихъ съ русскими началось гораздо ранѣе—съ XIII и XIV вѣковъ. Только на сѣверо-западѣ занимаемой ими территоріи одинокія вотяцкія селенія потонули въ волнахъ русской колонизаціи. Въ уѣздахъ Вятскомъ, Орловскомъ, Нолинскомъ Вятской губерніи, въ Никольскомъ и Усть-Сысольскомъ—Вологодской мы встрѣчаемъ рядъ селеній, своими названіями говорящихъ о томъ, что жители ихъ были когда-то вотяками (Отяцкая, Вотиновцы, Вотяки, Вотяковская, Вотская). Въ Нолинскомъ уѣздѣ вотяки числились еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Изъ Нолинскаго и Слободскаго уѣздовъ обрусѣніе проникаетъ и на западъ Глазовскаго уѣзда. Здѣсь въ приходѣ села Сада вотяки окончательно обрусѣли и получили отъ русскихъ оригинальное прозвище «Садинскихъ оборотней». Сліяніе закрѣпляется все болѣе и болѣе смѣшанными браками. Дальше на востокѣ вотяки еще крѣпко удерживаютъ свои національныя свойства, по признаками начинающагося обрусѣнія являются распространеніе русскаго языка, усвоеніе женщинами русскаго костюма.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Причина относительной стойкости вотяковъ въ этомъ краѣ заключается въ физическихъ условіяхъ страны. Обширная площадь, которую занимаютъ населенные вотяками уѣзды Глазовскій, Малмыжскій, Елабужскій, Сарапульскій, была когда-то сплошь покрыта лѣсами. И теперь послѣ вѣковъ подсѣчнаго хозяйства съ любаго возвышеннаго пункта глазъ видитъ вокругъ лѣса и лѣса. «Волоки» въ 30—40 верстъ поперечника не представляютъ здѣсь особенной рѣдкости. Въ этихъ безпросвѣтныхъ лѣсахъ соприкосновеніе вотяковъ съ русскими дало на первыхъ порахъ тѣ же результаты, что и въ Мордовскомъ краѣ: вотякъ, привыкшій жить по своимъ вкусамъ на свободѣ, бросалъ свое старое пепелище и отыскивалъ въ лѣсахъ новую полянку («лудъ»), на которой могъ основать жилье и иногда сдѣлать первый посѣвъ. Какъ легко было исчезать безъ слѣда въ вятскихъ лѣсахъ, показываютъ факты изъ новѣйшаго времени: въ 80-хъ годахъ земскіе статистики нашли въ Малмыжскомъ уѣздѣ не одно селеніе схоронившимся въ лѣсу отъ всякаго рода властей. Населеніе этихъ поселковъ пользовалось, можно сказать, доисторической свободой — пахало землю, охотилось, плодилось и не платило никому, ни земству, ни правительству, никакихъ повинностей. Сто-двѣсти лѣтъ назадъ, когда лѣса были еще обширнѣе, въ нихъ легко могло схорониться и все небольшое вотяцкое племя. Лѣса долгое время не допускали перваго условія обрусѣнія—соприкосновенія между вотякомъ и русскимъ. Только съ начала нынѣшняго столѣтія, когда начался усиленный притокъ русскихъ поселенцевъ съ запада губерніи, лѣса стали рѣдѣть, и вотякъ оказался вынужденнымъ примириться съ русскимъ сожительствомъ. Русскія колоніи раздробили вотяцкую территорію на обособленные острова, въ значительномъ количествѣ вотяцкихъ деревень появились русскіе припущенники, число которыхъ увеличивается все болѣе и болѣе. Въ этихъ деревняхъ, преимущественно Малмыжскаго уѣзда, почва для будущаго обрусѣнія вполнѣ готова: населеніе освоилось съ русскимъ языкомъ, объединяется съ русскими припущенниками брачными связями. Результатомъ смѣшанныхъ браковъ является возростаніе русскаго населенія! Русская женщина, безсильная въ одиночку отстоять свою національность и превращающаяся за черемисиномъ въ черемиску, за мордвиномъ въ мордовку, руссифицируетъ семью, когда она въ деревнѣ не одна.

На востокъ отъ вотяковъ къ Уралу, по теченію Камы, мы встрѣчаемъ послѣднюю европейскую вѣтвь финнскаго племени—пермяковъ. Пермяки нѣсколько позднѣе, чѣмъ родичи ихъ, вотяки, пришли въ соприкосновеніе съ русскими, но обрусѣли гораздо болѣе. До извѣстной степени тутъ, конечно, вліялъ меньшій размѣръ территоріи, на которой въ XV вѣкѣ русскіе столкнулись съ пермяками: она ограничивалась пространствомъ, захваченнымъ въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Камской излучинѣ между верховьями рѣки и мѣстомъ нынѣшней Перми и нижнимъ теченіемъ Вишеры (мы беремъ, конечно, здѣсь приблизительныя границы, подробности можно найдти въ нашей книгѣ «Пермяки», историко-этнографическомъ очеркѣ). Важнѣе, однако, было другое: Пермяцкій край съ XVI вѣка дѣлается не только земледѣльческимъ, но и промышленнымъ краемъ. Здѣсь развилось солевареніе и желѣзное производство. Желѣзо-дѣлательные заводы идутъ цѣпью съ верховьевъ Камы изъ Глазовскаго уѣзда (Омутницкій, Залязнинскій) къ Камѣ по теченію Иньвы (Кувинскій, Майкорскій, Пожвинскій) и ея притоковъ (Елизавето-Нердвинскій). Эти заводы служили и служатъ обрусительными центрами. По близости ихъ пермяцкое населеніе или вполнѣ обрусѣло, или сохраняетъ еще кое-какіе остатки своей племенной индивидуальности. Въ Зюздинскомъ краѣ (Глазовскаго уѣзда) пермяки въ большинствѣ говорятъ уже порусски; только старики коегдѣ употребляютъ еще переполненную русскими словами пермяцкую рѣчь. То же явленіе имѣетъ мѣсто въ раіонѣ Кувинскаго завода, въ Юмской и Юрлинской волостяхъ, Чердынскаго уѣзда, по Иньвѣ, начиная отъ Купроса до устья. Пермяки этихъ мѣстъ стремятся скрыть свою національность, выдаютъ себя за русскихъ, носятъ русскій костюмъ, распѣваютъ русскія пѣсни, говорятъ порусски между собою. «Русскій крестьянинъ для пермяка—идеалъ,—говоритъ одинъ наблюдатель: — онъ копируетъ его даже въ мелочахъ, въ походкѣ, въ одеждѣ, въ постройкахъ, во всемъ» (Добротворскій, «Вѣстникъ Европы», 1883 года, III).

За пермяками по обѣ стороны Урала живутъ остяки и вогулы, потомки древней югры. Въ предѣлахъ Пермской губерніи вогулы совершенно обрусѣли; не только по условіямъ быта, но даже по типу ихъ невозможно отличить отъ русскихъ. То же явленіе наблюдается среди осѣдлыхъ вогуловъ Зауралья. Венгерскіе изслѣдователи Б. Мункачи и К. Панай, проведшіе среди вогуловъ и остяковъ лѣто 1888 года и зиму 1888—1889 года, съ трудомъ могли найдти послѣднихъ вогуловъ, говорившихъ на томъ нарѣчіи, на которомъ Регули въ 40-хъ годахъ записывалъ свои тексты. Недавно вышедшая книга г. Ядринцева позволяетъ намъ отмѣтить явленія обрусѣнія среди тюркскихъ и монгольскихъ племенъ Сибири. Такъ называемые черневые татары, живущіе въ Кузнецкомъ округѣ среди русскихъ, постепенно сливаются съ русскими; татары кумышскіе въ нѣсколько лѣтъ совершенно переродились въ русскихъ («Сибирскіе инородцы», 94, 120). То же явленіе г. Адріановъ отмѣчаетъ среди енисейскихъ и томскихъ инородцевъ. Въ книгѣ г. Ядринцева, наконецъ, мы находимъ указанія на обрусѣлыхъ якутовъ и такъ называемыхъ ясачныхъ, или осѣдлыхъ, бурятъ.

Остановимся на этихъ фактахъ и подведемъ итоги. Все, что мы сказали до сихъ поръ, представляетъ естественный результатъ со-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жительства русскихъ съ инородцами. Ни о какой обрусительной системѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Ни князья Нижняго Новгорода и Рязани, ни великіе князья и цари московскіе, ни имперія XVIII и XIX вѣковъ, не стремились къ тому, чтобы сдѣлать инородцевъ русскими. Политика по отношенію къ инородцамъ въ существенныхъ чертахъ оставалась той же, какую практиковали первые русскіе князья: власть стремилась лишь къ тому, чтобы сдѣлать инородцевъ данниками, новой платежной силой. Съ XVI вѣка рядомъ съ этими практическими стремленіями зарождаются идеальныя: государство пытается сдѣлать своихъ данниковъ христіанами, но опять-таки не русскими. Эти стремленія раздѣляли съ нимъ и лучшіе люди общества. Еще ранѣе эпохи Грознаго, въ XIV вѣкѣ, когда св. Стефанъ Великопермскій задумалъ создать самостоятельную пермскую письменность, изобрѣлъ для пермянъ спеціальный алфавитъ и перевелъ на пермскій языкъ рядъ священныхъ книгъ, большинство русскихъ людей привѣтствовало въ немъ преемника свв. Кирилла и Меѳодія. Съ этихъ поръ и до нашихъ дней просвѣтительная задача остается неизмѣнной. Въ XVIII вѣкѣ начались переводы св. писанія и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки. Въ настоящее время христіанская проповѣдь на родномъ языкѣ является девизомъ просвѣтительной дѣятельности Казанской инородческой учительской семинаріи, и это направленіе встрѣчало неоднократныя выраженія сочувствія со стороны высочайшихъ посѣтителей школы. Первый практическій выводъ, къ которому приводитъ насъ исторія соприкосновенія русскихъ съ инородцами, заключается въ томъ, что обрусѣніе этихъ послѣднихъ представляетъ собою нормальный результатъ исторіи и, какъ ея постулятъ, является прямой задачей правительства, которое не желаетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ того, что происходитъ въ жизни. Въ этомъ основномъ фактѣ исторіи лежитъ raison d'être политики обрусѣнія. Противодѣйствовать обрусѣнію инородцевъ, усиливать ихъ средства для защиты своей племенной индивидуальности—значитъ бороться противъ жизни, противъ хода исторіи.

Въ послѣднее время въ сибирской печати раздавались голоса въ смыслѣ укрѣпленія въ инородцахъ путемъ школы народнаго самосознанія. «Дайте инородцу, — говоритъ одинъ публицистъ, — описаніе его племени, его исторіи... пусть онъ узнаетъ, что совершило его племя и что ему слѣдуетъ совершить». «Цѣлью образованія,—говоритъ другой,—должно быть внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его» (Ядринцевъ, «Сибирскіе инородцы», 241). Эти пожеланія очень симпатичны, но отъ нихъ вѣетъ кабинетомъ, они находятся въ противорѣчіи съ исторіей. Опытъ въ этомъ родѣ былъ произведенъ пять вѣковъ тому назадъ св. Стефаномъ Великопермскимъ; самостоятельная культура, которую онъ привилъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пермянамъ, исчезла у нихъ втеченіе столѣтія: памятниками алфавита осталось нѣсколько надписей на иконахъ, изъ переведенныхъ книгъ не уцѣлѣло ни одной; тепличное растеньице, посаженное св. Стефаномъ, оказалось неспособнымъ къ жизни на свободѣ. Такими же тепличными продуктами окажутся и самоѣды съ тунгузами, которымъ русскіе учители привьютъ любовь къ родной исторіи и своему племени. За стѣнками школьной теплицы ихъ неизбѣжно ждетъ то же обрусѣніе, но оно совершится уже не такъ безболѣзненно, какъ совершалось до сихъ поръ.

Опредѣливши основное направленіе политики по отношенію къ инородцамъ, исторія опредѣляетъ и тѣ средства, которыя всего вѣрнѣе ведутъ къ данной цѣли. Пересматривая факты, относящіеся къ обрусѣнію инородцевъ, мы замѣчаемъ, что степень его находится въ прямой зависимости отъ размѣровъ русской колонизаціи въ краѣ. Мордва, оцѣпленная русскими и раздробленная на небольшіе островки, обрусѣла гораздо сильнѣе, чѣмъ черемисы, больше соприкасающіеся съ другими инородцами—чувашами, татарами, вотяками, чѣмъ съ русскими; пермяки сильнѣе, чѣмъ вотяки. Руссифицируетъ инородцевъ, стало быть, главнымъ образомъ русскій крестьянинъ, но мѣстами—заводскій рабочій. То же явленіе замѣчено наблюдателями въ Сибири, и притомъ въ такой области жизни, въ которой русскій колонистъ самъ недостаточно силенъ: «тамъ, гдѣ миссіонеровъ не было, но шире распространялась русская колонизація, тамъ инородцевъ перешло въ православіе гораздо болѣе и совершенно добровольно» (Ядринцевъ, l. c., 223). Этому выводу не противорѣчитъ тотъ фактъ, что русскіе по мѣстамъ оказываются воспріимчивыми къ инородческой культурѣ, бросаютъ свою одежду, охотнѣе говорятъ на какомъ нибудь инородческомъ языкѣ, чѣмъ на русскомъ. Въ этихъ фактахъ сказывается общая всѣмъ русскимъ людямъ способность и потребность приспособляться къ окружающей средѣ. Наблюденія, которыя намъ приводилось дѣлать въ инородческихъ краяхъ, показали намъ, что въ своихъ сношеніяхъ съ инородцами русскій человѣкъ руководится убѣжденіемъ, что инородцу не сладить съ трудностями русскаго языка, и идетъ къ нему на помощь, въ однихъ случаяхъ коверкая примѣнительно къ инородческой манерѣ русскій языкъ, въ другихъ стараясь говорить на языкѣ инородца. Такъ понимаютъ это явленіе и сами инородцы, и намъ не разъ приводилось наблюдать, какъ инородецъ, знающій русскій языкъ, упорно отвѣчаетъ порусски, когда его спрашиваютъ на его родномъ языкѣ. Бить въ набатъ по поводу отдѣльныхъ случаевъ омордовенья, опермяченія, объякученія русскихъ, нѣтъ никакого основанія. Мы знаемъ въ Пермяцкомъ краѣ цѣлыя семьи, которыя ведутъ свое происхожденіе отъ опермячившихся русскихъ (Рочевы, Распоповы, Трапезниковы), но это не мѣшаетъ цѣлому племени идти быстрыми шагами

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ полному обрусѣнію. Дѣти этихъ утратившихъ свои народныя черты русскихъ не потеряны для русской народности; при соприкосновеніи съ свѣжими русскими переселенцами они, несомнѣнно, обрусѣютъ и гораздо скорѣе, чѣмъ ихъ сосѣди, кровные инородцы.

Первымъ и главнѣйшимъ орудіемъ обрусительной политики должна, стало быть, сдѣлаться умѣлая, основанная на точномъ знаніи мѣстныхъ условій колонизація. Въ настоящее время тысячи переселенцевъ ежегодно направляются въ Сибирь. Они бредутъ, руководствуясь слухами; осѣдаютъ тамъ, гдѣ для нихъ оказывается болѣе или менѣе подходящей земля и совокупность всѣхъ условій быта. Если эти тысячи направить туда, гдѣ инородческое населеніе представляетъ наиболѣе компактную и нетронутую русскимъ вліяніемъ массу, если при самомъ глубокомъ вниманіи къ экономическимъ интересамъ переселенцевъ расположить ихъ деревни такъ, чтобы онѣ, сохраняя связь между собою, разрывали территорію инородческаго племени на отдѣльные острова, если эти колонизаціонные кадры освѣжать отъ времени до времени притокомъ новыхъ переселенцевъ, дѣло обрусѣнія даннаго инородческаго племени можно считать обезпеченнымъ. По слѣдамъ колониста можно будетъ пустить тогда учителя. Это факторъ будущаго. Исторія даетъ въ отношеніи его чрезвычайно мало указаній. Недостатокъ своего опыта у насъ пытаются замѣнить подчасъ опытомъ другихъ. Намъ мерещатся прусскіе образцы—школы съ преподаваніемъ исключительно на государственномъ языкѣ, съ запрещеніемъ дѣтямъ говорить въ стѣнахъ училища и внѣ его на родномъ языкѣ. Нужно сидѣть всю свою жизнь въ кабинетѣ и смотрѣть на вещи исключительно западными—нѣмецкими, мадьярскими, галиційско-польскими глазами, чтобы не видѣть, какъ претитъ русскому чувству эта противорѣчащая нашей исторіи система. Нѣмецъ видитъ въ полякѣ, французѣ врага, котораго нужно согнать съ земли, раздавить; русскій, селившійся рядомъ съ инородцами на колоссальныхъ пустынныхъ пространствахъ, исторически не могъ воспитать въ себѣ этого чувства: онъ смотритъ на инородца подчасъ съ пренебреженіемъ, не прочь поэксплоатировать его, какъ и своего брата-простака, но онъ же живо подмѣчаетъ добрыя стороны инородца, сочувственно оцѣниваетъ ихъ и далекъ отъ истребительныхъ вожделѣній нѣмца, мадьяра и озлобленнаго историческими неудачами поляка. При такой органической противоположности условій не можетъ быть рѣчи объ успѣхѣ подражаній прусскимъ образцамъ. Чтобы учитель удовлетворялъ прусскому идеалу, въ его сердцѣ нужно поселить отсутствующую тамъ сознательную и горькую ненависть къ инородцу, а такую операцію продѣлать циркулярами нельзя. Опыты нашихъ дней показываютъ, что дѣло обрусѣнія посредствомъ школы можетъ быть поставлено иначе. Казанскій край, въ которомъ инородцы разныхъ наимено-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ваній считаются сотнями тысячъ, чтобы не сказать—милліонами, представляетъ собою самую благодарную почву для зарожденія обрусительныхъ стремленій à la prussien — и что же мы видимъ? Съ шестидесятыхъ годовъ, когда у насъ на Руси стали серьезнѣе подумывать о просвѣщеніи народа, здѣсь утвердились и въ обществѣ, и въ оффиціальномъ мірѣ воззрѣнія, рѣзко противоположныя тѣмъ, которыя формируются въ столицахъ. Епархіальное начальство (архіепископъ Антоній, епископъ Викторинъ), попечитель учебнаго округа (покойный П. Д. Шестаковъ), представители мѣстнаго общества—дворянство, торговое сословіе и духовенство—соединились подъ старымъ русскимъ знаменемъ святителя Гурія, на которомъ было написано: «христіанство для иновѣрцевъ», а не «обрусѣніе для инородцевъ». Возникшее въ эту пору братство св. Гурія, епархіальное начальство и учебный округъ сошлись въ общемъ убѣжденіи, что прежде всего слѣдуетъ сдѣлать иновѣрца христіаниномъ: потомъ онъ самъ уже добровольно сдѣлается русскимъ. Задачей инородческой школы было поставлено уясненіе инородцамъ на родномъ языкѣ догматовъ и нравственныхъ требованій христіанства. Этотъ поднимающійся надъ узкими требованіями прусской политики школьный идеалъ оказался на практикѣ наиболѣе дѣйствительнымъ въ смыслѣ обрусѣнія.

Школа разъясняетъ учащимся сущность «русской вѣры» (такъ всѣ инородцы называютъ христіанство), укрѣпляетъ ихъ твердость въ ней и такимъ образомъ кладетъ стѣну между національно-языческимъ прошлымъ и христіанско-русскимъ будущимъ. «Русковѣръ»-инородецъ стремится изъ религіозныхъ побужденій во всемъ уподобиться русскому: устроиваетъ порусски домъ, обстановку, житейскіе порядки. Распространеніе среди инородцевъ русскаго языка не встрѣчаетъ отъ такой постановки дѣла никакихъ препятствій. Живя среди русскихъ, видя практическое значеніе русскаго языка и русской грамоты, не встрѣчая въ изученіи того и другаго никакого принужденія, инородцы приносятъ съ собой изъ семьи въ школу то, за что дорого заплатили бы прусскіе германизаторы — готовность и желаніе учиться порусски. Піонеръ и въ настоящее время самый крупный дѣятель въ области просвѣщенія инородцевъ, Н. И. Ильминскій, такъ резюмируетъ результаты казанской школьной системы: «какъ скоро въ инородцахъ утвердились посредствомъ роднаго языка христіанскія понятія, въ нихъ пробуждается любовь къ русскому народу. Когда также посредствомъ роднаго языка въ нихъ пробуждена любознательность, тогда они охотно и съ успѣхомъ занимаются и русскимъ языкомъ и ищутъ русскаго образованія» [1]). Случалось и случается

[1]) «Казанская центральная крещено-татарская школа», Казань, 1887 года, стр. 221.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

даже такъ, что ученики на первыхъ порахъ, когда задача обученія еще не выяснилась, выражаютъ недоумѣніе по поводу обученія на родномъ ялыкѣ: «зачѣмъ намъ учиться на своемъ языкѣ, мы его и такъ знаемъ: надо учиться только русскому языку» [1]).

Поклонникамъ «прусской» системы можно рекомендовать весьма поучительную книгу, вышедшую въ Казани въ 1887 году: «Казанская центральная крещено-татарская школа. Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ». Изъ нея можно узнать, какимъ руссифицирующимъ факторомъ является школа, въ которой первоначальное обученіе предлагается на родномъ языкѣ, и какое впечатлѣніе производило примѣненіе стараго «русскаго» идеала къ практикѣ крещено-татарской школы на рядъ ея августѣйшихъ посѣтителей.

Наша замѣтка кончена. Позволяемъ себѣ подвести ея практическіе итоги. Обрусѣніе инородцевъ есть несомнѣнный и естественный результатъ исторіи. Нормальная политика по отношенію къ инородцамъ должна поэтому ввести его въ число своихъ задачъ. Средства, которыми правительство успѣшнѣе всего можетъ пользоваться для достиженія своей цѣли, указаны исторіей: это русская колонизація и школа съ смѣшаннымъ языкомъ преподаванія. Для того, чтобы эти средства полнѣе достигали цѣли, правительство можетъ регулировать направленіе русской колонизаціи и устранять случайности, которыя ведутъ инородцевъ къ озлобленію или сдержанности по отношенію къ русскимъ людямъ, — притѣсненія чиновниковъ и эксплоатацію торгашей.

И. Смирновъ.

[1]) Тамъ же, стр. 175.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВООРУЖЕННЫЙ МИРЪ И ТОРГОВЫЕ ДОГОВОРЫ.

ПРИ ОЖИВЛЕННОЙ умственной и общественной жизни Франціи вполнѣ понятно, что такое крупное событіе, какъ франко-русское сближеніе, вызвало тамъ уже цѣлую литературу. Не проходитъ недѣли, чтобы не появилась новая журнальная статья, брошюра, книга. Просматривая всѣ эти труды, нельзя не замѣтить, что они распадаются на три категоріи. Во-первыхъ, мы встрѣчаемъ труды историческаго содержанія, въ которыхъ изслѣдуются аналогичные факты сближенія между двумя странами въ прошломъ; затѣмъ, насчитывается немало трудовъ общаго публицистическаго характера, въ которыхъ разсматриваются разныя международныя комбинаціи и взвѣшиваются выгоды каждой изъ нихъ; наконецъ, въ-третьихъ, встрѣчаются еще труды, въ которыхъ польза франко-русскаго сближенія признается какъ бы аксіомою и обсуждается уже вопросъ: на какихъ условіяхъ это сближеніе можетъ оказаться наиболѣе выгоднымъ и плодотворнымъ для обѣихъ странъ?

Нашъ вѣкъ называютъ вѣкомъ попреимуществу практическимъ. Но если познакомиться съ отмѣченными трудами, то мы не замедлимъ убѣдиться, что въ нихъ практическія стороны вопроса обсуждаются менѣе всего и что ихъ авторы склонны предаваться обобщеніямъ и фантазіямъ, иногда очень остроумнымъ и занимательнымъ, но въ сущности весьма мало пригоднымъ для немедленнаго осуществленія въ жизни. Дѣло тутъ не только въ томъ, что французы, какъ извѣстно, увлекаются фразою и лю-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бятъ обобщенія, дающія просторъ фантазіи. Нѣтъ, этимъ вопросъ не исчерпывается. Надо, кромѣ того, принять во вниманіе, что Россія очень долго выставлялась во Франціи врагомъ прогресса, цивилизаціи и свободы. Теперь же, когда въ силу обстоятельствъ состоялось сближеніе между двумя странами, французское общественное мнѣніе ищетъ оправданія этому отступничеству отъ установившихся традицій. Далѣе надо помнить, что долгое время Россія и Франція занимали первое мѣсто въ совѣтѣ державъ, и что въ силу этого обстоятельства между ними возгорѣлось соперничество, которое неоднократно проявлялось съ большою силою втеченіе XIX столѣтія. Мало того, политическія учрежденія двухъ странъ представляли по большей части противоположность. Поэтому между ними проявлялся антагонизмъ, вызывавшійся соображеніями внутренней политики. Франція любила выставлять себя защитницею и покровительницею угнетенныхъ народовъ, любила разыгрывать роль государства, стоящаго во главѣ цивилизаціи, прогресса и свободы. Ея правительства часто мало дорожили внутреннею свободою, но для отвода глазъ дѣлали видъ, что принимаютъ къ сердцу свободу другихъ народовъ. Это дѣлалось въ угоду общественному мнѣнію, съ которымъ правительство старалось быть солидарнымъ, вознаграждая его въ этой безобидной для себя сферѣ за стѣсненія, которымъ оно подвергало его въ другихъ. Такъ, напримѣръ, могло случиться, что правительство Наполеона III дѣятельно вело въ 1863 году дипломатическую кампанію въ пользу возставшихъ поляковъ, а въ 1867 году его ярый антагонистъ, радикалъ Флокэ, крикнулъ знаменитую свою фразу: «Et la Pologne, monsieur!». Конечно, нынѣ г. Флокэ придерживается совершенно иныхъ взглядовъ и сочувствуетъ Россіи, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько онъ въ то время сочувствовалъ Польшѣ; но поворотъ, происшедшій въ настроеніи передовыхъ политическихъ дѣятелей Франціи, совершается въ умахъ болѣе заурядныхъ медленнѣе, и старыя традиціи, привычки и наклонности все еще иногда, хотя теперь уже очень рѣдко, проявляются какъ во французской журналистикѣ и политической литературѣ, такъ и во французскомъ обществѣ. Мы, дѣйствительно, видимъ, что появляются брошюры и книги, авторы которыхъ либо относятся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ франко-русскому сближенію, либо даже прямо совѣтуютъ своимъ соотечественникамъ отказаться отъ союза съ варварскою Россіею, представляющею постоянную угрозу для цивилизованной Европы, и искать компромисса съ средне-европейскими государствами.

Подобныхъ произведеній, однако, становится все меньше, такъ что съ ними не стоило бы и считаться, если бы они не находили себѣ отголоска въ нѣкоторой части нашей печати. И у насъ есть публицисты, которые «ничего не забыли и ничему не научились»,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

никакъ не могутъ отрѣшиться отъ смѣшенія задачъ внутренней и внѣшней политики и не понимаютъ, что подчинять ихъ другъ другу значитъ совершать ошибку, осужденную долголѣтнимъ и тяжелымъ опытомъ. Можно быть увѣреннымъ, что въ этой части нашей публицистики труды, коренящіеся въ отмѣченныхъ нами устарѣвшихъ традиціяхъ, встрѣчаютъ даже больше сочувствія, чѣмъ въ самой Франціи, и съ этимъ явленіемъ надо считаться, потому что труды противоположнаго характера рѣдко сводятъ вопросъ на чисто-практическую почву и слѣдовательно не противопоставляютъ разсужденіямъ, основаннымъ на смѣшеніи интересовъ внутренней и внѣшней политики, реальныхъ выгодъ, представляемыхъ франко-русскимъ сближеніемъ.

Такъ, если начать съ историческихъ трудовъ, то мы имѣемъ дѣло исключительно съ такими, въ которыхъ излагаются историческіе факты, свидѣтельствующіе о существовавшемъ и въ прежнее время стремленіи достигнуть сближенія между Франціей и Россіей. Мы уже выяснили въ одной изъ прежнихъ нашихъ статей [1]), что эта точка зрѣнія не можетъ считаться вѣрною. Обыкновенно ссылаются на попытки сближенія въ началѣ нынѣшняго столѣтія при Наполеонѣ I, а затѣмъ еще на попытку сближенія послѣ Крымской кампаніи, при Наполеонѣ III. Объ эти попытки были вызваны соперничествомъ между Франціею и Англіею и объ слѣдовательно коренились въ стремленіи ограничить путемъ франко-русскаго союза преобладаніе Англіи. Съ этой точки зрѣнія, конечно, можно найти нѣкоторую аналогію между теперешнимъ положеніемъ и положеніемъ въ началѣ или серединѣ текущаго столѣтія. Но теперь дѣло идетъ не столько о борбѣ съ Англіею, сколько о борьбѣ съ объединенною и могущественною Германіею. Слѣдовательно, если исходить изъ общаго принципа, что чрезмѣрное преобладаніе той или другой державы вызываетъ сближеніе между другими для оказанія ей отпора, то, пожалуй, аналогія между прошлымъ и настоящимъ существуетъ; но она существуетъ только на почвѣ этого крайне отвлеченнаго принципа. При обсужденіи же конкретныхъ международныхъ условій даннаго момента, аналогія совершенно исчезаетъ. Если мы вникнемъ въ роли, задачи и стремленія разныхъ государствъ, то мы сразу убѣдимся, что нѣтъ возможности строить наши сужденія о прочности франко-русскаго сближенія на историческихъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о склонности сближенія между обѣими странами въ прежнее время. Все кореннымъ образомъ перемѣнилось. Наполеонъ I искалъ сближенія съ Россіею, чтобъ дать отпоръ образовавшейся противъ него коалиціи. Но Россія тогда была заинтересована въ томъ,

[1]) «Историческій Вѣстникъ», ноябрь, 1891 года, статья: «Итальянскій походъ 1799 года и Кронштадтская встрѣча 1891 года», стр. 389.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чтобы примкнуть къ Англіи для сокрушенія могущества самого Наполеона. Полвѣка спустя, его племянникъ, Наполеонъ III, вступилъ въ союзъ съ Англіею, чтобъ подорвать преобладаніе Россіи, какъ онъ нѣсколько лѣтъ потомъ, когда Россіи нанесено было страшное пораженіе, искалъ опять сближенія съ Россіею, будучи недоволенъ своею союзницею.

Нынѣ не Франція, Россія или Англія преобладаютъ въ Европѣ,— преобладаетъ Германія, стоящая во главѣ тройственнаго союза, направленнаго въ равной мѣрѣ какъ противъ Франціи, такъ и противъ Россіи. Поэтому союзъ между двумя послѣдними державами вынуждается обстоятельствами, коренится въ общемъ положеніи Европы и долженъ былъ состояться, хотя бы къ этому и были нерасположены руководящія сферы. Болѣе дальновидные умы, слѣдовательно, могли его предусмотрѣть и предсказать съ математическою точностью, нисколько не опасаясь ошибиться. При Наполеонѣ III франко-русское сближеніе было явленіемъ болѣе или менѣе произвольнымъ; теперь же оно составляетъ фактъ исторически неизбѣжный, и, чтобъ оцѣнить истинное его значеніе, мы не можемъ довольствоваться аналогіями: мы должны взвѣсить и анализировать всю совокупность условій и интересовъ, которые, не смотря на всѣ препятствія, привели къ нему. Никогда еще, быть можетъ, вліяніе общихъ условій, подчиняющихъ себѣ волю отдѣльныхъ лицъ, не проявлялось въ исторіи такъ рельефно, какъ въ данномъ случаѣ, и поэтому усилія нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ дискредитировать франко-русское сближеніе и производятъ такое комическое впечатлѣніе.

Для болѣе полнаго выясненія нашей мысли мы остановимся на нѣкоторыхъ трудахъ, появившихся за послѣднее время во Франціи, выбравъ изъ нихъ тѣ, которые представляются намъ наиболѣе типичными. Изъ историческихъ трудовъ этого рода мы укажемъ на отрывокъ изъ мемуаровъ герцога Морни, выдержавшій въ короткое время два изданія подъ заглавіемъ: «Une ambassade en Russie». Изъ трудовъ втораго рода, то-есть посвященныхъ обсужденію общихъ международныхъ комбинацій, намъ представляется особенно характерною книга г. Вигурэ: «L'avenir de l'Europe». Наконецъ, изъ трудовъ третьей категоріи мы укажемъ на статьи нѣкоторыхъ французскихъ экономистовъ, напримѣръ, г. Поля Леруа-Болье въ «Journal des Débats» и «Journal des économistes» и г. Жаннэ въ «Correspondant».

Личность герцога Морни всѣмъ хорошо извѣстна. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ помощниковъ Наполеона III и вмѣстѣ съ Руэромъ болѣе всего содѣйствовалъ упроченію второй имперіи. Это былъ трезвый и дальновидный умъ. Его мемуары, слѣдовательно, представляютъ нѣкоторый интересъ, и та ихъ часть, которая теперь опубликована, имѣетъ, быть можетъ, не меньшее значеніе для насъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

русскихъ, чѣмъ для французовъ. Собственно это не столько мемуары, сколько корреспонденція между герцогомъ Морни, княземъ Горчаковымъ, графомъ Валевскимъ, императоромъ Наполеономъ III и другими лицами. Корреспонденція бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на всѣхъ этихъ дѣятелей, хотя въ общемъ въ ней мало новаго. Что же касается до основного насъ занимающаго вопроса, то она насъ только убѣждаетъ, что о какомъ нибудь серьезномъ союзѣ между Франціею и Россіею въ то время не могло быть и рѣчи. Не такъ смотрятъ на дѣло издатели корреспонденціи, которые, выпуская ее въ свѣтъ, думали убѣдить читающую публику въ проницательности и дальновидности герцога Морни, защищавшаго уже въ пятидесятыхъ годахъ мысль о франко-русскомъ сближеніи, осуществившуюся только теперь. Дѣйствительно, въ письмахъ герцога Морни, писанныхъ императору Наполеону III, или тогдашнему французскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Валевскому, изъ Петербурга или Москвы, гдѣ находился герцогъ Морни, въ качествѣ чрезвычайнаго посла императора Наполеона III, командированнаго въ Россію по случаю коронаціи, постоянно повторяется мысль о сближеніи между Россіей и Франціею въ качествѣ комбинаціи, наиболѣе обезпечивающей интересы обѣихъ странъ. Но этой мысли нельзя придавать того широкаго значенія, какое ей склонны придавать издатели корреспонденціи герцога Морни. Дѣло въ томъ, что тотчасъ послѣ окончанія Крымской кампаніи между союзниками, то-есть между Франціей и Англіею, какъ извѣстно, если не возникли прямыя пререканія, то послѣдовало значительное охлажденіе. Въ Лондонѣ начали опасаться, что императоръ Наполеонъ III воспользуется своимъ могуществомъ для территоріальныхъ расширеній, которыя не мирились бы съ интересами Англіи И вотъ французскіе государственные люди, и въ ихъ числѣ герцогъ Морни, искали сближенія съ Россіею, чтобы заставить Англію дорожить союзомъ съ Франціей. Если бы насъ въ этомъ не убѣждали всѣмъ извѣстные историческіе факты, то достаточно было бы прочесть слѣдующій отрывокъ изъ письма герцога Морни къ императору Наполеону III отъ 9-го декабря 1856 года: «Я не много потерялъ руководящую нить... Я думалъ, что было бы нелѣпо нарушить союзъ съ Англіею изъ-за такихъ пустяковъ и что было бы очень легко предупредить всѣ эти недоразумѣнія; но, съ другой стороны, я полагалъ, что вамъ нельзя переносить наглый образъ дѣйствій англичанъ, если вы не хотите потерять чрезвычайно выгодное положеніе, занятое вами въ Европѣ и во Франціи. Вотъ почему я такъ старался вывести васъ изъ теперешнихъ затрудненій (то-есть, пояснимъ мы, установить сближеніе съ Россіей); но въ интересахъ будущаго, конечно, лучше, что Англія уступила. Вы теперь опять можете съ почетомъ придерживаться союза съ Англіею. Мое рѣшеніе вопроса повредило бы ему и связало бы вамъ руки,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

заставя васъ исключительно придерживаться союза съ Россіею». Кажется, эти слова не допускаютъ сомнѣнія относительно истинныхъ намѣреній какъ герцога Морни, такъ и императора Наполеона III. Что же касается до Россіи, то и она искала въ то время сближенія съ Франціею единственно потому, что хотѣла выйти изъ крайне затруднительнаго положенія, въ которое она тогда была поставлена. Не забудемъ, что Англія осталась недовольною Парижскимъ трактатомъ, снова послала флотъ въ Черное море и грозила истощенной Россіи новою войною. Австрія также вела себя очень двусмысленно. Въ такомъ положеніи Россіи ничего не оставалось, какъ добиваться соглашенія съ Франціею. Крайне характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ, происходившій въ коронаціонные дни въ Москвѣ между герцогомъ Морни и покойнымъ государемъ. Вотъ подлинныя слова послѣдняго, записанныя французскимъ посломъ: «Вѣрьте мнѣ, что мой отецъ питалъ чувства величайшаго удивленія и глубокой симпатіи къ императору Наполеону III и что никто болѣе его не рукоплескалъ государственному перевороту со всѣми его послѣдствіями. Позвольте мнѣ разсказать вамъ по этому поводу фактъ, который вамъ, можетъ быть, неизвѣстенъ, но прекрасно характеризуетъ дѣйствующихъ лицъ. Наканунѣ провозглашенія имперіи во Франціи, когда никто уже въ Европѣ въ ея установленіи не сомнѣвался, австрійскій кабинетъ, предусматривая это событіе, писалъ намъ, что онъ надѣется, что Россія не признаетъ императора французовъ въ формѣ, принятой для коронованныхъ особъ. Мнѣ не приличествуетъ обвинять моего отца; онъ, можетъ быть, слишкомъ себя считалъ носителемъ традиціонныхъ формъ, но онъ, конечно, менѣе отстаивалъ бы ихъ въ данномъ случаѣ, если не былъ бы къ тому приглашенъ. Когда я вспоминаю о поведеніи Австріи здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, въ Кремлѣ, гдѣ я присутствовалъ при сценѣ, какъ мой отецъ принялъ просьбу австрійскаго императора Франца-Іосифа о помощи и, не теряя ни минуты, сдѣлалъ распоряженія, которыя сохранили за нимъ корону!... О, эта Австрія! Какъ коварна ея политика! Теперь она старается оправдаться; она вамъ приписываетъ дурныя намѣренія; она утверждаетъ, что Франція потребовала уступки Бессарабіи и настаиваетъ на рѣшеніи спорныхъ пунктовъ мирнаго трактата во вредъ Россіи». Въ дальнѣйшей бесѣдѣ покойный государь еще замѣтилъ: «Какъ я сожалѣю, что они (императоры Николай I и Наполеонъ III) не имѣли свиданія. Я васъ увѣряю, что мой отецъ часто этого желалъ. Когда ему сообщили, что Наполеонъ собирается въ Крымъ, онъ хотѣлъ немедленно туда отправиться, чтобы съ нимъ встрѣтиться, и они навѣрное заключили бы миръ».

Дальнѣйшія событія вполнѣ убѣждаютъ, что сближеніе съ Франціею было и съ русской стороны лишь временною комбинаціею, имѣвшею цѣлью преодолѣть представившіяся международ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныя затрудненія. Усиленіе могущества Франціи, выразившееся въ побѣдахъ, одержанныхъ ею надъ Австріей, вызвало опасенія въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ снова сблизило Россію съ Пруссіею и Австріею. 10-го октября 1860 года состоялось въ Варшавѣ между русскимъ и австрійскимъ императорами и прусскимъ королемъ свиданіе, сильно не понравившееся въ Парижѣ. Вотъ что сказалъ, какъ мы узнаемъ изъ письма герцога Морни къ князю Горчакову, императоръ Наполеонъ III, когда онъ узналъ о предстоявшемъ свиданіи: «Я очень имъ опечаленъ... Я знаю, что чувства императора (русскаго) ко мнѣ не измѣнились, но наша дружба была большою взаимною силой и даже мнимое охлажденіе ослабитъ насъ». Комментируя эти слова императора Наполеона, герцогъ Морни говоритъ, что «пока Россія и Франція состоятъ въ союзѣ, Польша не можетъ вызвать безпорядковъ», и что «въ этомъ случаѣ Франція не признала бы соотвѣтствующимъ ея интересамъ возбуждать въ Польшѣ мятежный духъ». Извѣстно, что по прошествіи двухъ лѣтъ Франція признала соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ поддерживать возстаніе въ Польшѣ и, слѣдовательно, отречься отъ дружбы съ Россіей.

Стремленіе Россіи сойтись съ Франціею проявилось, какъ постоянный международный факторъ, лишь послѣ побѣдъ, одержанныхъ Пруссіею надъ Австріей, укрѣпилось послѣ франко-прусской войны и стало преобладающимъ моментомъ послѣ заключенія австро-германскаго союзнаго договора 1879 года. Но эта эволюція уже всецѣло относится къ нынѣшнему фазису франко-русскихъ отношеній и коренится въ могуществѣ, пріобрѣтенномъ Пруссіею послѣ ея грандіозныхъ военныхъ побѣдъ. Съ широкой исторической точки зрѣнія мы, слѣдовательно, видимъ, что попытки франко-русскаго сближенія вызываются неизмѣнно дѣйствующею причиною, то-есть, что онѣ повторяются всякій разъ, когда преобладаніе ускользаетъ изъ рукъ Россіи или Франціи и переходитъ въ руки другой европейской державы; но вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевидно, что въ этомъ повторяющемся явленіи нельзя усматривать признака постоянной солидарности ихъ интересовъ. Напротивъ, когда преобладаніе въ Европѣ переходитъ въ руки Франціи или Россіи, то онѣ очень скоро оказываются въ противоположныхъ лагеряхъ. Такъ было въ прошломъ, это повторится и въ будущемъ; а историческія монографіи, въ родѣ мемуаровъ герцога Морни, только подтверждаютъ эту историческую истину, какъ подтверждаютъ ее появляющіяся и у насъ историческія монографіи, посвященныя прежнимъ попыткамъ франко-русскаго сближенія.

Но перейдемъ отъ этихъ монографій къ трудамъ, въ которыхъ изучаются разныя международныя комбинаціи въ связи съ вопросомъ о франко-русскомъ союзѣ. Надо замѣтить, что сколько нибудь вѣскихъ трудовъ этого содержанія не появляется. Во всѣхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

преобладаетъ поэзія надъ трезвою прозою. Если остановиться на упомянутомъ трудѣ г. Вигурэ, то окажется, что онъ сочувствуетъ франко-русскому соглашенію, но только какъ временной комбинаціи. Онъ—приверженецъ не политики интересовъ, а политики чувствъ. Чувство же ему подсказываетъ, что Франція должна стремиться къ объединенію европейскихъ народовъ латинскаго происхожденія, и что въ этомъ объединеніи заключается возможность устойчивато умиротворенія Европы. Какъ же представляетъ себѣ г. Вигурэ международную эволюцію, которая приведетъ къ упомянутому его идеалу? Война кажется ему неизбѣжною. Франція въ союзѣ съ Россіею разгромятъ тевтоновъ. Тогда во всей Европѣ, за исключеніемъ Франціи и Россіи, произойдетъ безкровная революція: всѣ монархіи будутъ свергнуты; вездѣ установятся республики, и эти республики объединятся въ одинъ общій союзъ государствъ со включеніемъ въ него, понятно, и Балканскаго полуострова... Подъ протекторатъ этого союза будетъ поставлена и вся Африка. Россія получитъ азіатскія владѣнія Турціи, Персію, Индію и образуетъ великую Русскую имперію. Вся сѣверная Америка объединится; объединится и южная Америка, и такимъ образомъ получатся пять великихъ державъ: Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Южно-Американскіе Соединенные Штаты, Европейскіе Соединенные Штаты,—конечно, подъ главенствомъ Франціи,—Русская имперія и Китай.

Г. Вигурэ мотивируетъ свой грандіозный планъ въ довольно объемистой книгѣ, ссылаясь постоянно на историческіе факты и статистическія данныя. Но отъ этого его разсужденія не становятся убѣдительнѣе. Чтобы понять, какъ произвольны всѣ его построенія, достаточно отмѣтить, что онъ подъ «политикою интересовъ» разумѣетъ политику, «основанную на эгоизмѣ короля, династіи, словомъ какого нибудь господства безъ всякаго отношенія къ праву, справедливости и человѣчности», и что, тѣмъ не менѣе, самъ авторъ послѣ такого опредѣленія выступаетъ горячимъ защитникомъ политики интересовъ по отношенію къ франко-русскому союзу. На такой произвольной канвѣ можно рисовать очень причудливые узоры, какими и являются Соединенные Штаты Европы подъ главенствомъ Франціи. Къ сожалѣнію, большинство трудовъ этой категоріи, которые намъ приходилось просматривать, напоминаютъ по произвольности выводовъ и шаткости посылокъ только что разобранную нами книгу. Само собою разумѣется, что подобные труды нисколько не могутъ двинуть осуществленіе практическихъ задачъ, связанныхъ съ франко-русскимъ сближеніемъ.

Тѣмъ пріятнѣе остановиться на трудахъ, посвященныхъ разрѣшенію практичесскихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ франко-русскимъ союзомъ и обезпечивающихъ достиженіе его основной цѣли. Состоитъ она, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы противопо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ставить могуществу средне-европейскихъ государствъ равную силу и тѣмъ предупредить всякія попытки нарушенія ими существенныхъ интересовъ Россіи и Франціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мира. Если бы средне-европейскія государства имѣли дѣло съ изолированною Россіею или Франціею, то они гораздо скорѣе рѣшились бы на нарушеніе ихъ интересовъ или на войну съ ними, чтобы подорвать ихъ военное могущество и этимъ путемъ на долгое время обезпечить тѣ изъ своихъ интересовъ, которые не мирятся съ интересами ихъ противницъ. Такимъ образомъ франко-русскій союзъ является гарантіею европейскаго мира, но мира вооруженнаго, единственно возможнаго въ настоящее время, когда ни одна изъ державъ не соглашается приступить къ разоруженію. Вооруженный миръ требуетъ большаго напряженія финансовыхъ, а слѣдовательно и экономическихъ силъ народовъ. Поэтому побѣда (если дѣло не дойдетъ до войны, какъ надо надѣяться въ виду безчеловѣчности обще-европейскаго столкновенія при грандіозныхъ размѣрахъ, которые оно нынѣ приметъ) останется за тѣми народами, которые окажутся въ силахъ съ успѣхомъ перенести финансовое и экономическое бремя, налагаемое на нихъ вооруженнымъ миромъ. Можно сочувствовать франко-русскому союзу, но если окажется, что международная комбинація, основанная на немъ, истощаетъ и разоряетъ Францію и Россію, то волею-неволею придется отказаться отъ этой комбинаціи и искать спасенія въ соглашеніи съ средне-европейскими державами, хотя бы цѣною значительныхъ жертвъ. Аналогичнымъ вопросомъ задались уже раньше насъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Римѣ. Тамъ вопросъ былъ не только возбужденъ, но и въ короткое время рѣшенъ, не смотря на всѣ представившіяся затрудненія, въ смыслѣ, чрезвычайно благопріятномъ для увеличенія податныхъ и экономическихъ силъ средне-европейскихъ народовъ. Достигнуто это путемъ торговыхъ договоровъ, которые заключила Германія съ Австріею, Италіею, Швейцаріею и Бельгіею.

Намъ не слѣдуетъ заблуждаться относительно истиннаго значенія этихъ договоровъ. Въ таможенной политикѣ германскаго правительства произошелъ поворотъ, несомнѣнно, содѣйствующій въ сильной мѣрѣ достиженію международныхъ цѣлей Германіи. Чѣмъ дешевле ея населеніе будетъ покупать жизненные припасы, тѣмъ быстрѣе возростетъ его благосостояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и податная способность. Германія, какъ страна попреимуществу мануфактурная, нуждается главнымъ образомъ въ удешевленіи жизненныхъ припасовъ, привозимыхъ изъ-за границы. Въ этомъ отношеніи сдѣланъ теперь германскимъ правительствомъ очень рѣшительный шагъ, и человѣкъ, приступившій къ этому шагу, удостоился высокаго знака отличія со стороны того правительства, которое еще недавно видѣло все спасеніе въ экономической си-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стемѣ противоположнаго характера. Нашлись нѣмцы, которые отнеслись съ ироніею къ возведенію генерала Каприви въ графское достоинство и съ горечью вспоминали, что этотъ высокій знакъ отличія былъ дарованъ другимъ дѣятелямъ за славныя военныя побѣды, занесенныя золотыми буквами на страницы исторіи. Эти побѣды, однако, лишили Германію десятковъ тысячъ лучшихъ ея сыновъ и оставили ей наслѣдіе весьма сомнительнаго свойства (Эльзасъ и Лотарингію). Побѣда же, одержанная нынѣшнимъ германскимъ канцлеромъ, не только не лишитъ жизни ни одного нѣмца, но увеличитъ матеріальное благосостояніе милліоновъ обездоленныхъ современнаго общества, поддержитъ ихъ здоровье, даже существованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставитъ потомству не призрачное, а драгоцѣнное наслѣдіе. Наслѣдіе же это заключается въ первомъ рѣшительномъ шагѣ правительства къ достиженію плодотворной и великой цѣли: обезпеченію матеріальнаго благосостоянія народныхъ массъ путемъ значительныхъ финансовыхъ жертвъ. Да, новый германскій императоръ, не смотря на приписываемое ему измѣнчивое настроеніе, проявляетъ большую послѣдовательность и идетъ неуклонно по тому пути, который былъ возвѣщенъ имъ при вступленіи на престолъ, особенно-же во время грозныхъ вестфальскихъ стачекъ и который теперь привелъ къ такой рѣшительной мѣрѣ, какою намъ представляется заключеніе торговыхъ договоровъ.

Я только-что упомянулъ о жертвахъ, которыя Германія несетъ для достиженія своей цѣли, то-есть для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія неимущихъ народныхъ массъ. Еще лѣтомъ прошлаго года, когда только что было получено извѣстіе о предполагавшемся заключеніи австро-германскаго торговаго договора, я сдѣлалъ въ печати слѣдующій разсчетъ: «Всего Германія потребляетъ приблизительно семь съ половиной милліоновъ тоннъ хлѣба (шесть милліоновъ внутренняго производства и полтора милліона привознаго). Такъ какъ пошлина составляетъ 50 марокъ съ тонны и соотвѣтственно повышается въ цѣнѣ и хлѣбъ внутренняго производства, то германскій потребитель переплачивалъ землевладѣльцамъ 300.000,000 марокъ, а казна имѣла съ привознаго хлѣба доходъ въ 77.000,000 марокъ. Теперь же, благодаря пониженію пошлины на 30 процентовъ, потребители будутъ переплачивать землевладѣльцамъ только 210.000,000 марокъ, а казна лишится дохода въ 23.000,000 марокъ». Оказывается, однако, что жертвы германскаго правительства еще значительнѣе. Вслѣдствіе заключенія австро-германскаго договора казна потеряетъ, по исчисленію прусскаго правительства, не 23, а 30 милліоновъ марокъ на однѣхъ хлѣбныхъ пошлинахъ. На такую значительную жертву Германія рѣшается въ моментъ, когда бюджетъ ея съ трудомъ заключается безъ дефицита, а по нѣкоторымъ разсчетамъ предвидится даже

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

значительный дифицитъ въ благоустроенномъ германскомъ финансовомъ хозяйствѣ. Мало того. Германскіе землевладѣльцы, то-есть консервативная и такъ называемая аграрная партіи, лишаются дохода приблизительно въ 100 милліоновъ марокъ. Другими словами, германское правительство возбуждаетъ неудовольствіе весьма вліятельныхъ партій и слѣдовательно идетъ навстрѣчу новымъ внутреннимъ затрудненіямъ. Но оно передъ всѣмъ этимъ не останавливается и въ своей заботливости о благополучіи наименѣе обезпеченныхъ классовъ населенія рѣшается вступить въ борьбу съ правящими классами и урѣзать доходы, столь ему необходимые при нынѣшней системѣ вооруженнаго мира. Не рискуя сразу покончить съ бисмарковскимъ режимомъ, оно, однако, дѣлаетъ очень рѣшительный шагъ на этомъ пути и, понижая хлѣбныя пошлины, старается создать условія, обезпечивающія дешевое пропитаніе населенія съ возможнымъ ограниченіемъ интересовъ отечественной промышленности. Таковъ основной смыслъ заключенныхъ Германіею торговыхъ договоровъ. Прежняя таможенная борьба видоизмѣняется. Отнынѣ Германія не будетъ уже изолирована въ своей международной экономической борьбѣ: Австрія, Италія, Швейцарія, Бельгія присоединяются къ ней, и такимъ образомъ образуется обширная территорія съ объединенными международными экономическими интересами.

По этому поводу одинъ изъ французскихъ экономистовъ, г. Поль Леруа-Болье, высказываетъ сильныя опасенія на счетъ будущности своего отечества и съ горькою ироніею восклицаетъ: «Народу, занимающему незначительное пространство въ 536 тысячъ квадратныхъ километровъ и состоящему изъ 38 милліоновъ душъ обоего пола, вздумалось измѣнить ходъ цивилизаціи! Ему пришла фантазія стремиться къ обособленію... Рынокъ, обнимающій 38 милліоновъ потребителей, представляется ничтожнымъ въ сравненіи съ рынками остальной цивилизованной Европы. Даетъ ли онъ возможность достаточному раздѣленію труда, раскрываетъ ли онъ широкіе горизонты, даетъ ли просторъ, необходимый для успѣшнаго развитія промышленности и земледѣлія?!». Г. Поль Леруа-Болье приходитъ къ выводу, что Франція должна выйдти изъ своего изолированнаго положенія, что ей необходимо заключить торговые договоры по германскому образцу. Я съ большимъ сочувствіемъ отношусь къ этой мысли французскаго экономиста и позволяю себѣ по этому поводу напомнить то, что я писалъ лѣтъ пять тому назадъ, когда еще не было приступлено къ нашимъ конверсіоннымъ займамъ, а о германскихъ торговыхъ договорахъ не было и помину. Въ международной нашей торговой политикѣ,—писалъ я 15-го ноября 1887 года,—долженъ произойти поворотъ. Достигнуть этого можно путемъ пересмотра торговыхъ договоровъ, заключенныхъ нами съ нѣкоторыми дружественными

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

державами. На первомъ планѣ тутъ стоитъ Франція, на второмъ— Бельгія, Голландія, Данія. Мы могли бы значительно понизить таможенныя пошлины на товары этихъ государствъ, если они будутъ пропускать безпошлинно въ свои предѣлы наше сырье и нашъ хлѣбъ. Это была бы вполнѣ соразмѣрная взаимная уступка. При сильной конкурренціи между европейскими мануфактурными странами и при теперешнемъ застоѣ въ ихъ промышленности, нельзя сомнѣваться, что эти государства съ готовностью примутъ наше предложеніе. Экономическій кризисъ, господствующій теперь въ этихъ странахъ, прекратится вмѣстѣ съ оживленіемъ ихъ промышленности. Чрезмѣрнаго наплыва нашего хлѣба и нашего сырья имъ нечего опасаться, потому что при данныхъ условіяхъ наши земледѣльческіе продукты только вытѣснятъ на выгодныхъ условіяхъ земледѣльческіе продукты другихъ странъ (напримѣръ, американскую и индійскую пшеницу). Для Россіи же послѣдствія этой мѣры окажутся въ высшей степени плодотворными. Сокращеніе таможенныхъ доходовъ, если и произойдетъ, то не въ большихъ размѣрахъ и не надолго, потому что количество привозныхъ товаровъ увеличится. Наша мануфактурная промышленность также не можетъ чувствительно пострадать. Государства, съ которыми мы вступимъ въ соглашеніе, лишь постепенно могутъ приготовиться къ удовлетворенію усиленнаго спроса со стороны Россіи. Къ тому же, они, по свойству своей промышленности, не въ состояніи доставлять намъ многіе товары, обложенные у насъ таможеннами пошлинами. Земледѣліе же, составляющее основу нашего богатства, выиграетъ отъ нея сторицею... Вмѣстѣ съ тѣмъ, наши бумажныя цѣнности найдутъ себѣ новые обезпеченные рынки. Этимъ экономическимъ выгодамъ предложенной мѣры соотвѣтствуютъ не менѣе важныя политическія послѣдствія. Какъ только мы приступимъ къ указанному пересмотру нашихъ торговыхъ договоровъ, въ Берлинѣ убѣдятся, что Россія въ финансовомъ отношеніи вовсе не такъ безсильна, какъ ее стараются тамъ изобразить. Въ случаѣ осуществленія этой комбинаціи, скоро выяснится, что отъ таможенной войны, объявленной намъ Германіею, пострадаетъ главнымъ образомъ она сама, ибо нѣмецкій мануфактурный товаръ, утративъ наши рынки, не такъ легко найдетъ себѣ въ Европѣ сбытъ.

Теперь эта программа пролагаетъ себѣ, наконецъ, дорогу въ жизнь. Она отчасти, на сколько касается нашихъ бумажныхъ цѣнностей, принята во вниманіе нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ. Ее одобряютъ теперь и французскіе экономисты. Въ этомъ смыслѣ высказывается и г. Жаннэ въ парижскомъ «Correspondant» и большинство солидныхъ парижскихъ газетъ: «Temps», «Journal des Débats» и др. Но для этого потребовалось, чтобы Германія дала Франціи урокъ, чтобы она и въ экономической сферѣ ее наглядным

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

примѣромъ убѣдила въ необходимости отрѣшиться отъ изолированнаго положенія. Въ 1888 году началась эра нашихъ конверсіонныхъ займовъ. Но она, какъ извѣстно, окончилась неудачнымъ трехпроцентнымъ займомъ, хотя и не конверсіоннымъ, но заключеннымъ на той же почвѣ экономическаго сближенія съ Франціей. Дѣло въ томъ, что Россія систематически игнорировала взаимодѣйствіе между денежными и торговыми оборотами. Германія отказывалась пріобрѣтать наши бумаги; мы думали перевести ихъ во Францію, но не позаботились о томъ, чтобы оживить наши торговыя сношенія съ этою страною, а помимо этого условія о прочномъ помѣщеніи нашихъ займовъ во Франціи и думать нечего. Въ 1888 году мы у нея покупали на 15 милліоновъ рублей товаровъ и продавали ей на 59 милліоновъ, а въ 1890 году мы у нея покупали на 17 милліоновъ, а продали ей только на 48 милліоновъ, то-есть на 11 милліоновъ меньше. Вообще наши торговыя сношенія съ Франціею отличаются большою неподвижностью. Между тѣмъ, оживить ихъ было бы вовсе не трудно и даже, какъ я указывалъ, почти безъ всякихъ жертвъ. Покупаетъ же Франція въ Соединенныхъ Штатахъ на 306 милліоновъ хлѣба, а мы въ свою очередь, всетаки, покупаемъ очень много иностранныхъ фабрикатовъ, не смотря на страшно высокія таможенныя пошлины. Намъ стоило бы только сдѣлать взаимныя уступки въ таможенныхъ ставкахъ, и тогда получился бы тотъ результатъ, что мы покупали бы у Франціи много товаровъ, которые мы теперь покупаемъ у нашихъ сосѣдей, а Франція стала бы у насъ покупать товары, которые она теперь выписываетъ изъ-за океана.

Это было бы во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно желательно. Послѣ нынѣшняго неурожая наступитъ рядъ урожайныхъ лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ надо будетъ возстановить нашу отпускную торговлю. Безразсудно утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя лица, напуганныя нынѣшнимъ голодомъ, что слѣдуетъ-де вообще стѣснить нашъ отпускъ. Страшный вредъ стѣсненія хлѣбнаго отпуска выяснился всюду, гдѣ только эта мѣра принималась. Во Франціи при Сюлли, отмѣнившемъ запрещеніе вывоза хлѣба, земледѣліе достигло необычайнаго процвѣтанія; напротивъ, при Кольберѣ, возстановившемъ запрещеніе послѣ голода 1662 года, ежегодная производительность страны упала съ 70 до 40 милліоновъ setiers [1]), и втеченіе 113 лѣтъ, когда дѣйствовало это запрещеніе, Франція имѣла 65 голодныхъ годовъ, между тѣмъ какъ раньше, во время свободы торговли, одинъ голодный годъ приходился на пять урожайныхъ. Возьмемъ далѣе примѣръ бывшаго Неаполитанскаго королевства. Сицилія—страна плодороднѣйшая. Она производила пшеницу въ такомъ изобиліи, что урожай одного хорошаго года могъ

[1]) 1 setier = 12 четверикамъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

обезпечить населеніе на семь лѣтъ. Но правительство, напуганное голодомъ, воспретило отпускъ хлѣба на многіе годы. Что же получилось въ результатѣ? Не прошло и пяти лѣтъ послѣ этого запрещенія, какъ во время неурожая снова разразился голодъ, потому что въ странѣ никакихъ запасовъ не оказалось. Населеніе, не находя въ урожайные годы сбыта пшеницѣ, перестало воздѣлывать ее въ прежнихъ размѣрахъ, обратилось къ другимъ культурамъ, и неурожай застигъ его въ такомъ же безпомощномъ положеніи, въ какомъ оно было до запрещенія отпуска. Этотъ примѣръ на ряду съ многими другими однородными убѣдилъ весь цивилизованный міръ, что воспрещеніе отпуска на продолжительные періоды является мѣрою крайне опасною для экономическихъ успѣховъ страны, такъ какъ нигдѣ и никогда земля не воздѣлывалась свыше тѣхъ требованій, которыя ей предъявляются при среднемъ урожаѣ; а примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, поставленныхъ съ нами въ одинаковыя условія, показываетъ, что населеніе можетъ быть обезпечено противъ голода безъ всякихъ мѣръ, стѣсняющихъ отпускъ, а, напротивъ, при всевозможныхъ усиліяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы дать отпуску самое широкое развитіе.

Территоріальное разграниченіе разныхъ государствъ вызвано многообразными причинами, но между этими причинами экономическія соображенія не играли никакой роли. Выдвинутый за послѣднее время національный принципъ, какъ основа разграниченія государствъ, далеко еще не восторжествовалъ окончательно. Но даже, если-бъ этотъ принципъ одержалъ окончательную побѣду, то было бы болѣе чѣмъ сомнительно, чтобъ территоріальное разграниченіе соотвѣтствовало вѣрно понятымъ экономическимъ интересамъ. Напротивъ, съ хозяйственной точки зрѣнія, несомнѣнно, было бы наиболѣе выгодно, если-бъ всѣ государства образовали одну въ экономическомъ отношеніи объединенную территорію. Это вѣрнѣе всего обезпечило бы правильное раздѣленіе труда, успѣхи промышленности, дешевизну ея продуктовъ. Но на экономическую почву перенесена соціальная и политическая борьба, а вмѣстѣ съ тѣмъ создано положеніе, которое теперь не допускаетъ безъ нарушенія существенныхъ интересовъ внезапнаго возврата къ нормальному порядку вещей. Но, тѣмъ не менѣе, вездѣ ведется усиленная борьба въ пользу установленія широкихъ, въ экономическомъ отношеніи объединенныхъ, территорій. Мы теперь присутствуемъ при зрѣлищѣ, какъ въ столицѣ могущественной Германіи, гдѣ такъ долго придерживались крайнихъ экономическихъ теорій, гдѣ государственные, и общественные дѣятели и даже—увы!—люди науки осмѣивали отжившую, по ихъ мнѣнію, манчестерскую школу,—Смитъ, Кобденъ, Пиль, опять заставляютъ преклоняться передъ собою тѣхъ, кто такъ легкомысленно отвергалъ ихъ ученіе. Торговые договоры, заключенные Германіею, имѣютъ именно этотъ смыслъ: они предста-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вляютъ краснорѣчивое доказательство безсилія обезпечить экономическіе интересы страны путемъ таможенныхъ пошлинъ на ограниченной территоріи, коль скоро рѣчь заходитъ объ обезпеченіи интересовъ широкихъ народныхъ массъ,—и всѣ, кому дороги эти интересы, въ комъ совѣсть и сознаніе общественнаго долга не заглушается личными разсчетами, не могутъ не признать, что хотя бы указанный нами фактъ удешевленія въ Германіи необходимѣйшихъ жизненныхъ припасовъ на 120 милліоновъ является фактомъ въ высшей степени отраднымъ.

Но намъ возразятъ: все это касается государства, поставленнаго въ иныя условія, чѣмъ Россія. У насъ необходимые жизненные припасы дешевы и, если они дорожаютъ, то только благодаря неумѣренному заграничному отпуску того хлѣба, въ которомъ нуждается нашъ крестьянинъ. Я указалъ уже на примѣръ Франціи и Сициліи, гдѣ воспрещеніе отпуска нисколько не содѣйствовало удешевленію хлѣба, а, напротивъ, вызвало его вздорожаніе; я указалъ и на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ полная свобода хлѣбной торговли нисколько не ослабила благосостоянія страны, а, напротивъ, содѣйствовала ея изумительному обогащенію. Утопистъ можетъ возставать вообще противъ торговли, но пока торговля существуетъ, пока удовлетвореніе потребностей лучше всего обезпечивается обмѣномъ цѣнностей, производимыхъ въ данномъ пунктѣ съ наименьшими затратами труда и капитала, на цѣнности, легче всего производимыя въ другомъ пунктѣ, неразумно искусственно заставлять людей воздерживаться отъ такого обмѣна. Насъ смущаетъ тотъ фактъ, что житель, допустимъ, Пинежскаго уѣзда голодаетъ въ то время, какъ житель черноземной полосы продаетъ свой хлѣбъ за границу. Но разумно ли воспретить послѣднему продавать свой хлѣбъ иностранцу, когда мы по опыту знаемъ, что житель Пинеги все равно этого хлѣба не купитъ, и что результатомъ этого запрещенія будетъ только сокращеніе земледѣльческой культуры, составляющей, что бы тамъ ни говорили, основу нашего благополучія. Если бы между Пинегой и черноземною полосою существовали такіе удобные пути сообщенія, какъ между этою полосою и Штетиномъ, Бременомъ и Лондономъ, то было бы устранено одно изъ существенныхъ препятствій равномѣрнаго распредѣленія нашихъ сельскохозяйственныхъ богатствъ. Но, тѣмъ не менѣе, хлѣбъ, всетаки, не пошелъ бы въ Пинегу, если-бъ тамошнему крестьянину не на что было его купить. Иностранецъ можетъ платить больше, а такъ какъ землевладѣльцы составляютъ у насъ, въ отличіе отъ запада, подавляющее большинство населенія, то разумно ли сокращать доходъ этой массы мелкихъ землевладѣльцевъ, понизить и безъ того низкій уровень ихъ благосостоянія для того, чтобъ оказать, какъ убѣждаетъ примѣръ Франціи, Сициліи и многихъ другихъ странъ, мнимую помощь меньшинству? Было бы совершенно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нецѣлесообразно путемъ стѣсненія нашего заграничнаго хлѣбнаго отпуска понизить доходы той части населенія, которая такъ сильно пострадала вслѣдствіе прошлогодняго неурожая, и которая можетъ оправиться, только если въ ожидаемые урожайные годы хлѣбъ не будетъ искусственно обезцѣненъ. Столь же нецѣлесообразно лишать этимъ путемъ общество и государство доходовъ, необходимыхъ для содѣйствія успѣхамъ промышленности и народнаго образованія, этихъ основъ преуспѣянія страны. Даже съ точки зрѣнія мануфактурной промышленности обезцѣненіе нашего хлѣба въ урожайные годы гибельно, потому что оно лишитъ нашихъ заводчиковъ и фабрикантовъ значительной части покупателей.

Такимъ образомъ возстановленіе нашего хлѣбнаго отпуска является не только желательнымъ, но и необходимымъ, а между тѣмъ въ годину постигшаго насъ бѣдствія состоялись торговые договоры, которые въ значительной степени сократятъ сбытъ нашего хлѣба въ страну, главнымъ образомъ покупавшую его. Тѣмъ желательнѣе было бы найдти нашимъ сельско-хозяйственнымъ продуктамъ сбытъ во Францію. Если бы намъ удалось убѣдить французское правительство въ пользѣ взаимныхъ таможенныхъ уступокъ, если бы французы могли, благодаря пониженію хлѣбныхъ пошлинъ во Франціи, платить за нашъ хлѣбъ дешевле, чѣмъ за американскій, и въ то же время сбывать намъ свои товары на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ на какихъ сбываютъ намъ свои товары нѣмцы, то, несомнѣнно, это послужило бы къ взаимной выгодѣ обѣихъ странъ и облегчило бы намъ экономическую борьбу, которую намъ придется теперь вести не съ одною Германіею, а съ союзомъ объединенныхъ центральныхъ государствъ Европы. Только при такой экономической политикѣ, то-есть при установленіи дѣятельныхъ торговыхъ сношеній съ Франціею, намъ удастся предупредить дальнѣйшее обезцѣненіе нашей валюты и нашихъ бумагъ, которыя будутъ находить себѣ все меньше покупателей въ Германіи, по мѣрѣ ослабленія нашихъ торговыхъ сношеній съ этою страною. Обезцѣненіе нашихъ бумагъ опять приняло значительные размѣры. За выигрышный заемъ II выпуска въ Берлинѣ платили годъ тому назадъ 174,75%, теперь платятъ не болѣе 139%; за восточные платили 84%, теперь—64%; даже металлическія наши бумаги понизились въ цѣнѣ: 4% консолидированный желѣзнодорожный заемъ съ 97 упалъ до 93%, а насколько велика иллюзія, что мы можемъ занимать деньги на такихъ же выгодныхъ условіяхъ, какъ другія государства, показываетъ тотъ фактъ, что за 3% французскую ренту платятъ $95^1/_3$%, а за нашъ 3% заемъ—всего 76%. Нашъ вексельный курсъ за послѣднее время также значительно понизился (съ 240 марокъ до 198). Внутреннее обезцѣненіе нашего рубля между тѣмъ неизбѣжно; неизбѣжно оно вслѣдствіе новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и сокращенія мѣновыхъ оборотовъ, то-есть застоя въ промышленности и торговлѣ. Поэтому вдвойнѣ необходимо поза-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ботиться объ устойчивомъ поглощеніи иностранцами нашихъ процентныхъ бумагъ, вытѣсненныхъ съ англійскихъ денежныхъ рынковъ и усиленно вытѣсняемыхъ съ германскихъ. Если соотвѣтственныя мѣры не будутъ приняты, то за нашъ рубль могутъ опять, какъ въ 1888 году, платить только полтинникъ, и притомъ съ тою разницею, что тогда намъ угрожала война съ Германіею, а теперь это можетъ случиться даже безъ всякихъ политическихъ усложненій.

Но не мы одни заинтересованы въ экономическомъ сближеніи съ Франціею. Она сама столько же заинтересована въ сближеніи съ нами. Французскіе экономисты это, какъ мы видѣли, теперь вполнѣ сознаютъ, и ихъ изслѣдованія представляются намъ съ практической точки зрѣнія въ тысячу разъ болѣе цѣнными, чѣмъ комбинаціи будущаго переустройства Европы, сославляемыя французскими публицистами. Народные представители Франціи могли упустить эту сторону вопроса изъ виду, когда они приступали къ пересмотру торговыхъ договоровъ и установили такъ называемый минимальный тарифъ, удовлетворяющій интересы отдѣльныхъ отраслей промышленности, но нисколько не разсчитанный на то, чтобы примирить ихъ противоположность и этимъ обезпечить интересы всего народнаго хозяйства. Фактъ остается фактомъ. Внѣшняя торговля Франціи отличается, что касается до отпуска, большой неподвижностью. Двадцать лѣтъ тому назадъ Франція продавала иностранцамъ товаровъ на $4^1/_4$ милліарда; ровно столько же она продаетъ имъ въ среднемъ и теперь. Между тѣмъ, отпускъ Англіи возросъ втеченіе послѣднихъ 22-хъ лѣтъ почти на одинъ милліардъ рублей (съ 234 милл. фунт. ст. до 328 мил.); а отпускъ Франціи отличается поразительною неподвижностью, и это явленіе, надо опасаться, теперь вслѣдствіе германскихъ торговыхъ договоровъ, вѣроятно, еще усилится. Вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ увеличиться и податная сила французскаго народа, а вооруженный миръ требуетъ все возростающихъ денежныхъ жертвъ. Мы слѣдовательно видимъ, что Россія и Франція одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы расширить свои взаимные торговые обороты. Только когда эта цѣль будетъ достигнута, онѣ окажутся поставленными въ условія, благопріятныя для одержанія побѣды въ экономической борьбѣ, которую имъ приходится вести съ средне-европейскими державами, а отъ этой побѣды зависятъ и политическіе успѣхи. Такимъ образомъ открывается широкое поле дѣятельности для упроченія франко-русскаго единенія, и только, когда мы справимся съ этою важною задачею, можно будетъ съ довѣріемъ ожидать грядущихъ событій и не имѣть повода опасаться, что въ борьбѣ съ центральною Европою силы намъ измѣнятъ на поприщѣ мирнаго труда, на которомъ мы, русскіе, до сихъ поръ оказывались всегда гораздо слабѣе нашихъ европейскихъ противниковъ.

Р. Сементковскій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КАКЪ ОБЪЯСНЯЮТЪ РУССКІЕ ИСТОРИКИ ПРОИСХОЖДЕНІЕ У НАСЪ КРѢПОСТНАГО ПРАВА [1].

ТАМЪ ПРИХОДИТСЯ слышать въ обществѣ и встрѣчать въ печати мнѣніе, что въ настоящемъ 1892 году исполнится триста лѣтъ со времени такого крупнаго событія въ нашей исторіи, какъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ указомъ царя Ѳедора Ивановича 1592 года. Мнѣніе это такъ укоренилось, что мы считаемъ не лишнимъ возобновить въ памяти читателей тѣ взгляды на происхожденіе у насъ крѣпостнаго права, которые высказывались нашими лучшими историками.

Начиная съ изданія трудовъ Татищева, то-есть съ конца прошлаго столѣтія, въ нашей исторической литературѣ установилось такое мнѣніе о происхожденіи крѣпостнаго права на крестьянъ.

Крестьяне первоначально имѣли право переходить отъ одного землевладѣльца къ другому одинъ разъ въ годъ—въ Юрьевъ день,

---

[1]) К. Аксакова: разборъ Бѣлевской Вивліоѳики въ «Русской Бесѣдѣ» 1858 года, кн. III; Погодина: «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?», ibid., кн. IV; его же: «Отвѣтъ г. Костомарову» въ «Арх. истор. и практ. свѣдѣн.», 1859 года, кн. III; Костомарова: «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?»—изслѣдованіе, перепечатанное потомъ въ I т. его монографій; его же: «Два слова М. П. Погодину» въ названной книжкѣ Архива; Бѣляева: «Крестьяне на Руси», 1-е изд.; В. О. Ключевскаго: «Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи» въ «Русской Мысли», 1885 года, кн. VIII и X.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

осенній (собственно «за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю послѣ Юрьева для осенняго»). Но пользованіе этимъ правомъ породило много неудобствъ; особенно оно было убыточно для бѣдныхъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ крестьяне въ большомъ числѣ переходили къ богатымъ, сулившимъ имъ многія льготы. Бѣдные землевладѣльцы отъ этого не могли нести, какъ слѣдуетъ, возложенной на нихъ государствомъ военной службы. Чтобы прекратить это зло, въ 1592 году, въ царствованіе Ѳедора Ивановича и былъ изданъ законъ (не дошедшій, впрочемъ, до насъ или еще не найденный), уничтожившій право перехода, прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ. Крестьяне, неразрывно связанные съ землею частнаго владѣльца, быстро и незамѣтно сдѣлались собственностью послѣдняго. Такого мнѣнія, кромѣ Татищева, держались еще: Карамзинъ, Арцыбашевъ, Соловьевъ, К. П. Побѣдоносцевъ. Первый, кто громко высказалъ сомнѣніе въ справедливости изложеннаго взгляда, былъ К. Аксаковъ.

Въ «Русской Бесѣдѣ» за 1858 годъ, подробно разбирая писцовую книгу[1]) 1632—1635 годовъ Бѣлевскаго уѣзда, К. Аксаковъ указываетъ, что она отмѣчаетъ нѣкоторыхъ крестьянъ «вышедшими», а нѣкоторыхъ — «сбѣжавшими» отъ землевладѣльца. Вышедшій крестьянинъ безъ всякой оговорки записывается въ ней за новымъ землевладѣльцемъ. Слѣдовательно, выходъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, въ 1630 годахъ de facto и de jure существовалъ. А такъ какъ переходъ крестьянъ съ самыхъ древнихъ временъ подлежалъ извѣстнымъ условіямъ (напримѣръ, могъ совершаться только въ Юрьевъ день и по прошествіи условленнаго числа лѣтъ), то переходъ безъ соблюденія этихъ условій долженъ былъ считаться бѣгствомъ.

Разсматривая дальше рядныя крестьянъ (договоры съ землевладѣльцами), К. Аксаковъ находитъ, что во времена до укрѣпленія переходившіе крестьяне часто рядились на неопредѣленный срокъ жить за такимъ-то; въ случаѣ несоблюденія этого условія, крестьянинъ возвращалъ подмогу (земледѣльческія орудія, скотъ и проч., взятыя у землевладѣльца) или платилъ пеню. Послѣ укрѣпленія въ такомъ точно случаѣ, тотъ, за кого рядился крестьянинъ, кромѣ денежной пени или вмѣсто нея, могъ требовать назадъ самого крестьянина и заставить работать на себя столько времени, сколько въ рядной написано (послѣ укрѣпленія крестьяне обыкновенно обязывались пожизненной работой). Отсюда К. Аксаковъ дѣлаетъ выводъ, что сущность закона о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ состояла въ запрещеніи крестьянамъ сокращать

[1]) Писцовыя книги—подробное описаніе земель съ поименнымъ перечнемъ населенія и опредѣленіемъ податей и повинностей, положенныхъ на него; описаніе, предпринимавшееся правительствомъ XVII вѣка отъ времени до времени по всѣмъ уѣздамъ государства.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

срокъ работы уплатой, то-есть неустойки. Но прикрѣпленіе это было къ землѣ, а не къ лицу владѣльца.

До Петра Великаго крестьяне владѣльческіе были люди свободные и полноправные столько же, сколько и государственные крестьяне. Значеніе землевладѣльца для нихъ было чисто государственное. Помѣщикъ или вотчинникъ отношеніе свое къ крестьянамъ не имѣлъ права перемѣнять по своему желанію. Крѣпостное право на крестьянъ началось лишь съ Петра Великаго.

Вслѣдъ за теоріей К. Аксакова въ томъ же 1858 году появилось критическое изслѣдованіе Погодина о происхожденіи крѣпостнаго права, послужившее началомъ полемики между нимъ и Костомаровымъ объ этомъ вопросѣ.

Погодинъ прежде всего подвергаетъ разбору тѣ законодательные акты, которые служатъ опорой старому взгляду на происхожденіе крестьянской неволи. Акты эти слѣдующіе.

Указъ 1597 года, которымъ предписывалось возвращать въ имѣнія помѣщиковъ и вотчинниковъ бѣглыхъ крестьянъ, убѣжавшихъ за 5 лѣтъ передъ изданіемъ этого указа; тѣхъ же, которые удалились съ мѣста жительства ранѣе, оставить на новыхъ мѣстахъ. Изъ этого заключили, что за пять лѣтъ передъ тѣмъ, то-есть въ 1592 году, должна была произойти отмѣна права перехода.

Указъ царя Василія Шуйскаго 1607 года, въ которомъ свидѣтельствуется, что царь Ѳедоръ, по наговору Бориса Годунова, «выходъ крестьянамъ заказалъ» (то-есть запретилъ).

Указы 1601 и 1602 годовъ, которыми позволялось мелкимъ владѣльцамъ отпускать и принимать крестьянъ, а крупнымъ запрещалось. Изъ этого видѣли, что право перехода крестьянъ въ предъидущіе годы было уничтожено.

Боярскій приговоръ 1606 года [1]), схожій въ главныхъ чертахъ съ указомъ 1597 года.

Законъ 1597 года нисколько не указываетъ на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Это указъ не о перешедшихъ крестьянахъ, а о бѣглыхъ, то-есть перемѣнившихъ мѣсто жительства, не исполнивъ обязанностей (не доживъ условнаго срока, не заплативъ должныхъ денегъ и тому подобное). Онъ лишь устанавливаетъ давность, съ которой помѣщики могутъ отыскивать своихъ бѣглыхъ судомъ (таково мнѣніе о немъ и графа Сперанскаго). Такіе указы, очевидно, издавались и раньше, такъ какъ бѣглые были всегда.

Свидѣтельство указа царя Василія Шуйскаго 1607 года, что царь Ѳедоръ запретилъ крестьянскій выходъ, не имѣетъ для насъ никакого значенія, какъ какъ самый указъ этотъ, по непримиримымъ противорѣчіямъ, какія въ немъ заключаются, очевидно, подложенъ.

---

[1]) Костомаровъ, а иногда и Погодинъ, ошибочно относятъ этотъ приговоръ въ 1605 году.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Указы 1601 и 1602 годовъ дѣйствительно подразумѣваютъ запрещеніе перехода крестьянъ въ предъидущіе годы, но запрещеніе временное, только для одного года, на каковой срокъ изданы и названныя распоряженія 1601 и 1602 годовъ. «Общаго закона, какъ запретительнаго, равно какъ и позволительнаго о переходѣ крестьянъ при Борисѣ, кольми паче при Ѳедорѣ, еще не было, а бывали ограниченія въ частности, по временамъ и по мѣсту, по обстоятельствамъ, разныя позволенія и разныя запрещенія». Подъ такую категорію распоряженій безусловно подходятъ и указы 1601 и 1602 годовъ.

Относительно боярскаго приговора 1606 года, какъ схожаго въ главныхъ основаніяхъ съ указомъ 1597 года, нужно сказать то же, что и относительно послѣдняго.

Итакъ, перечисленные указы вовсе не даютъ намъ права предполагать прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ ни въ царствованіе Ѳедора, ни въ царствованіе Бориса. Какъ же образовалось, сложилось крѣпостное право на крестьянъ, кто былъ виновникомъ его основанія?

Первый моментъ зарожденія крѣпостнаго права должны мы искать въ эпоху появленія системы помѣстій, то-есть раздачи земель въ пожизненное владѣніе для обезпеченія государственной службы землевладѣльцевъ (приблизительно въ княженіе Ивана III). Тогда, очевидно, правительство стало стараться придать больше цѣнности помѣстью, для чего разными мѣрами должно было удерживать на немъ крестьянъ. Среди этихъ мѣръ явился къ концу XV вѣка и знаменитый Юрьевъ день, то-есть узаконеніе, по которому крестьянинъ могъ переходить лишь въ одно опредѣленное время въ году, а не когда угодно. Но въ исключительныхъ обстоятельствахъ переходъ и въ этотъ срокъ уничтожался. Крестьяне поэтому прикрѣплялись къ землѣ все чаще и чаще. Постепенное превращеніе помѣстій въ вотчину, то-есть пожизненной земельной собственности въ полную, въ родовое имѣніе [1]),—превращеніе, начавшееся съ царствованія Бориса, повело еще къ большимъ затрудненіямъ для крестьянъ покидать земли частныхъ владѣльцевъ. Голодъ 1601—1603 годовъ вынудилъ правительство въ интересахъ народнаго пропитанія запретить крестьянамъ выходъ отъ богатыхъ помѣщиковъ. Мѣра эта была временная, но она понравилась богатымъ и сильнымъ землевладѣльцамъ, и они пожелали увѣковѣчить ее, тѣмъ болѣе, что на практикѣ переходъ крестьянъ уже былъ чрезвычайно стѣсненъ. Это стремленіе бояръ повело къ подлогамъ, конечно, заднимъ числомъ, въ законодательныхъ актахъ: явился указъ Шуйскаго 1607 года. Въ Уложеніе 1649 года пре-

[1]) Опредѣленіе помѣстья и вотчины у Погодина приблизительно только вѣрно и точно.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жній законъ о правѣ перехода въ Юрьевъ день не вошелъ; составлявшіе его бояре и редакторы уступили господствующему образу мыслей, да и переходъ этотъ къ тому времени пресѣкся самъ собою, хотя и не безусловно, какъ раскрылъ это К. Аксаковъ.

Такъ прикрѣпились крестьяне къ землѣ, а черезъ это и сдѣлались крѣпостными землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Погодина, крѣпостное право на крестьянъ возникло постепенно, незамѣтно, вытекая изъ обстоятельствъ народной жизни, подобно многимъ учрежденіямъ въ англійской исторіи, о которыхъ напрасно было бы доискиваться, когда именно они возникли.

Костомаровъ въ полемикѣ своей съ Погодинымъ прежде всего старается защитить важность указовъ, заподозрѣнныхъ послѣднимъ, какъ ясно показывающихъ на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ при царѣ Ѳедорѣ.

Указъ 1597 года есть дѣйствительно указъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Такія узаконенія стали издаваться лишь тогда, когда въ законодательствѣ исчезли постановленія объ Юрьевѣ днѣ. А когда переходъ крестьянъ существовалъ, то-есть до царя Ѳедора, тогда такихъ указовъ не издавалось. Слѣдовательно появленіе такихъ узаконеній имѣетъ связь съ прекращеніемъ перехода.

Съ другой стороны, бѣглыми всегда назывались только тѣ люди, которые подлежали возврату въ прежнее положеніе, мѣстопребываніе. Поэтому крестьяне только тогда могли называться бѣглыми, когда подлежали возврату на покинутую землю, то-есть когда были прикрѣплены къ землѣ; только тогда могли и явиться законы о бѣглыхъ крестьянахъ. До царя Ѳедора законовъ о бѣглыхъ крестьянахъ не было, слѣдовательно только при немъ крестьяне прикрѣплены были къ землѣ.

Толкуя слово «бѣглый» иначе, чѣмъ объясняли его К. Аксаковъ и Погодинъ, Костомаровъ подругому понимаетъ и «вышедшихъ» крестьянъ въ Бѣлевской писцовой книгѣ. «Вышедшій», по его предположенію, то же, что «отпущенный на волю».

Разъ указъ 1597 года сохраняетъ для насъ всю свою прежнюю важность, то законы 1601 и 1602 года показываютъ не на временное, а на окончательное запрещеніе перехода.

Постановленіе Шуйскаго 1607 года не можетъ намъ являться недостовѣрнымъ:

а) Въ старыхъ оффиціальныхъ бумагахъ можно нерѣдко встрѣтить противорѣчія и безсмыслицы, въ доказательство чего Костомаровъ приводитъ нѣсколько выписокъ изъ такихъ бумагъ.

в) Подлога въ немъ нельзя предполагать по самой трудности его въ столь важномъ дѣлѣ, да и редакція этого указа была бы тогда болѣе толковая въ интересахъ болѣе искуснаго обмана.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

с) Наконецъ, Костомаровъ остроумно старается устранить противорѣчія и неясности, отмѣченныя Погодинымъ въ этомъ указѣ. Но съ главнымъ положеніемъ своего противника, что крѣпостное право было основано не Борисомъ Годуновымъ, Костомаровъ согласенъ, такъ какъ съ одной стороны произволъ въ сношеніяхъ землевладѣльцевъ съ земледѣльцами существовалъ и гораздо ранѣе 1592 года, а съ другой—самое прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, которое дѣйствительно произошло въ 1592 году, могло лишь улучшить бытъ крестьянъ, обыкновенно разорявшихся при переходахъ съ земли одного землевладѣльца на землю другаго.

Вслѣдъ за полемикой Погодина съ Костомаровымъ, Бѣляевъ въ своей прекрасной монографіи «Крестьяне на Руси» излагаетъ намъ снова старую теорію происхожденія крѣпостнаго права, но съ такою полнотою, какой мы не встрѣчаемъ въ прежнихъ трудахъ русскихъ историковъ. При этомъ у Бѣляева замѣтны нѣкоторыя дополненія и измѣненія этой старой теоріи, явившіяся результатомъ изученія послѣднихъ работъ по вопросу о происхожденіи крѣпостнаго права. Впрочемъ, мы должны сказать, что его взгляды на этотъ вопросъ въ главнѣйшихъ чертахъ высказывались имъ еще ранѣе появленія статьи К. Аксакова въ другихъ его работахъ. XVI столѣтіе было эпохой наибольшаго развитія крестьянской равноправности, по мнѣнію Бѣляева, и въ то же время было вѣкомъ, подготовившимъ почву для быстраго и повсемѣстнаго исчезновенія крестьянской свободы.

Цѣлый рядъ обширныхъ войнъ и прямо и косвенно тяжело отражался на крестьянской общинѣ. Массы земель раздавались въ руки служилаго класса; крестьяне оказывались сидящими на помѣщичьихъ земляхъ. Разореніе огнемъ и мечемъ, разореніе податями на военные расходы, заставляли крестьянъ массами бѣгать въ казаки, переходить къ богатымъ и сильнымъ землевладѣльцамъ, умѣвшимъ давать имъ льготы на счетъ казны, заставляли продаваться въ холопы, которые по закону не платили податей. Порѣдѣвшія общины должны были платить въ казну за выбывшихъ своихъ членовъ. Въ государственныхъ сборахъ являлось все болѣе и болѣе недоимокъ. Правительство старалось увеличивать свои средства и ограниченіемъ земельныхъ богатствъ церквей и монастырей и строгимъ наказаніемъ богатыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, неправильно показывающихъ многія свои земли пустыми, то-есть не подлежащими обложенію, и другими мѣрами. Ничего не помогало. Требовался рѣшительный шагъ. Къ нему правительство и прибѣгло не ранѣе 1590 года, прикрѣпивъ къ землѣ всѣхъ тяглыхъ крестьянъ (то-есть обязанныхъ податями и повинностями государству, каковыми непремѣнно были всѣ крестьяне-хозяева).

Первоначальный указъ о прикрѣпленіи крестьянъ не сохранился или пока еще не отысканъ, но о немъ мы узнаемъ изъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

позднѣйшихъ узаконеній и прежде всего изъ указа 1597 года, упоминающаго объ этой рѣшительной мѣрѣ, но не указывающаго на годъ изданія утраченнаго закона.

Крестьянскій переходъ былъ отмѣненъ совершенно, и переходившіе отъ одного владѣльца къ другому стали называться уже бѣглыми.

Эта радикальная мѣра вызвала на столько сильное неудовольствіе и среди крестьянъ, и среди богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, что правительство нѣсколько времени колебалось: поддерживать ли новый порядокъ, или вернуться къ старому. Если бы не смуты самозванщины, вѣроятно, старый порядокъ восторжествовалъ бы.

Это колебаніе правительства замѣтно уже въ вышеупомянутомъ указѣ 1597 года и еще сильнѣе въ указахъ 1601 и 1602 годовъ. Первымъ изъ этихъ постановленій, хотя и запрещается переходъ крестьянъ, но назначается пятилѣтній срокъ давности для сыска бѣглыхъ. Слѣдовательно, если крестьянинъ пять лѣтъ скрывался и владѣлецъ втеченіе этого срока не могъ указать, гдѣ онъ находится, то на шестой годъ крестьянинъ уже не возвращался на покинутую землю по закону. Указы 1601 и 1602 годовъ прямо дозволили переходы, хотя и между мелкими землевладѣльцами и на опредѣленный короткій срокъ; это уже болѣе рѣшительный поворотъ къ старому порядку.

Но сближеніе московскихъ бояръ съ польскими панами въ царствованіе Лжедимитрія склонило первыхъ въ пользу прикрѣпленія, и указомъ 1606 года вновь утверждается пятилѣтній срокъ давности для сыска бѣглыхъ, причемъ нѣтъ уже помину въ немъ о правѣ перехода.

На третьемъ году царствованія Михаила Ѳеодоровича пятилѣтній срокъ замѣняется десятилѣтнимъ и постепенно совсѣмъ уничтожается. Уложеніе 1649 года закончило законодательную работу по прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ; крестьяне, неразрывно и вѣчно связанные съ землей, съ этого времени быстро становятся крѣпостными земледвладѣльца.

Впрочемъ, изъ порядныхъ записей крестьянъ, а также изъ Бѣлевской писцовой книги мы видимъ, что въ срединѣ царствованія Михаила первоначальный указъ о прикрѣпленіи снова былъ измѣненъ: вновь поступающимъ въ крестьянство дозволено было въ договоръ со владѣльцами включать условіе, по которому крестьянинъ могъ уйдти отъ владѣльца, заплативъ ему убытки.

Вообще, — заключаевъ Бѣляевъ, — прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, сдѣлавшее ихъ крѣпостными людьми владѣльцевъ, до уложенія 1649 года было еще довольно слабо и не совершенно уничтожало прежніе ихъ переходы отъ одного владѣльца къ другому.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Обращаемся теперь къ послѣдней по времени теоріи происхожденія крѣпостнаго права. Профессоръ В. О. Ключевскій, которому принадлежитъ она, подошелъ къ вопросу съ совершенно иной стороны, причемъ воспользовался цѣлымъ рядомъ неизданныхъ еще документовъ для рѣшенія своей задачи.

Онъ прежде всего рѣшительно отвергъ утвержденіе, что крестьяне владѣльческіе прикрѣпились къ землѣ, почему стали крѣпки и землевладѣльцу. Крѣпостнаго права поземельнаго характера мы совсѣмъ не вычитываемъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ. Уложеніе 1649 года, по мнѣнію Бѣляева, окончательно прикрѣпившее крестьянъ къ землѣ, на самомъ дѣлѣ какъ будто даже не понимаетъ прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ къ землѣ, хочетъ знать лишь то, за кѣмъ они по книгамъ записаны, а не то, къ какому обществу или къ какимъ участкамъ приписаны. Потому оно предписываетъ просто возвращать бѣглыхъ владѣльческихъ крестьянъ ихъ владѣльцамъ по книгамъ, не упоминая объ ихъ старыхъ жеребьяхъ, и допускаетъ много случаевъ, когда крестьянинъ могъ быть оторванъ отъ насиженнаго участка: его передавали отъ одного владѣльца къ другому за женитьбу на бѣглой, или за чужаго крестьянина, убитаго имъ, либо его владѣльцемъ, иногда даже другимъ крестьяниномъ того же владѣльца, переводили изъ отчуждаемаго помѣстья или вотчины на другую землю отчуждавшаго, отпускали на волю безъ земли. Крѣпостной всегда могъ быть оторванъ отъ земли именно потому, что онъ былъ крѣпокъ только землевладѣльцу. Прикрѣплена была къ землѣ только очень небольшая часть земледѣльцевъ—крестьяне дворцовые и черные (казенные).

В. О. Ключевскій центромъ тяжести въ вопросѣ о происхожденіи крѣпостнаго права ставитъ не поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, а развитіе и измѣненіе личной крѣпости, процессъ юридическій, а не политико-экономическій. Онъ разсматриваетъ, что такое было крѣпостное холопское право въ древней Руси, какъ это право привито было къ крестьянству и какъ переродилось вслѣдствіе этой пересадки на новую, чуждую ему почву.

Со временъ «Русской Правды» на Руси былъ одинъ видъ холопства—полнаго. Это была неволя потомственная и наслѣдственная, то-есть неволя передавалась отъ отца къ сыну, а право на невольника—отъ господина къ его наслѣднику.

Съ конца XV вѣка явилось холопство докладное: лице продавало себя на службу въ должность сельскаго ключника (и только въ эту должность), причемъ выходило на волю лишь по смерти господина, не возвращая взятыхъ денегъ. Дѣти докладнаго холопа, если послѣдній умиралъ въ неволѣ, становились полными холопами.

Затѣмъ развивается холопство кабальное: лице дѣлало заемъ, обезпечивая его личнымъ закладомъ и обязываясь работать на заи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

модавца въ его домѣ вмѣсто уплаты процентовъ. Такъ было въ XVI вѣкѣ, а въ XVII кабальное холопство создавалось уговоромъ лица служить во дворѣ господина безъ всякаго займа и безъ выговореннаго ясно вознагражденія за эту службу. Кабальное холопство также продолжалось по смерть господина. Кабальный не могъ оставить господина безъ согласія послѣдняго, даже если бы предлагалъ ему взятыя у него деньги. Дѣти кабальнаго холопа, закабаленныя вмѣстѣ съ отцомъ или родившіяся въ холопствѣ, служатъ отцову господину только до смерти послѣдняго.

Наконецъ, съ начала XVII вѣка изъ кабальнаго холопства развилось жилое. Жилое холопство возникало изъ займа, соединеннаго съ обязательной службой за ростъ (то-есть вмѣсто уплаты процентовъ), или вмѣсто уплаты долга; изъ найма, соединеннаго съ условной платой по окончаніи работы, и, наконецъ, изъ прокорма, то-есть изъ обязательства со стороны хозяина одѣвать и кормить работника. Жилое холопство, смотря по соглашенію, продолжалось отъ нѣсколькихъ лѣтъ и до смерти холопа. Въ такую неволю не только отдавались, но и отдавали: родители дѣтей, мужья своихъ женъ, дяди племянниковъ. Изстари крестьяне на владѣльческихъ земляхъ вели свое хозяйство со ссудой, подмогой отъ владѣльцевъ и за это несли особыя повинности (которыя назывались «крестьянскимъ издѣльемъ») сверхъ поземельнаго оброка.

Но эти повинности были простыми долговыми обязательствами, не уничтожавшими личной свободы крестьянъ, которая выражалась въ правѣ выхода. Крестьянинъ, задолжавшій землевладѣльцу и по этому долгу вступившій въ зависимость отъ него, могъ ежеминутно прекратить эту зависимость, уплативъ владѣльцу долгъ.

Съ половины XVI вѣка усилился спросъ на крестьянскій трудъ вслѣдствіе усиленнаго развитія частнаго землевладѣнія.

Массы бездомнаго, бѣднаго люда съ помощью ссудъ, подмоги, превращены были въ хлѣбопашцевъ. Задолженность крестьянъ такимъ образомъ усилилась, и ссуда стала почти общимъ условіемъ крестьянскихъ договоровъ. Рѣдкій крестьянинъ могъ расплатиться со своимъ владѣльцемъ и долженъ все болѣе по мѣрѣ того, какъ заживался на его участкѣ. Поэтому, сохраняя право выхода, крестьяне не были въ состояніи пользоваться этимъ правомъ и могли уйдти отъ владѣльца или побѣгомъ, незаконно, или законнымъ порядкомъ вывозомъ, то-есть нашедши другаго владѣльца, который расплатился бы за нихъ съ прежнимъ и перевелъ на свой участокъ. Въ послѣднемъ случаѣ земледѣлецъ лишь мѣнялъ одну зависимость на другую. Итакъ, къ концу XVI вѣка крестьяне въ громадномъ большинствѣ фактически стали несвободны. Къ тому же времени начала кабальнаго холопства породили среди землевладѣльцевъ мысль, что крестьянинъ, получившій подмогу, становится такимъ же крѣпостнымъ, какимъ ставитъ кабальнаго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

человѣка служба за ростъ, то-есть крестьянинъ не имѣетъ права безъ воли владѣльца уйдти отъ него, даже расплатившись съ нимъ съ помощью другаго землевладѣльца (то-есть уйдти при помощи вывоза). Дѣйствительно, различіе между обязательствомъ крестьянина работать на владѣльца за подмогу («крестьянское издѣлье») и обязательствомъ кабальнаго холопа работать на дворѣ господина за ростъ было очень незначительно. Подъ вліяніемъ этой мысли приблизительно со второй четверти XVII вѣка въ крестьянскіе договоры стали вносить условіе, по которому крестьянинъ, нанимая землю съ подмогой владѣльца, закрѣплялъ свои поземельныя и долговыя обязательства отказомъ навсегда отъ права прекращать основанную на этихъ обязательствахъ зависимость. Это условіе сообщило крестьянскому поземельному договору значеніе личной крѣпости. Обязательство крестьянина жить весь свой вѣкъ за владѣльцемъ сближало ссудную запись (то же, что рядная) съ тѣми жилыми записями (укрѣплявшими жилое холопство), въ которыхъ слуга неопредѣленно обязывался служить своему хозяину, его женѣ и дѣтямъ.

Ссудная запись, усвоивъ основныя условія кабальнаго холопства, ихъ послѣдствія развивала по готовымъ схемамъ его позднѣйшаго вида—холопства жилого.

Такъ какъ дѣти кабальнаго холопа находились въ одинаковомъ зависимомъ положеніи съ своимъ отцемъ отъ его господина по закону, то въ таковомъ же положеніи стали и крестьянскія дѣти во взглядахъ землевладѣльцевъ. А разъ крестьянинъ обязывался вѣчной зависимостью, то-есть не прекращавшейся смертью владѣльца, за котораго онъ рядился, то дѣти земледѣльца являлись въ глазахъ господъ полными холопами, подобно докладнымъ холопамъ, отцы которыхъ умирали, не успѣвъ выйдти на волю.

На этомъ послѣднемъ моментѣ приложенія кабальнаго права къ крестьянскимъ договорамъ и къ отношеніямъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ засталъ развитіе крестьянской крѣпости писцовый наказъ 1646 года, изданный по усиленнымъ просьбамъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ срока давности для сыска бѣглыхъ. Наказъ этотъ, отмѣняя срокъ давности, ввелъ новый способъ укрѣпленія, который не отмѣнялъ прежняго договорнаго, но скорѣе закрѣплялъ его,—это запись по писцовымъ книгамъ. Крестьяне, записанные за владѣльцемъ, становились крѣпки ему даже и безъ ссудной записи. Кромѣ того, писцовый наказъ 1646 года закрѣплялъ крестьянина не только лично, но и съ его потомствомъ. Но еще въ 1642 году правительство признало притязанія владѣльцевъ распространить на крестьянъ принципъ кабальнаго холопства: непрекращаемость долговыхъ обязательствъ безъ согласія ссудодателя. Это признаніе выразилось въ запрещеніи вывоза крестьянъ безъ согласія владѣльцевъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

До 40-хъ годовъ XVII столѣтія не замѣтно почти вмѣшательства государственной власти въ крестьянскіе договоры съ владѣльцами. Но, признавъ за послѣдними крѣпостное право на крестьянъ, законодательство спѣшило ограничить его извѣстными условіями: крестьянская крѣпость давала владѣльцу право только на часть крестьянскаго труда и имущества, другая часть которыхъ обязательно шла въ пользу казны въ видѣ поземельнаго тягла.

Владѣльческія права на крѣпостныхъ были обусловлены государственными обязанностями (службой) владѣльцевъ. Крестьянскихъ дѣтей владѣлецъ обязанъ былъ устроить въ хозяйственномъ отношеніи. Всѣ эти условія отличали крестьянскую крѣпость отъ холопьей.

В. О. Ключевскій снова пересмотрѣлъ также всѣ перечисленные нами раньше указы, но, отвергая старое толкованіе, объясняетъ ихъ совершенно оригинально, съ принятой имъ точки зрѣнія на вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго права. Указы являются въ его изслѣдованіи съ значеніемъ правительственнаго урегулированія практическихъ послѣдствій приложенія къ крестьянамъ принциповъ кабальнаго холопства.

Такимъ образомъ, по теоріи В. О. Ключевскаго, крѣпостное право въ Россіи было создано не государствомъ, а только съ участіемъ государства: послѣднему принадлежали не основанія права, а его границы.

Н. Гутьяръ.

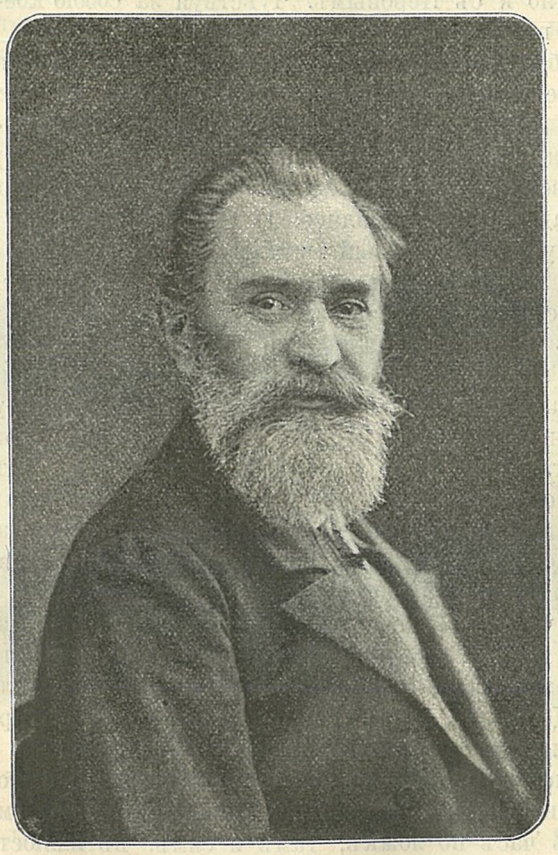
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ПЕРОВЪ.

ЕРОВЪ умеръ 10 лѣтъ тому назадъ, 29-го мая 1882 года, и конечно, не смотря на то, что онъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ русскихъ художниковъ, до сихъ поръ не было еще издано полнаго собранія его произведеній, картинъ и рисунковъ. Что тутъ удивительнаго? Развѣ у насъ есть, по части художества, чье нибудь полное собраніе созданій? Переберите въ головѣ, отъ начала и до конца, всѣхъ нашихъ художниковъ, кого угодно, по собственному выбору и вкусу, даже не придерживаясь никакого особенно высокаго мѣрила, возьмите любаго изъ прежнихъ или нынѣшнихъ любимцевъ публики, или, наоборотъ, возьмите любаго изъ настоящихъ, въ самомъ дѣлѣ высокихъ художниковъ, то-есть тѣхъ, которыхъ безъ всякой особенной ревности уважаетъ и холодно провожаетъ публика, такъ только, потому что, наконецъ, надобно же для приличія,—въ обоихъ случаяхъ вы нигдѣ не найдете, чтобъ что нибудь дѣльное и прочное сдѣлано было для закрѣпленія навсегда въ всеобщей памяти, на вѣки вѣковъ, того, что сдѣлано любимцемъ. Ни истинный безкорыстный энтузіазмъ, ни корыстное суетливое воодушевленіе (иной разъ, всетаки, приводящее къ кое-какимъ добрымъ послѣдствіямъ), ничто не дѣйствуетъ, и понятіе о каждомъ изъ любимцевъ или любимчиковъ приходится получать по самымъ скуднымъ обрывкамъ. Поди, ищи гдѣ хочешь, гдѣ бы взглянуть, гдѣ бы узнать, всѣ разомъ, созданія того или другаго художника. Способность «распространенія», созданія «общедоступности» — вовсе не въ характерѣ и не въ нравахъ нашихъ. Кому лѣнь, а кому ровно ничего не надо и не хочется; вотъ такъ дѣло всегда и идетъ у насъ, помаленьку, въ прохладу и не торопясь. Вспомнимъ, напримѣръ, полное собраніе рисунковъ Александра Ива-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нова на сюжеты изъ Библіи и Евангелія. Это цѣлая галлерея истинно геніальныхъ созданій, давнымъ давно доведенная до конца въ Берлинѣ, прусскимъ археологическимъ институтомъ, на деньги архитектора Сергѣя Иванова (брата Александра Иванова). Вотъ видите, даже никому у насъ надобности не было и пальцемъ-то двинуть: все готово, все сдѣлано, просто въ ротъ все положено,



† В. Г. Перовъ.

(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

возьми раскуси и проглоти; даже нашлись такіе чудаки (напримѣръ, Крамской и еще какіе-то другіе), которые окунули свои перья въ чернила, и написали и напечатали статьи, гдѣ учили публику пойти и смотрѣть на эти изумительныя созданія русскаго генія, признанныя за таковыя, даже... кѣмъ бы вы думали?— самими нѣмцами (не очень-то падкими на похвалы русскимъ!). Ну,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и что же? Какъ бы тамъ ни было, а все никто у насъ еще не видалъ и не знаетъ, что за штука такая «Рисунки Иванова къ Библіи и Евангелію». А ужъ чтобы популяризировать это драгоцѣнное и дорогое изданіе, чтобы выпустить его въ свѣтъ въ маленькомъ форматѣ и дешевомъ видѣ, чтобы его распространить среди русскихъ массъ—о, что это за глупыя шутки, конечно, никому это и въ голову не приходило, да вѣрно и 100 лѣтъ еще не придетъ.

Такъ точно и съ Перовымъ. Чувствуя за собою кое-какую популярность, видя, что ему и на словахъ, и въ печати, часто кланяются и благодарятъ (конечно, съ еще болѣе многочисленныхъ батарей тоже усердно въ него и попаливаютъ, что̀ всегда хорошій знакъ!), Перовъ вообразилъ себѣ, что «надо», что «пора», что «самое время», и въ 1866 году задумалъ издать фотографическій альбомъ со всѣхъ своихъ произведеній. И что-жъ! дѣло кончилось на 1-й тетради! Тутъ появились: 1) «Судъ станового», 2) «Сынъ дьячка, получившій первый чинъ», 3) «Проповѣдь въ селѣ», 4) «Отдыхъ въ Мытищахъ», 5) «Проводы покойника», 6) «Очередная у бассейна»; кажется, довольно тутъ было интереснаго, и въ слѣдующихъ выпускахъ надо было ожидать еще много важнаго, отличнаго. Такъ нѣтъ же, интереса и аппетита у публики оказалось такъ мало, что второй выпускъ, да и всѣ послѣдующіе, никогда не вышли въ свѣтъ, и дѣло такъ и заглохло. Даже въ журнальныхъ статьяхъ тогдашняго времени, кажется, никто такъ и ни слова не сказалъ о томъ, что вотъ, молъ, началось какое значительное изданіе, да такъ и перервалось. Жаль, дескать, жаль! Нѣтъ ровно никакого участія. Мнѣ, право, кажется иной разъ, что въ иныхъ случаяхъ мы, русскіе, словно стадо тетеревовъ, сидимъ на сучьяхъ и чистимъ носы объ дерево. Вдругъ откуда-то—бацъ! Одинъ изъ насъ, всего чаще самый крупный и лучшій, летитъ вверхъ ногами кувыркомъ. Кто-то и что-то его подстрѣлило. Ну, и что-жъ мы? Да ничего, сидимъ да поглядываемъ, да все продолжаемъ себѣ носы чистить объ дерево. Даже не понимаемъ, что̀ случилось.

Послѣ смерти Перова кое-что изъ его созданій было издано во всеобщее извѣстіе, но только все маленькими порціями, въ розницу, черезъ часъ по ложкѣ, тамъ и сямъ, въ иллюстраціяхъ и въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Всего болѣе и лучше издалъ картины Перова Н. П. Собко въ своемъ «Иллюстрированномъ каталогѣ посмертной выставки произведеній В. Г. Перова», 1882 года: тутъ было издано 14 картинъ Перова, съ вѣрныхъ снимковъ; потомъ Ѳ. И. Булгаковымъ издано, въ его книгѣ: «Наши художники», 4 картины («Охотники на привалѣ», «Птицеловъ», «Учитель рисованія», «Странникъ» [1]).

[1]) Эти самыя картины, съ тѣхъ же копій, воспроизведены вновь при настоящемъ № «Историческаго Вѣстника».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Поэтому мы всѣ должны быть въ высшей степени благодарны Дм. Ал. Ровинскому, который, только что окончивъ нѣсколько еще новыхъ громадныхъ своихъ изданій, такихъ, какъ «Рембрандтъ» въ его гравюрахъ и послѣдніе шесть томовъ «Матеріаловъ для русской иконографіи», выпускаетъ теперь въ свѣтъ еще полное собраніе картинъ Перова, въ фототипическихъ снимкахъ безъ ретушей, то-есть въ томъ наивѣрнѣйшемъ видѣ, какой только намъ нынѣче доступенъ. Составъ этого великолѣпно и роскошно изданнаго тома таковъ: 1) 60 листовъ фототипій съ картинъ Перова масляными красками, и съ приложеніемъ 3-хъ его портре-

Охотники на привалѣ.
(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

товъ, 2) Подробная біографія Перова, написанная Н. П. Собко совершенно вновь, и заключающая множество новаго интереснаго матеріала, даже въ сравненіи съ его обширною біографіею Перова въ «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ» 1883 года, 3) Полнѣйшій и тщательнѣйшимъ образомъ составленный имъ же списокъ произведеній Перова въ хронологическомъ порядкѣ, 4) Списокъ портретовъ Перова, его же, 5) Списокъ печатныхъ матеріаловъ о Перовѣ, его же (оффиціальныя свѣдѣнія, журнальныя статьи, некрологи и біографіи, статьи о Перовской выставкѣ въ Москвѣ и Петербургѣ [1]).

[1]) Василій Григорьевичъ Перовъ. Его жизнь и произведенія. 60 фототипій съ его картинъ безъ ретуши. Текстъ Н. П. Собко. Изданіе Д. А. Ровинскаго. Спб. 1892. Ц. 10 р.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Птицеловъ.

(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Такія изданія, по доброму намѣренію и отличному исполненію,—у насъ на рѣдкость.

Вся чистая прибыль отъ продажи изданія поступаетъ, по назначенію самого издателя, въ пользу наслѣдниковъ В. Г. Перова.

Учитель рисованія.
(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

Но, что еще важнѣе, это—заявленіе Дм. Ал. Ровинскаго, высказанное въ «Предисловіи», что онъ «не теряетъ надежды издать современемъ, особымъ томомъ, снимки со всѣхъ рисунковъ Перова, вмѣстѣ съ литературными его трудами и письмами». Для подобнаго изданія еще меньше, пожалуй, нашлось бы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Странникъ.
(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

у насъ охотниковъ-издателей. А между тѣмъ, оно въ высшей степени важно, нужно и интересно. Тутъ только русскій народъ получитъ возможность окончательно оцѣнить, чего онъ лишился, потерявъ Перова всего на 49-мъ году его возраста, когда онъ далеко не свершилъ всего, къ чему былъ способенъ и къ чему приготовлялся.

В. Стасовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КТО ЗАНЯЛЪ НОВГОРОДСКУЮ ГАВАНЬ ВЪ 1860 ГОДУ?

ѢЯНІЯ лицъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ, имѣвшихъ не малое значеніе въ общемъ ходѣ государственной жизни и сдѣлавшихся дорогими историческими воспоминаніями, представляютъ, безспорно, общественный интересъ. Сплошь и рядомъ бываетъ, что за недосугомъ или изъ скромности люди, посвятившіе себя всецѣло службѣ и государству, не заботятся сохранить въ памяти потомства свои заслуги, а невольныя и, вѣроятно, неумышленныя ошибки другихъ, ихъ помощниковъ и слѣпыхъ исполнителей, повѣствующихъ о минувшемъ, такъ затемняютъ все происшествіе, что имена иниціаторовъ исчезаютъ и теряются для послѣдующихъ поколѣній. Полезное дѣяніе каждаго на пользу общей намъ родины есть заслуга передъ нею и никѣмъ и никогда эта заслуга не можетъ быть отнята и присвоена другимъ иначе, какъ послѣ основательныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ. Полезное дѣяніе каждаго на какомъ бы то ни было государственномъ поприщѣ принадлежитъ всецѣло лишь имени совершившаго, сливается съ нимъ неразрывно и становится зачастую просто синонимомъ его. Рымникъ говоритъ намъ о Суворовѣ, Амуръ — о Муравьевѣ и Невельскомъ, и тотъ, кто теперь взялся бы утверждать что нибудь иное, прямо посягнулъ бы на имена людей, оскорбилъ бы ихъ дорогую память. Ни побѣда подъ Рымникомъ, ни присоединеніе Амурской области, не совершены только тремя названными лицами, а тысячами ихъ подчиненныхъ и помощниковъ, но великія заслуги Суворова, Муравьева

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и Невельскаго ничего не теряютъ отъ этого и принадлежатъ только имъ однимъ и главныхъ образомъ потому, что они приняли на свои плечи тяжкую отвѣтственность за рѣшеніе на мѣстѣ трудныхъ вопросовъ и своею безпримѣрною энергіею, твердостію и силою воли преодолѣли всѣ препятствія, стоявшія на пути. Вся исторія присоединенія къ Россіи Амура есть не что иное, какъ рядъ самостоятельныхъ, смѣлыхъ до дерзости дѣйствій двухъ лицъ, генералъ-губернатора и капитана транспорта «Байкалъ», по счастію для насъ, русскихъ, жертвовавшихъ собою безкорыстно, глядѣвшихъ безстрашно на запугиваніе бюрократіи и признававшихъ единственною заслугою передъ верховною властью и родиною лишь исполненіе своего долга. Въ присоединеніи Уссурійской области съ приморскимъ побережьемъ до рѣки Тюмень-Ула, точно такую же самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ проявилъ еще одинъ изъ бывшихъ офицеровъ нашего флота, имя котораго должно бы было сохраниться въ лѣтописяхъ его и не затемняться ошибочными разсказами и невполнѣ ясными указаніями. «Каковы бы ни были впослѣдствіи обстоятельства Китая, измѣнится ли существующій въ немъ порядокъ, — для насъ всего необходимѣе было бы имѣть свидѣтельства юридическія на право обладанія тѣмъ, чѣмъ мы владѣли въ то время на самомъ дѣлѣ» [1]), — писалъ М. С. Карсакову 12-го мая 1859 года графъ Муравьевъ-Амурскій изъ Усть-Стрѣлки. Дѣло шло о пріобрѣтеніи права на обладаніе бухтами отъ мыса Поворотнаго до устья рѣки Тюмень-Ула и надобно было какъ можно скорѣе описать ихъ, положить на карту и занять практически. Кто же и почему исполнилъ это?

Въ рапортѣ бывшаго начальника эскадры въ Тихомъ океанѣ вице-адмирала Назимова, отъ 27-го августа 1891 года, напечатанномъ въ № 2-мъ «Морскаго Сборника» текущаго года, дается категорическій отвѣтъ на такой вопросъ въ слѣдующихъ словахъ: «18-го іюля, въ 9 часовъ утра, я съ офицерами съѣхалъ на берегъ осмотрѣть Новгородскій постъ, который впервые былъ занятъ мною въ 1860 году, причемъ я поднялъ тутъ русскій флагъ на основаніи Айгунскаго и Тяньзинскаго трактатовъ».

Но по Айгунскому договору, заключенному 16-го мая 1858 года, о границахъ между Россіею и Китаемъ говорится только въ первой статьѣ договора слѣдующее: «Лѣвый берегъ рѣки Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морскаго устья рѣки Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, считая внизъ по теченію до рѣки Уссури, владѣніемъ Дайцинскаго государства; отъ рѣки Уссури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между

[1]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, соч. И. Барсукова, ч. I, стр. 556.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣнія Дайцинскаго и Россійскаго государствъ».

Въ статьѣ 9-й Тяньзинсквго трактата, заключеннаго 1-го іюня 1858 года, по поводу тѣхъ же границъ сказано такъ: «Неопредѣленныя части границъ между Китаемъ и Россіею будутъ безъ отлагательства изслѣдованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обоихъ правительствъ, и заключенное ими условіе о граничной чертѣ составитъ дополнительную статью къ настоящему трактату. По назначеніи границъ сдѣланы будутъ подробное описаніе и карты смежныхъ пространствъ, которыя и послужатъ обоимъ правительствамъ на будущее время безспорными документами о границахъ».

Размѣнъ ратификацій этого трактата былъ совершенъ 12-го апрѣля 1859 года начальникомъ нашей миссіи въ Пекинѣ, Перовскимъ, который, увѣдомляя объ этомъ размѣнѣ графа Муравьева-Амурскаго, прибавлялъ: «объ Айгунскомъ договорѣ ничего не было упомянуто, а также и о нашей границѣ по Уссури».

Для составленія картъ на мѣстѣ былъ отправленъ графомъ Муравьевымъ въ январѣ 1859 года оберъ-квартирмейстеръ, подполковникъ Будогосскій. По увѣдомленію айгунскаго амбаня, раннею весною того же года къ устьямъ рѣкъ Уссури и Суй-фуна, впадающей въ море, должны были прибыть и китайскіе чиновники.

«Намъ желательно было бы имѣть границу до бухты Посьета,— писалъ графъ Муравьевъ 16-го ноября 1858 года великому князю Константину Николаевичу,—тогда мы владѣли бы всѣмъ приморскимъ берегомъ до Кореи, и я надѣюсь, что убѣжденія Перовскаго въ Пекинѣ и нашихъ коммиссаровъ на мѣстахъ приведутъ къ этому результату» [1]). Однако-жъ, по словамъ того же графа Муравьева, «Перовскій подъ вліяніемъ двухъ трусливыхъ архимандритовъ и своей лѣности не шевелилъ китайскаго правительства» [2]). Перовскій, вѣроятно, дѣйствовалъ главнымъ образомъ и подъ вліяніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣвшаго свой совершенно иной взглядъ на разграниченіе съ Китаемъ. «Весьма странно,—писалъ графъ Муравьевъ еще 25-го сентября 1858 года великому князю Константину Николаевичу,—что въ Пекинѣ признаютъ границею нашею по Айгунскому договору рѣку Уссури, а министерство иностранныхъ дѣлъ въ первой статьѣ своей объ этомъ въ «Journal de S.-Petersbourg» допускаетъ намъ одинъ только лѣвый берегъ Амура» [3]).

Но Перовскій послѣ размѣна ратификацій долженъ былъ оставить Пекинъ, а для дальнѣйшихъ переговоровъ съ китайскимъ

---

[1]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 538.
[2]) Тамъ же, стр. 551.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 534.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

правительствомъ въ январѣ 1859 года былъ назначенъ генералъ-маіоръ Н. П. Игнатьевъ (нынѣ генералъ-адъютантъ и графъ). Главное назначеніе Н. П. Игнатьева состояло въ томъ, чтобы по мѣрѣ возможности вспомоществовать разрѣшенію вопросовъ въ Пекинѣ, которые неизбѣжно должны были возродиться при проведеніи границы нашей отъ Уссури до моря, соображаясь съ инструкціями, данными Перовскому, а также съ указаніями и личными объясненіями графа Муравьева [1]). Н. П. Игнатьевъ прибылъ въ Иркутскъ въ апрѣлѣ и немедленно вмѣстѣ съ графомъ Н. Н. Муравьевымъ отправился въ Кяхту, гдѣ надобно было выждать разрѣшенія для дальнѣйшаго путешествія въ Пекинъ. Не смотря на то, что графъ Муравьевъ, самъ получившій полномочіе на заключеніе трактата съ Японіею, торопился въ Іеддо, онъ оставался въ Кяхтѣ съ Н. П. Игнатьевымъ довольно долго и, безъ сомнѣнія, имѣлъ много времени для личныхъ объясненій и указаній.

12-го мая Н. П. Игнатьевъ получилъ долго ожидаемое разрѣшеніе ѣхать изъ Кяхты въ Пекинъ, а нѣсколькими днями ранѣе этого графъ Муравьевъ отправился въ Хакодате.

Исполнивъ въ этомъ японскомъ порту нѣкоторыя формальности, требовавшіяся тогда отъ полномочнаго посланника, графъ 19-го іюля 1859 года прибылъ въ Посьетъ, гдѣ нашелъ Будогосскаго, остался очень доволенъ его работами и отправилъ его съ неоконченными картами моремъ въ Пекинъ на пароходѣ «Америка». Здѣсь, въ заливѣ Посьета, графъ Муравьевъ болѣе всего укрѣпился въ мысли занять этотъ заливъ. «Будогосскій молодецъ,— писалъ графъ Муравьевъ изъ Посьета отъ 25-го іюля къ М. С. Карсакову, — онъ прекрасно исполнилъ свое трудное дѣло и во время кончилъ. Бухту Посьета мы отмежевываемъ себѣ и границу проводимъ до устьевъ Тюмень-Ула, которая составляетъ границу Кореи съ Китаемъ. Не хотѣлось бы захватывать лишняго, но оказывается необходимо: въ бухтѣ Посьета есть такая прекрасная гавань (Новгородская), что англичане непремѣнно бы ее захватили при первомъ разрывѣ съ Китаемъ» [2]).

Но съ китайцами не такъ-то легко было вести переговоры и Н. П. Игнатьеву. Въ ноябрѣ, когда графъ Муравьевъ уже возвратился изъ Японіи, сдѣлалось очевиднымъ, что безъ репрессивныхъ мѣръ въ Пекинѣ вопросъ о разграниченіи благополучно для насъ не будетъ оконченъ. Айгунскій амбань вооружался, и графъ Муравьевъ принужденъ былъ остановиться въ Благовѣщенскѣ. «Вмѣсто военныхъ дѣйствій противъ Китая,—писалъ оттуда графъ М. С. Карсакову отъ 15-го ноября 1859 года,—я дѣлаю демонстрацію теперешнею остановкою моею здѣсь. Это китайцевъ ужасно пугаетъ,

[1]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 550.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 558.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и вѣстники ихъ уже поѣхали въ Пекинъ. Не поможетъ ли это Н. П. Игнатьеву, а воевать намъ не приходится» [1]). Отъ этого же числа было послано предписаніе и военному губернатору Приморской области, и командиру сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана, К. А. Козакевичу, имѣть въ готовности всѣ суда ввѣренной ему флотиліи къ выступленію въ море немедленно по вскрытіи льда въ лиманѣ. Эскадра по этому предписанію должна была выйдти въ море подъ личною командою контръ-адмирала Козакевича и состоять изъ 3 корветовъ, двухъ клиперовъ, двухъ транспортовъ и парохода «Америки». Козакевичу предписывалось взять изъ Николаевска 4 роты Амурскаго линейнаго баталіона и дивизію горной артиллеріи съ лошадьми. Этими войсками предполагалось занять и укрѣпить Владивостокъ и Новгородскую гавань [2]).

Между тѣмъ китайцы неособенно испугались демонстрацій и оставались глухи ко всѣмъ запросамъ нашего посланника въ Пекинѣ. Н. П. Игнатьевъ, прекративъ всякія сношенія съ пекинскимъ кабинетомъ и не видя исхода своему бездѣйственному положенію, писалъ въ Петербургъ о принятіи нашимъ правительствомъ рѣшительныхъ мѣръ. Посланникъ, указывая на вредное для насъ вліяніе Англіи, когда представитель ея появится въ Пекинѣ, предлагалъ перенести переговоры на Амуръ, подкрѣпивъ наши домогательства принудительными мѣрами и движеніемъ войскъ на границахъ. Однако-жъ, это предложеніе не легко было исполнить; самъ графъ Н. Н. Муравьевъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ М. С. Карсакову прибавлялъ: «а воевать намъ не приходится». Кромѣ величайшаго затрудненія продовольствовать въ то время и передвигать войска, которыми пришлось бы съ Амура поддерживать нашего посланника въ Пекинѣ, плану присоединенія къ Россіи намѣченныхъ бухтъ Владивостока и Посьета грозила еще большая опасность съ другой стороны. Эта опасность яснѣе всего изложена въ запискѣ графа Муравьева отъ 23-го ноября 1859 года, посланной изъ Благовѣщенска князю Александру Михайловичу Горчакову.

Въ запискѣ этой говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «Будетъ ли, или не будетъ рѣшенъ въ Пекинѣ пограничный вопросъ относительно пространства отъ Уссури до моря, — все равно, ибо въ отношеніи европейскихъ державъ и Америки мы сохраняемъ всѣ права наши на основаніи Айгунскаго договора и указа богдыхана объ установленіи границъ по Амуру и Уссури, но если подъ вліяніемъ страха взятія Пекина богдыханъ заключитъ такой трактатъ съ англо-французами, по которому предоставитъ имъ защиту

[1]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 568.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 280.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сѣверныхъ границъ своей имперіи и предастся совершенно ихъ покровительству противъ Россіи, а для этого предоставитъ имъ занимать бухты и гавани въ Кореѣ и Манджуріи и вездѣ имѣть своихъ резидентовъ,—то положеніе наше сдѣлается крайне затруднительнымъ, и хотя останется за нами владѣніе Амуромъ и правымъ берегомъ Уссури, но морскія наши силы здѣсь будутъ совершенно парализоваться сосѣдствомъ англійской станціи» [1]). Всѣ вышеприведенныя выписки изъ трактатовъ Айгунскаго и Тяньзинскаго и переписки графа Н. Н. Муравьева вполнѣ очевидно доказываютъ, что право и необходимость занятія цѣлаго залива Петра Великаго съ Владивостокомъ и Посьетомъ вытекали не изъ договоровъ, а по инымъ причинамъ. Французы и англичане, потерпѣвшіе неудачу въ Пей-хо въ 1859 году, сильно вооружились и готовились къ рѣшительнымъ мѣрамъ. По взятіи Пекина, манджурская династія могла быть свергнута, хорошо знакомыя бухты и гавани, снятыя англичанами и французами три года ранѣе насъ, могли быть заняты ими съ полнаго согласія новаго представителя уже чисто китайской династіи, и Н. П. Игнатьеву пришлось бы ограниться проведеніемъ государственной границы отъ Уссури до моря.

Между прочими затрудненіями убѣдить пекинское правительство утвердить границу, проведенную Будогосскимъ по Тюмень-Ула, было и то, что, по увѣренію П. В. Шумахера, китайцы не имѣли понятія о нашихъ картахъ [2]).

Итакъ, дипломатія въ лицѣ энергичнаго генерала, гидрографія, топографія и даже демонстрація, испугавшая айгунскаго амбаня, не двигали дѣло къ благопріятному окончанію. Необходимо было прійдти на помощь ко всѣмъ предъидущимъ, такъ сказать, духовнымъ средствамъ съ матеріальными, и, безъ сомнѣнія, лучшее было «совершившійся фактъ» и «дѣйствительное право владѣнія». Графъ Н. Н. Муравьевъ и рѣшился на это, какъ мы видѣли выше изъ его предписанія контръ-адмиралу Козакевичу. Но Амуръ поздно очищается отъ льда, англо-французы многое могутъ сдѣлать до прибытія въ Посьетъ русской эскадры, а иначе, какъ моремъ, туда нельзя было послать ни одной роты, ни одного солдата. Кто придетъ ранѣе во Владивостокъ и Посьетъ, Козакевичъ или союзники? Подъ гнетомъ этихъ соображеній и вопросовъ графъ Муравьевъ въ концѣ января 1860 года выѣхалъ изъ Иркутска въ Петербургъ. Здѣсь трудное положеніе нашего посланника въ Пекинѣ уже давно тревожило правительство. Въ самомъ началѣ января 1860 года, въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ въ Бозѣ почившаго государя императора, рѣшено было на помощь

[1]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, соч. И. Барсукова, ч. II, стр. 284.
[2]) «Русскій Архивъ», 1878, кн. III, стр. 306.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Н. П. Игнатьеву собрать въ китайскихъ водахъ эскадру. Командованіе этою эскадрою было поручено капитану 1-го ранга И. Ф. Лихачеву (нынѣ вице-адмиралъ въ отставкѣ).

Однако-жъ, рѣшить посылку эскадры въ Китай было легче, нежели исполнить такое рѣшеніе фактически. Кронштадтъ былъ запертъ льдомъ, Суэзскаго канала еще не существовало. Въ силу этихъ обстоятельствъ И. Ф. Лихачеву предоставлено было право воспользоваться фрегатомъ «Свѣтланою», плававшимъ въ Средиземномъ морѣ, и тѣми судами, которыя были на Амурѣ, а также корветомъ «Посадникъ» и клиперами «Разбойникъ» и «Наѣздникъ», ушедшими на Амуръ изъ Кронштадта 25-го августа 1859 года. При удачѣ плаванія этихъ плохихъ паровыхъ судовъ съ старыми машинами высокаго давленія и при торопливости фрегата «Свѣтлана», И. Ф. Лихачевъ могъ надѣяться собрать эскадру не ранѣе, какъ въ іюнѣ. Но это казалось поздно для интересовъ дѣла, и И. Ф. Лихачевъ рѣшился не ожидать сбора всей своей эскадры. Эта рѣшимость отчасти была, вѣроятно, вызвана въ молодомъ и чрезвычайно энергичномъ флагманѣ препятствіемъ, возникшимъ въ первый же моментъ его распоряженія. Дѣло въ томъ, что по прибытіи въ Тулонъ 29-го января для осмотра и отправки «Свѣтланы» въ Китай И. Ф. Лихачевъ узналъ, что командиръ фрегата, капитанъ 2-го ранга Чихачевъ, по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, не могъ идти съ фрегатомъ въ Китай. Писать объ этомъ въ Петербургъ, просить о назначеніи новаго командира и ждать его при тогдашнихъ путяхъ сообщенія казалось И. Ф. Лихачеву слишкомъ продолжительнымъ и большою потерею драгоцѣннаго времени. Чтобы выиграть его, онъ принялъ на себя обязательство испросить у генералъ-адмирала присылку новаго командира въ Китай [1]). Покончивъ съ этимъ, на слѣдующій же день, 30-го января, И. Ф. Лихачевъ вышелъ изъ Марселя на пассажирскомъ пароходѣ въ Шанхай, куда и прибылъ 21-го марта. Не найдя здѣсь ни одного русскаго флага, онъ нанялъ французскій пароходъ «Remi» и на немъ пошелъ въ Хакодате. Въ этомъ порту, какъ и разсчитывалъ И. Ф. Лихачевъ, онъ засталъ клиперъ «Джигитъ», исправлявшій рѣшотку одного изъ своихъ котловъ, и транспортъ «Японецъ», вполнѣ готовый къ плаванію. Прибывъ въ Хакодате 3-го апрѣля, въ день Пасхи, И. Ф. Лихачевъ узналъ не только всѣ происшествія въ Китаѣ и Японіи, но и слухи и вѣсти, тревожившіе дальній востокъ и хорошо извѣстные нашему консулу въ Японіи г. Гошкевичу.

Вѣсти были на столько тревожныя, что И. Ф. Лихачевъ отдалъ приказаніе работать на «Джигитѣ» день и ночь, не смотря на ве-

[1]) И дѣйствительно, вмѣсто капитана 2 ранга Чихачева въ Шанхай былъ командированъ на фрегатъ «Свѣтлану» капитанъ 2 ранга И. И. Бутаковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ликій праздникъ; перегрузивъ сто тоннъ угля съ «Remi» на транспортъ «Японецъ» и взявъ съ берега прикомандированнаго къ консульству лейтенанта Назимова, 7-го апрѣля ушелъ на транспортѣ въ Посьетъ. «Джигиту» приказано было тотчасъ же по окончаніи исправленій торопиться въ Печилійскій заливъ, въ Бейтанъ, куда ежеминутно могъ прибыть нашъ посланникъ Н. П Игнатьевъ, находившійся въ безпомощномъ и почти безвыходномъ положеніи. 11-го апрѣля, вечеромъ «Японецъ» прибылъ въ Посьетъ, въ Новгородскую гавань. 12-го апрѣля И. Ф. Лихачевъ осмотрѣлъ берегъ гавани и выбралъ мѣсто, на которомъ и рѣшилъ устроить первый русскій постъ. Въ тотъ же день послѣ полдня на берегъ были высажены: лейтенантъ П. Н. Назимовъ, мичманъ Н. Бенковичъ, 21 человѣкъ матросовъ, фельдшеръ и кондукторъ артиллеріи. Они были снабжены морскою провизіею на 14 недѣль и виномъ въ двойномъ количествѣ противъ положенія. Кромѣ того, съ «Японца» были оставлены въ распоряженіе начальника поста, лейтенанта Назимова, пятивесельный ялъ и четверка, палатки, ружья, порохъ, дробь, различные плотничные инструменты, лопаты, кирки, шкиперскія принадлежности, сто долларовъ деньгами, серебро въ слиткѣ и разные товары для мѣноваго торга съ китайцами. Никакого торжества при подъемѣ флага не производилось, чтобы не возбуждать особаго вниманія китайцевъ и корейцевъ, жившихъ въ гавани. Въ инструкціи же, оставленной начальникомъ эскадры въ китайскихъ водахъ лейтенанту Назимову, говорилось, между прочимъ, слѣдующее:

«а) Вы воспользуетесь временемъ, если обстоятельства позволятъ, для того, чтобы собрать всѣ свѣдѣнія объ окружающей мѣстности, осмотрѣть подробно устья Тюмень-Ула и въ особенности бухту Гошкевича.

«б) Въ сношеніяхъ съ туземцами вы будете дѣйствовать съ возможною кротостью и ласкою, чтобы привязать ихъ навсегда твердо и осторожно, никогда не довѣряясь вполнѣ полудикому народу, который васъ окружаетъ.

«в) Въ случаѣ прихода иностранныхъ судовъ вы поднимите флагъ вашъ и на вопросы ихъ будете отвѣчать, что занимаемое вами мѣсто и портъ находятся на землѣ, утвержденной за Россіею Айгунскимъ трактатомъ въ 1858 году и заключающей все пространство до корейскихъ владѣній, и что вы здѣсь находитесь для пробной разработки угля» [1]).

Для того, чтобы команда имѣла постоянное занятіе, безъ котораго жизнь ея была бы тягостнымъ испытаніемъ, лейтенанту Назимову предписывалось заняться разработкою угольныхъ шахтъ въ бухтѣ «Экспедиція», или, какъ ее называли тогда, Napoleon Road.

---

[1]) Архивъ морскаго министерства. Дѣла эскадры К. А. Лихачева.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

13-го апрѣля, раннимъ утромъ И. Ф. Лихачевъ ушелъ въ Печилійскій заливъ на помощь дипломатіи, долженствовавшей уже въ Пекинѣ получить документъ на закрѣпленіе за Россіею того клочка земли, на которомъ жилъ теперь по распоряженію своего ближайшаго начальника лейтенантъ Назимовъ. Изъ дневника [1]) этого офицера легко убѣдиться, что онъ самъ и его команда не придавали никакого особеннаго значенія своему пребыванію въ заливѣ Посьетѣ, очень скучали тамъ, обвиняли И. Ф. Лихачева въ скукѣ, одолѣвшей ихъ въ Новгородской бухтѣ, и жаловались на матеріальныя лишенія. П. Н. Назимовъ записалъ, напримѣръ, 2-го мая слѣдующее: «Сегодня услышалъ впервые пѣніе команды послѣ ужина; но пѣсни все унылыя, разлука съ родиною, неимѣніе постояннаго жилья, что-то похожее на ссылку; я имъ не могъ противорѣчить, соглашаясь съ ними вполнѣ, но подсказалъ спѣть веселую; она не склеилась; что же дѣлать». 20-е іюня: «Все, что принесли китайцы, я купилъ, а принесли немного; заплатилъ же дорого; все казна страдаетъ, а почему? Потому, что все торопятся, забывая русскую пословицу. А какъ легко было поправить или устроить дѣло. Остаться въ Хакодате на одинъ день только». Но этого-то дня и не хотѣлъ терять И. Ф. Лихачевъ, знавшій, что потерянный день въ гавани можетъ отозваться на всѣхъ его планахъ и разсчетахъ недѣлями. Море не поддается береговымъ соображеніямъ и ариѳметикѣ, а морской офицеръ, почему либо долго засидѣвшійся на берегу, въ удобной жизненной обстановкѣ, какъ, напримѣръ, въ Хакодате, всегда съ неохотою и отвращеніемъ пускается въ море и во всякомъ случаѣ находитъ чрезвычайно уважительныя причины и настоятельныя нужды прожить еще денекъ или два на сушѣ. Но изъ того же дневника видно, что команда была снабжена всѣмъ въ излишествѣ, да и китайцы доставляли въ русскій лагерь быковъ, куръ, просо, картофель, соль и т. д.

И. Ф. Лихачевъ хлопоталъ не объ удобствахъ и удовольствіяхъ высаженнаго отряда въ Посьетѣ, а о занятіи китайской территоріи de facto, въ чемъ и успѣлъ вполнѣ, отдѣлавшись за свои дѣйствія лишь легкимъ порицаніемъ, выпавшимъ на его долю въ № 7 «Морскаго Сборника» за 1888 годъ. Но графу Муравьеву и Невельскому доставалось гораздо болѣе. Графъ Н. Н. Муравьевъ вернулся изъ Петербурга въ Сибирь и только отъ 5-го августа доносилъ великому князю Константину Николаевичу: «Съ двумя курьерами, пріѣхавшими изъ Николаевска, я получилъ наконецъ извѣстіе объ отплытіи эскадры и Козакевича изъ Николаевска. Козакевичъ вышелъ послѣднимъ на пароходѣ «Америка» 18-го іюня. Необходимость дѣльнаго начальника штаба въ Николаевскѣ ощущается болѣе и болѣе» [2]).

[1]) «Морской Сборникъ», 1888 года, № 7, стр. 64—87.
[2]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 595.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Черезъ два дня по отправкѣ этого донесенія графъ Муравьевъ наконецъ получилъ радостную вѣсть изъ Посьета, о которой и сообщилъ М. С. Карсакову въ тотъ же день: «Козакевичъ вышелъ очень поздно по разнымъ причинамъ; но слава Богу, что Лихачевская[1]) гавань занята была уже прежде Лихачевымъ» [2]). Контръ-адмиралъ Козакевичъ дѣйствительно запоздалъ выходомъ изъ Николаевска и прибылъ въ Посьетъ на пароходѣ «Америка» съ транспортомъ «Манджуръ» только 21-го іюня.

Такимъ образомъ, честь занятія и даже самая мысль о необходимости такого занятія въ виду англо-французскихъ соединенныхъ силъ въ китайскихъ водахъ вполнѣ и безраздѣльно принадлежитъ И. Ф. Лихачеву. Этой государственной заслуги нельзя забывать и отнимать отъ него, не смотря даже на его, повидимому, полное равнодушіе къ забывчивости, столь свойственной русскимъ людямъ. Многіе и тогда и послѣ утверждали, что ни англичане, ни французы не заняли бы заливъ Посьетъ. Однако-жъ, нельзя достовѣрно знать, что бы было или могло бытъ, если бы не было или не случилось того-то.

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій съ присущимъ ему, всегда яснымъ и откровеннымъ, взглядомъ на вещи, оцѣнившій великую заслугу совершенно еще ему невѣдомаго капитана 1-го ранга, хотѣлъ увѣковѣчить память объ немъ, окрестивъ тотчасъ же Новгородскую бухту въ Лихачевскую. Но она до сихъ поръ называется Новгородскою. Такъ ее назвалъ и вице-адмиралъ П. Н. Назимовъ въ своемъ рапортѣ отъ 27-го августа 1891 года. Воспоминанія о происшествіяхъ 1860 года живутъ еще въ памяти немногихъ и передаются изустно. Но verba volant, scripta manent.

А. Бѣломоръ.

---

[1]) Новгородская.

[2]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 597.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ М. Н. МУСИНА-ПУШКИНА.

ВЪ БУМАГАХЪ моего покойнаго отца я нашелъ отрывочныя воспоминанія о бывшемъ начальникѣ его, попечителѣ учебнаго округа М. Н. Мусинѣ-Пушкинѣ, въ свое время очень извѣстномъ общественномъ дѣятелѣ. Отецъ, въ 1852 году, принужденъ былъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, покинуть медико-хирургическую академію, въ которой онъ числился студентомъ, и поступить на какую либо службу; главнымъ образомъ этому способствовала внезапная смерть родителя и безпомощное положеніе семьи, требовавшей отъ него матеріальной поддержки. Послѣ долгихъ размышленій и неудачныхъ стараній пристроиться на какое либо мѣсто, отецъ мой остановился на мысли—сдѣлаться учителемъ, «хотя,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—учительство въ тогдашнее время все находилось въ рукахъ верхоглядныхъ иностранцевъ-авантюристовъ, слывшихъ на Руси столбами псевдо-европейской полированности, а русскіе педагоги, между тѣмъ, находились въ полномъ забвеніи и мужественно голодали. Тѣмъ не менѣе я твердо рѣшилъ посвятить себя наставничеству меньшихъ братій и принесть этимъ посильную долю своей беззавѣтной готовности служить человѣчеству,—это болѣе, чѣмъ что либо, соотвѣтствовало моему юношескому идеалу.

«Въ одно весеннее утро, вооружась мужественной рѣшимостью, я задумалъ положить конецъ моему невзрачному положенію, и съ этою цѣлью пошелъ къ тогдашнему попечителю учебнаго округа Михаилу Николаевичу Мусину-Пушкину, суровому и неуступчи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вому меценату молодыхъ педагоговъ. Онъ жилъ тогда въ Моховой улицѣ, въ домѣ графа Ламздорфа. Ходила громкая молва объ его недоступности и тяжеломъ характерѣ, невольно охлаждавшая всякаго, имѣвшаго до него надобность.

«Поднявшись по свѣтлой, широкой лѣстницѣ, я вхожу изъ скромной, по своей уютности, передней въ просторный залъ, служившій пріемной неподатливаго вельможи; сбоку зала возвышался на стеклянныхъ стаканчикахъ рояль, съ открытыми на пюпитрѣ нотами; около нихъ ютилась этажерка, а стѣны скупо украшались пейзажами въ золоченыхъ рамкахъ. На стульяхъ въ различныхъ позахъ сидѣли просители и просительницы съ сосредоточенными выраженіями лицъ. У клѣтокъ на окнахъ, въ неуклюжемъ какомъ-то сюртукѣ, съ традиціоннымъ передникомъ поверхъ него, съ видимою любовью къ пернатымъ созданіямъ, копошился лохматый, хромоногій старикашка, методически вычищая ихъ и вполголоса присвистывая, вызывая птицъ на неугомонныя пѣсни. То былъ Захарычъ, любимецъ и докладчикъ суроваго временщика. Многіе, думаю, съ признательностью благословляютъ забавнаго старца, знавшаго и заранѣе предупреждавшаго посѣтителей отъ болѣзненнаго гнѣва попечителя въ минуты мучительныхъ приступовъ его подагрической боли, которая и объясняетъ его раздражительность.

«Громкій, нѣсколько сиповатый баритонъ Мусина-Пушкина раздавался изъ сосѣдняго кабинета: онъ наставительнымъ тономъ власть имущаго съ кѣмъ-то трактовалъ о чемъ-то; другой голосъ дѣлалъ категорическія заявленія болѣе мягкимъ голосомъ, видимо съ цѣлью убѣдить его въ противномъ.

«Захарычъ, внимательно вслушавшись въ горячій разговоръ, объявилъ намъ, что генералъ его сегодня не приступенъ, впрочемъ, онъ готовъ доложить о комъ угодно. Угодниковъ, однако, не находилось: всѣ стали пробираться къ выходу, трепеща неудачи. Одинъ я остался, прося доложить о себѣ... Будь, что будетъ! Было рѣшено мною,—все лучше, чѣмъ мучиться и изнывать въ неизвѣстности...

«Старикъ полуоткрылъ кабинетную дверь и доложилъ мою фамилію.

— «Пусть войдетъ,—грубо и отрывисто сказалъ чей-то голосъ.

«Вся моя прыть и энергія разомъ исчезли: непривѣтливый тонъ попечителя внушилъ мнѣ робость и безпокойство.

«Поперекъ двухъ-оконнаго кабинета стоялъ широкій письменный столъ подъ зеленымъ сукномъ, на которомъ въ некрасивомъ безпорядкѣ разбросаны были бумаги, книги, газеты и разная подручная мелочь; посрединѣ стола находилась большая аппетитная чашка съ блюдечкомъ бисквитъ, изъ которой прихлебывалъ коренастый толстякъ угрюмаго вида, въ шелковомъ халатѣ и съ орденомъ на манишкѣ. Одна нога его, забинтованная фланелью, покоилась на узорчатой скамейкѣ, вышитой темными арабесками. Это-то и былъ самъ принципалъ. Противъ него, у противополож-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ной стѣны, за особымъ столомъ, сидѣлъ правитель канцеляріи Делль, а поодаль, около дверей, усердно строчилъ какую-то бумагу столоначальникъ Злобинъ.

— «Зачѣмъ явился?—обратился ко мнѣ попечитель.

— «Просить благосклоннаго вниманія вашего превосходительства къ моей почтительнѣйшей просьбѣ,—подавая прошеніе, проговорилъ я неспокойнымъ голосомъ.

«Мусинъ-Пушкинъ пробѣжалъ прошеніе и опять спросилъ:

— «Больше ничего не имѣешь?

— «Вотъ только аттестатъ изъ медико-хирургической академіи...

— «Ты изъ академіи? Выгнанный?

— «Нѣтъ, ваше превосходительство,—я принужденъ былъ выйдти изъ нея въ силу своихъ матеріальныхъ стѣсненій.

— «Отчего же ты лучшаго не ищешь? Вѣдь въ учительствѣ ничего нѣтъ заманчиваго... Нищета и только... Обдумай все лучше, посовѣтуйся...

— «Да нужда, ваше превосходительство, нужда неумолимая гнететъ меня.

— «Въ чемъ же твоя нужда состоитъ?

— «А въ томъ, что послѣ недавней смерти моего отца на рукахъ у меня осталась больная мать, требующая бдительнаго попеченія и внимательнаго ухода. Болѣзнь все болѣе и болѣе развивается, а я безсиленъ облегчить ее...

«Нужно замѣтить, что покойный Мусинъ-Пушкинъ со всѣми обходился патріархально. Ты у него выражало благосклонность, вы—предвѣщало что-то зловѣщее. При моей репликѣ объ отцѣ и матери у меня на глазахъ навернулись невольно слезы, а голосъ оборвался.

— «Вижу: ты не испорченъ, ты чувствителенъ,—это дѣлаетъ тебѣ честь...

«Повертѣвъ въ рукахъ еще разъ прошеніе, онъ будто обдумывалъ что-то и, обратясь къ Деллю, спросилъ:

— «Есть ли гдѣ свободная вакансія у насъ?

— «Въ вологодской дирекціи есть: въ Тотьмѣ учитель недавно уволился,—отвѣтилъ тотъ.

— «Ну, вотъ тебѣ Тотьма!.. А теперь ступай, не мѣшай... Выкажешь себя—въ убыткѣ не будешь... Къ отъѣзду готовься... Обо всемъ остальномъ канцелярія тебя извѣститъ...

«Счастливый и радостный, безъ оглядки помчался я домой сообщить матери о радостномъ исходѣ моего предпріятія.

«Недѣли черезъ двѣ съ небольшимъ получаю съ курьеромъ предписаніе явиться на экзаменъ, производившійся тогда на должность элементарнаго учителя въ рекреаціонномъ залѣ Пятой гимназіи, у Аларчина моста, въ Коломнѣ.

«Являюсь на другой день въ гимназію и жду звонка большой перемѣны. Въ свое время вхожу въ залъ и нахожу тамъ сборище:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

директора столичныхъ училищъ Андрея Степановича Воронова, инспектора Аникиту Семеновича Власова, трехъ учителей и старика-священника съ наперстнымъ крестомъ на шеѣ. Съ комическою важностью задавались мнѣ ничтожные вопросы, неизмѣримо ниже уровня моего образованія. Эпилогъ курьезнаго экзамена заключился пробнымъ урокомъ для доказательства свободнаго владѣнія устной рѣчью. Тотчасъ же, вслѣдъ за пустой формалистикой испытанія, былъ составленъ надлежащій актъ, на основаніи котораго должна была послѣдовать рѣшительная резолюція попечителя о мѣстѣ.

«При вторичномъ моемъ посѣщеніи я нашелъ Михаила Николаевича бодрымъ и преображеннымъ, съ легкимъ румянцемъ на лицѣ. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ со звѣздами и въ орденахъ, взглядъ его былъ веселый и давалъ мнѣ поводъ успѣшной надежды.

— «Здорово!.. Опять зачѣмъ?—встрѣтилъ меня онъ вопросомъ.

— «Безпокоить ваше превосходительство о моемъ назначеніи. Протоколъ изъ гимназіи уже пересланъ вамъ.

— «Читалъ, знаю... Распоряженіе сдѣлано. Получишь подорожную изъ канцеляріи и съ Богомъ... А теперь—прощай! я занятъ...

«Возвращаясь домой, дорогой занялся я вопросомъ: съ чего это составилась о Мусинѣ-Пушкинѣ нелестная репутація капризнаго деспота со всѣми, имѣющими къ нему какое бы ни было соприкосновеніе? Подъ грубой оболочкой онъ имѣлъ душу, способную къ добру, и минутами у него являлись непроизвольно проблески сердечной теплоты, но какъ сынъ своего вѣка, тогдашней аракчеевщины, Михаилъ Николаевичъ внутренно боролся съ дилеммой быть и казаться, и по укоренившемуся обычаю тѣхъ дней онъ слѣдовалъ второй... Какъ человѣкъ отъ природы горячій, безъ выдержанности, и какъ психическій и физическій страдалецъ отъ жестокой подагры, угнетавшей его хронически, Мусинъ-Пушкинъ временами бывалъ безгранично раздражителенъ, безпричинно вспыльчивъ и, впадая отъ этого въ случайныя опрометчивости, былъ бюрократически произволенъ. Не удивительно, что люди и поторопились создать изъ него сказочное страшилище.

«А что онъ не былъ таковъ, какимъ его баснословили, то вотъ доказательство, вотъ фактъ, за достовѣрность котораго я ручаюсь, ибо записанъ онъ мною со словъ очевидцевъ.

«Въ одномъ изъ петербургскихъ училищъ былъ дѣльный учитель русскаго языка, работяга неутомимый и знатокъ своего дѣла, но одержимый слабостію — напиваться до самозабвенія. Мусинъ-Пушкинъ хорошо его зналъ и даже отличалъ за успѣшные экзамены.

«Какъ-то однажды, по званію сенатора, Михаилъ Николаевичъ ѣдетъ въ сенатъ по Невскому проспекту и видитъ лежащаго на панели мертвецки-пьянаго господина, въ вицъ-мундирѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія; онъ приказалъ кучеру подъѣхать ближе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ тротуару. Взглянулъ черезъ толпу и что же видитъ?—Это былъ тотъ самый учитель, съ которымъ онъ не разъ входилъ въ дѣльные филологическіе разговоры.

— «Эй, городовой! городовой!—закричалъ онъ могучимъ голосомъ, но его не обрѣталось нигдѣ по весьма простой причинѣ: эти господа, подъ именемъ будочниковъ, всегда проводили неподвижно сонное существованіе у своей радужной будки, съ неизмѣнной алебардой въ старческихъ рукахъ.

— «Господа! Будьте настолько милосердны къ несчастному, втащите его въ мою карету.

«Добрые люди изъ толпы исполнили просьбу генерала, и добрѣйшій Михаилъ Николаевичъ, вмѣсто сената, неожиданно попалъ на квартиру штатнаго смотрителя, сдалъ ему свой незавидный багажъ и строго-настрого приказалъ не сообщать никому, не исключая и виновнаго, о происшедшемъ, а только ограничиться внушеніемъ послѣднему всей несообразности его жалкой слабости съ званіемъ учителя.

«Мѣра эта ознаменовалась чудомъ: когда впослѣдствіи несчастный узналъ о благородномъ поступкѣ попечителя, то отрѣшился навсегда отъ своей пагубной страсти и началъ новую жизнь на радость домашнихъ».

Прослужа почти годъ учителемъ въ городѣ Тотьмѣ, Вологодской губерніи, отецъ мой вынужденъ былъ испросить у своего мѣстнаго начальства отпускъ, чтобы хотя на короткій срокъ посѣтить Петербургъ, изъ котораго приходили вѣсти о здоровьѣ его матери, крайне тревожнаго свойства. Его ходатайство было уважено, и онъ снова возвратился на родину. Далѣе о Мусинѣ-Пушкинѣ онъ говоритъ:

«По пріѣздѣ въ столицу, я долженъ былъ предстать предъ крутымъ попечителемъ, терпѣть не могшимъ «учительскихъ отлыниваній» отъ службы, изъ какихъ бы побужденій эти отлыниванія ни происходили. Нужно было подходить къ Михаилу Николаевичу издалека, приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ добродушному Захарычу, служившему надежнымъ громоотводомъ нѣукротимаго нрава грознаго принципала, особенно въ минуту его вспышки. И странный за то человѣкъ былъ этотъ Захарычъ! Рабски-преданный Мусину-Пушкину, онъ подъ горячій часъ мужественно переносилъ полновѣсныя затрещины своего излюбленнаго «Михаила Николаича», а когда захочется, бывало, ему совершить возліяніе, то скорчитъ онъ такую плаксивую физіономію, что Мусинъ-Пушкинъ, въ умиленіи чувствъ, всегда открывалъ свой письменный столъ и, вынимая изъ него первую попавшуюся подъ руку кредитку, подавалъ ее Захарычу со словами:

— «Вотъ тебѣ на случайные расходы!

«Разумѣется, Захарычъ сейчасъ же расходовалъ этотъ подарокъ барина подъ ближайшей виноградной вывѣской.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Словомъ, понимали они другъ друга превосходнѣйшимъ образомъ и были довольны другъ другомъ безконечно.

«Старикъ Захарычъ былъ когда-то дядькой казеннокоштныхъ учениковъ излюбленной попечителемъ 3-й гимназіи, что̀ у Пустаго рынка. Простякъ, незлобивый, любимецъ дѣтей, и при всемъ томъ преданный поклонникъ рюмочки, онъ очень понравился Михаилу Николаевичу, сманившему его къ себѣ въ камердинеры и сдѣлавшему его непосредственнымъ докладчикомъ о просителяхъ, желавшихъ видѣть звѣздоноснаго генерала, игравшаго такую большую роль въ цензурѣ и по обширному округу.

«Про этихъ двухъ оригиналовъ разсказывали такой случай. Въ какой-то высокоторжественный день Михаилъ Николаевичъ собирался во дворецъ; Захарычъ, по обыкновенію, ему прислуживалъ, едва успѣвая подавать своему барину многочисленные ордена, которые Мусинъ-Пушкинъ предварительно цѣловалъ и потомъ уже надѣвалъ на себя.

«Вдругъ,—трахъ!—одинъ изъ орденовъ падаетъ на полъ.

«Михаилъ Николаевичъ вспыхнулъ, насупился... и трахъ! звонко раздается пощечина по простодушной физіономіи ни въ чемъ неповиннаго Захарыча.

«Неожиданность смутила камердинера, и глаза его непривычно заволоклись слезами. Это, въ свою очередь, смутило попечителя; моментально онъ смягчился, полѣзъ въ столъ и, схвативъ нѣсколько кредитокъ, вручилъ ихъ своему любимцу, снисходительно проговоривъ:

— «Пей!

«Захарычъ, разумѣется, не заставилъ повторить разрѣшенія и запилъ за здоровье добряка, позабывъ свои обязанности, къ которымъ вернулся тогда только, какъ увидалъ, что его баринъ украдкой самъ чиститъ свое платье.

«Меня крайне удручала тяжелая обязанность явиться къ попечителю съ повинною о скоромъ окончаніи отпуска и испрошеніи себѣ новаго на такой же срокъ. Какъ-то за двѣ недѣли до окончанія выданнаго мнѣ отпуска, я всталъ ранѣе обыкновеннаго и съ сердечнымъ замираніемъ поплелся въ Моховую, чтобы успокоить свое ретивое чѣмъ нибудь.

«На дорогѣ попадается мнѣ хорошій знакомый покойнаго отца, отставной генералъ-маіоръ артиллеріи Дмитрій Лонгиновичъ Зыскинъ, любимецъ великаго князя Михаила Павловича, всегда принимавшій въ матушкѣ живое участіе. Узнавъ отъ меня, что я иду къ попечителю, онъ посовѣтовалъ мнѣ потерпѣть недѣльку и вернуться домой, такъ какъ мою просьбу о продолженіи отпуска онъ считаетъ преждевременной. При этомъ онъ скрылъ отъ меня, что видѣлся уже съ Мусинымъ-Пушкинымъ и откровенно выяснилъ ему мое и матушкино положеніе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Истекаетъ урочная недѣля, и я снова отправляюсь къ попечителю. Меня встрѣчаетъ радушно Захарычъ.

— «А, здравствуйте! Давно васъ что-то не видно...

— «Далеко теперь служу, Захарычъ... А попечитель въ хорошемъ духѣ? Можно его видѣть?

— «Въ себѣ! — выразительно произнесъ старикъ и добавилъ:— Хотя и докладной день сегодня, но онъ въ полномъ смиреніи и тихъ... Ожидаемъ правителя канцеляріи... О васъ доложить Михаилу Николаевичу могу,—приметъ...

«Захарычъ просунулъ голову въ дверь кабинета попечителя и произнесъ мою фамилію.

— «Впусти!— слышу знакомый голосъ изъ сосѣдней комнаты.

«Вхожу въ кабинетъ и на этотъ разъ нахожу попечителя бодрымъ, съ самодовольнымъ выраженіемъ лица. Онъ, опираясь о суковатый костыль, который носилъ съ 1812 года вслѣдствіе контузіи, стоя прихлебывалъ изъ вмѣстительной своей чашки чай, закусывая его кренделемъ.

— «Лицо знакомо твое, но не помню. Гдѣ служилъ?

«Я назвалъ мѣсто своего служенія.

— «Ахъ, да, знаю! Изъ академіи ты?

— «Да, изъ медицинской.

— «Теперь помню. Зачѣмъ же ты здѣсь?

— «Вслѣдствіе тяжкой болѣзни матери.

— «А развѣ она крѣпко нездорова?

— «Сильно, ваше превосходительство.

— «Значитъ, лечить надо...

— «Лечится, ваше превосходительство.

— «Чего дразнишься! — полу-шутя, полу-сердито воскликнулъ Михаилъ Николаевичъ. — Знаю, что не такъ лежитъ... Что такое хотѣлъ я тебѣ сказать?.. Да! Недавно я посылалъ запросъ о твоемъ усердіи, поведеніи и службѣ, и получилъ удовлетворительный отвѣтъ отъ дирекціи. Это хорошо! Къ тому же, въ тебѣ принимаютъ участіе уважаемые люди... Поэтому я вотъ что надумалъ: въ Воздвиженскомъ училищѣ, въ Ямской, учитель переводится въ купеческую богадѣльню, а на его мѣсто я назначаю тебя, хоть это и вопреки моихъ постоянныхъ правилъ... Но ты не смѣй думать, что это для тебя, это для больной твоей матери; молокососамъ же я не потакаю, такъ ты и знай. Прощай!

«Вотъ двѣ характерныя встрѣчи мои съ симпатичнѣйшимъ Михаиломъ Николаевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, обрисованнымъ близорукими современниками почему-то тираномъ и извергомъ. Прежде всего онъ имѣлъ душу и умѣлъ дѣлать добро, по всѣмъ правиламъ христіанскаго ученія: правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая»...

М. Шевляковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НЕЛЬСОНЪ И ЭММА ГАМИЛЬТОНЪ.

I.

ЗНАМЕНИТЫЙ англійскій морской герой Горація Нельсонъ, одержавшій блестящія побѣды одну за другой отъ Абукира до Трафальгара, потерпѣлъ только одно пораженіе. Но пораженіе это оказалоеь на столько чувствительнымъ, что оно оставило тѣнь на его имени, увѣнчанной славой. Врагомъ тутъ было его собственное сердце. Мы разумѣемъ любовь его къ лэди Гамильтонъ. Объ этомъ эпизодѣ въ жизни Нельсона проф. Генрихъ Блохъ недавно собралъ наиболѣе достовѣрныя данныя изъ документальнаго матеріала, приведеннаго въ извѣстность въ послѣднее время. И вотъ что узнаемъ изъ этого этюда какъ о возлюбленной Нельсона, такъ и объ исторіи его любви.

Дочь горничной и неизвѣстнаго отца, Эмма Ліонсъ, родилась въ 1760 году въ Престонѣ (въ Валлисѣ). О воспитаніи ея никто не заботился. 13-ти лѣтъ она попала въ семью одного хирурга въ Гаварденѣ для присмотра за дѣтьми. Три года спустя, она поступила въ услуженіе на кухню къ одному лондонскому купцу, а затѣмъ сдѣлалась горничной у одной богатой дамы. Тутъ впервые она имѣла случай заглянуть въ тайны туалета свѣтской дамы и въ короткое время оказалась мастерицей по этой части. Не поладивъ съ своей госпожей, она отошла отъ нея и нашла себѣ пріютъ въ одной гостинницѣ Ковентъ-Гарденскаго квартала. Гостинница ежедневно посѣщалась писателями, живописцами, скульпторами, музыкантами и актерами. Они любовались необычайной красотой Эммы, и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

каждый старался угодить ей чѣмъ нибудь, такъ что въ короткое время Эмма выказала свои способности въ пѣніи, танцахъ и въ сценическомъ искусствѣ. Въ этомъ же кругу капитанъ Джонъ Вилле Пэнъ, вернувшись изъ удачнаго морскаго путешествія, влюбился въ Эмму и убѣдилъ ее сдѣлаться его подругой. Онъ окружилъ изысканной роскошью молодую дѣвушку, которая всего нѣсколько недѣль назадъ была скромной служанкой. Вскорѣ послѣ того ее похитилъ сэръ Гарри Физерстонгоу и увезъ въ Сусексъ. «Тамъ очаровательное существо нашло случай выказать новые таланты,—она сдѣлалась искусной наѣздницей и пожинала лавры отъ знатоковъ въ сельскомъ спортѣ всякаго рода. Но ея обожатель все болѣе и болѣе запутывался въ дѣлахъ, такъ что разрывъ сталъ неизбѣженъ». Тогда Эмма Ліонсъ вернулась въ Лондонъ.

Оставшись безъ всякой поддержки, она принялась распродавать свои дорогія платья и вещи. Отъ нужды избавилъ ее докторъ Грагэмъ, Каліостро низшаго разряда. Онъ хвастался изобрѣтеніемъ какого-то любовнаго напитка и особаго способа возстановленія силъ, который назывался имъ «Megalanthropogenesis». Когда онъ увидѣлъ красивую Эмму, то тотчасъ смекнулъ, что она можетъ оказать ему неоцѣнимыя услуги при эксплоатированіи легковѣрной толпы. Онъ объявилъ въ газетахъ о томъ, что можетъ представить живой наглядный примѣръ дѣйствія своего волшебнаго средства. Въ глубинѣ зала, фантастически освѣщеннаго, стояла пуховая постель, и на ней Эмма въ своей ослѣпительной красотѣ, подобно богинѣ, показывалась публикѣ. Любопытные собирались толпами посмотрѣть на нее. Весь Лондонъ заговорилъ о восхитительной богинѣ. Тутъ же познакомился съ ней и художникъ Георгъ Ромней, которому она позировала въ качествѣ модели для лучшихъ изъ его произведеній. Онъ писалъ ее то Цирцеей, Венерой, Калипсой, вакханкой, Ніобіей, то святой Цециліей, кающеюся Магдалиной, богиней чувственности, невинности, Мирандой и Констанцей для Шекспировской галереи. Тутъ же такъ сильно влюбился въ нее сэръ Чарльзъ Гревилль, потомокъ Варвика, «дѣлателя королей», что увлекъ ее отъ доктора Грагэма и разорился ради этой замѣчательной авантюристки. Въ домѣ Гревилля она долгое время была центромъ блестящаго общества, которое восхищалось ея красотой и разнообразіемъ дарованій. Эмма произвела на свѣтъ Гревиллю двухъ дочерей и одного сына. Но въ одинъ прекрасный день, когда послѣ восторговъ публики, слушавшей ея пѣніе, Гревилль серьезно ее пожурилъ за самообольщенное тщеславіе, она, не отвѣтивъ ему ни слова, отправилась въ свою комнату, уложила свои украшенія и пышныя платья, одѣлась въ простое платье, какое носила раньше, и предстала передъ Гревиллемъ съ заявленіемъ, что она желаетъ освободить его отъ своего присутствія. Это была уловка, позволившая ей покинуть своего разорившагося обо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жателя и давшая ей возможность плѣнить пріѣхавшаго тогда въ Лондонъ богатаго дядю его, англійскаго посланника при дворѣ короля Обѣихъ Сицилій, Вилліама Гамильтона. И дѣйствительно, она обратилась къ этому 60-ти-лѣтнему дипломату съ ходатайствомъ объ уплатѣ долговъ Гревилля. Дипломатъ, чувствительный къ красотѣ, попалъ въ ея сѣти. Онъ согласился уплатить долги племянника и жениться на его метресѣ. Вскорѣ этотъ слухъ распространился въ Лондонѣ. Король Георгъ III спросилъ своего посланника, правда ли это, и поспѣшилъ прибавить, что онъ не вѣритъ этому. «Прошу, ваше величество, не гнѣваться на меня,—отвѣчалъ старый дипломатъ,—съ сегодняшняго утра это дѣло рѣшенное». И Эмма Ліонсъ съ 6-го апрѣля 1791 года сдѣлалась супругой сэра Вилліама Гамильтона.

Съ этого дня началась новая эпоха въ ея жизни. Свадьба ея возбудила сильную сенсацію въ англійской столицѣ. Всѣ только и говорили что о новой посланницѣ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ ея шагомъ. Огромная толпа постоянно стояла передъ дворцомъ ея въ ожиданіи того момента, когда она выйдетъ садиться въ экипажъ. Въ салонъ ея устремлялись именитые люди. Художникъ Ромней писалъ о ней тогда слѣдующее: «Я обѣдалъ у сэра Вилліама Гамильтона. Вечеромъ тамъ пили чай многіе изъ лицъ избраннаго круга. Милэди уступила всеобщимъ просьбамъ и спѣла... Невозможно описать, какое удивленіе возбудила она своей игрой, своимъ пѣніемъ. Ея «Нина», однако-жъ, превзошла все, когда либо видѣнное мною и, прибавлю, видѣнное когда либо кѣмъ бы то ни было. Всѣ зрители проливали слезы, вѣрнѣе сказать, рыдали. Какая простота, какое величіе! Возвышенно, патетично, ужасно!... Галліани предлагалъ ей за сезонъ 2,000 луидоровъ и, сверхъ того, два бенефиса, если бы она пожелала заключить съ нимъ контрактъ; но она на всю жизнь связана съ сэромъ Вилліамомъ Гамильтономъ, и это, конечно, больше стоитъ».

Но при англійскомъ дворѣ Эмму, всетаки, не приняли. За то она съ почетомъ была встрѣчена при неаполитанскомъ дворѣ. Королева Марія-Каролина обошлась съ ней необыкновенно милостиво. Тутъ имѣлись въ виду и политическія соображенія. Королева видѣла въ тѣсномъ сближеніи съ Англіей источникъ спасенія для Неаполитанскаго королевства, а въ лэди Гамильтонъ угадала вліятельнѣйшую пособницу въ этомъ политическомъ союзѣ, направленномъ противъ Франціи. Въ смыслѣ этого же союза британскій вице-адмиралъ лордъ Гудъ, стоявшій во главѣ англичанъ въ борьбѣ съ республиканской Франціей, отправилъ капитана линейнаго корабля Горація Нельсона на «Агамемнонѣ» въ Неаполь, чтобы возможно скорѣе получить отъ Фердинанда IV военную помощь. Нельсонъ, ставши на якорь въ Неаполитанскомъ заливѣ, обратился къ Гамильтону съ ходатайствомъ передать просьбу Гуда неаполитан-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Горацiо Нельсонъ.

Съ картины Джона Гоппнера, (собственность англiйской королевы).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скому правительству. Британскій посланникъ послѣ первой встрѣчи съ морскимъ героемъ былъ внѣ себя отъ удивленія и восторга. «Вы увидите,—сказалъ онъ своей женѣ,—маленькаго человѣка, котораго едва ли можно считать красивымъ, но который, въ этомъ я убѣжденъ, удивитъ весь міръ. Это я усматриваю изъ нѣсколькихъ словъ бесѣды, какую имѣлъ съ нимъ. Относительно его я сдѣлаю исключеніе. Никогда еще я не пускалъ ни одного офицера подъ мою кровлю; но Нельсона мы помѣстимъ въ аппартаментахъ, предназначенныхъ для принца Августа». Гамильтонъ не предчувствовалъ тогда, что ему придется потомъ пожалѣть о томъ, что онъ нарушилъ свое правило. Конечно, ему и не могло прійдти на мысль, что онъ самъ же вводитъ въ свой домъ похитителя своей чести.

II.

Нельсонъ былъ вполнѣ доволенъ успѣшностью своей миссіи. Изъ Неаполя онъ доставилъ лорду Гуду значительное вспомогательное войско и для себя лично вынесъ наилучшія впечатлѣнія особенно отъ четы, оказавшей ему самое радушное гостепріимство. «Вы мнѣ по сердцу,—сказалъ онъ Гамильтону,—вы устроиваете дѣла по моему разумѣнію». Отъ лэди Гамильтонъ, которой тогда было 35 лѣтъ, онъ пришелъ въ восторгъ. «Эта молодая женщина,—писалъ онъ женѣ своей,—обладаетъ по истинѣ очаровательнымъ умѣньемъ обходиться съ людьми; и она дѣйствительно дѣлаетъ честь тому положенію, до какого возвысилась съ недавняго времени». Тайно уже начала прокрадываться въ сердце Нельсона страсть къ Эммѣ Гамильтонъ. Съ теченіемъ времени эта страсть сдѣлалась до такой степени неудержимой, что ради лэди Гамильтонъ онъ унижался передъ королевой Маріей-Каролиной, и этимъ запятналъ свою славу.

Тѣснѣе стало сближеніе его съ очаровательной лэди, когда исполнилось то, о чемъ незадолго передъ тѣмъ онъ просилъ Гамильтона извѣстить ее. «Скажите ей,—писалъ онъ Гамильтону,—что въ слѣдующій разъ я надѣюсь ей представиться или увѣнчаннымъ лаврами, или покрытымъ кипарисомъ».

Послѣ своей блестящей побѣды при Абукирѣ онъ вступилъ въ Неаполь «Нильскимъ побѣдителемъ». Въ письмѣ къ женѣ онъ описалъ оказанный ему тогда пріемъ: «Сэръ Вилліамъ и лэди Гамильтоны выѣхали мнѣ навстрѣчу, въ сопровожденіи множества парусныхъ судовъ и лодокъ, украшенныхъ эмблемами и вымпелами. Оба они только-что оправились отъ болѣзни. Болѣзнь и тревога, а затѣмъ чувство наивысшаго удовлетворенія и необычайной радости такъ потрясли ихъ. Безъ всякихъ предосторожностей милэди сообщили радостную вѣсть. Для нея это было слишкомъ много, она была поражена, какъ молніей, и упала безъ чувствъ. Еще теперь остались слѣды этого паденія на ея красивомъ челѣ. Мои досто-

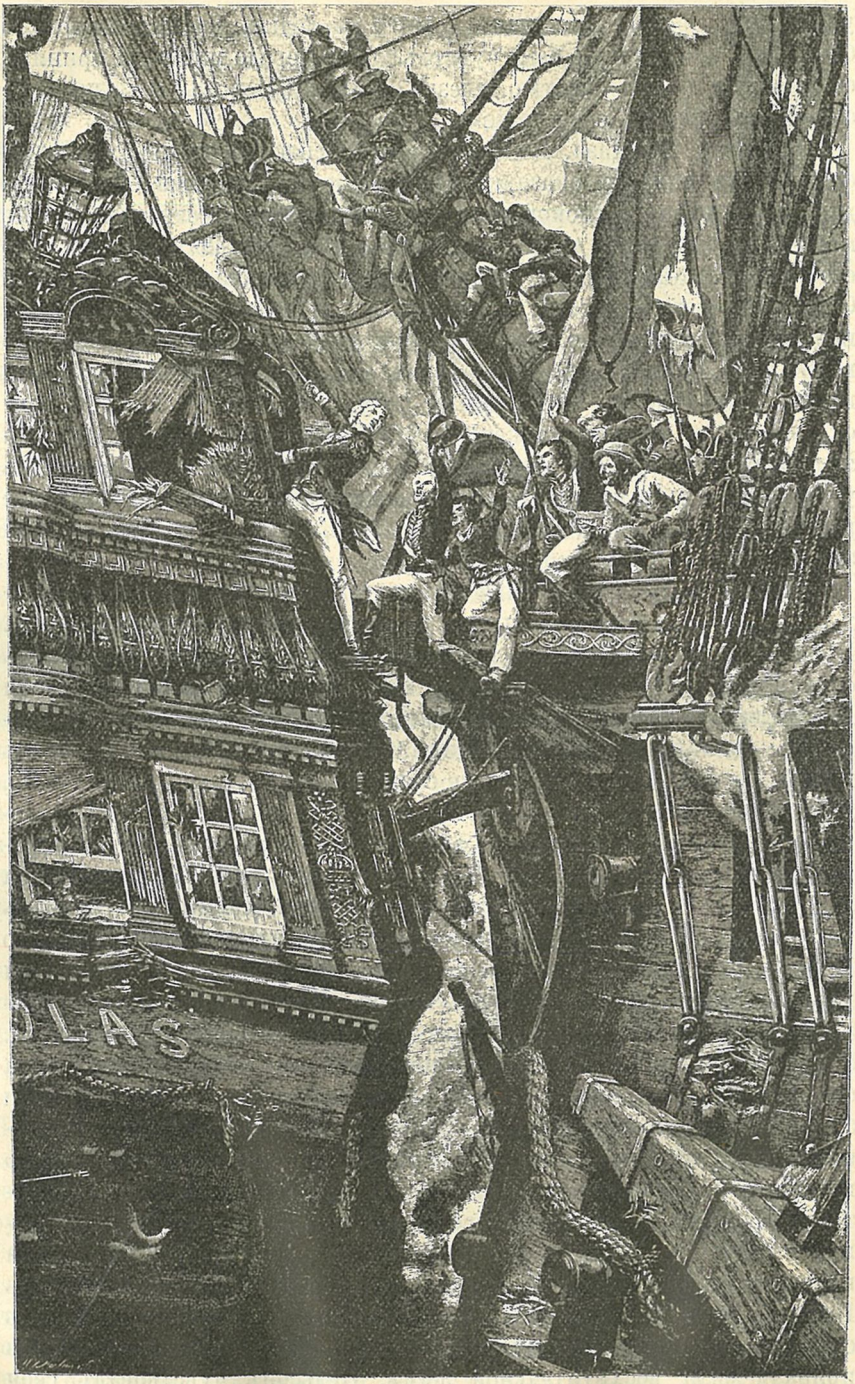
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

уважаемые друзья подъѣхали ко мнѣ на лодкѣ. Сцена на кораблѣ была ужасна. Милэди безъ чувствъ упала передо мною. Я принялъ ее за мертвую. Къ счастью, слезы ея нашли выходъ, и тотчасъ же она почувствовала облегченіе».

Она открыла глаза. Взглядъ ея встрѣтился со взглядомъ Нельсона. Этотъ моментъ оказался рѣшительнымъ для всей его жизни, для его душевнаго спокойствія. Съ этой минуты Нельсонъ уже не могъ уйти отъ чаръ лэди Гамильтонъ. Ему только казалось, что его приковываетъ къ Эммѣ самая безкорыстная, самая чистая дружба. О такихъ своихъ чувствахъ къ ней онъ сообщалъ своей женѣ: «Я надѣюсь,—писалъ онъ тогда,—черезъ нѣсколько дней представить вамъ лэди Гамильтонъ. Она — одна изъ превосходнѣйшихъ женщинъ. Она дѣлаетъ честь своему полу... Я живу у нихъ и могу сказать вамъ, что расположеніе и вниманіе такихъ друзей, какими являются относительно меня лэди и ея супругъ, способны прогнать угнетавшую меня тоску о долгомъ отсутствіи васъ и поправить мое разстроенное здоровье. Вы ихъ полюбите, подобно мнѣ, какъ они заслуживаютъ быть любимыми всѣми».

Любовь Нельсона къ Эммѣ Гамильтонъ все болѣе росла съ каждымъ днемъ. Незамѣтно для него самого его начала терзать страсть. Въ своихъ оффиціальныхъ письмахъ онъ никогда не пропускаетъ случая вставить хоть словечко о лэди. «Я пишу касательно лэди Гамильтонъ,—говорится въ одномъ изъ писемъ къ лорду С.-Винсенту,—и, надѣюсь, вы поймете галиматью этого письма. На моемъ мѣстѣ вы писали бы еще менѣе связно. Когда сердце взволновано, дрожатъ руки... Неаполь—опасное мѣсто; я долженъ поскорѣе покинуть его». Но онъ уже не властенъ былъ развязаться съ угрожавшими ему опасностями. Напротивъ, онъ былъ радъ, что дѣла заставили его пробыть дольше въ Неаполѣ. Такимъ-то образомъ изъ строгаго пуританина, постоянно въ свободные часы читавшаго Библію, онъ превратился въ сибарита, который охотно отдавался удовольствіямъ и пріятностямъ жизни. На увѣщанія своего преданнаго друга Александра Дависона онъ мало обращалъ вниманія. Дависонъ напоминалъ ему о безпокойствѣ его жены. Она просила его передать Нельсону, что она сама пріѣдетъ въ Неаполь, если онъ не вернется въ скоромъ времени. «Не злоупотребляйте нѣжными чувствами женщины; они слишкомъ тонки, чтобъ можно было выразить ихъ словами». Но все было напрасно. На благо правителей Неаполя и въ то же время въ интересахъ Англіи онъ ринулся въ войну противъ Франціи потому, что лэди Гамильтонъ умѣла побудить его къ этому. И когда онъ одержалъ новую побѣду въ Палермо, гдѣ въ то время находился неаполитанскій дворъ, онъ сдѣлался предметомъ новыхъ овацій. Иниціатива въ данномъ случаѣ принадлежала восхитительной Эммѣ. Нельсонъ чувствовалъ себя чрезвычайно счастливымъ. «Я живу у сэра Вилліама и лэди Га-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Нельсонъ въ битвѣ при Сенъ-Винсенѣ, 14-го февраля 1797 г.
Съ картины Франка Баденъ-Поуэлля.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мильтоновъ,—писалъ онъ тогда лорду Минто,—и потому касательно своей домашней жизни могу сказать только одно: я счастливъ и ничто не нарушаетъ моего спокойствія, кромѣ голоса политики». Но что думало о немъ общественное мнѣніе въ Лондонѣ, гдѣ исключительныя отношенія героя Абукира и Неаполя къ семьѣ британскаго посланника уже стали предметомъ обыденныхъ толковъ, безпокоилась ли его жена, ему это было все равно, разъ около него находилась лэди Гамильтонъ.

Въ Лондонѣ, однако, рѣшили положить конецъ этой связи отозваніемъ Гамильтона. Теперь и Нельсонъ возвратился на родину, «Нильскаго побѣдителя» осыпали тамъ почестями. Свидѣтельницей его тріумфовъ явилась его горячая почитательница. Но жена не принимала участія въ нихъ. Онъ вернулся послѣ двухлѣтней разлуки, во время которой стяжалъ себѣ безсмертную славу, но жена отстранилась отъ него. Что значили для нея лавры этого Нельсона, который лишилъ ее душевнаго спокойствія? И она холодно встрѣтила своего знаменитаго мужа. Отношенія ихъ сдѣлались невыносимыми. Однажды Нельсонъ завтракалъ съ женой и другомъ своимъ Вилліамомъ Гасльвудомъ. Въ разговорѣ онъ упомянулъ о «дорогой лэди Гамильтонъ». Жена Нельсона, услышавъ это имя, рѣшительно встала съ своего мѣста: «Эта «дорогая лэди Гамильтонъ» надоѣла мнѣ до тошноты, и я рѣшила, что или меня, или ее вы должны оставить». И затѣмъ, не обращая вниманія на спокойное замѣчаніе мужа, она покинула его домъ, и онъ не видалъ ее болѣе передъ своимъ отъѣздомъ въ Плимутъ. На свои неоднократныя письма, въ которыхъ онъ искалъ примиренія съ женой, онъ не получалъ никакого отвѣта.

Но къ лэди Гамильтонъ онъ привязался еще сильнѣе, когда у нея родилась дочь, которой дано было имя Гораціи Томсонъ. «Томсонъ» была подставная фамилія. Дочерью же подарила его лэди Гамильтонъ. Этимъ объясняется и то, что Нельсонъ со времени возвращенія Гамильтона изъ Неаполя не разъ помогалъ ему большими суммами и уплачивалъ его долги. Ничто уже не могло охладить его отношеній къ «драгоцѣннѣйшей Эммѣ». Изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, куда его посылали для войны, онъ писалъ къ ней нѣжнѣйшія письма. Онъ постепенно добивался разрѣшенія вернуться въ Лондонъ, а когда ему отказывали въ этомъ, онъ приглашалъ къ себѣ Гамильтоновъ. Наконецъ, желаніе его исполнилось. Онъ могъ поселиться въ Лондонѣ на продолжительное время.

Вскорѣ затѣмъ (1803 года) умеръ сэръ Вилліамъ Гамильтонъ. Нельсонъ принялъ на себя заботы о вдовѣ его. Въ своемъ завѣщаніи онъ оставилъ имѣніе въ Мертонѣ ей и ея наслѣдникамъ. А когда его назначили стать во главѣ англійскаго флота въ Средиземномъ морѣ, онъ въ письмахъ къ своей «сердечной подругѣ, дороже жизни», къ которой «любовь и привязанность превосходятъ все на свѣтѣ»,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

завѣрялъ ее въ своей неизмѣнной вѣрности, въ своей неугасающей любви. Только эта любовь могла побудить его выпрашивать у англійскаго правительства пособія изъ государственной казны для лэди Гамильтонъ «во вниманіе къ услугамъ, оказаннымъ ею странѣ», и ходатайствовать за нее у герцога Гамильтона, главы фамиліи ея покойнаго мужа.

13-го января 1805 года Нельсонъ опять отправился на войну. Близъ мыса Трафальгаръ произошла битва, въ которой отважный герой, доставивъ англійскому флоту новые лавры, палъ отъ раны. Умирая, онъ вспоминалъ о своей Эммѣ и Горація, которыхъ поручалъ заботамъ признательной націи. Но хотя англійскій парламентъ ассигновалъ въ пользу семьи Нельсона 120,000 фунтовъ стерлинговъ, предсмертное желаніе героя было оставлено безъ вниманія. Эмму стали тѣснить ея кредиторы, она должна была спасаться отъ ихъ преслѣдованій, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ не настигъ ее и не засадилъ въ долговую тюрьму. Одинъ изъ горячихъ почитателей Нельсона добился освобожденія ея изъ заключенія, но боязнь дальнѣйшихъ гоненій заставила ее бѣжать въ Калле, гдѣ до смерти ея (5-го января 1815 года) помогала ей одна сострадательная женщина. Даже и послѣ кончины ее преслѣдовала судьба. Покровительница ея хотѣла поставить ей надгробный памятникъ, но этого ей не разрѣшили, такъ какъ Эмма была протестантка. А въ слѣдующемъ году уничтожили самое кладбище, гдѣ покоился ея прахъ, и такимъ образомъ утраченъ всякій слѣдъ отъ ея костей.

Ѳ. Б.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ. Выпускъ первый. Спб. 1892.

КЪ ПРАЗДНОВАНІЮ своего полувѣкового существованія, въ видѣ отдѣленія академіи наукъ, наша бывшая «Россійская академія», основанная Петромъ Великимъ и ограниченная въ своей дѣятельности Николаемъ I, издала первый выпускъ новаго словаря русскаго языка. Съ искреннею признательностью встрѣтятъ всѣ русскіе люди этотъ трудъ представителей русской науки, отвоевывающей понемногу принадлежащее ей по праву первое мѣсто среди иноземныхъ элементовъ академіи наукъ. Въ академическомъ словарѣ чувствуется настоятельная необходимость, такъ какъ со времени изданія неудачнаго «Словаря церковнославянскаго и русскаго языка» прошло уже также почти полстолѣтія. Правда, въ это время словарь этотъ былъ выпущенъ въ свѣтъ частнымъ книгопродавцемъ вторымъ изданіемъ, но представляющимъ только точное воспроизведеніе перваго, безо всякихъ поправокъ и дополненій; вышли также «Областной словарь» и два изданія «Толковаго словаря» Даля,—послѣднее въ 1880 году, но колоссальный трудъ одного человѣка не могъ замѣнить труда офиціальнаго ученаго общества. Теперь оно даритъ насъ такимъ трудомъ, вообще заслуживающимъ полнаго вниманія и одобренія. Его нельзя назвать вторымъ изданіемъ, такъ какъ онъ совершенно переработанъ подъ главною редакціею Я. К. Грота, на новыхъ основаніяхъ. Посмотримъ, какія это основанія и можно ли безусловно съ ними согласиться.

Прежде всего нельзя не упрекнуть редакцію, что она слишкомъ коротко и сжато говоритъ объ этихъ основаніяхъ. Десять не полныхъ страницъ крупнаго шрифта введенія оставляютъ безъ отвѣта многіе вопросы, которые можно бы сдѣлать относительно веденія дѣла. О самомъ ходѣ работы по изданію сло-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

варя говорится очень кратко. Сказано только, что тотчасъ послѣ появленія словаря въ 1847 году отдѣленіе начало составлять дополненія къ нему, но «другія предпріятія, которымъ посвящалась дѣятельность отдѣленія, были причиною того, что этотъ трудъ надолго былъ отложенъ». Не говоримъ уже о томъ, что никакимъ предпріятіямъ не слѣдовало отдавать предпочтеніе передъ главною цѣлью академіи—составленіемъ словаря, какія же важныя предпріятія отвлекли ее отъ исправленія и дополненія своего труда? Предисловіе говоритъ, что еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ выработана была програма новаго словаря исключительно русскаго языка, такъ какъ «нельзя въ одномъ трудѣ соединить всѣ періоды историческаго развитія языка». Но неужели для осуществленія этой важной мысли, до которой не додумалась редакція перваго словаря, потребовалось болѣе сорока лѣтъ, прошедшихъ съ той поры? Новая редакція не упоминаетъ, когда она приготовила и начала печатать вышедшій нынѣ первый выпускъ, а знать это публикѣ очень важно, чтобы разсчитать: можно ли ей начать пріобрѣтать выпуски словаря или предоставить эту заботу своему потомству, если пройдетъ еще сорокъ лѣтъ до окончанія словаря. Ни о какихъ срокахъ его выхода, ни о томъ, сколько буквъ готово къ печати, не говорится ни слова. (А между тѣмъ въ отчетѣ академіи сообщено, что словарь древнерусскаго языка, составлявшійся Срезневскимъ, напечатанъ до буквы З). Что новый словарь будетъ являться выпусками, это очень хорошо, и такъ выходятъ всѣ европейскіе словари, даже цѣна выпуска 85 копѣекъ за 18 листовъ большого формата, въ два столбца по 68 строкъ на столбцѣ, не дорога относительно, хотя можно было бы оставить прежде назначенную цѣну—65 коп., по какой выпускъ и продавался первые дни, и не надбавлять 20-ти коп. въ пользу книгопродавцевъ, которые могли бы обойтись и безъ барыша на такое изданіе. Но число выпусковъ и срокъ появленія второго выпуска слѣдовало бы опредѣлить хоть приблизительно. А то вѣдь опять какія нибудь новыя академическія предпріятія отодвинутъ до греческихъ календъ продолженіе выпусковъ. Новый словарь посвященъ «собственно общеупотребительному въ Россіи литературному и дѣловому языку въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со времени Ломоносова» (хотя собственно литературный и дѣловой языкъ образовался послѣ Ломоносова). «Словарь — истолкователь живого языка, но не исключаетъ изъ него такихъ словъ, которыя хотя и вышли изъ употребленія, но встрѣчаются въ сочиненіяхъ, относящихся къ періоду, обнимаемому словаремъ». Стало быть, это уже противорѣчитъ мнѣнію, высказанному редакціей выше, что не слѣдуетъ «въ одномъ трудѣ соединять періоды историческаго развитія языка». Мы такъ быстро шли впередъ по пути этого развитія въ послѣднія сто лѣтъ, что множество словъ даже екатерининскаго времени и особенно ихъ формы и значеніе, теперь уже давно забыты и брошены. Но допустивъ ихъ даже въ словарь, необходимо оговорить, что они вышли изъ употребленія, а этого редакція не дѣлаетъ. Такъ, она помѣщаетъ слово аѳей, аѳеизмъ, потому что Пушкинъ въ двухъ письмахъ своихъ молодыхъ годовъ употребилъ эту неправильную по выговору форму. Но не говоря уже о томъ, что относительно правописанія поэтъ нашъ былъ не безъ грѣха, къ чему дѣлать особыя слова, когда тутъ же приведены атей, атеизмъ? Вѣдь ужъ если хотѣлось редакціи указать, что Пушкинъ употребилъ другую форму этого слова, можно было упомянуть объ этомъ при словѣ атей, а то при немъ сказано: сравни аѳей. Но вѣдь если

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

это слово попадется въ словарѣ иностранцу, изучающему русскій языкъ, развѣ не можетъ онъ подумать, что такъ слѣдуетъ писать и произносить и теперь, такъ какъ у этого слова нѣтъ никакой ссылки, что оно не общеупотребительно. Въ толковомъ словарѣ Даля нѣтъ и помину объ аѳеяхъ, какъ не слѣдовало бы имъ давать мѣсто и въ словарѣ живого русскаго языка.

Допуская въ этомъ словарѣ славянскія и областныя слова, употребляемыя въ литературномъ языкѣ, редакція говоритъ, что лучше въ этомъ случаѣ давать лишнее, чѣмъ опускать, объ излишествѣ чего могутъ быть спорныя мнѣнія. Съ этимъ можно согласиться по отношенію къ отдѣльнымъ кореннымъ, но не къ производнымъ словамъ. А такихъ пришлыхъ, производныхъ спорныхъ словъ — очень много. Возьмемъ хоть въ концѣ другой буквы Б слово бѣлый, отъ котораго производится множество словъ. Почему словарь помѣщаетъ бѣлёхонекъ и бѣлёшенекъ, а не бѣлёхонькій и бѣлешенькій; затѣмъ идутъ сложные: бѣлобокій, бѣлобрюхій, бѣлорукій, бѣломордый, и др. Отчего же нѣтъ бѣлорылаго, бѣлоногаго, бѣлорогаго, бѣлоносаго, бѣлошейнаго? Можно и еще набрать такихъ сложныхъ словъ. Ихъ нѣтъ и у Даля, за то у него въ «гнѣздѣ» бѣлый — множество областныхъ словъ, обставленныхъ поговорками и пословицами, на которыя не очень щедръ академическій словарь, имѣющій за то полное основаніе хвалиться примѣрами употребленія многихъ словъ нашими лучшими писателями. Это не замѣняетъ, конечно, отсутствія такихъ характерныхъ пословицъ, какъ напримѣръ, при словѣ Богъ: «Богъ-то Богъ, да не будь самъ плохъ», но обиліе цитатъ изъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Салтыкова и даже новѣйшихъ писателей вознаграждаетъ за бѣдность народныхъ поговорокъ. Во всякомъ случаѣ скорѣе можно было выбросить этихъ бѣломордыхъ и бѣлорукихъ, чѣмъ слова—вырытіе, вырѣзаніе, выжженіе и т. п., которыя редакція называетъ только возможными. Изъ техническихъ и научныхъ терминовъ въ словарь внесены выраженія, встрѣчающіяся во вседневномъ быту; то же правило соблюдено и по отношенію къ словамъ иностраннаго происхожденія; напрасно только редакція говоритъ, что эта отрасль лексикографіи у насъ слишкомъ бѣдна; напротивъ, у насъ не мало сборниковъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, да и наши энциклопедическіе словари переполнены такими словами. Всѣ слова, начинающіяся съ буквы *а*, у насъ заимствованныя, кромѣ ась и авось. Редакція присоединяетъ къ нимъ: алый и алкать, но ал потатарски значитъ красный. Даль принимаетъ еще: акать, аукать, ахать, но они происходятъ отъ междометій, свойственныхъ всѣмъ языкамъ. Собственныхъ именъ въ словарѣ нѣтъ, допущены только этнографическія. Всего слабѣе въ новомъ словарѣ опредѣленіе дѣленія словъ (оно гораздо точнѣе, обширнѣе и толковѣе у Даля) и объясненіе происхожденія словъ. Этимологическими свѣдѣніями словарь не блеститъ, и редакція прямо заявляетъ, что онъ имѣетъ преимущественно характеръ практическій. Но и въ справочной книгѣ научныя данныя — далеко не лишнія, а составъ редакціи словаря таковъ, что въ ней участвуютъ достаточныя ученыя силы. Черновая работа поручена четыремъ молодымъ ученымъ, затѣмъ въ засѣданіяхъ второго отдѣленія корректурные листы просматриваютъ 5 академиковъ подъ предсѣдательствомъ Я. К. Грота; листы разсылаются потомъ членамъ другихъ отдѣленій и извѣстнымъ лицамъ внѣ академіи. Кромѣ этого, множество добровольцевъ присылаютъ свои замѣча-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нія, и дѣло, поставленное такимъ образомъ на твердую почву, ведется вполнѣ основательно и добросовѣстно. Необходимо только, чтобы оно быстро подвигалось впередъ, хотя редакція и говоритъ, что это невозможно при такой сложной работѣ. Но неужели нельзя найти средствъ къ ускоренію изданія, въ которомъ участвуетъ столько вполнѣ компетентныхъ лицъ? Академія, побуждаемая Николаемъ I, въ шесть лѣтъ составила первый словарь: онъ вышелъ очень плохъ, но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло 44 года. Во сколько же лѣтъ еще дождемся мы появленія новаго словаря?

Вл. З.

Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. (Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу). Составилъ преподаватель Нижегородской классической гимназіи и педагогическаго класса Нижегородской Маріинской женской гимназіи, А. Кролюницкій. М. 1892.

Мы жадно схватились за эту книгу, предполагая въ ней найти практическое руководство къ преподаванію исторіи въ классѣ... Мы имѣли полное право ожидать этого отъ учителя, который даже и самъ, на обертвѣ своего труда, сообщаетъ намъ, что онъ преподаетъ и въ классической мужской гимназіи, и въ педагогическомъ классѣ женской гимназіи... Практическія указанія стараго опытнаго учителя, много лѣтъ преподающаго свой предметъ юношеству обоего пола, могутъ быть чрезвычайно важны и въ высшей степени назидательны, именно какъ матеріалъ для методики предмета. Но—увы! —заглавіе книги, весьма заманчивое, привело насъ къ горькому разочарованію! Въ книгѣ г. Кролюницкаго мы нашли не «Опытъ методики элементарнаго курса исторіи», а только опытъ составленіи толстой книги изъ чужихъ статей съ нѣкоторымъ добавленіемъ никому ненужныхъ собственныхъ размышленій. Вмѣсто того, чтобы просто и безпритязательно ознакомить насъ съ тѣмъ, какъ онъ самъ преподавалъ исторію своимъ ученикамъ, какъ «проработывалъ» съ ними курсъ по программамъ и учебникамъ, г. Кролюницкій съ замѣчательнымъ усердіемъ собралъ въ одну обложку отрывки и выписки изъ разныхъ авторовъ-педагоговъ о преподаваніи исторіи, о различныхъ методахъ его, о задачахъ и цѣляхъ изученія исторіи и т. д. Мы бы еще поняли и даже оцѣнили бы усердіе г. Кролюницкаго, если бы онъ представилъ намъ сборникъ мнѣній и отзывовъ о преподаваніи исторіи, высказанныхъ великими учеными, знаменитыми педагогами и классическими авторами обширныхъ историческихъ трудовъ... Но мы рѣшительно не можемъ себѣ представить, кому, напримѣръ, могутъ быть полезны или даже нужны мнѣнія о преподаваніи исторіи, высказанныя г. Беллярминовымъ (авторомъ весьма плохихъ учебниковъ) или такими авторитетами, какъ гг. Сиповскій, Михайловскій, Овсянниковъ или Никольскій? Кому могутъ быть полезны длинныя выписки изъ старыхъ педагогическихъ журналовъ и изъ педагогическаго отдѣла «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»? Какому педагогу могутъ быть назидательны хоть бы такія умствованія г. Стасюлевича: «Прошедшее знать точно также трудно, какъ и будущее (!?); если увѣренность въ непреложности нѣкоторыхъ общественныхъ законовъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

доставляетъ намъ возможность говорить о вѣроятности того, что можетъ случиться, то для познанія прошедшаго мы не имѣемъ и такого удобства» и т. д.

А вотъ еще образецъ ненужныхъ разглагольствованій о «сагѣ»: «Сага по своимъ свойствамъ есть лучшее средство для возбужденія въ ученикахъ интереса къ исторіи и по своей внутренней истинѣ она вполнѣ способна пролить яркій свѣтъ на отдѣльные, сами по себѣ (?) темные періоды исторіи. Такъ разсуждая (?), вполнѣ невозможно (sic!) изгнать сагу совсѣмъ изъ школы по важности ея (саги или школы?) для исторіи». Смѣемъ увѣрить г. Кролюницкаго, что, «такъ разсуждая», можно довести учителя до полнѣйшаго одуренія!

Но, можетъ быть, приведенныя нами цитаты изъ книги г. Кролюницкаго представляютъ неудачныя выдержки изъ общеизвѣстнаго педагогическаго матеріала! Можетъ быть, тамъ, гдѣ г. Кролюницкій говоритъ «самъ отъ себя», онъ сообщаетъ нѣчто важное въ смыслѣ методики преподаванія и это «важное» излагаетъ ясно, точно и кратко, какъ подобаетъ хорошему преподавателю. Открываемъ стр. 355 и въ статьѣ «о личности и обязанностяхъ учителя» находимъ цѣлый рядъ курьезовъ, допущенныхъ г. Кролюницкимъ въ разсужденіи на эту важную тэму:

«Кромѣ знанія предмета на столько, на сколько это необходимо при требованіяхъ отъ учителя, какъ преподавателя (?), учитель долженъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать свѣдѣній, по мѣрѣ того, какъ будетъ расширяться его взглядъ. Жалкое будетъ (?) положеніе того учителя, который знаетъ только то, что необходимо для его преподаванія, и котораго дальнѣйшее развитіе вопроса (какого ?) можетъ поставить въ затрудненіе»... «Если ученики должны быть введены въ самую жизнь исторіи (sic!), то учитель долженъ стараться пріобрѣсти гораздо больше этого свѣдѣній»... Какой ужасный сумбуръ и какой невѣроятный языкъ! Если г. Кролюницкій преподаетъ исторію своимъ ученикамъ и ученицамъ такимъ языкомъ и съ такою же ясностью, то мы можемъ только пожалѣть объ учащихся. Еще болѣе жалѣемъ о томъ времени, которое авторъ потратилъ на составленіе своей безполезной и никому ненужной книги. П. П.

„Библіографическія записки“. № 1. Москва. 1892. „Посредникъ печатнаго дѣла“. № 1. Спб. 1892.

До настоящаго времени у насъ существовали два изданія, посвященные библіографіи, именно «Библіографъ», издающійся восьмой годъ, и «Книжный Вѣстникъ». Въ текущемъ году начали выходить еще два подобные же журнала: «Библіографическія Записки» и «Посредникъ печатнаго дѣла», начертавшій почему-то на своей обложкѣ: «изданія годъ второй». «Библіографическія Записки» поставили своей задачей занять мѣсто извѣстнаго журнала съ такимъ же заглавіемъ, который издавался въ 1858, 1859 и 1861 гг. и въ ожиданіи «болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ» прекратился. Эти «болѣе благопріятныя обстоятельства», по мнѣнію редакціи новаго журнала, наступили теперь, и это видно изъ того, что «стало возможнымъ одновременное существованіе трехъ библіографическихъ журналовъ» (стр. 4). Редакція немного самоувѣренно говоритъ о будущемъ. Вопросъ вѣдь еще возможно ли будетъ это существованіе, да и что это будетъ за существованіе? Впрочемъ, это покажетъ будущее. Относительно настоящаго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

можно сказать слѣдующее. Первая книжка «Библіографическихъ Записокъ» составлена недурно, хотя особеннаго ничего въ себѣ не заключаетъ. Журналъ распадается на нѣсколько отдѣловъ. Въ первомъ помѣщены статьи, во второмъ—критическія замѣтки, затѣмъ опять статьи, хроника, вопросы съ отвѣтами и смѣсь. Изъ статей наиболѣе важными нужно назвать работы Д. Языкова: «Писатели и писательницы, умершіе въ 1891 году» (стр. 33 — 38) и «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей за 1887 годъ», помѣщенный въ приложеніи. Статья г. Остроглазова о С. Д. Полторацкомъ, снабженная портретомъ Полторацкаго, имѣетъ значеніе главнымъ образомъ по библіографическимъ указаніямъ, собраннымъ очень тщательно. Н. В. Сторожевъ сообщилъ «два челобитья», найденыя имъ въ архивѣ министерства юстиціи, имѣющія историко-юридическій интересъ и значеніе для опредѣленія взаимныхъ отношеній крестьянства и дворянства во второй половинѣ XVII вѣка. Интересна также замѣтка Ѳ. И. Булгакова—«Новое объ изобрѣтеніи книгопечатанія», говорящая о томъ, что Гуттенбергъ еще до 1440 г. печаталъ отдѣльными литерами. Въ замѣткѣ г. Снегирева «Первинка русскаго книгопечатанія» сказано нѣсколько словъ по поводу такъ называемаго первопечатнаго апостола 1564 г., причемъ не упомянуто даже мнѣніе Викторова, который не считаетъ этого апостола первопечатнымъ и доказываетъ, что лѣтъ десять до него въ Москвѣ печатались книги. Что же касается до статей г. Барсова, если только ихъ можно назвать статьями, то онѣ, кажется, сводятся къ тому лишь, чтобы сказать, хоть самому о себѣ: «Обширное собраніе Барсова, по числу рукописей равняющееся книгохранилищу Погодина, а по систематичности собранію Ундольскаго, отличается наилучшимъ подборомъ списковъ» (стр. 6).

Другой библіографическій журналъ «Посредникъ» вышелъ въ Петербургѣ и, помимо «Посредника печатнаго дѣла», называется еще: «ежемѣсячный иллюстрированный журналъ издательской дѣятельности и графическихъ искусствъ». О содержаніи его говорить довольно мудрено, такъ какъ онъ совершенно безсодержателенъ. На первомъ мѣстѣ напечатанъ высочайшій манифестъ о смерти великаго князя Константина Николаевича, который можно найдти во всѣхъ газетахъ, затѣмъ хроника, каталогъ, рецензіи, объявленія. Очень жаль, что мы не имѣемъ возможности переписать здѣсь замѣтокъ г. Книгоѣда: «Нашъ книжный антикваріатъ», «Издательское дѣло въ 1891 г.» и др. Авторъ, напримѣръ, дѣлая обзоръ науки и литературы за прошлый годъ, не нашелъ тамъ ровно ничего выдающагося и самымъ серьезнымъ, авторитетнымъ образомъ заявляетъ: «Наука еще кое-что дала въ минувшемъ году, но популярныхъ книгъ, да притомъ съ дѣльнымъ содержаніемъ, очень не много». Здѣсь же, кромѣ того, приведено описаніе «Географіи Вареніія 1718 г.», уже описанной Пекарскимъ, и «Практическое руководство для корректора», который, какъ видно изъ руководства, долженъ быть человѣкомъ всесторонне образованнымъ, «отлично знать типографское дѣло, долженъ обладать обширными познаніями по грамматикѣ, географіи, орѳографіи, исторіи, знать основные элементы математическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ». Нужно ли такому человѣку руководство «Посредника», не знаемъ. Думаемъ, что врядъ ли оно ему понадобится. Судя же по первой книжкѣ журнала, можно думать, что тамъ не только корректора, но, кажется, и редактора съ такими познаніями нѣтъ. **В. Б.**

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. 1791—1891. Критико-біографическій очеркъ Виктора Острогорскаго. Съ портретомъ, гравированнымъ на стали. Спб. 1891.

20-го сентября прошлаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія С. Т. Аксакова, и настоящій «очеркъ» составляетъ приложеніе къ юбилейному изданію (Н. Г. Мартынова) сочиненій знаменитаго автора «Семейной хроники» и «Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука». Этотъ «очеркъ», подобно другимъ этюдамъ о русскихъ писателяхъ В. П. Острогорскаго (о Гончаровѣ, Помяловскомъ, Лермонтовѣ), не есть научный трудъ, разсчитанный на спеціалистовъ, а представляетъ собою мастерское популярное изложеніе общеизвѣстнаго біографическаго матеріала, почерпнутаго главнымъ образомъ изъ произведеній самого Аксакова, съ указаніемъ историко-литературнаго значенія сочиненій названнаго автора.

«Отецъ двухъ высоко даровитыхъ сыновей, Константина и Ивана Сергѣевичей, наиболѣе горячихъ и искреннихъ представителей славянофильства Сергѣй Тимоѳеевичъ представляетъ въ нашей литературѣ явленіе совершенно особенное, оригинальное. Между тѣмъ, какъ крупнѣйшіе представители ея, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ, и многіе другіе еще въ молодости составляютъ себѣ громкое имя и сходятъ въ могилу, не достигши даже пятидесяти лѣтъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ, кое-что только переводившій для театра да пописывавшій незначительныя театральныя рецензіи, вдругъ на 56 году жизни выступаетъ съ оригинальной книгой «Записки объ уженьѣ рыбы», обратившей на себя общее вниманіе, а 65 и 67 лѣтъ, на краю могилы, выпускаетъ въ 1856 и 1868 гг. «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы Багрова-внука», сразу поставившіе его въ рядъ самыхъ крупныхъ представителей русской художественной литературы». Чѣмъ объясняется это странное на первый взглядъ явленіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ біографія С. Т. Аксакова. Безспорно, онъ былъ крупный художникъ по натурѣ. Съ ранняго дѣтства, когда онъ начинаетъ себя помнить, онъ является ребенкомъ крайне воспріимчивымъ, чувствительнымъ, съ сильнымъ воображеніемъ. «Всего болѣе художественность этой натуры обнаруживается въ отношеніяхъ къ природѣ, во всѣхъ этихъ уженьяхъ, ловлѣ птицъ, собираніи бабочекъ, насѣкомыхъ, грибовъ, растеній. Эта природа наполняетъ главнымъ образомъ духовный міръ ребенка, давая ему на всю жизнь множество разнообразныхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній, дѣлаетъ его до конца дней самымъ страстнымъ и неизмѣннымъ своимъ поклонникомъ. Къ этой природѣ постоянно рвется онъ изъ гимназіи, мечтая до галлюцинацій о деревнѣ и любимыхъ занятіяхъ; въ ней находитъ и впослѣдствіи радость и утѣшеніе и ждетъ не дождется, когда удастся вырваться изъ города на широкій ея просторъ». Здоровое чувство природы, никогда не оставлявшее Аксакова, сберегло въ немъ художника, который и выразился прежде всего въ разсказахъ о природѣ.

Поздно сказавшееся художественное дарованіе Аксакова было какъ бы усыплено, заглушено втеченіе продолжительнаго періода его жизни, благодаря вліянію сначала домашней и школьной обстановки, а потомъ ложноклассической литературы и ея адептовъ, среди которыхъ такъ долго вращался нашъ писатель. Такъ, въ пору наибольшей воспріимчивости ко всему новому, въ пору юношескихъ порывовъ ко всему свѣжему и оригинальному,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сергѣй Тимоѳеевичъ всецѣло находился подъ ферулою сухаго педанта Карташевскаго. Этотъ менторъ возмущался любовью мальчика къ природѣ и тщательно охранялъ его отъ знакомства съ новыми литературными теченіями, воспитывая его вкусъ на сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Дмитріева, Капниста и т. п. Изъ иностранныхъ книгъ были допущены «малопонятныя для тринадцатилѣтняго мальчика проповѣди придворныхъ проповѣдниковъ Людовика XIV, Массильона, Бурдалу и даже Флешье, смерть Авеля Гесснера и его же слащавыя идилліи, лишенныя всякой естественности и оригинальности, да сказки Шехерезады съ Векфильскимъ священникомъ, уже извѣстныя Аксакову въ русскомъ переводѣ, и Донъ-Кихотомъ... Ни съ Шиллеромъ, ни съ Гете, ни съ Лессингомъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Мольеромъ, и тѣмъ болѣе Бомарше, ни даже съ Бернарденомъ де-Сенъ-Пьеромъ или Лесажемъ,—словомъ, ни съ кѣмъ почти изъ лучшихъ иностранныхъ писателей познакомить его не было признано нужнымъ». Результатомъ подобныхъ условій первоначальнаго развитія было увлеченіе Аксакова ложнымъ классицизмомъ и «всякими литературными и театральными пустяками», преклоненіе предъ Шишковымъ, ненависть къ Карамзину, индиферентизмъ къ Пушкину, Лермонтову и т. п.

Первымъ проявленіемъ художественнаго таланта Сергѣя Тимоѳеевича былъ небольшой разсказъ «Буранъ», появившійся въ сборникѣ Максимовича «Денница» (1834 г.). «Не зная, что бы такое дать въ книжку пріятеля, неотступную просьбу котораго хотѣлось исполнить, Сергѣй Тимоѳеевичъ попробовалъ вспомнить о слышанномъ еще въ дорогомъ ему Оренбургскомъ краѣ разсказѣ о пострадавшемъ въ метель обозѣ, и вотъ явилась статейка, съ которой и начинается художественная дѣятельность писателя. Интересно при этомъ то обстоятельство, что статейку первый, не зная, кто ее написалъ, замѣтилъ и оцѣнилъ по достоинству не кто иной, какъ редакторъ «Московскаго Телеграфа» Н. А. Полевой, котораго Сергѣй Тимоѳеевичъ такъ не любилъ и даже «прижималъ», будучи цензоромъ». Въ числѣ факторовъ, повліявшихъ на выступленіе Сергѣя Тимоѳеевича на настоящую литературную дорогу, г. Острогорскій указываетъ на успѣхъ разсказика «Буранъ», понравившагося также и Гоголю, увлеченіе сочиненіями послѣдняго, повѣсти Пушкина, новые взгляды на искусство, проникшіе въ Аксаковскую семью съ поступленіемъ Константина въ университетъ. И вотъ «болѣе полвѣка таившійся въ человѣкѣ художникъ не только воспрянулъ для всѣхъ совершенно неожиданно, но и развернулъ, хотя и на закатѣ жизни, свой талантъ во всю ширь и глубь въ кругу матеріала, близко знакомаго автору и столь любимаго имъ съ дѣтства. Значеніе Аксакова, какъ писателя, опредѣляется г. Острогорскимъ такимъ образомъ: «Онъ очень любилъ міръ Божій, болѣе всего родину, а въ ней природу и человѣка. Богъ далъ ему великій даръ писать просто и душевно. Долго, до старости, не чуялъ онъ въ себѣ этого дара, но, почуявъ, разсказалъ о томъ, что зналъ и любилъ. И оставилъ онъ намъ чудные разсказы о родныхъ степяхъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, лѣсахъ, поляхъ, метеляхъ и вьюгахъ, о красѣ весны и лѣта; разсказы, какъ живетъ рыба, дичь, звѣрь и, наконецъ, и о томъ, какъ жили, или, вѣрнѣе, прозябали среди этой природы въ сытомъ бездѣльѣ, на готовомъ хлѣбѣ, добытомъ тяжелымъ крестьянскимъ трудомъ, старинные простые русскіе люди, посвоему, непосредственно, стихійно чувствуя, не задаваясь никакими вопросами, не мучаясь никакими сомнѣніями. С. Т.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Аксаковъ—нашъ вполнѣ національный русскій поэтъ безъ рефлекса и пытливаго анализа, непосредственно созерцающій жизнь и дающій намъ вѣрныя ея изображенія, согрѣтыя чувствомъ теплой любви. Изображенія эти немногочисленны, не разнообразны, но зато все, что онъ далъ, исчерпано до глубины и тонкости поразительной, и притомъ такъ, что и этой природы, и этого наивнаго изображеннаго имъ человѣка не полюбить нельзя».

С.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга восьмая. М. 1891.

Кому неизвѣстна пословица: «у живаго человѣка и лумы о живомъ»? Пословица совершенно справедливая, потому что «живой» рѣдко думаетъ о чемъ нибудь, отвлеченномъ отъ жизни. По отношенію къ представителямъ ученаго сословія эту же самую пословицу можно было бы нѣсколько видоизмѣнить: можно было бы сказать, что «у живаго человѣка самый сухой трудъ бываетъ живымъ», и пословица осталась бы совершенно вѣрною и въ этомъ примѣненіи. Эта мысль приходила намъ постоянно въ голову при выходѣ въ свѣтъ отдѣльныхъ книгъ «Описанія документовъ и бумагъ», издаваемаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи. Съ величайшимъ вниманіемъ просматривая отъ начала до конца каждую изъ книгъ «Описанія», мы постоянно благодарили мысленно главнаго виновника всей этой вполнѣ разумной ученой затѣи—того «живаго» русскаго человѣка, который съумѣлъ разрѣшить одну изъ весьма мудреныхъ задачъ: съумѣлъ простому «Описанію документовъ и бумагъ» архива придать живую и привлекательную форму. Съ глубокою грустью подумали мы, вскрывая восьмую книгу «Описанія», что главнаго виновника и вдохновителя столь полезнаго изданія уже нѣтъ на свѣтѣ: эта восьмая книга была въ полномъ смыслѣ слова «лебединою пѣснею» Н. А. Попова! Будетъ ли и послѣ него продолжаться это полезное и прекрасное изданіе, для котораго онъ съумѣлъ найти столько талантливыхъ молодыхъ дѣятелей, или заглохнетъ при новомъ архивномъ начальствѣ, какъ глохнутъ на Руси многія прекрасныя начинанія?—вотъ вопросъ, которымъ мы задавались теперь, перелистывая восьмую книгу «Описанія»...

Въ этой восьмой книгѣ «Описанія» находимъ въ началѣ чрезвычайно любопытную работу: «Краткій обзоръ ученыхъ занятій, совершенныхъ посторонними лицами и вѣдомствами на основаніи документовъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи». Этотъ обзоръ состоитъ изъ двухъ главъ. Первая заключаетъ въ себѣ очеркъ занятій частныхъ лицъ въ архивѣ; во второй главѣ разсмотрѣны изданія постороннихъ вѣдомствъ и учрежденій, пользовавшихся документами архива. Весь этотъ обзоръ представляетъ собою любопытную и важную страницу въ исторіи развитія русской исторической литературы. Въ какой степени изученіе рукописнаго матеріала быстро развивается и привлекаетъ все большій и большій кругъ новыхъ дѣятелей къ архивнымъ работамъ,—мы это видимъ изъ сопоставленія цифръ, приводимыхъ въ «Краткомъ обзорѣ». Оказывается, что втеченіе 48-ми-лѣтняго существованія архива въ немъ занималось 269 человѣкъ; но втеченіе первыхъ 10 лѣтъ занимавшихся въ архивѣ было всего только шестеро, а въ настоящее время ихъ ежегодно бываетъ не менѣе 30 человѣкъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Во второмъ отдѣлѣ «Описанія», кромѣ окончанія статьи, начатой въ предшествующей книгѣ («Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго архива»), помѣщена весьма интересная статья: «Каменный приказъ и его дѣла» (съ 1775 до 1783 г.). Статья знакомитъ насъ съ дѣятельностью этого важнаго и мало извѣстнаго учрежденія, которому временно даны были большія полномочія и придано важное значеніе. Эта дѣятельность была вызвана главнымъ образомъ страшными московскими пожарами, которые вынудили правительство принять мѣры и по застройкѣ пожарищъ, безобразившихъ городъ, и по приведенію улицъ города въ порядокъ, на основаніи правильно выработаннаго плана, и по заготовкѣ такихъ матеріаловъ, которые, при постройкѣ домовъ, уже обезпечивали бы ихъ до нѣкоторой степени отъ послѣдующихъ пожаровъ. Въ обязанность «Каменному приказу» были вмѣнены — съемка генеральнаго плана Москвы и отдѣльныхъ плановъ разныхъ ея частей, урегулированіе рѣкъ и рѣчекъ, протекающихъ по Москвѣ, наблюденіе за постройками и вообще благоустройствомъ города, и даже наблюденіе за фабричнымъ изготовленіемъ безопасныхъ въ пожарномъ отношеніи матеріаловъ (кирпичей и черепицъ). Статья сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ «архитектурномъ классѣ и школѣ», существовавшей при Каменномъ приказѣ, объ отношеніяхъ приказа къ полиціи, которая «препятствовала», а не способствовала выполненію мѣропріятій приказа по благоустройству города, а также даетъ намъ возможность заглянуть въ ту «старую Москву», которая была полнехонька грязи и зловонія и представляла собою весьма удобную почву для развитія всякихъ заразныхъ элементовъ.

Помѣщенный вслѣдъ за статьею о «Каменномъ приказѣ» сборникъ «писемъ современниковъ къ боярину И. А. Мусину-Пушкину» дополняетъ нѣсколькими немаловажными чертами характеристики уже извѣстныхъ дѣятелей Петровской эпохи. Въ заключеніе восьмой книги «Описанія» помѣщена статья Г. Сторожева «Десятни и тысячная книга XVI вѣка», знакомящая насъ съ важными сторонами внутренняго строя древней Руси, съ подробностями обстановки нашего военнаго быта и съ весьма пестрымъ составомъ служилаго сословія.

Въ общемъ своемъ составѣ восьмая книга «Описанія» производитъ на читателя такое же впечатлѣніе, какъ и первыя книги этой серіи отдѣльныхъ изслѣдованій по различнымъ отраслямъ матеріала, хранимаго въ архивѣ. Приходится, конечно, признать всѣ восемь книгъ этого «Описанія» одинаково важнымъ научнымъ подспорьемъ и справочнымъ фондомъ для каждаго занимающагося изученіемъ быта и старины русской. П. П.

Н. М. Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ за январь. Печатано подъ наблюденіемъ П. Н. Полеваго. Спб. 1892.

Всѣ наши журналы, за исключеніемъ двухъ, трехъ ежемѣсячныхъ, имѣющихъ руководящее значеніе, ведущихъ за собой публику, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы градусниками развитія большинства, такъ какъ отражаютъ въ себѣ почти всѣ интересы этого большинства. Они слѣдятъ за интересами массы и стараются удовлетворить ихъ, не заботясь нисколько о томъ, чтобы дать этимъ интересамъ то или другое направленіе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Особенно отличаются этимъ наши еженедѣльные иллюстрированные журналы и журнальчики, дающіе до тысячи безплатныхъ приложеній. Нравятся публикѣ олеографіи—даютъ олеографіи, надоѣли олеографіи—даютъ альбомы, ноты, моды, выкройки и т. д., и т. д. Въ настоящее время среди этихъ безплатныхъ приложеній мы начинаемъ встрѣчать уже нѣчто иное, нѣчто болѣе серьезное. Такъ, напримѣръ, многіе изъ журналовъ въ прошломъ году дали сочиненія Лермонтова, причемъ одно изданіе, именно изданіе журнала «Нива», оказалось лучшимъ изъ всѣхъ юбилейныхъ изданій въ этомъ году тотъ же журналъ въ числѣ приложеній даетъ собраніе стихотвореній Грибоѣдова, Полежаева и Козлова, журналъ «Сѣверъ» въ качествѣ приложенія даетъ капитальный трудъ Н. М. Карамзина «Исторія государства Россійскаго»... Все это чрезвычайно отрадные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что въ массѣ начинаютъ пробуждаться болѣе серьезные интересы, что, читая всевозможные переводные романы, публика можетъ читать уже и Карамзина. Это большой шагъ впередъ.

Что касается до самаго изданія капитальнаго труда Н. М. Карамзина, то, какъ можно судить по первому тому, оно сдѣлано очень удовлетворительно. «Въ текстѣ Карамзина, по словамъ редактировавшаго изданіе г. Полеваго, не измѣнено ни одной буквы, не переставлено и не выпущено ни одно примѣчаніе, сохранена вполнѣ и его орѳографія»... Внѣшность также очень хороша.

Загадывать впередъ, конечно, трудно, но, кажется, редакція «Сѣвера» не предполагаетъ издать указатель къ Карамзину, что было бы очень важно. Вотъ что писалъ еще Пушкинъ по поводу указателя или «ключа» къ «Исторіи государства Россійскаго», изданнаго Строевымъ: «Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. «Ключь» составленъ по второму изданію «Исторіи государства Россійскаго», «самому полному и исправному», пишетъ г. Строевъ. Издатели «Исторіи государства Россійскаго» должны будутъ поскорѣе пріобрѣсти право на перепечатаніе «Ключа», необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина» (Собр. соч., изд. 2-е, А. С. Суворина, т. IX, стр. 499). Хорошо было бы, если бы редакція «Сѣвера» вняла совѣту А. С. Пушкина. **В. Б.**

Вл. Штейнъ. Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Литературный очеркъ. Спб. 1891.

Авторъ этого очерка извѣстенъ въ нашей литературѣ замѣчательною монографіею Шопенгауера, появившеюся въ 1887 году. Вѣроятно, сочувствіе русскаго автора и теорія нѣмецкаго пессимиста заставили его обратить вниманіе и на итальянскаго поэта, приверженца идеи, что міръ—грязь, все въ немъ зло и тлѣнъ, а нормальный удѣлъ человѣчества—страданіе. Г. Штейнъ начинаетъ съ того, что такого поэта «міровой скорби», какими были Байронъ, Ламартинъ, Мюссе и Лермонтовъ, у насъ знаютъ мало и только по отрывкамъ. Но, не говоря уже о томъ, что нельзя называть ни исключительно, ни преимущественно, поэтами міровой скорби ни Ламартина, ни Мюссе, ни Лермонтова,—утвержденіе, что у насъ мало знаютъ Леопарди, неосновательно. Кромѣ переводовъ его лучшихъ стихотвореній и избранныхъ діалоговъ изъ «Operette morali», помѣщенныхъ въ «Пантеонѣ иностранной литературы», у насъ есть подробныя характеристики поэта въ добросовѣстной

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и напрасно забытой «Исторіи итальянской литературы» В. Костомарова (1863, 3 выпуска), въ «Исторіи всемірной литературы» В. Зотова (1878 года, томъ II-й), даже въ весьма поверхностной «Исторіи національной литературы» М. Пинто, составленной по лекціямъ автора, читаннымъ въ Петербургскомъ университетѣ (1869 г.). Не мало есть отдѣльныхъ статей и монографій, въ которыхъ представлена оцѣнка поэта, какъ очеркъ В. Павловскаго «Леопарди» въ «Запискахъ для чтенія» (1867 г., № 12), С. Н. «О современной итальянской литературѣ» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1864 г., Л. Бранди «Современные итальянскіе поэты», въ «Русскомъ Словѣ» 1864 г., № 3 и др. Г. Штейнъ добросовѣстный монографъ, онъ перечиталъ все, что явилось въ печати иностранной о предметѣ своего изслѣдованія, но объ русскихъ изслѣдователяхъ не говоритъ ни одного слова. Конечно, ихъ этюды о Леопарди не такъ обширны, какъ итальянскіе, французскіе и нѣмецкіе, мы дѣйствительно знаемъ его только по отрывкамъ, но нужно ли намъ знакомство со всѣми его произведеніями,— это вопросъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться. Знать все, что написалъ всякій выдающійся авторъ, имѣть полную оцѣнку его трудовъ пріятно и полезно для критика и историка литературы, для спеціалиста, а много ли ихъ не только у насъ, но и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ? Масса даже высоко образованной публики не считаетъ себя обязанною подробно изучать каждаго писателя: ей достаточно его общей характеристики, знакомства съ его главными трудами; она знаетъ далеко не все, что создали даже такіе міровые писатели, какъ Данте, Шекспиръ, Сервантесъ, Мольеръ, Гете, Байронъ, и это потому, что и у нихъ есть много слабыхъ вещей, не стоющихъ изученія. Леопарди даровитый писатель, но не создалъ ничего ярко выдающагося глубиною дарованія, а его міровоззрѣніе идетъ въ разрѣзъ съ идеалами романской расы, и тѣмъ болѣе съ убѣжденіями русскаго человѣка Библіографія всѣхъ сочиненій Леопарди занимаетъ въ изданіи Капеллети, далеко не полномъ, до восьми печатныхъ листовъ, неужели намъ надо знать все это? Въ 55 лѣтъ послѣ смерти поэта явилось въ западной литературѣ столько писателей, что не только подробное, но и поверхностное знакомство съ ними дѣлается немыслимымъ для самаго усерднаго любителя литературы. Въ это же время вышло нѣсколько монографій Леопарди на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ. Г. Штейнъ разбираетъ ихъ подробно; но онъ пишетъ порусски, стало быть, для гораздо меньшаго круга и менѣе образованныхъ читателей, — думаетъ ли онъ, что его этюдъ заинтересуетъ ихъ? Кого имѣлъ онъ въ виду, составляя свою монографію, въ которой много говорится о произведеніяхъ Леопарди въ такомъ тонѣ, какъ будто они должны быть извѣстны русскому человѣку, оставляетъ безъ перевода итальянскія цитаты, забывая, что съ этимъ языкомъ у насъ мало знакомы. Онъ даже и Нибура цитируетъ полатини безъ перевода. Кому это нужно? Вѣдь переводитъ же авторъ съ нѣмецкаго мнѣнія историка о Леопарди.

Книга составлена чрезвычайно добросовѣстно: въ пяти главахъ ея изложены дѣтство и юношескіе годы писателя, эпоха его оживленной литературной дѣятельности, послѣдніе годы, изложеніе его филисофской теоріи и оцѣнка трудовъ и значенія. Кажется, что можетъ быть полнѣе! Авторъ подробно разбираетъ всю внутреннюю жизнь Леопарди, слѣдитъ за развитіемъ его мыслей, настроеніемъ духа, измѣненіемъ въ характерѣ, за всѣми внѣшними перипетіями его несложной біографіи, подкрѣпляя все это многочисленными цитатами, взятыми изъ недавно изданной переписки поэта и послѣднихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

этюдовъ о немъ. Все это, до извѣстной степени, интересно и представляетъ характеристику его, какъ человѣка, хотя и далеко не полную. Неполнота эта происходитъ отъ двухъ причинъ: г. Штейнъ смотритъ на Леопарди, какъ на философа, тогда какъ онъ прежде всего поэтъ, а потомъ авторъ разбираетъ его преимущественно съ психической, а не эстетической стороны, и разбираетъ не его литературныя произведенія, а ученые, критическіе и политическіе взгляды. Отъ этого характеристика Леопарди является отрывочною, незаконченною, неясною. Кромѣ того, авторъ, пишущій вообще тяжелымъ языкомъ, часто отзывается о своемъ героѣ въ неопредѣленныхъ выраженіемъ. Даже о болѣзни писателя, имѣвшей такое вліяніе на развитіе въ немъ мрачныхъ идей, авторъ говоритъ неясно, хоть и упоминаетъ, что онъ «страдалъ физическимъ порокомъ, которому былъ подверженъ и нашъ Гоголь». Между тѣмъ еще въ дѣтствѣ у него появились симптомы тяжелой болѣзни—размягченія костей, имѣвшей вліяніе на его ростъ, мучившей его всю жизнь. Объ этомъ г. Штейнъ не говоритъ, такъ же какъ о томъ, что Леопарди умеръ дѣвственнымъ, потому что, по словамъ его итальянскихъ біографовъ, не былъ рожденъ для любви. Онъ, однако, влюблялся два раза, и конечно оба раза былъ отвергнутъ. Графиня Мальвеци, по словамъ г. Штейна, не нашла его достаточно забавнымъ, — странный эпитетъ для такого состоянія!

Изъ 300 страницъ книги 55 посвящено философской теоріи Леопарди и столько же оцѣнкѣ его значенія. Остальная часть этюда наполнена исторіей жизни писателя, изложена съ психологической точки зрѣнія, съ многочисленными выписками изъ его переписки. Философію его г. Штейнъ называетъ «теоріею infelicità». Къ чему эта итальянщина и какой таинственный смыслъ заключается въ этомъ словѣ, что его нельзя было перевести порусски? Это старая теорія несчастія, страданія, которому обречено человѣчество, и о которой французскіе философы писали еще въ началѣ столѣтія. Неудачникъ Шопенгауеръ привелъ ее въ систему и назвалъ пессимизмомъ, Гартманъ, сдѣлавшійся философомъ, послѣ того какъ сломалъ себѣ ногу, далъ ей названіе «безсознательнаго». Мудрено ли, что ее проповѣдовалъ и дѣвственникъ Леопарди, обижавшійся, когда друзья приписывали его міровоззрѣніе болѣзненности, личнымъ несчастіямъ неудавшейся жизни, и употреблявшій всѣ усилія, чтобы увѣрить всѣхъ, что философія его выведена изъ наблюденій надъ міромъ и людьми. А онъ и наблюдалъ-то ихъ почти не много времени, проведя свои юношескіе годы въ уединеніи провинціальнаго городка (гдѣ въ 1830 году нашлось только шесть подписчиковъ на сочиненія Леопарди, зато въ 1870 г. воздвигнули ему памятникъ), а остальныя 15 лѣтъ недолгой жизни въ погонѣ за обезпеченіемъ положенія и въ борьбѣ съ мучительной болѣзнью. Изъ національнаго патріотизма итальянцы преувеличили его заслуги, какъ поэта, а похвала Шопенгауера его философскимъ теоріямъ поставила его въ ряду первыхъ философовъ Италіи. Г. Штейнъ упоминаетъ о мнѣніи Шопенгауера, но не цитируетъ его. Вотъ этотъ отзывъ, которымъ мы и закончимъ нашъ отчетъ о книгѣ г. Штейна: «Никто не разработалъ пессимистскаго возрѣнія съ такою полнотою и основательностью, какъ въ наши дни Леопарди. Онъ весь проникнутъ сознаніемъ ничтожества этого міра; во всѣхъ его сочиненіяхъ слышится иронія, на всякой страницѣ онъ говоритъ о злополучіи земного существованія, но съ такимъ разнообразіемъ въ формахъ и образахъ, что никогда не наводитъ тоски, напротивъ вызы-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ваетъ интересъ и дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ». Это также преувеличенныя похвалы, такъ какъ Леопарди однообразенъ даже въ своихъ стихахъ, а въ своихъ философскихъ теоріяхъ скученъ и мало убѣдителенъ.

Вл. З.

Исторія православной церкви до начала раздѣленія церквей. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1891.

Настоящая книга, предназначенная служить руководствомъ при изученіи церковной исторіи въ учительской школѣ, не составляетъ самостоятельнаго труда. «Составитель,—читаемъ въ предисловіи,—имѣлъ въ виду воспользоваться готовымъ матеріаломъ изъ разныхъ сочиненій и разсказовъ, относящихся къ предмету: ему принадлежитъ только выборъ и расположеніе отдѣльныхъ статей и соединеніе ихъ одною руководственною мыслью».

Изученіе церковной исторіи, говорится далѣе, должно состоять не въ заучиваніи извѣстныхъ фактовъ, расположенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ-то: перечисленіе семи вселенскихъ соборовъ съ обозначеніемъ цѣли каждаго и т. п.; нѣтъ, исторія церкви должна быть усвоена учащимися чувствомъ, какъ «таинственная исторія страданія ради великой, безконечной любви». Излагая извѣстный церковно-историческій матеріалъ, авторъ настаиваетъ на томъ, что всѣ, переносившіе гоненія за имя Христово, страдали въ то же время и за церковь; такъ, преслѣдованія со стороны язычниковъ не могли уничтожить открытаго исповѣданія вѣры, иконоборцы не искоренили почитанія иконъ, освященнаго церковью...

Исторію новозавѣтной церкви обыкновенно начинаютъ изложеніемъ событій, о которыхъ повѣствуетъ книга «Дѣяній Апостольскихъ». Но авторъ разсматриваемаго руководства считаетъ себя не въ правѣ перефразировать сказанія самихъ апостоловъ, основательно полагая, что будетъ гораздо лучше, если учащіеся сами непосредственно познакомятся съ этими событіями изъ первоисточника, и ограничивается только указаніемъ по главамъ содержанія названной книги Св. Писанія. Собственный разсказъ его начинается описаніемъ Рима въ то время, когда въ послѣдній разъ прибылъ туда апостолъ Павелъ, и оканчивается IX вѣкомъ, когда впервые въ исторіи упоминается о просвѣщеніи христіанствомъ нашего отечества.

Весь разсказъ проникнутъ одною мыслью, а именно, что церковь «все превозмогла и сберегла въ себѣ тотъ святой огонь, который Спаситель пришелъ самъ низвести на землю», что она и теперь та же, что и въ первые вѣка христіанства.

Съ внѣшней стороны книга издана изящно и вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ учебнику.

X.

Гринъ Джонъ Ричардъ. Исторія англійскаго народа. Переводъ съ англійскаго Николаева. Изданіе Солдатенкова. Т. I. Москва. 1891.

Почтенный московскій издатель К. Т. Солдатенковъ неутомимо продолжаетъ обогащать нашу литературу самыми добросовѣстными переводами весьма серьезныхъ и вообще хорошо выбранныхъ сочиненій. Его полезная дѣятельность не падаетъ, но развивается съ годами. Довольно указать,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что въ одномъ прошломъ году онъ далъ намъ около десятка крупнѣйшихъ произведеній западной науки по гуманитарной части. Они посвящены такимъ важнымъ, крайне интереснымъ, развивающимъ умъ предметамъ, какъ романтизмъ (Гайма) и реализмъ (Давида-Соважо) въ литературѣ и искусствѣ, исторія новѣйшаго времени (Вебера) и исторія эллинизма (Дройзена), исторія искусства временъ Возрожденія (Фрикена), исторія политической экономіи (Ингрема), культуры буддійская (Ольденберга) и китайская (Столповскаго). Наконецъ недавно вышла у того же издателя книга, за которую ему будутъ очень благодарны любители серьезнаго чтенія и даже профессора исторіи, которые, конечно, признаютъ за ней значеніе хорошаго пособія при ихъ лекціяхъ. Это «Исторія англійскаго народа» Грина. Авторъ—одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ и симпатичныхъ историковъ Англіи, къ сожалѣнію, рано похищенный у науки смертью. Онъ былъ ученикомъ и другомъ извѣстныхъ современныхъ историковъ—Фримена и Стёбса, которымъ и посвященъ его трудъ. Въ Гринѣ совмѣщались черты крупнаго историка: основательное, самостоятельное знаніе, почерпаемое изъ источниковъ, и блестящій талантъ изложенія, который особенно проявился въ его учебникѣ англійской исторіи. Въ изданномъ теперь у насъ первомъ томѣ «Исторіи англійскаго народа» Грина заключается разсказъ о событіяхъ за тысячу лѣтъ (449—1461). Онъ ведется непрерывно, отъ царствованія къ царствованію, безъ особыхъ отдѣловъ для культуры. Одна изъ счастливыхъ особенностей Грина—умѣнье сливать внутреннюю исторію съ внѣшнею: судьбы народа подъ его перомъ представляются живымъ, органическимъ явленіемъ. У Грина ясенъ художественный талантъ не только въ характеристикахъ и описаніяхъ, но и въ искусномъ выборѣ фактовъ, никогда не утомляющихъ читателя, потому что всѣ они необходимы и на своемъ мѣстѣ. Наряду съ этимъ, онъ отличается рѣдкою ясностью въ обрисовкѣ общественнаго строя и его перемѣнъ, особенно въ такомъ запутанномъ періодѣ, какъ средніе вѣка, которые вообще обработаны авторомъ съ особою любовью. Переводъ книги Грина хорошъ въ смыслѣ правильности: колоритность такого даровитаго писателя, какъ Гринъ, трудно сохранить въ передачѣ на чужой языкъ. Переводчикъ справился даже съ терминами, которые такъ многочисленны и мудрены въ средневѣковой исторіи Англіи. Но здѣсь требуется строгая выдержка. А мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ «эорлъ», въ другомъ—«ирль». Особенно опасны въ такихъ случаяхъ опечатки, а мы встрѣтили, напримѣръ, нѣсколько разъ (275, 276) «тепанты» вмѣсто «тенанты». А. Т.

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1889 годъ. Спб. 1892.

Послѣдній отчетный годъ о тюремномъ населеніи Россіи запоздалъ на цѣлые два; но заключающіяся въ немъ свѣдѣнія и цифры до нѣкоторой степени освѣщаютъ бытъ арестантовъ всевозможныхъ наименованій и судимости. Мы узнаемъ, что всѣхъ мѣстъ заключеній въ Россіи въ отчетномъ году было 870.

Въ нихъ отъ 1888 года къ 1-му января 1889 года

оставалось арестантовъ	муж. 97.495 женщ. 9.906	107.401 чел.
Втеченіе 1889 года прибыло	муж. 570.237 женщ. 86.735	656.972 чел.
Итого въ отчетномъ году содержалось въ тюрьмахъ		764.373 чел.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Затѣмъ втеченіе этого же года изъ мѣстъ заключенія выбыло 654.888 арестантовъ обоего пола, и такимъ образомъ къ 1-му января 1890 года оставалось въ заключеніи { 99.340 м. / 10.145 ж. } 109.485 чел., т. е. на 2.084 чел. болѣе, чѣмъ содержалось къ 1-му января 1889 года.

Процентное отношеніе женщинъ къ общему числу арестантовъ составляетъ отъ 1 до 20%; наибольшее число женщинъ было въ Калишской (28%), Плоцкой (22%), Архангельской (21%) и Сувалкской губерніяхъ (20%), а наименьшее въ Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерніяхъ, а также въ Дагестанской, Карской, Самаркандской и Ферганской областяхъ (по 1%), въ Закатальскомъ же округѣ и Тургайской области женщинъ-арестантокъ не было.

Втеченіе отчетнаго года въ тюрьмахъ происходили убійства надзирателей арестантами, нанесеніе другъ другу увѣчій, ранъ и насилій, поддѣлка денегъ, святотатства, воровство, самоубійства, подкопы, проломы, пожары и побѣги.

Побѣговъ въ 1889 году арестантовъ въ пути было 314 случаевъ, причемъ бѣжало 360 чел. Въ Петербургской тюрьмѣ одиночнаго корпуса въ 1889 году было 2.159 арестантовъ.

Что касается смѣтныхъ назначеній по тюремному вѣдомству въ отчетномъ періодѣ, то оно располагало кредитомъ въ 14.631.155 р. 65 к., изъ коихъ было израсходовано 14.235.569 р. 79 к. Сравнительно съ предъидущимъ 1888 годомъ расходъ увеличился на 791.686 р. 79 к. Итогъ смѣтнаго назначенія на тюремные расходы въ 1890 году по государственной росписи опредѣлялся въ 14.351,602 р. Тюремные расходы частью восполняются отчисленіями изъ арестантскихъ заработковъ, общая сумма коихъ въ 1889 году равнялась 876.919 р. 49 к. Изъ этой суммы на пріобрѣтеніе матеріаловъ и на прикладъ для арестантскаго труда израсходовано 84.045 р. 68 к., и слѣдовательно чистый доходъ во всѣхъ тюрьмахъ имперіи достигалъ 792.873 р. 81 к. Въ вознагражденіе арестантамъ изъ этого дохода отчислено 284.649 р. 56 к., остальные поступили въ доходъ мѣстъ заключенія и казны.

Исправительныхъ пріютовъ и земледѣльческихъ колоній для несовершеннолѣтнихъ въ отчетномъ году было 13.

Санитарная и больничная части тюремъ, по отчету, находились въ удовлетворительномъ состояніи: въ тюрьмахъ было достаточно и пищи, и воздуху, и чистоты и т. д. Что касается ссыльно-каторжныхъ на островѣ Сахалинѣ, то свѣдѣнія о нихъ, помѣщенныя въ отчетѣ, довольно блѣдны и не представляютъ общаго интереса.

А. Фаресовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Отреченіе Наполеона I въ Фонтэнбло.—Характеристика вожаковъ и солдатъ Вандейскаго возстанія 1793 года.—Новое о Мараѳонской битвѣ.—Франкмасонство и духовенство.—Вещи, увезенныя императрицей Евгеніей изъ Тюльери 4 сентября 1870 года.

ОТРЕЧЕНІЕ Наполеона I въ Фонтэнбло. (Изъ мемуаровъ маршала Макдональда). Вслѣдъ за мемуарами генерала Марбо, о которыхъ уже знаютъ читатели нашего журнала, появились въ Парижѣ и мемуары маршала Макдональда съ введеніемъ Камилла Руссе. Завоеваніе Голландіи, итальянскія войны, битва при Ваграмѣ и т. д. описаны тутъ въ живыхъ чертахъ. Но особенно интересны эти мемуары по описаніямъ того, что случилось послѣ пораженій, понесенныхъ Наполеономъ I, и съ того момента, когда Макдональдъ сталъ играть интимную роль при Наполеонѣ и Людовикѣ XVIII. Въ этой части мемуаровъ попадаются сцены, которыя до сихъ поръ оставались совершенно неизвѣстными. Вотъ, напримѣръ, подробности объ отреченіи Наполеона въ Фонтэнбло. Макдональда тогда Наполеонъ призвалъ въ Фонтэнбло. «Какъ только,—разсказываетъ Макдональдъ,—доложили о насъ, о герцогѣ де-Реджіо и обо мнѣ, мы были введены въ кабинетъ, гдѣ императоръ находился съ герцогами Бассано и де-Виченцомъ, княземъ Московы, княземъ Невшательскимъ, маршаломъ Лефебромъ и многими другими лицами, которыхъ сейчасъ не вспомню. Императоръ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу и сказалъ: «Здравствуйте, герцогъ Тарентскій, какъ дѣла?».

— «Очень плохи,—отвѣтилъ я,—столько несчастныхъ событій! Такъ безславно быть пораженнымъ и не сдѣлать ни малѣйшаго усилія, чтобъ спасти Парижъ! Все это очень насъ унизило и поразило!

— «Да, это большое несчастье,—возразилъ Наполеонъ,—а что говорятъ войска?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— «Что вы насъ призываете, чтобъ идти на столицу. Войска раздѣляютъ наше горе, и я явился, чтобъ объявить отъ имени ихъ, что они не хотятъ подвергать столицу судьбѣ Москвы. Мы думаемъ, что достаточно доказали нашу преданность, чтобъ спасти Францію, достаточно доказали, чтобъ не рисковать болѣе, чѣмъ неравной попыткой, и всего лишиться... Впрочемъ, наше рѣшеніе неизмѣнно, и чего бы ни задумывали дѣлать, мы желаемъ положить конецъ дѣлу. Я лично заявляю вамъ, что никогда не обнажу своей шпаги противъ французовъ, что она никогда не будетъ обрызгана французской кровью. Довольно несчастной войны, чтобы еще возбуждать междоусобную войну!

— «Но вѣдь никто и не помышляетъ идти на Парижъ?—сказалъ императоръ.

«Я думалъ, что онъ разгнѣвается, а онъ отвѣтилъ это съ полнымъ спокойствіемъ. Онъ прибавилъ потомъ: «Да, взятіе Парижа, дѣйствительно, большое несчастье».

— «А вы знаете, что тамъ творится?—спросилъ я его.

— «Говорятъ, что союзники не хотятъ вести переговоровъ со мною.

— «И это все, что вы знаете?

— «Да!

— «Ну, такъ прочтите это письмо!»

И Макдональдъ передалъ ему письмо Бернонвилье. Затѣмъ императоръ обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ и сказалъ: «Ну-съ, господа, коли таковы дѣла, я отрекаюсь отъ престола!» И онъ составилъ актъ отреченія, редакцію котораго измѣнялъ дважды или трижды. Императоръ сказалъ затѣмъ: «Мм. гг., теперь вы можете удалиться. Я желаю написать инструкціи для комисаровъ, но я запрещаю, чтобъ они рѣшали что бы то ни было касательно моей личности». Потомъ онъ присѣлъ на софу и сказалъ совершенно хладнокровно: «А то, господа, оставимъ это и отправимся завтра, вѣдь мы ихъ побьемъ!» Макдональдъ повторилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ то, что раньше сказалъ о настроеніи арміи. «Нѣтъ,—прибавили мы,—съ насъ довольно, помните же, что каждый часъ теперь дорогъ для успѣха миссіи комисаровъ». Онъ велѣлъ позвать ихъ и сказалъ имъ: «будьте готовы къ отъѣзду въ 4 часа!» И затѣмъ императоръ попрощался съ нами.

— Характеристика вожаковъ и солдатъ Вандейскаго возстанія 1793 года. Шассэнъ въ отпечатанномъ недавно первомъ томѣ «Histoire de la guerre de Vendée» приводитъ очень любопытныя извѣстія о подготовленіи Вандейскаго возстанія 1793 года, знакомитъ съ персоналомъ этого возстанія, т. е. съ дворянствомъ Нижняго Пуату и крестьянами, которые составляли кадры и армію шуанства. Это дворянство Bas-Poitou, которое обстоятельства сдѣлали рыцарскимъ воплощеніемъ французской аристократіи, имѣло очень странныя повадки. Оно издавна пользовалось дурной репутаціей. Иные утверждаютъ, что изъ 1,200 дворянъ здѣсь не было и двухсотъ дѣйствительныхъ. Большинство дворянскихъ правъ были куплены потомками людей низшаго слоя. По заключенію Шассэна, наканунѣ революціи большинство французскаго дворянства происходило отъ чего угодно, только не отъ кровной родовитости, и французское дворянство никогда не было менѣе благородно, чѣмъ въ то время. Объ этихъ госпо[illegible]дахъ дворянахъ Bas-Poitou, чистокровныхъ или поддѣльныхъ, Мерсье-дю-Роше, хорошо знакомый съ ними, въ своихъ мемуарахъ и въ своемъ «Дневникѣ» оставилъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

назидательныя разоблаченія. Такъ, напримѣръ, встрѣчается необычайная біографія герцога д'Олоннэ, одного изъ Монморанси, родившагося 31 мая 1731 года, состоявшаго генералъ-маіоромъ въ 17 лѣтъ, заключеннаго въ тюрьму въ Pierrs Encise за участіе въ убійствѣ одного изъ своихъ кредиторовъ своимъ слугою; скомпрометировавшаго себя, за время тюремнаго заключенія, изнасилованіемъ женщины, окончившимся смертью; затѣмъ проживавшаго въ Fontenay въ немилости, пока оспа не унесла его въ могилу въ іюлѣ 1777 года, по совершеніи имъ невѣроятныхъ мошенничествъ. Онъ съумѣлъ задолжать даже городскому палачу.

Въ рукописяхъ главнаго викарія епископа Люсонскаго, Брюмо де-Борегаръ, съигравшаго столь важную роль въ подготовленіи Вандейскаго возстанія, находится слѣдующая замѣтка, вполнѣ характеризующая нравы дворянства сосѣдней области:

«Среди окрестныхъ дворянъ Люсона царитъ велій духъ свободы и даже независимости, большая скромность, честность и простодушіе... Браки у нихъ заключаются исключительно между представителями мѣстнаго дворянства. Вслѣдствіе этого обстоятельства всѣ семьи связаны между собою узами родства, образуя родъ союза, въ которомъ царитъ полная равноправность и даже крайняя фамильярность, не смотря на различное распредѣленіе богатствъ. Не будучи гордымъ, вандейское дворянство мнитъ о себѣ очень высоко. Оно не является ко двору и положительно не одобряетъ тѣхъ, кто добивается чести быть туда представленнымъ... Оно любитъ собранія, ярмарки, баллады, вечеринки... Охота—одно изъ любимѣйшихъ его развлеченій... Дамы и барышни ѣздятъ на охоту... Это дворянство, растрачивающее всѣ свои доходы въ своей странѣ, несомнѣнно любимо народомъ, но о воспитаніи своемъ оно мало заботится, и нравы его не всегда образцовы»... Здѣсь дается вѣрный и чрезвычайно характерный портретъ вожаковъ или вдохновителей Вандейскаго возстанія. Эти дворянчики, проживавшіе вдали отъ двора, хлопотали о своихъ привилегіяхъ и о своей независимости гораздо болѣе, нежели о тронѣ и объ алтарѣ. Постоянное пребываніе въ деревнѣ, занятіе охотой, порождало грубые нравы, такъ что они являлись немного болѣе просвѣщенными, нежели ихъ вассалы. Они представляли собою анахроническое продолженіе феодализма; тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ новымъ родоначальникамъ дворянства, быстро ассимилировались съ остальными. Они съ презрѣніемъ относились, какъ тѣ, такъ и другіе, къ королю и къ благоразумнымъ соображеніямъ, побудившимъ Людовика XVI, съ самаго начала 1789 года, къ нѣкоторымъ уступкамъ зарождавшейся революціи; они устроивали сходки, сговаривались оказывать оппозицію удвоенію числа депутатовъ третьяго сословія въ «États généraux». Они порѣшили на своихъ истинно крамольныхъ собраніяхъ не являться делегатами, если только эта непріятная мѣра будетъ принята. Ихъ занималъ исключительно интересъ ихъ касты, а никакъ не королевства. Этотъ же исключительный интересъ руководилъ ими и втеченіе всего мятежнаго періода. Какъ вольтеріанцы, такъ и безразличные, никто изъ нихъ не остановился ни на какой религіи, ибо они не сознали еще необходимости воздѣйствовать на фанатизмъ своихъ крестьянъ. Это не замедлило потомъ явиться само собою, причемъ для болѣе интенсивной вибраціи этой мистической струны они не остановились передъ измышленіемъ подложнаго Агрскаго епископа, предложеннаго ими для набожнаго поклоненія вандейцевъ. Таковы были главари.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Не угодно ли теперь познакомиться съ солдатами, которыхъ имъ удалось увлечь за собою. Савари, бывшій судьей въ Шоле во время Конвента, а впослѣдствіи состоявшій членомъ Совѣта Пятисотъ, наблюдалъ ихъ близко и сообщилъ о нихъ безпристрастныя свѣдѣнія. Онъ говоритъ: «Довѣрчивость этихъ людей, простодушныхъ и добрыхъ, кроткихъ, гостепріимныхъ, вѣрныхъ въ своемъ словѣ, не уступаетъ ихъ невѣжеству. Они являются игрушкой всякаго шарлатана. Колдуны, вѣщуны, совершенно овладѣваютъ ихъ воображеніемъ. Религія ихъ представляетъ собою рядъ грубыхъ суевѣрій. Они скорѣе простятъ богохульство противъ Божества, нежели шутку противъ изображенія, повѣшеннаго на деревѣ, которому они поклоняются, или помѣщенному надъ фонтаномъ, которое они чтутъ чуть ли не со временъ друидовъ... Ихъ точный портретъ можно встрѣтить у кельтовъ, описанныхъ Тацитомъ»...

Боденъ (d'Angers), казначей арміи de l'Ouest въ 1793 году и Луарской арміи въ 1815 г., бывшій депутатомъ съ 1820—1823 г., умершій въ 1829 г., состоя кореспондентомъ Французскаго Института, къ только-что приведенному портрету прибавилъ еще слѣдующія дополнительныя черты: «Вандейцы считаютъ достовѣрнымъ лишь то, что имъ говорятъ ихъ ксендзы... Около половины XVI столѣтія, духовенство, пользовавшееся ихъ полнымъ довѣріемъ, приняло ученіе Кальвина, и вандейцы послѣдовали его примѣру, не замедливъ сокрушить статуи святыхъ, уничтожить алтари и дойти до послѣднихъ крайностей, подъ благовиднымъ предлогомъ очищенія нравовъ духовенства и прекращенія религіозныхъ заблужденій. Въ концѣ XVIII столѣтія тотъ же самый народъ, который два вѣка тому назадъ хотѣлъ уничтожить свою религію, подъ знаменами католическихъ священниковъ, шелъ съ энтузіазмомъ проливать свою кровь за нерушимость этой же самой религіи»....

Таковы актеры исторической драмы въ описаніяхъ, отрѣшившихся отъ романическихъ прикрасъ и поэтическихъ вымысловъ.

— Новое о Марафонской битвѣ. Вообще надо признать, что историческая критика безпощадно расправляется съ историческими легендами. И эллинскому героическому сказанію о персидскихъ войнахъ недавно нанесенъ рѣшительный ударъ. Со школьной скамьи каждый изъ насъ знаетъ исторію злаго Дарія и храбраго Мильтіада, каждый восхищался борьбой за національную свободу маленькаго греческаго народа противъ угнетавшихъ его силъ персовъ, восхищался тѣмъ, какъ Мильтіадъ спасъ Аѳины. И вотъ теперь нашелся молодой историкъ Генрихъ Вельцгоферъ, напечатавшій въ «Historischen Taschenbuch» этюдъ о Марафонской битвѣ, отвергающій все, чему насъ учили о ней въ школѣ. Оказывается изъ этого этюда, что Дарій вовсе не былъ тираномъ враждебнымъ Греціи, ни о какомъ угнетеніи грековъ не должно быть и рѣчи. Великій царь персовъ относился къ эллинамъ благосклонно, даже съ уступчивостью, въ Делосѣ онъ почтительно отнесся и къ храму Аполлона; благородная черта его характера проявилась въ томъ, что онъ отказался отъ наказанія тѣхъ изъ эллиновъ, которые подстрекали народъ къ противодѣйствію персамъ. Все, что предпринялъ Дарій противъ Греціи, заключалось въ томъ, что онъ, покоривъ Ѳракію, потребовалъ отъ греческихъ государствъ земли и воды въ знакъ чисто внѣшней покорности, и получилъ это отъ большинства городовъ. Только Аѳины и Спарта обошлись безчеловѣчно съ посланцами Дарія. Въ Аѳинахъ ихъ бросили въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

яму, куда бросали преступниковъ, а въ Спартѣ посадили въ колодезь. И, съ другой стороны, не было національной опозиціи исконному врагу: въ каждомъ городѣ существовала партія и дружественная персамъ и враждебная имъ, и не во имя какихъ либо идеальныхъ интересовъ. Вмѣсто приготовленій къ «освободительной войнѣ» города занимались между собою непрерывно мелочными дрязгами и пререканіями. А то, что случилось въ 904 г. до Р. Х. было пустое дѣло—походъ Датиса не съ 300,000 чел. или, какъ иные сочиняютъ, съ 600,000, а, можетъ быть, только съ 50,000, и не противъ Аѳинъ, а противъ Наксоса, двухъ мелкихъ острововъ и Эретріи. Они были покорены очень скоро. И что же затѣмъ? Гиппій, изгнанный сынъ и наслѣдникъ аѳинскаго тиранна Пизистрата, служившаго у персовъ, предпринялъ походъ противъ Аѳинъ на собственный рискъ, вѣроятно, съ войскомъ, случайно навербованнымъ, а участіе персовъ тутъ ограничивалось нѣкоторой помощью людьми. Почему онъ высадился у Мараѳона, объясняется просто: тутъ нѣкогда началось счастье Пизистрата, и своего рода суевѣрной надеждѣ обязано аттическое гнѣздо своей міровой славой. И все прочее становится также яснымъ Мильтіадъ вовсе не національный патріотъ, но правитель, изгнанный изъ своихъ владѣній персами; личные интересы побуждали его возстановить Аѳины противъ персовъ. Не было и никакого воодушевленія противъ варваровъ. Напротивъ, долго колебались, драться или нѣтъ. Никакіе аѳиняне не внушали собою страха. Напротивъ, по Геродоту, на грековъ одно имя мидянъ наводило ужасъ. Наконецъ, вовсе не было и огромной битвы: всего по 8—10 тысячъ на каждой сторонѣ. Сочинена также сказка и о тысячахъ труповъ персовъ. Персы удалились на корабли въ полномъ порядкѣ. Въ общемъ итогѣ получается эпизодъ нѣсколькихъ дней въ предпріятіи Датиса и неудачная попытка Гиппія возстановить тираннію въ Аѳинахъ.

На сколько Вельцгоферъ правъ въ цѣломъ и частностяхъ, рѣшить очень трудно, такъ какъ преданіе основывается почти исключительно на Геродотѣ У Геродота онъ различаетъ хорошее и дурное преданіе, т. е. вѣрные факты и вымыселъ.

— Франкмасонство и духовенство. Спорный вопросъ, былъ ли папа Пій IX франкмасономъ (см. «Историческія мелочи», № 12, 1891 года), послужилъ поводомъ къ многообразнымъ изысканіямъ, результаты которыхъ небезъинтересны. Такъ, Люсьенъ Фоконъ, консерваторъ музея Карсавале, напечаталъ въ «Intermédiaire des chercheurs et des curieux» объ отношеніяхъ франкмасонства къ духовенству нѣсколько точныхъ справокъ, по которымъ разрывъ между ними произошелъ лишь послѣ 1788 года, ибо въ спискѣ ложъ «Великаго Востока» Франціи подъ этимъ годомъ еще значатся въ числѣ масоновъ 30 духовныхъ лицъ: изъ нихъ два священника, семь канониковъ, 6 бенедиктинцевъ, одинъ цистерсіанецъ, одинъ ораторіанецъ и т. д. Даже аббатъ Пэнгре, библіотекарь аббатства св. Женевьевы, былъ масономъ.

— Вещи, увезенныя императрицей Евгеніей изъ Тюльери 4-го сентября 1870 года. Въ вышедшихъ надняхъ въ Парижѣ мемуарахъ барона де-Плянси, бывшаго оберштальмейстера короля Жерома и депутата въ «Corps législatif» при второй имперіи, подъ заглавіемъ «Souvenirs et indiscretions d'un diplomate», впервые напечатанъ неизданный документъ, подписанный маршаломъ Вальяномъ и иллюстрирующій обстоятельства, при которыхъ императрица Евгенія покинула Тюльери 4-го сентября 1870 года. Въ документѣ этомъ значится слѣдующее: «Перечень предметовъ, которые на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ходятся въ ящикѣ, переданномъ Анжъ Родриго Виваръ, который, по приказанію ея величества императрицы, долженъ доставить этотъ ящикъ въ Мадридъ г-жѣ графинѣ де-Монтихо: брилліантовое и жемчужное коллье, медальонъ съ иниціалами L. N., два браслета, двое серегъ и брошь, все усыпанное брилліантами, крестъ и карандашъ, подарокъ его величества русскаго императора, кубокъ съ брилліантами, сувениръ его высочества великаго князя Константина Николаевича, пятнадцать тысячъ франковъ банковыми билетами. Все вмѣстѣ на сумму около четырехъ милліоновъ франковъ. Парижъ. 4-го сентября 1870 г. Вальянъ». Баронъ Плянси нашелъ этотъ документъ въ Женевѣ и пріобрѣлъ его. Какимъ образомъ попалъ туда документъ, въ мемуарахъ не объясняется.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Россія въ оцѣнкѣ французовъ.—Умственное движеніе до Екатерины II и до нашего времени. — Романъ, искуства, исторія, журналистика. — Очерки Урала и Сибири.—Письма дочери Ростопчина.—Русскіе поэты въ англійскомъ переводѣ.—Англійская литература въ 1891 году: исторія, біографія, мемуары, философскія и соціальныя науки, поэзія, романы и повѣсти, переводы.—Новыя изслѣдованія объ Иліонѣ и Иліадѣ.

МЫ ГОВОРИЛИ уже въ прошломъ году о новомъ журналѣ, возникшемъ въ Парижѣ, какъ ежегодное продолженіе извѣстной энциклопедіи Ларусса. Мысль соединить періодическое изданіе, выходящее два раза въ мѣсяцъ, съ энциклопедическимъ словаремъ, весьма счастливая, и журналъ составляется умѣло, добросовѣстно и занимательно. Вступая во второй годъ своего существованія, онъ сдѣлалъ подарокъ читателямъ, приложивъ къ 25-му № особый выпускъ, посвященный описанію Россіи географической, этнографической, исторической, политической, административной, литературной, живописной и пр. (La Russie géographique, ethnographique, historique, politique, administrative, littéraire, pittoresque etc.). На сто десяти страницахъ большого формата въ два столбца всѣ эти отдѣлы добросовѣстно разработаны въ 18-ти большихъ статьяхъ, написанныхъ лицами, серьезно изучившими Россію, какъ Леруа-Болье, Рамбо, Вогюэ, Луи Леже и др. Изъ русскихъ только одна г-жа Лидія Пашкова описываетъ Петербургъ и Москву. Болѣе ста рисунковъ, портретовъ, картъ, типовъ и т. п. хотя и не новыхъ, но вѣрныхъ, отчетливо илюстрируютъ изданіе, знакомящее французовъ съ нашимъ отечествомъ. Это достаточно полный сводъ всего, что необходимо знать образованному европейцу о странѣ, живущей среди цивилизованныхъ державъ только своеобразною жизнью. Не мѣшаетъ перечитать эту книгу и чисто русскому человѣку, не всегда хорошо знакомому со

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

всѣми сторонами его собственнаго быта. Промаховъ въ фактическомъ отношеніи не много въ книгѣ, любопытной и въ томъ отношеніи, что она освѣщаетъ точку зрѣнія, съ которой сочувствующая намъ нація относится къ явленіямъ нашей прошлой и настоящей жизни. Эту точку мы и прослѣдимъ въ главныхъ статьяхъ сборника, подраздѣляющагося на три главныхъ отдѣла, какъ и самый журналъ: литература и искуство, науки моральныя и политическія (вѣрнѣе: соціальныя), естественныя и прикладныя. Сборникъ начинается статьею Леже «объ умственномъ развитіи Россіи до Екатерины II». Авторъ находитъ нужнымъ защищать мысль, что русскій народъ—европейскаго происхожденія, хотя и не отдѣленъ отъ Азіи никакою «серьезною» географическою границею. Первобытные славяне своимъ именемъ и своимъ устройствомъ обязаны скандинавскому племени, не оставившему, однако, слѣдовъ въ умственномъ развитіи страны. Варяги научили только кіевскихъ славянъ набѣгамъ на Византію, «которая отомстила имъ (?) тѣмъ, что ввела у нихъ свою вѣру, измѣнила ихъ азбуку и литературу на свой ладъ». Это окончательно отрѣшило славянскій міръ отъ романской цивилизаціи, связавшей всѣ народы запада. Но писатели первыхъ вѣковъ Руси не ниже западныхъ: лѣтопись Нестора не хуже хроники Григорія Турскаго, житіе Бориса и Глѣба и кіевскихъ святыхъ не ниже легендъ Болландистовъ, завѣщаніе Владиміра Мономаха могъ бы написать Карлъ Великій; игуменъ Даніилъ въ XII вѣкѣ мирно молился вмѣстѣ съ французами короля іерусалимскаго Балдуина у тѣхъ святыхъ мѣстъ, за которыя императоры Николай I и Наполеонъ III вступили въ войну. За литературой того времени, не говоря уже о былинахъ, Леже признаетъ важное значеніе, хотя напрасно говоритъ, что князья той эпохи были очень образованы. Вліяніе татарщины отразилось не только на языкѣ, но и на нравахъ народа: онъ сдѣлался на половину азіатскимъ, какъ южная часть Италіи была греческою. Леже называетъ настоящимъ поэтомъ автора «Задонщины» и помѣщаетъ изъ нея отрывокъ, представляющій, однако, прямое подражаніе «Слову о полку Игоря», о которомъ говорится только два слова. Роль Москвы очерчена вѣрно, хотя Алексѣй Михайловичъ названъ «уже западнымъ монархомъ». Переводъ сатиръ Кантемира, напечатанный черезъ пять лѣтъ послѣ его смерти, въ 1749 году, былъ первою французскою книгою, знакомящею съ русской литературой. Заслугамъ Ломоносова и писателямъ временъ Екатерины II авторъ отдалъ полную справедливость.

Картину умственнаго движенія въ Россіи послѣ Екатерины до нашего времени представляетъ Мельхіоръ Вогюэ. «Въ мрачное и короткое царствованіе Павла слышна была только команда капраловъ на парадахъ». Съ Александромъ I началась новая эпоха. Воспитанный Лагарпомъ, какъ молодой жирондистъ, онъ сначала имѣлъ твердое намѣреніе осуществить всѣ свои гуманныя идеи, съ помощью своихъ друзей—Строгонова, Новосильцева, потомъ Сперанскаго, котораго Наполеонъ просилъ уступить ему въ Эрфуртѣ, «въ обмѣнъ на какое нибудь королевство». Въ опозиціи Карамзина либеральнымъ идеямъ Сперанскаго, составившаго планъ освобожденія крестьянъ и конституціи, Вогюэ видитъ начало развитія въ Москвѣ политической, философской и литературной школы, получившей потомъ названіе славянофильской. Напрасно только авторъ смѣшиваетъ стремленія Аксакова съ направленіемъ Каткова и говоритъ, что школа эта всегда преобладала въ литературѣ. Мистическое направленіе Александра I обратило въ 1815 году

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Петербургъ въ городъ теософовъ, сведенборгистовъ, масоновъ. Изъ масонскихъ ложъ развились тайныя общества. Николай I, испуганный кровавымъ началомъ своего царствованія, объявилъ непримиримую войну идеямъ, которыми увлекалась русская интелигенція. Онъ водворилъ порядокъ посредствомъ системы молчанія. Въ началѣ его царствованія говорила только поэзія, да и та вскорѣ замолкла. Значеніе Пушкина и Жуковскаго вѣрно опредѣлено авторомъ; напрасно только онъ приписалъ послѣднему переводъ Иліады. Писатели движенія сороковыхъ годовъ обрисованы также хорошо, хотя слишкомъ коротко. Авторъ ставитъ высоко Грибоѣдова, Бѣлинскаго, Гоголя и представляетъ вѣрную оцѣнку литературнаго развитія при Александрѣ II. Русскій реализмъ возникъ раньше французскаго и вполнѣ самобытно. Романъ поглощаетъ въ Россіи всѣ силы интелигенціи, въ немъ высказываются всѣ идеи, всѣ доктрины, даже самыя отвлеченныя, такъ какъ политическія условія страны позволяютъ идеямъ странствовать только съ паспортомъ фантазіи. Парламентскаго и духовнаго краснорѣчія въ Россіи нѣтъ, философія допускается только православная, исторія копается только въ археологическомъ мусорѣ и обходитъ молчаніемъ явленія даже прошлаго вѣка. Громадные томы, изданные историческимъ обществомъ, представляютъ только сырой матеріалъ, ждущій еще обработки. Костомаровъ написалъ нѣсколько отдѣльныхъ удачныхъ монографій. 28 томовъ исторіи Соловьева представляютъ добросовѣстно подобранные факты и данныя, но вывода изъ нихъ никакого сдѣлать нельзя и читаются они съ трудомъ.

Въ романѣ Вогюэ отмѣчаетъ сначала успѣхи Гончарова и Писемскаго, но въ романѣ «Обломовъ» у перваго выходитъ все блѣдно, однообразно и монотонно, а второму не доставало широкихъ взглядовъ и сочувствія къ недостаткамъ изображаемаго имъ общества, потерявшаго свои идеалы въ тяжелое николаевское время. Гораздо рельефнѣе изображено это общество Тургеневымъ, Л. Толстымъ, Достоевскимъ, мастерски, хотя и сжато, очерченными французскимъ авторомъ. Онъ приводитъ отзывъ Тэна о Тургеневѣ, какъ о величайшемъ художникѣ, создававшемъ съ искуствомъ древняго грека литературныя камеи, блестящія совершенствомъ формъ и тонкостью рѣзца. Л. Толстой стоитъ на первомъ планѣ не только въ русской, но и во всемірной литературѣ. Характеристику этихъ лицъ, также какъ и другихъ нашихъ авторовъ: Некрасова, Алексѣя Толстого, Островскаго, Салтыкова, слѣдовало бы привести вполнѣ для нашихъ критиковъ, которые такъ много говорятъ о нашихъ писателяхъ и такъ мало высказываютъ о нихъ дѣльнаго, тогда какъ Вогюэ опредѣляетъ значеніе ихъ сжатыми, но рельефными чертами. Къ сожалѣнію, объемъ и цѣль нашихъ очерковъ не позволяютъ намъ приводить обширныя цитаты. Мы ограничимся только главными выводами французскаго критика о значеніи Л. Н. Толстого: «Онъ смотритъ на міръ съ вершины, находящейся внѣ этого міра; ясный и холодный взглядъ его проникаетъ подъ всѣ маски; онъ анализируетъ всѣ фазисы внутренняго человѣка въ его столкновеніи съ фактами и идеями, но онъ полонъ состраданія къ усиліямъ и невзгодамъ бѣднаго человѣчества. Какая цѣль жизни? Что надо дѣлать, чтобы она была сносною? Надо привести ее къ самымъ простымъ элементамъ и, чтобы достигнуть этого, Толстой проклинаетъ цивилизацію и дѣлается мужикомъ, но мужикомъ—философомъ. Не имѣя догматической религіи, онъ старается рѣшить религіозную и нравственную проблему. Но въ аскетѣ, занятомъ только своею проповѣдью, является

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

помимо его воли великій художникъ. Принужденный вращаться въ безвыходномъ метафизическомъ кругу, онъ напоминаетъ химика, обогатившаго міръ своими открытіями, но сдѣлавшагося алхимикомъ и погрузившагося въ отысканіе философскаго камня. Онъ не создаетъ уже прежнихъ свѣтлыхъ образовъ и сдѣлался писателемъ отвлеченной догмы, изъ которой старается извлечь раціональныя заключенія. Но это не мѣшаетъ распространенію извѣстности и вліянія Толстого на весь интелигентный міръ». Съ этимъ писателемъ и современными ему романистами, уже окончившими свое поприще, Россія достигла сознанія своего національнаго генія, и ему изумляется теперь, изучаетъ его старая Европа. «Русская литература, независимая на своей родинѣ (?), признана и внѣ ея, и изъ вассальной стала въ ряду великихъ державъ». Таковъ выводъ французскаго академика, сознающаго, однако, что въ настоящее время Россія литературная, какъ Россія политическая, отдыхаетъ и собирается съ силами (se recueille).

Три довольно обширныхъ статьи посвящены русскому искуству, музыкѣ и карикатурѣ. Всѣ фактическія данныя, относящіяся къ нашимъ живописцамъ, музыкантамъ, художникамъ, вѣрны, и отзывы объ нихъ могли бы быть даже менѣе панегиричны; портреты схожи, хотя мы предпочли бы изображеніе Бортнянскаго (о которомъ и вовсе не упоминается), Львова, Сѣрова, портретамъ господъ Кюи, Глазунова и подобныхъ имъ самозванныхъ извѣстностей. Карикатуру также не слѣдовало бы ограничивать перепечаткой незатѣйливыхъ рисунковъ «Стрекозы», называя редактора ея, г. Василевскаго, великимъ романистомъ и не упоминая ни слова о Ѳедотовѣ, «Искрѣ», Степановѣ и др. Исторія Россіи написана Альфредомъ Рамбо и ограничивается только главными фактами образованія государства, изъ маленькаго удѣла Даніила Калиты выросшаго въ державу, занимающую 22.430,000 квадратныхъ километровъ, то-есть почти пятую часть земного шара, на которомъ Франція занимаетъ только 529,000 квадратныхъ верстъ. Двѣ статьи о сношеніяхъ Россіи съ Франціей до реставраціи и потомъ до нашего времени представляютъ полную дипломатическую исторію этого времени. Отдѣльная статья посвящена нашимъ завоеваніямъ въ Азіи, затѣмъ слѣдуетъ картина организаціи политической, административной и судебной Россіи. Здѣсь, въ спискѣ монарховъ, начиная съ восшествія на престолъ старшей линіи герцогскаго Гольштейнъ-Готторпскаго дома въ лицѣ Петра III, сдѣланъ странный пропускъ: не показанъ вовсе Николай I. Леруа Болье описалъ устройство міра и русской общины, Рафаловичъ представилъ картину экономическаго состоянія Россіи по офиціальнымъ цифрамъ. Статья о народномъ образованіи основана также на послѣднихъ данныхъ. Въ третьемъ отдѣлѣ—прикладныхъ наукъ, описана физическая Россія, этнологическая, большіе города, русская армія, флотъ, русскіе ученые; въ концѣ приведены: русская азбука, календарь, мѣры и вѣсы, ордена, таблица чиновъ, замѣтки о религіи и духовной іерархіи, также о печати и цензурѣ—довольно поверхностныя. Такъ, нельзя принимать безусловно утвержденіе, что «политическая печать никогда не существовала въ Россіи»: въ своихъ мнѣніяхъ объ иностранной политикѣ журналистика пользуется довольно широкою свободой, а въ вопросахъ политики внутренней И. Аксаковъ, Катковъ и по временамъ «Голосъ» высказывали такія сужденія, за которыми слѣдовали тяжелыя административныя кары. Статья говоритъ, что, не смотря на цензуроманію всѣхъ вѣдомствъ при Николаѣ I, писатели на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

учились выражаться такъ, что высказывали нецензурныя сужденія, но въ формѣ, къ которой нельзя было придраться. Но исторія нашей журналистики плохо знакома автору статьи, увѣряющему даже, что «съ трагическою кончиною Александра II либеральныя изданія, какъ «Голосъ», «Порядокъ», «Молва», «Московскій Телеграфъ», должны были прекратиться». О современныхъ газетахъ высказываются довольно поверхностныя мнѣнія.

— Шарль Рабо издалъ описаніе Урала и Сибири (Oural et Sibérie), которые изслѣдовалъ въ 1890 году. Онъ уже болѣе десяти лѣтъ изучаетъ сѣверныя страны въ естественно-историческомъ и географическомъ отношеніи и въ 1885 году провелъ долгое время на Бѣломъ морѣ, побывавъ въ Лапландіи, Гренландіи и на Шпицбергенѣ. Оттуда онъ отправился на сѣверный Уралъ и изслѣдовалъ оба склона его—бассейны Печоры въ Европѣ и Оби въ Азіи. Преимущественно занялся онъ этнографическими особенностями края, населеннаго первобытными племенами, напоминающими доисторическаго человѣка эпохи каменнаго вѣка. Остякъ дальняго сѣвера и теперь обработываетъ нужныя ему орудія тѣми же способами, какіе употребляли предки его, неолитическаго періода. Сѣверъ Россіи первоначально былъ заселенъ племенами финно-угровъ: по Волгѣ мордвою, черемисами, чувашами и вотяками (всего—до 1.700,000), въ басейнѣ Камы — пермяками, на Печорѣ — зырянами, въ сѣверо-западной Сибири — остяками, на сѣверо-востокѣ Европы — финнами, корелами, лапландцами. Нынѣшнее поколѣніе даже близь Москвы, центра русскаго населенія, произошло отъ смѣси славянскихъ племенъ съ финскими. Скиѳы, предки славянъ, были длинноголовымъ народомъ, тогда какъ у теперешнихъ русскихъ черепъ круглый, какъ у финновъ. Черемисы даже въ окрестностяхъ Казани мало поддались славянскому вліянію; Рабо описываетъ ихъ подробно; чуваши больше подверглись татарскому элементу. Пермяки, напротивъ, сильно обрусѣли, хотя избы ихъ не похожи на русскія. Какъ всѣ финны, они любятъ синій цвѣтъ и красятъ въ него даже свою посуду, а на домашней утвари изображаютъ ворона, какъ норвежцы. Черемисовъ считаютъ потомками волжскихъ болгаръ. Въ Сибирь Рабо переправлялся по такъ называемой сибиряковской дорогѣ, доступной только зимою и проложенной черезъ болотистый лѣсъ отъ Усть-Щугора до Ляпина на Сыгвѣ, куда могутъ проходить пароходы. Между Ураломъ и Обью живутъ, по мнѣнію этнографовъ, два различныхъ племени: вогулы и остяки, первые въ горахъ, вторые по рѣкѣ, но Рабо находитъ, что нѣтъ никакихъ причинъ различать ихъ: имени вогулъ никто не знаетъ на мѣстѣ, а называютъ такъ въ Екатеринбургѣ обрусѣлыхъ остяковъ. Эти племена живутъ охотой и рыбною ловлей; у нихъ еще можно найти оружіе—лукъ и стрѣлы, зато на дверяхъ ихъ жилищъ вовсе нѣтъ замковъ, и если между ними встрѣчаются иногда воры, то между такими лицами, которыя успѣли уже познакомиться съ европейской цивилизаціей. Вообще въ книгѣ Рабо много интересныхъ наблюденій.

— Вышли довольно интересныя «Письма графини Сегюръ, рожденной Ростопчиной къ виконту и виконтесѣ Симаръ де-Питре». (Lettres de la comtesse de Ségur, née Rostopchine, au vicomte et à la vicomtesse de Simard de Pitray). Книга эта издана виконтесою Симаръ, дочерью Ростопчиной, и эти письма матери къ дочери не ограничиваются излiяніями нѣжностей и семейными конфиденціями: въ нихъ виденъ талантъ писательницы, дочери нашего извѣстнаго государственнаго дѣятеля, встрѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чаются прекрасно написанныя страницы, хотя и съ неизбѣжнымъ оттѣнкомъ женскаго ханжества, присущаго особенно католичкамъ высшаго круга. Она высказываетъ здравыя сужденія о жизни большого свѣта, о литературныхъ явленіяхъ, даже о политическихъ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія второй имперіи. О Наполеонѣ III она отзывается сначала съ сочувствіемъ, потомъ, когда онъ перестаетъ защищать интересы папы,—съ негодованіемъ. Но въ ея горячихъ и рѣзкихъ выходкахъ противъ вторженія нѣмцевъ во Францію звучитъ что-то «ростопчинское». Не менѣе правдивы ея отзывы о шаткой политикѣ Тьера до и во время комуны. Въ общемъ, въ письмахъ этой русской дѣвушки, сдѣлавшейся французскою графинею и матерью французской виконтесы, много важныхъ и любопытныхъ замѣтокъ, оставляющихъ впечатлѣніе въ читателѣ.

— Джонъ Полленъ издалъ: «Стихотворенія съ русскаго, представляющія точный переводъ избранныхъ отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ поэмъ». (Rhymes from the russian, beeing faithfull translations of selections from the best russian poems). Интересъ, возбужденный въ англійскихъ читателяхъ переводомъ русскихъ романистовъ, перешелъ и на нашихъ поэтовъ. Имена Пушкина, Лермонтова, Некрасова извѣстны въ Англіи также, какъ Тургенева, Толстого, Достоевскаго. Въ небольшой книжкѣ Поллена помѣщены только лирики нынѣшняго столѣтія, начиная съ Державина. Болѣе всего приведено отрывковъ изъ Лермонтова, и это лучшіе переводы въ сборникѣ, какъ «Споръ» и «Родина», хотя на англійскомъ языкѣ утрачивается гармонія и звучность русскаго стиха. Изъ Пушкина хорошо переданъ «Пророкъ», но другія пьесы слабо. У Тютчева и Полонскаго можно было бы выбрать для перевода болѣе выдающіяся пьесы. Изъ Державина переведены его послѣдніе, предсмертные стихи, написанные грифелемъ на аспидной доскѣ, хранящіеся теперь въ публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Плана въ сборникѣ нѣтъ никакого: переводилось, очевидно, то, что нравилось Поллену, и не принималось во вниманіе, характеризуютъ ли выбранныя пьесы дарованіе поэта. Поэтому о Пушкинѣ, напримѣръ, нельзя составить себѣ понятія по цитированнымъ изъ него образцамъ. То же можно сказать и о Некрасовѣ, и переводъ его стихотворенія, озаглавленный «Te Deum», очень слабъ. Изъ Фета его поэтическая пьеса въ восьми стихахъ «Чудная картина» переведена и безъ размѣра, и съ риѳмами черезъ строчку. «И саней далекихъ одинокій бѣгъ» превратился въ «Sledge in the distance in its lonely flight». Если англійскій стихъ плохо передаетъ болѣе родственный ему стихъ нѣмецкій, то совершенно чуждый ему славянскій элементъ еще менѣе доступенъ англійской рѣчи.

— Въ Антенеумѣ помѣщенъ обзоръ англійской литературы за 1891 годъ (English literature in 1891). Приводимъ главные выводы статьи, въ дополненіе къ обзору всемірной литературы за то же время, приведенному въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прошлаго года. Общій результатъ годичной умственной и творческой дѣятельности Англіи не представляетъ ничего особенно выдающагося: историческіе этюды превращаются въ изученіе источниковъ, поэзія не создала ничего самостоятельнаго, беллетристика—также. Въ философіи, эстетической критикѣ—таже бѣдность замѣчательныхъ произведеній; выдвигаются впередъ только изслѣдованія соціальныхъ вопросовъ о положеніи рабочихъ и земледѣльческихъ классовъ. Въ области историческихъ наукъ національное значеніе имѣетъ «Исторія большой междоусобной войны» Гар-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

динера, отъ августа 1642 года, когда знамя короля поднялось въ Нотингамѣ противъ страны, и до 30-го января 1649 года, когда голова короля пала на эшафотѣ въ Вейтгаллѣ. Три тома этого серьезнаго труда служатъ продолженіемъ «Исторія Англіи въ царствованіе Іакова I», и авторъ обѣщаетъ вести далѣе свои изслѣдованія. Борьба Кромвеля съ Карломъ I представляетъ, конечно, значительный интересъ, но изложеніе Гардинера нельзя назвать блестящимъ; зато оно основано на неопровержимыхъ документахъ, изученыхъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Профессоръ Фриманъ издалъ весьма обширную «Исторію Сициліи», обнимающую періодъ почти въ 20 столѣтій, отъ древнѣйшихъ временъ до смерти императора Фридриха въ 1250 году. Фроудъ написалъ исторію «Развода Екатерины Арагонской». Факты изложены вѣрно, но нельзя же увѣрять, что Генрихъ VIII развелся съ женой изъ патріотизма, хотя Фроудъ сильно стоитъ за этотъ парадоксъ. Маіоръ Вингетъ разсказалъ подробно исторію «Махдизма въ Египетскомъ Суданѣ». Особенно драматично изображена смерть Гордона въ Хартумѣ. Разсказъ доведенъ до начала прошлаго года, когда египтяне снова овладѣли Токаромъ. Эгмонтъ Гекъ описалъ «Событія возстанія Тайпинговъ», въ подавленіи котораго значительную роль игралъ тотъ же генералъ Гордонъ. Книга вся основана на собственныхъ замѣткахъ и дневникѣ самого Гордона. Литература, обличающая Станлея въ его фантастическомъ описаніи освобожденія Эминъ-паши, ограничилась въ прошломъ году тремя сочиненіями: Герберта Варда, мистрисъ Джаксонъ, издавшей дневникъ своего покойнаго мужа, оклеветаннаго Станлеемъ, и доктора Парке — лучшая книга, написанная въ умѣренномъ тонѣ. Тѣмъ же тономъ отличается и «Исторія столкновенія Англіи съ Манипуромъ» мистрисъ Гринвудъ. Изъ популярныхъ книгъ большимъ успѣхомъ пользуется «Краткая исторія англійскаго народа» Грина, изданная съ превосходными илюстраціями. Особый интересъ въ публикѣ возбуждаютъ біографія и личныя воспоминанія. Миссъ Модзлей издала панегирикъ кардиналу Ньюману, гдѣ 76 страницъ заняты его собственнымъ дневникомъ. Жизнь этого кардинала описали его братъ, профессоръ Ньюманъ, Флетчеръ и Мейнель. Миссъ Сутерландъ Орръ составила біографію Роберта Броунинга. Здѣсь много любопытныхъ, хотя и не всегда скромныхъ подробностей о частной жизни поэта, и особенно интересны письма мистрисъ Броунингъ. Извѣстный Смайльсъ написалъ біографію Джона Моррея, не менѣе извѣстнаго книгоиздателя. Съ нимъ имѣли сношенія всѣ выдающіеся писатели конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, и личные анекдоты, относящіеся къ нимъ, занимаютъ въ книгѣ главное мѣсто. Вышли также воспоминанія о второстепенныхъ дѣятеляхъ: академикахъ Редгревѣ и Копе, живописцѣ Даусонѣ, карикатуристѣ Личѣ, Женни Линдъ. Аустинъ Добсонъ издалъ «мемуары Горація Вальполя», Бентлей—девять томовъ кореспонденціи этого министра, Кальвинъ—переписку поэта Китса. Изданы біографіи Теккерея, Лоренса Олифанта, Питта, Роберта Пиля, Маколея, Фокса, виконта Гардинера, архіепископа Тэта, Джона Веслея, Томаса Мора, зоолога Госса, Монтегю Вильямса, гуманнаго администратора, улучшившаго по возможности бѣдственное положеніе пролетаріевъ ист-эндскаго квартала въ Лондонѣ. Наконецъ епископъ Вордсвортъ напечаталъ автобіографію, въ которой гораздо меньше говоритъ о церковныхъ дѣлахъ, чѣмъ о своихъ успѣхахъ въ игрѣ въ крокетъ, гребныхъ гонкахъ и спортѣ всякаго рода.

По отдѣлу философскихъ наукъ вышло «Правосудіе» Герберта Спенсера,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

составляющее четвертую часть его «Принциповъ этики». Здѣсь, главныя положенія, формулированныя философомъ въ его прежнихъ этюдахъ, разработаны подробно и возведены въ основные догматы. Дополненіемъ къ этой книгѣ служитъ превосходный этюдъ Джонса «Сознаніе въ животныхъ». Кембриджскій профессоръ Сиджвикъ издалъ «Основанія политики», а другой профессоръ Маршаль—«Экономическіе принципы». Множество богословскихъ трактатовъ громятъ, какъ всегда, еретиковъ и схизматиковъ, но этимъ не обращаютъ ихъ въ вѣрующихъ. Сентсбери издалъ два этюда «объ англійской литературѣ» и «о французскихъ нувелистахъ». Обѣ книги полны любопытныхъ данныхъ, но написаны сухо, также какъ и «литературные этюды» Джона Морлея. «Оксфордскія чтенія» Поллока и «Впечатлѣнія и мнѣнія» Джорджа Мура страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ. Вильямъ Моррисъ написалъ соціалистскую фантазію «Извѣстія откуда-то» и издаетъ съ Магнуссономъ превосходный сборникъ исландскихъ сагъ.

Этотъ же писатель является замѣчательнымъ поэтомъ въ своихъ «Дорожныхъ стихотвореніяхъ». Другой Моррисъ, Льюисъ, написалъ поэму «Эпосъ Ада», гдѣ тѣни греческихъ героевъ передаютъ свои похожденія поэту, котораго водитъ по аду ангелъ. Извѣстный историкъ Лекки издалъ также томъ стиховъ, вѣроятно, для того, чтобы доказать, что можно быть въ одно и то же время замѣчательнымъ ученымъ и плохимъ поэтомъ. Эдвинъ Арнольдъ написалъ поэму съ большими претензіями «Свѣтъ міра», разсчитывая, вѣроятно, что она будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и прежде изданный имъ «Свѣтъ Азіи», но тамъ онъ могъ восхвалять сколько ему угодно Будду, а въ новой поэмѣ оказался весьма ординарнымъ стихотворцемъ. Давно молчавшій Теннисонъ напечаталъ прекрасный этюдъ «Дафна» и другія поэмы. Менѣе интересны «баллады» Стевенсона, взятыя изъ преданій острова Таити. Изъ романовъ большой успѣхъ имѣлъ «Одинъ изъ нашихъ завоевателей» Джорджа Мередита. Типъ героини Несты Радноръ англійская критика ставитъ на ряду съ лучшими романическими характерами. Гарди написалъ «Группу благородныхъ дамъ», романтическіе разсказы вессекскихъ леди, во время ихъ прогулки съ археологической цѣлью; Лука Молетъ — «Расплату за грѣхъ» — сенсаціонную новеллу. Блекъ въ «Дональдъ-Россъ изъ Геймры» рисуетъ нравы горцевъ и гаэлическія преданія. На историческихъ преданіяхъ основанъ и романъ Берингъ-Гоульда «Урата, дортмурская сказка». Повѣсти Кларка Росселя «Свадьба на морѣ» и «Моя датская возлюбленная», Шортгауза «Бланка, леди Фалезская», Олифанта «Рельсовый сторожъ и его дѣти», Норриса «Сыновья мистера Чена», мистрисъ Вудсъ «Деревенская трагедія»—принадлежатъ къ числу лучшихъ новеллъ прошлаго года. Галль Кайнъ въ интересныхъ сценахъ описываетъ жизнь въ Марокко. Киплингъ издалъ цѣлую серію разсказовъ, изъ которыхъ лучшіе: «Волокитство за Диною Шаддъ», «Безъ благословенія духовенства», «На Гринвудскомъ холмѣ». Но успѣхъ всѣхъ этихъ произведеній затмилъ романъ Барри «Маленькій министръ». Меріонъ Крауфордъ въ своей «Прагской колдуньѣ» продолжаетъ разсказывать гипнотическія и всякія другія чудеса, нисколько не заботясь объяснять ихъ. Романъ архидіакона Фаррари критика называетъ подлиннымъ историческимъ трудомъ: дѣйствіе романа, называющагося «Сумерки и разсвѣтъ», происходитъ при Неронѣ. Вейманъ въ «Новомъ ректорѣ» подражаетъ манерѣ Антонія Троллопа. Дюморье въ своемъ «Петерѣ Ибветсонѣ» затрогиваетъ область фантастическаго и самъ же рисуетъ илю-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

страціи къ похожденіямъ своего героя. Ридеръ Гаггардъ въ своемъ «Эрикѣ» переноситъ читателя въ эпоху викинговъ. Психическое общество издало цѣлый рядъ таинственныхъ разсказовъ, въ которыхъ старается убѣдить въ существованіи невозможныхъ чудесъ. Наконецъ, вышелъ любопытный разсказъ изъ жизни дѣтей «Томъ», напоминающій «Недоразумѣніе миссъ Монтгомэри». Переводная литература богата выдающимися произведеніями, болѣе всего относящимися къ древнему міру, какъ «Греческая антологія» и поэмы Кальпурнія и Мелеагра. Дранби издалъ томъ замѣчательныхъ «Китайскихъ волшебныхъ сказокъ».

— Въ Парижѣ недавно вышла очень интересная и прекрасно написанная книжка іезуита Гастона Сортэ (Sortais), вновь поднимающая пресловутый Гомеровскій вопросъ. Ея полное заглавіе: Ilios et Iliade (Les ruines d'Ilios. La formation de l'Iliade. Essai de restauration de l'Iliade primitive. L'Olympe et l'art homériques). Авторъ ея, бывшій преподаватель греческой литературы въ Кентербери въ Mary's College, страстный поклонникъ поэмъ Гомера, но не въ настоящемъ ихъ видѣ, а въ томъ, какой онѣ должны были имѣть до вставокъ, повтореній и распространеній позднѣйшихъ редакторовъ. Вопросъ въ томъ, какъ добраться до этого драгоцѣннаго зерна. Извѣстно, что рукописи и другія неоспоримыя данныя почти ничего не даютъ въ этомъ отношеніи. Сортэ, по примѣру многихъ другихъ своихъ предшественниковъ, долженъ прибѣгнуть къ субъективной, главнымъ образомъ эстетической критикѣ и, подобно имъ же, дѣлаетъ обычную и почти невольную ошибку: считаетъ первоначальнымъ то, что лично ему кажется существеннымъ и удовлетворяющимъ условіямъ великой національной поэмы. Отъ многихъ изъ этихъ предшественниковъ Сортэ выгодно отличается полнымъ знакомствомъ съ результатами раскопокъ Шлимана, а отъ всѣхъ нѣмецкихъ гомеристовъ замѣчательной ясностью и общедоступностью изложенія. Попытавшись въ 3-й главѣ возстановить первоначальную Иліаду, Сортэ остроумно изслѣдуетъ гомеровскій Олимпъ (онъ справедливо думаетъ, что греки переносили на него свое политическое устройство) и присоединяетъ къ этому еще 3 главы подъ заглавіемъ: l'art homérique, т. е. эстетическій разборъ частностей Иліады; онъ признаетъ за нею три великія достоинства: естественность, величіе и соединеніе идеальнаго съ реальнымъ, эти 3 главы написаны особенно горячо и живо. Книжка издана прекрасно и снабжена картами раскопокъ и мѣста дѣйствія Иліады.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Анекдотъ о князѣ А. М. Горчаковѣ.

Въ НАЧАЛѢ семидесятыхъ годовъ, въ петербургской полиціи служилъ помощникомъ пристава нѣкто К—ъ, отличавшійся очень высокимъ ростомъ и крупнымъ тѣлосложеніемъ. Однажды К—ъ былъ назначенъ въ нарядъ въ Большой театръ. Проходя по одному изъ корридоровъ, К—ъ встрѣтилъ знакомаго, также толстяка; остановившись, они почти совершенно загородили собою проходъ.

Вдругъ К—ъ почувствовалъ, что кто-то дотронулся до его руки.

— Позвольте пройти,—услышалъ К—ъ позади себя и, обернувшись, увидѣлъ сухощаваго старика, пробиравшагося въ одну изъ ложъ.

— Проходите-съ,—обратился К—ъ, давая дорогу, къ неизвѣстному старику и при этомъ добавилъ:

— Эхъ, дѣдушка, вамъ лучше было бы сидѣть дома, да Богу молиться, чѣмъ по театрамъ разъѣзжать.

— Совершенно вѣрно изволили замѣтить,—съ добродушной улыбкой отвѣтилъ старичекъ на неумѣстное замѣчаніе полицейскаго чиновника и направился далѣе по корридору.

Въ это время къ К—у подбѣгаетъ полицеймейстеръ и спрашиваетъ: куда прошелъ свѣтлѣйшій?

— Какой свѣтлѣйшій?—недоумѣваетъ К—ъ.

— Свѣтлѣйшій князь Горчаковъ!

— Не могу знать.

— Какъ не знаете, когда я самъ видѣлъ, какъ онъ сію минуту у васъ о чемъ-то спрашивалъ,—горячился полицеймейстеръ и пробѣжалъ вслѣдъ за

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

свѣтлѣйшимъ, котораго требовалъ къ себѣ въ ложу, находившійся въ то время въ театрѣ, государь.

К—ъ совершенно ошалѣлъ и тутъ только догадался, что старичекъ, которому онъ такъ неосторожно посовѣтовалъ дома молиться Богу, былъ не кто иной, какъ государственный канцлеръ, свѣтлѣйшій князь Горчаковъ

«Ну, значитъ, теперь пропалъ,—думалъ несчастный К—ъ,—одно слово свѣтлѣйшаго, и вонъ изъ службы».

Подумавъ немного, К—ъ рѣшилъ тотчасъ же лично просить прощенія у свѣтлѣйшаго и сталъ ожидать его выхода изъ ложи. Обстоятельства благопріятствовали К—у. Полицеймейстеръ, передавъ свѣтлѣйшему требованіе государя, тотчасъ же удалился и черезъ двѣ-три минуты князь вышелъ въ корридоръ.

К—ъ бросился къ нему и со слезами, дрожащимъ голосомъ, началъ умолять пощадить его, хотя бы ради семейства.

— Позвольте, но я не понимаю, о чемъ вы меня просите?—перебилъ его свѣтлѣйшій.

— Простите, ваша свѣтлость, мою легкомысленную дерзость и не доводите...

— Ахъ, это вы на счетъ преподаннаго мнѣ совѣта! Да за это я на васъ не обижаюсь: вы сказали правду, а я ее люблю. Успокойтесь, все это останется между нами.

Понятно, радости К—а не было предѣловъ, и съ тѣхъ поръ онъ зарекся задѣвать незнакомыхъ ему людей неумѣстными замѣчаніями.

Сообщилъ **М. С. Робушъ.**

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СМѢСЬ.

Собраніе древностей профессора Самоквасова. Поднесенное Государю собраніе древностей члена археологической комисіи профессора Д. Я. Самоквасова выставлено въ помѣщеніи комисіи, а по осмотрѣ будетъ отправлено въ Москву и передано въ императорскій музей. Собраніе проф. Самоквасова, за исключеніемъ немногихъ случайныхъ пріобрѣтеній, составляютъ богатые предметы разныхъ историческихъ эпохъ, найденные въ раскопанныхъ имъ языческихъ могильникахъ съ 1871 по 1891 г. въ губерніяхъ: Черниговской, Курской, Полтавской, Кіевской, Екатеринославской, на Кавказѣ и въ Привислянскомъ краѣ. Могильныя древности собранія подраздѣлены проф. Самоквасовымъ на 4 отдѣла, соотвѣтствующіе четыремъ историческимъ эпохамъ въ исторіи культуры южной Россіи. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются древности каменной и бронзовой культуры изъ могильниковъ до VI столѣтія до Р. Х., содержащихъ въ себѣ только предметы изъ камня, глины, кости и бронзы; во второмъ отдѣлѣ—предметы скиѳо-сарматской эпохи изъ могильниковъ съ VI столѣтія до Р. Х. по V столѣтіе по Р. Х., въ которыхъ, рядомъ съ предметами быта древнихъ народовъ южной Россіи мѣстнаго производства, найдены предметы искуства древнихъ грековъ и римлянъ временъ существованія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря; въ третьемъ отдѣлѣ — предметы славяно-русской эпохи, изъ могильниковъ съ VI в. по XI в. Р. Х., заключавшихъ въ себѣ, рядомъ съ бытовыми предметами мѣстнаго производства, предметы искуства византійскаго и арабскаго этихъ столѣтій. Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ—предметы половецко-татарскаго владычества изъ курганныхъ могильниковъ половцевъ и татаръ, содержавшихъ въ себѣ монеты XII—XV столѣтій. Къ собранію древностей проф. Самоквасова приложены дневники археологическихъ раскопокъ, чертежи и планы типичныхъ монетъ разныхъ историческихъ эпохъ и разныхъ мѣстностей, описаніе и каталогъ бытовыхъ предметовъ собранія съ 10 таблицами гравированныхъ рисунковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Библіотека Ивана Грознаго. Въ Москвѣ возобновились толки о судьбѣ библіотеки Ивана Грознаго, обращавшей на себя своимъ богатствомъ вниманіе современниковъ и, между прочимъ, имѣвшей до 800 греческихъ и латинскихъ рукописей. Г. Тремеръ не согласенъ съ русскими изслѣдователями древностей, полагающими, что библіотека погибла при одномъ изъ многочисленныхъ кремлевскихъ пожаровъ. Основываясь на томъ, что Кремль далеко еще не изслѣдованъ какъ слѣдуетъ, что не только въ 1837 г. подъ мусоромъ и бочками съ дегтемъ была открыта древнѣйшая часть дворца (относящаяся къ эпохѣ Василія IV) и съ нею небольшая дворцовая церковь св. Лазаря, но и прошлымъ лѣтомъ при осмотрѣ подваловъ въ восточной части теремовъ эти подвалы оказались отлично сохранившимися частями дворца Василія IV, г. Тремеръ думаетъ, что о судьбѣ библіотеки еще не сказано послѣднее слово. Древніе источники опредѣлительно говорятъ, что «казна великаго князя хранилась подъ сводами этой церкви» (Лазаря). Поэтому можно предположить, что и три тайника съ книгами находились въ сосѣдствѣ этой дворцовой церкви. Въ Москвѣ предполагается теперь произвести изслѣдованіе всего Кремля,—быть можетъ, и дѣйствительно библіотека царя Ивана Грознаго найдется.

Находка въ Дерптской библіотекѣ. Въ университетской библіотекѣ Дерпта сдѣлана г. Кордтомъ важная находка въ видѣ большого числа рукописей, имѣющихъ важное значеніе для исторіи XVII вѣка. Открыто до 600 документовъ на русскомъ, шведскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, именно переписка извѣстнаго шведскаго полководца и государственнаго человѣка Якова де-ла-Гарди и графа Іоанна Оксенстіерна, сына знаменитаго Акселя Оксенстіерна. Въ первой перепискѣ оказалось до 60 собственноручныхъ писемъ и илюстрацій короля Густава-Адольфа, проливающихъ новый свѣтъ на отношенія русскихъ къ шведамъ въ 1613 г., разъясняющихъ шведско-польско-лифляндскія отношенія въ 1627 и 1629 г. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ писемъ и отчетовъ шведскихъ полководцевъ и государственныхъ людей къ Я. де-ла-Гарди, въ томъ числѣ письма А. Оксенстіерна, Врангеля и другихъ. Переписка Г. Оксенстіерна содержитъ новый матеріалъ для исторіи Вестфальскаго мира.

Замокъ королевы Боны. Замковая гора «Бона», самая высокая изъ Овратынскихъ горъ Волынской губерніи, возвышается на 1,328 фут. надъ уровнемъ моря. На самой ея вершинѣ находятся развалины стариннаго замка, основаннаго въ IX вѣкѣ. Въ описаніи кременецкаго замка, составленномъ 21 іюля 1545 года дьякомъ Львомъ Патѣевымъ, сказано, что этотъ замокъ съ незапамятныхъ временъ сдѣланъ и построенъ изъ каменной скалы. Замокъ этотъ поддерживался до 1848 г., а съ тѣхъ поръ, заброшенный, постепенно разваливается. Большая часть стѣнъ замка и сѣверныя ворота сохранились до сихъ поръ; часть западной стѣны обрушилась лѣтъ десять назадъ и упала во внутрь замка, гдѣ до настоящаго времени видны ея слѣды; часть юго-западной стѣны обрушалась лѣтъ 30 назадъ и при паденіи своемъ повредила нѣсколько домовъ, причемъ былъ убитъ старикъ, жившій въ одномъ изъ нихъ. Въ настоящее время части южной стѣны, размытой частыми проливными дождями, угрожаетъ та же участь, но никто не обращаетъ на это вниманія, а между тѣмъ стѣна стоитъ отвѣсно надъ невдалекѣ находящимися домами, угрожая имъ съ ихъ жителями неминуемою гибелью, въ особенности если катастрофа случится ночью. Прошло столько лѣтъ, и до сихъ поръ никто не хочетъ обратить должнаго вниманія на такую историческую и древнюю постройку, какъ замокъ королевы Боны; ни одинъ археологъ не приступалъ къ раскопкамъ горы «Боны».

Лекція А. Ф. Кони о докторѣ Гаазѣ. Давно уже въ большой аудиторіи педагогическаго музея въ Соляномъ городкѣ не было такой массы публики, какая собралась на лекцію А. Ф. Кони, прочитанную въ пользу пострадав-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шихъ отъ неурожая. Не было ни одного пустого мѣста. Даже на эстрадѣ у каѳедры лектора поставленные дополнительные ряды стульевъ были заняты. Въ проходахъ густой толпой стояли слушатели. А. Ф. они читалъ о русскомъ Джонѣ Говардѣ, менѣе извѣстномъ, чѣмъ Говардъ, но не менѣе гуманномъ и замѣчательномъ человѣкѣ, докторѣ Ѳедорѣ Петровичѣ Гаазѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ «Новомъ Времени» была помѣщена подробная статья объ этомъ истинномъ филантропѣ, дѣятельность котораго касается тяжелой тюремной жизни эпохи 40-хъ годовъ. Благодаря замѣчательной дикціи лектора, передъ глазами слушателей рельефно вырисовывался въ высшей степени симпатичный обликъ старика Гааза, втеченіе 24 лѣтъ съ успѣхомъ боровшагося противъ возмутительныхъ и варварскихъ условій тогдашняго быта арестантовъ. Всѣ свои нравственныя и физическія силы Ѳ. П. Гаазъ положилъ на служеніе интересамъ «несчастныхъ», которыхъ онъ любилъ истинною христіанскою любовью. На сколько велика была эта любовь, лучше всего видно изъ того, что докторъ Гаазъ, не смотря на свое сравнительно весьма малое значеніе и на страшную опозицію, постоянно встрѣчаемую имъ со всѣхъ сторонъ, всеже почти всегда достигалъ того, къ чему стремился, и тѣмъ или другимъ способомъ ухитрялся смягчать тяжелыя условія арестантской жизни. Изъ-за своихъ «несчастныхъ» докторъ Гаазъ вѣчно спорилъ и ратовалъ со всѣми лицами, имѣвшими то или другое отношеніе къ заключеннымъ, пренебрегалъ непріятностями, постоянно сыпавшимися на него изъ-за нихъ и не боялся сильно ходатайствовать за своихъ дѣтей даже передъ самимъ Николаемъ I. Уже подъ конецъ своей жизни, больной, престарѣлый Гаазъ, всетаки, оставался до конца вѣренъ своей идеѣ и умеръ окруженный толпой бѣдняковъ, которымъ посвятилъ всю свою жизнь. Интелигентное общество забыло о Гаазѣ. Не забыли его только тѣ «несчастные», которые и теперь, надѣвая облегченные гаазовскіе кандалы, вспоминаютъ святого старика. Могила Гааза неизвѣстна, и единственнымъ памятникомъ ему служитъ икона св. Ѳеодора, сооруженная въ память кончины Гааза арестантами въ далекомъ Нерчинскѣ. Заканчивая свою лекцію, А. Ф. Кони упомянулъ, что лучшею благодарностью покойному филантропу можетъ служить напоминаніе о его гуманной дѣятельности теперешнему поколѣнію. Взрывъ рукоплесканій закончилъ лекцію А. Ф. Кони Но лучшей наградой какъ ему за прочитанную лекцію, такъ и памяти покойнаго Гааза въ данномъ случаѣ были слезы, которыя виднѣлись на глазахъ многихъ изъ слушателей.

Лекція по исторіи химіи. Въ актовой залѣ Петербургскаго университета проф. Гольдштейномъ прочитана лекція на тему «алхимія и алхимики». Лекція сопровождалась опытами и туманными картинами. Историческія свѣдѣнія химіи охватываютъ собой болѣе 15 вѣковъ, но, конечно, нѣтъ сомнѣнія, что гораздо раньше химическія явленія, тѣсно связанныя съ жизнью, занимали человѣка, который, не умѣя ихъ объяснить, создалъ на этой почвѣ множество миѳовъ и предразсудковъ. Всѣ эти сказанія, сохранившіяся въ сочиненіяхъ ученыхъ IX вѣка по Р. Х., даютъ основаніе думать, что Моисей, его сестра Маріамъ, Іоаннъ Златоустъ, были знакомы со многими химическими явленіями. Затѣмъ встрѣчаются совершенно миѳическія сказанія о книгѣ, написанной Енохомъ, въ которой указывалось, что ангелы въ очень давнее время, прельстившись красотой земныхъ женщинъ, сошли на землю и научили окрашивать ткани и т. п. явленіямъ, которыя носятъ теперь названіе химическихъ. Нѣкоторые даже думаютъ, что самое слово «химія» произошло отъ названія этой книги, которая называлась Хеми, но другіе выводятъ это слово отъ египтянъ. Вообще наука химіи, которою усердно занимались какъ въ Египтѣ, такъ и въ Греціи, не можетъ отдѣлаться отъ мистицизма и таинственности до времени александрійскихъ ученыхъ—Зосимы Панополійскаго, Синезія, Олимпіодора, Демокрита, которые начинаютъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

уже объяснять химическія явленія языкомъ, болѣе понятнымъ на столько, что и теперь можно почерпнуть многое изъ ихъ сочиненій; но и у нихъ встрѣчаются весьма часто самыя туманныя формулы превращенія металловъ, въ родѣ такой, что «небо сверху—небо снизу, звѣзды сверху—звѣзды снизу; все вверху—все тоже внизу; это возьми и сдѣлайся счастливъ». Опыты александрійской школы, производившіеся на философскихъ, логическихъ началахъ, въ концѣ концовъ бросаются и начинается исканіе ощупью. Въ этотъ періодъ происходитъ страшная путаница: является множество лицъ, провозглашающихъ свое умѣнье дѣлать золото, дается множество рецептовъ, но ни одинъ изъ алхимиковъ XVI и XVII вѣковъ самъ не берется дѣлать его въ значительномъ количествѣ. Періодъ развитія блестящей литературы по вопросамъ химіи александрійскихъ ученыхъ и въ особенности арабовъ, пришедшихъ въ Испанію, замѣняется шарлатанскими опытами, среди которыхъ только изрѣдка попадаются дѣльные труды, сохранившіе свою силу и до настоящаго времени. Выработываются такія теоретическія воззрѣнія, какъ-то, что матерія едина; всѣ разнообразныя формы обусловливаются только разнообразіемъ комбинацій; природа эти комбинаціи воспроизводитъ и мы должны ихъ произвести. Но какъ произвести? Для этого, у алхимиковъ существуетъ философскій камень, о которомъ никто изъ нихъ не говоритъ подробно. Названіе это появляется въ IX вѣкѣ, а раньше былъ «великій элексиръ», «красная тинктура», «средство третьяго порядка» и т. д Описаніе внѣшняго вида философскаго камня встрѣчается у Демокрита, который говоритъ, что это вещество красное—для выдѣлки золота и бѣлое—для серебра. Парацельсъ въ XVI вѣкѣ описываетъ его болѣе подробно. Онъ говоритъ, что это вещество въ большомъ количествѣ—красное, какъ рубинъ, прозрачное, а въ мелкомъ видѣ напоминающее шафранъ, гибкое, какъ смола, и ломкое, какъ стекло. Хотя хромокаліева соль и подходитъ по своимъ свойствамъ подъ это описаніе, но свойства философскаго камня она не проявляетъ. Дѣлая общій выводъ, лекторъ пришелъ къ заключенію, что алхимики, занимаясь изслѣдованіемъ химическихъ явленій, наблюдая тѣ необъяснимыя чудеса, съ которыми имъ приходилось встрѣчаться во время опытовъ, и не имѣя отправныхъ точекъ, которыми пользуется современная наука, не могли выйти изъ заколдованнаго круга, въ который они попали. Въ жизни же тогда господствовалъ невѣрный экономическій взглядъ, что чѣмъ болѣе золота, тѣмъ богаче народъ, и поэтому заставлялъ ихъ работать исключительно въ этомъ направленіи. Нельзя, однако, относиться съ ироніей ко всѣмъ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ они стремились, такъ какъ многое, что считается невозможнымъ, невозможно только пока, и на нашихъ глазахъ происходятъ удивительныя открытія.

Общество любителей древней письменности. Въ засѣданіи 24-го января М. И. Семевскій сообщилъ обзоръ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива князя Ѳ. А. Куракина (село Надеждино, Саратовской губерніи). Эти интересные матеріалы составятъ набранную уже третью книгу историческаго сборника, издаваемаго княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, и относятся къ царствованію Петра Великаго. Въ первой группѣ помѣщено собраніе грамотъ, наказовъ, писемъ царя, а также донесенія и мнѣнія его дипломата князя Бориса Ив. Куракина, относящихся до заключенія торговыхъ и иныхъ трактатовъ Россіи съ Англіей и Голландіей (наемъ морскихъ чиновъ, порученія царя о разныхъ покупкахъ, инструкціи самого князя Бориса Куракина его сыну, совѣтнику посольства въ Парижѣ, и т. п.). Во второй группѣ соединено до сотни разнообразныхъ документовъ, обрисовывающихъ внутренній бытъ Семеновскаго полка за первую половину 1709 г.; въ третьей группѣ сборника особенно любопытны автобіографическія записки князя Б. И. Куракина 1710—1712 г., писанныя княземъ въ апрѣлѣ 1712 года. Въ томъ же засѣданіи общества Н. П. Барсуковъ прочелъ 30—32 главы изъ шестой приготовляемой къ пе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чати книги «Жизнь и труды М. И. Погодина», именно о путешествіи Погодина въ 1841 году вмѣстѣ съ П. И. Савваитовымъ по Вологодской губерніи и въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Маститый ученый П. И. Савваитовъ, присутствовавшій при этомъ чтеніи, разсказалъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ изъ этого путешествія, отчасти дополняющихъ изложеніе самого Погодина.

Археологическое общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Русскаго археологическаго общества Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе «о сартскихъ плясовыхъ пѣсняхъ». Эти пѣсни, исполненіемъ которыхъ сопровождаются пляски извѣстныхъ бачей, отличаются самымъ разнообразнымъ содержаніемъ; однѣ изъ нихъ представляютъ чистую лирику, не лишенную возвышенности чувства, и притомъ преимущественно въ духѣ элегическомъ; другія представляютъ болѣе или менѣе цѣлостныя эпическія картины, лишь прерываемыя эротическими припѣвами; третьи, наконецъ, отличаются исключительно эротическимъ характеромъ, причемъ цѣлая группа послѣднихъ произведеній принимаетъ форму діалога между бачей и акомпаньяторомъ (дорьячи), такъ что исполненіе пьесы превращается въ своего рода народный балетъ и commedia dell'arte. Представленный докладчикомъ сборникъ пѣсенъ бачей въ точныхъ записяхъ, вмѣстѣ съ подстрочнымъ переводомъ, будетъ напечатанъ въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Записокъ восточнаго отдѣленія Русскаго археологическаго общества». Въ томъ же засѣданіи Н. Я. Марръ представилъ рецензію на появившуюся на нѣмецкомъ языкѣ книгу Влисоцкаго: «Сказки армянъ трансильванскихъ и буковинскихъ» и, ограничивая преувеличенныя утвержденія автора относительно народности этихъ сказокъ, указалъ уже извѣстные литературные источники нѣкоторыхъ изъ нихъ и главнымъ образомъ варіанты извѣстной повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ. В. Г. Голенищевъ принесъ въ даръ отдѣленію по экземпляру своихъ новыхъ трудовъ: «Vingt quatre tablettes cappodociennes de la collection W. Golénischeff» и «Ermitage Imperial. Inventaire de la collection Egyptienne».

Касса взаимопомощи. 25 го января состоялось общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; собралось около 30 участниковъ; предсѣдателемъ собранія былъ избранъ профессоръ В. И. Сергѣевичъ. Предсѣдатель правленія Г. К. Градовскій доложилъ отчетъ о положеніи дѣлъ кассы съ 5-го мая 1891 года (день учрежденія) по 1-е января 1892 года. Отчетъ производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе, свидѣтельствуя о быстромъ возростаніи числа участниковъ и денежныхъ средствъ кассы. Касса открыла свои дѣйствія при 111 членахъ-учредителяхъ, но изъ нихъ только 95 лицъ сдѣлали вступительные взносы и образовали первый контингентъ участниковъ кассы; учредитель Э. К. Ватсонъ скончался нѣсколько дней спустя по открытіи дѣйствій кассы; до конца 1891 года принято новыхъ членовъ 64, такъ что къ 1892 году въ кассѣ участвовало 158 человѣкъ. Средній возростъ участниковъ кассы въ 1891 году составлялъ 41, 43 года, а на 1892 годъ—39, 44 года. Въ 1891 году никакихъ выдачъ изъ кассы не было, такъ какъ Э. К. Ватсонъ не пожелалъ оставить заявленія о выдачѣ. Общихъ собраній было два, а засѣданій правленія—четыре. Занятія правленія были направлены на организацію дѣлопроизводства и другія распорядительныя дѣйствія. Въ отношеніи формъ счетоводства правленіе старалось держаться традицій, выработанныхъ Литературнымъ фондомъ. Тѣмъ не менѣе, соотвѣтственно особенностямъ кассы и новѣйшимъ усовершенствованіямъ въ бухгалтеріи, признано необходимымъ принять иныя формы счетоводства. За 8 мѣсяцевъ 1891 года балансъ денежныхъ оборотовъ кассы равняется 3,467 рублей 87 коп.; дѣйствительнаго прихода было 1,969 рублей 75 коп., а расхода 34 рубля 55 коп. Въ 1892 году касса вступаетъ съ капиталомъ въ 1,935 рублей 20 коп. Въ первый же годъ суще-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ствованія кассы получили начало всѣ положенные по уставу капиталы: расходный капиталъ составлялъ 1,693 рубля, запасный—206 рублей 20 коп. и пенсіонный—6 рублей. Къ 1892 году число членовъ кассы увеличилось на 65 процентовъ; средній размѣръ суммъ, подлежащихъ выдачѣ членамъ, возросъ съ 364 до 569 рублей, а средній возростъ уменьшился болѣе чѣмъ на 1½ года Такимъ образомъ, число участниковъ кассы и выгоды, обѣщанныя этимъ учрежденіемъ, возросли, а страховой рискъ участниковъ ея уменьшился, благодаря болѣе молодому составу членовъ. Средній размѣръ обязательныхъ платежей членовъ опредѣлялся для 1891 года въ 3 рубля 83 коп., а для 1892 года—въ 3 рубля 69 коп. Если бы, — замѣчаетъ отчетъ, — участники кассы приняли во вниманіе всѣ эти весьма успокоительныя данныя и возвысили разрядъ своихъ платежей, то и выгоды участія въ кассѣ быстро увеличились бы.

Затѣмъ были произведены выборы. Изъ состава правленія по жребію выбыли: А. И. Поповицкій, А. А. Тихоновъ и А. К. Шеллеръ. Вмѣсто нихъ избраны: В. О. Михневичъ, Я. Г. Гуревичъ и М. Л. Песковскій, а кандидатами: С. Н. Худековъ и Э. И. Пильцъ. Въ новомъ своемъ составѣ правленіе избрало слѣдующихъ должностныхъ лицъ: предсѣдатель Г. К. Градовскій, секретарь М. Л. Песковскій и казначей И. Ф. Василевскій.

Отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки за 1890—1891 библіотечный годъ. Къ 26 ноября 1891 года оставалось библіотечныхъ суммъ на лицо 16,337 р. 26 к., да залоговъ 2,914 р. 59 к. Съ 26 ноября 1890 года по 26 ноября 1891 года поступило: пособій отъ министерства и Симбирской городской управы, пожертвованій, процентовъ и другихъ 1,521 р. 24 к. Залоговъ— 1,381 р. 50 к., а съ остаткомъ на приходѣ — 22,954 р. 59 к. Употреблено въ расходъ: на жалованье и награды служащимъ—784 р., на выписку книгъ, журналовъ и газетъ—334 р. 51 к. и на другіе расходы—1,535 р. 78 коп.; возвращено залоговъ—1,599 р. 50 коп. Итого 3,135 р. 28 коп. Къ 26 ноября 1891 года состояло библіотечныхъ суммъ на лицо—17,122 р. 72 коп., залоговъ—2,696 р. 59 коп. А всего на лицо—19,819 р. 31 коп. Журналовъ и газетъ въ 1891 году получалось 44 названій, изъ нихъ—за половинную цѣну 4, даромъ 21. Книгъ въ библіотекѣ состоитъ 13,135 названъ 27,842 томахъ. Пожертвовано—30 томовъ. Пріобрѣтены за деньги 42 названія въ 51 томѣ. Чтеніе и выдача книгъ производились ежедневно, отъ 10 до 3 часовъ дня, исключая субботы. Посѣтившихъ втеченіе года библіотеку опредѣлить трудно, но полагать можно отъ 30 до 70 человѣкъ ежедневно. Бравшихъ подъ залоги книги и ноты на домъ было 407 человѣкъ. Этимъ абонентамъ было выдано 20,110 томовъ, въ томъ числѣ: журналовъ 9343, французскихъ книгъ 291, нѣмецкихъ 42. Въ числѣ русскихъ книгъ было выдано изъ отдѣла литературы и изящной словесности 8,625, изъ исторіи 374, дѣтскихъ книгъ 353, исторіи литературы и критики 274. Изъ журналовъ были выданы: Вѣстникъ Европы 1,051, Русская Мысль 938, Русскій Вѣстникъ 897, Сѣверный Вѣстникъ 891, Колосья 708, Историческій Вѣстникъ 613, Семейные Вечера 449, Родникъ 308 и пр.

† Въ Москвѣ неутомимый общественный дѣятель **Николай Ѳедоровичъ Самаринъ.** Когда было обнародовано положеніе объ освобожденіи крестьянъ, покойный оставилъ службу, сулившую ему блестящую будущность въ чиновномъ мірѣ, и посвятилъ всѣ свои силы на безпокойный трудъ по устройству освобожденныхъ крестьянъ. Онъ былъ первымъ мировымъ посредникомъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи. Прямотою своего характера, безкорыстіемъ и безусловной справедливостью Н. Ѳ. пріобрѣлъ общее довѣріе крестьянъ и съумѣлъ устранить значительныя недоразумѣнія, возникшія повсемѣстно по обнародованіи положенія между помѣщиками и крестьянами. Своихъ бывшихъ крѣпостныхъ покойный надѣлилъ несравненно большими надѣлами и лѣсомъ, чѣмъ это слѣдовало по положенію. Въ 1869

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

году онъ былъ избранъ предводителемъ дворянства Богородскаго уѣзда и занималъ эту должность до 1884 года, когда не могъ по болѣзни заниматься болѣе служебными дѣлами. Н. Ѳ. родился въ 1829 году въ Москвѣ и окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Затѣмъ служилъ на Кавказѣ, подъ начальствомъ князя Воронцова, въ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и до 1861 года былъ чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ синода. Помимо занятій по управленію Богородскимъ уѣздомъ покойный работалъ надъ приведеніемъ въ систему и описаніемъ собранныхъ имъ памятниковъ по русской исторіи. Его перу принадлежитъ «Хроника недавней старины», гдѣ онъ сообщилъ біографическія свѣдѣнія о своемъ дѣдѣ Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ.

† 21-го января скоропостижно заслуженный профессоръ Николаевской академіи, военный инженеръ генералъ **Владиславъ Михайловичъ Карловичъ**. Покойный былъ дѣятельнымъ инженеромъ, не только теоретикомъ, но и практикомъ. Родился онъ въ 1834 году, образованіе получилъ въ Николаевскомъ училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ инженерномъ искуствѣ поступилъ въ Николаевскую академію. Свою служебную дѣятельность Карловичъ началъ въ академіи, куда былъ приглашенъ въ качествѣ репетитора. Съ 1867 года въ качествѣ адъюнктъ-професора читалъ строительное искуство офицерамъ. Въ 1877 году покинулъ на десять лѣтъ академію, а затѣмъ вновь возвратился и продолжалъ читать строительное искуство. Въ 1889 году онъ въ качествѣ инспектора ѣздилъ обозрѣвать работы, произведенныя въ Мургабскомъ государевомъ имѣніи. Недавно онъ былъ выбранъ въ товарищи предсѣдателя общества охраненія народнаго здравія вмѣсто покойнаго И. Е. Андреевскаго. Принимая горячее участіе въ дѣятельности общества, онъ внесъ цѣнный проектъ образцовой земской больницы. Его проектъ послѣ тщательнаго обсужденія общество признало за такой, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при постройкѣ больницъ. Въ послѣднее время онъ предсѣдательствовалъ въ особой комисіи, образованной при обществѣ охраненія здравія, для изысканія общественныхъ работъ населенію, пострадавшему отъ голода. По его проектамъ построено въ Петербургѣ болѣе 50-ти домовъ и построены нѣкоторые городскіе мосты (напримѣръ, Симеоновскій). Имъ написана масса спеціальныхъ сочиненій, гдѣ разработываются детали строительной техники. Его трудъ, подъ названіемъ: «Опытъ разработки вопросовъ объ устройствѣ основаній и фундаментовъ различныхъ строеній», удостоенъ Михайловской преміи. Изъ остальныхъ сочиненій назовемъ «Санитарные очерки» и «Мургабское Государево имѣніе». Недавно изданъ «Курсъ строительной механики», принадлежащій перу покойнаго.

† 13-го января членъ совѣта министра финансовъ **Николай Яковлевичъ Макаровъ**. Онъ родился въ 1828 году въ Полтавской губерніи, въ имѣніи своего дѣда; первоначальное образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ гувернеровъ-иностранцевъ, затѣмъ учился въ Нѣжинской гимназіи и въ лицеѣ Безбородка, гдѣ окончилъ курсъ въ 1848 году въ числѣ лучшихъ. По окончаніи курса, Н. Я. случайно познакомился съ бывшимъ олонецкимъ губернаторомъ Н. Э. Писаревымъ, отъ котораго получилъ приглашеніе поступить на службу въ канцелярію губернатора и переселиться въ Петрозаводскъ. Но онъ не долго жилъ въ Петрозаводскѣ: ему вскорѣ пришлось убѣжать ночью изъ этого города, потому что онъ познакомился съ Балласогло, замѣшаннымъ въ исторію Петрашевскаго, а губернатору это знакомство не понравилось, и онъ сталъ преслѣдовать Макарова. Прибывъ въ Петербургъ, онъ направился къ своему родственнику, бывшему члену государственнаго совѣта, А. В. Кочубею, и только благодаря его поручительству получилъ разрѣшеніе жить въ Петербургѣ. Въ 1861 году онъ былъ назна-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ченъ оберъ-контролеромъ временной комисіи, учрежденной при департаментѣ морскихъ отчетовъ. Черезъ годъ уѣхалъ въ качествѣ управляющаго акцизными сборами въ Гродненскую губернію и за удачныя заботы о сохраненіи казенныхъ интересовъ былъ награжденъ пятью тысячами рублей. Съ 1863 по 1869 г. онъ занималъ должность вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ, затѣмъ управлялъ московской казенной палатой и съ 1881 до прошлаго года былъ товарищемъ управляющаго государственнымъ банкомъ. Въ началѣ своей служебной дѣятельности, Н. Я. Макаровъ занимался литературнымъ трудомъ. Въ 50-хъ годахъ онъ написалъ рядъ статей для иностраннаго обозрѣнія «Современника», издававшагося Панаевымъ и Некрасовымъ. Одновременно работалъ въ «Вѣстникѣ географическаго общества». Въ 1856 году въ журналѣ «Основа» напечатаны его воспоминанія о Н. А. Марковичѣ. Занимая въ 70-хъ годахъ видное служебное положеніе, покойный продолжалъ время отъ времени писать замѣтки для періодической печати. Въ 1872 году въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» печатались его интересныя письма изъ Либавы.

† 7-го января въ Самарѣ **Евгеній Ѳедоровичъ Кони.** Онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Осколковъ», «Будильника» и «Стрекозы», помѣстилъ нѣсколько разсказовъ въ «Новомъ Времени» (за подписью «Евгеній Южинъ»), печаталъ лирическія стихотворенія въ нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Въ юмористическихъ журналахъ онъ писалъ подъ псевдонимами «Юша», «Инокъ», «Евгеній», «Конекъ-Горбунокъ» и многими другими. Долгая и трудная болѣзнь сильно вредила его литературнымъ занятіямъ и, наконецъ, свела Кони въ могилу еще сравнительно молодымъ человѣкомъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Портретъ Глинки, дѣланный въ Парижѣ.

Приложенный къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портретъ Глинки былъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстенъ. Глинка прислалъ его въ 1845 году изъ Парижа своей сестрѣ Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой, и съ тѣхъ поръ впродолженіе 45 лѣтъ онъ хранился въ имѣніи ихъ семейства, въ селѣ Новоспасскомъ Смоленской губерніи. Лишь въ недавнее время онъ снова былъ отысканъ, недавно принесенъ Л. И. Шестаковой въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ и можетъ, наконецъ, въ видѣ вѣрной копіи стать достояніемъ общимъ.

Для почитателей Глинки этотъ портретъ имѣетъ особое значеніе. Онъ относится къ 1845 году и времени пребыванія Глинки за границей, спустя всего три года послѣ появленія на русской сценѣ «Руслана и Людмилы». Изъ этого заграничнаго періода Глинки не было до сихъ поръ ни одного портрета.

Настоящій портретъ — литографія. Выполнилъ ее одинъ парижскій художникъ, въ настоящее время совершенно неизвѣстный, котораго подпись стоитъ внизу листа: «Léon Couderc. Paris. 1845». Тутъ же помѣщено и факсимиле подписи Глинки: «M. de Glinka». На нашемъ экземплярѣ (въ настоящее время едва ли не единственномъ) стоитъ надпись чернилами, рукою самого Глинки: «A ma chère soeur Loudmila. Paris le $^{25}/_{13}$ Mai 1845».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Эта послѣдняя дата указываетъ намъ на обстоятельства, при которыхъ и по причинѣ которыхъ этотъ портретъ явился на свѣтъ. 28-го марта (10-го апрѣля) 1845 года Глинка далъ въ Парижѣ концертъ, состоявшій изъ его сочиненій. Въ письмѣ къ матери изъ Парижа отъ 12-го апрѣля новаго стиля (въ настоящее время уже не существующемъ, но напечатанномъ мною, въ извлеченіи, въ моей біографіи Глинки 1857 года) онъ писалъ: «Послѣ дебюта моего въ концертахъ Берліоза (въ мартѣ), мнѣ нельзя было, не подвергнувшись насмѣшкамъ моихъ соотечественниковъ, оставить Парижъ, не представивъ на судъ парижской публики нѣсколько другихъ моихъ сочиненій. Я рѣшился дать концертъ въ пользу здѣшняго музыкальнаго общества. Хлопотъ и заботъ—безъ конца. Наконецъ, третьяго дня концертъ мой прошелъ очень удачно, хотя и не безъ варіацій. Соловьева, спасшая меня въ первомъ концентѣ Берліоза, была не въ голосѣ и оробѣла до такой степени, что, пропѣвъ итальянскій дуэтъ очень плохо, не могла продолжать. Маррасъ, превосходный теноръ (участвовавшій въ концертѣ), вызвался поправить дѣло и пропѣлъ отлично (кромѣ романса Глинки «Desiderio») сверхъ программы арію «Una furtiva lagrima» (изъ «Elisire d'amore»), возбудилъ въ слушателяхъ восторгъ и вознаградилъ за два нумера, которые не могли быть выполнены. (Соловьева должна была, по программѣ, пѣть арію Людмилы и романсъ «Сомнѣніе»). Въ жизни моей я не былъ встревоженъ до такой степени, и это, впрочемъ, не удивительно: приговоръ здѣшней публики рѣшаетъ судьбу, или, лучше сказать, репутацію артистовъ. Я выступилъ на сцену съ весьма небогатымъ запасомъ пьесъ, новыхъ для здѣшней публики; лучшихъ отрывковъ изъ моихъ оперъ дать было невозможно, ибо, кромѣ Соловьевой, никто здѣсь не можетъ пѣть порусски, а всѣ опыты перевода словъ моей музыки [1]) остались безъ успѣха. Зала была полна и публика отличная, хотя билетовъ продано было очень мало, какъ потому, что концертовъ здѣсь множество и публика утомлена, такъ и по интригамъ большей части музыкальныхъ магазиновъ. Хотя я и не прибѣгалъ ко всѣмъ тѣмъ хитростямъ, безъ коихъ въ подобныхъ случаяхъ нельзя обойтись, концертъ былъ очень удаченъ, пьесы разыграны были оркестромъ итальянскаго театра превосходно, и сотрудники мои играли и пѣли какъ нельзя лучше».

Глинка много разсчитывалъ на успѣхъ свой въ Парижѣ—онъ казался ему необходимъ для его тогдашнихъ цѣлей. Задумавъ ѣхать изъ Парижа въ Испанію, онъ писалъ своей матери: «Нельзя отнять у меня этого необходимаго для меня путешествія; оно сопряжено сколько съ требованіями моего искусства, столько и больнаго моего сердца. Мнѣ нужно солнце и предметы, къ коимъ давно влечетъ меня воображеніе, и если мои намѣренія исполнятся благополучно, тогда сынъ вашъ, сдѣлавшись извѣстнымъ въ Парижѣ, во всей Европѣ будетъ какъ дома, не говоря о Россіи, гдѣ я надѣюсь поставить себя на другую ногу»... Вотъ каково было положеніе Глинки: измученный равнодушіемъ или полнымъ непониманіемъ наибольшей массы своихъ соотечественниковъ, онъ принужденъ былъ бѣжать за границу, и искать тамъ немножко поболѣе сочувствія, которое отогрѣло бы его отъ холода русскаго общества, безумно и антихудожественно погрязшаго въ

[1]) Переводилъ тогда русскій текстъ на французскій языкъ давнишній пріятель Глинки, князь Элюмъ Мещерскій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

болотахъ «итальянщины»; Глинка долженъ былъ отыскивать за границей способовъ для того, чтобъ быть «признаннымъ», и поставить себя въ Россіи «на другую ногу» противъ того, что до тѣхъ поръ было. А было до тѣхъ поръ то, что свои знать его не хотѣли, и увѣряли его, что «Русланъ и Людмила», вѣнецъ музыки,—«неудачная опера» (un opéra manqué); было то, что только два геніальныхъ иностранныхъ музыканта, Листъ и Берліозъ, поняли въ то время, что такое Глинка, и старались отогрѣть его, замерзшаго, на своей груди.

Итакъ, парижскій концертъ былъ для Глинки въ 1845 году дѣломъ первостепенной важности. Понятно, что онъ о немъ долженъ былъ сильно хлопотать. Онъ даже занялъ у пріятеля, князя Вас. Петр. Голицына, на расходы 1,500 франковъ, — трата совершенно непроизводительная, которая ни въ малѣйшей мѣрѣ не окупилась. Но, какъ бы ни было, Глинка, всетаки, ничуть не прибѣгалъ къ тѣмъ средствамъ («хитростямъ», по его словамъ), къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ тѣ, кто желаетъ имѣть успѣхъ въ Парижѣ, или даже и вообще за границей. Онъ не таскался передъ концертомъ къ критикамъ и рецензентамъ, не искалъ милости издателей и редакторовъ вліятельныхъ газетъ, никого не подкупалъ въ свою пользу ни деньгами, ни улыбками, ни поклонами и льстивыми разговорами. Извѣстенъ его отвѣтъ Мейерберу. Тотъ однажды спросилъ его: «Отчего это, мсьё Глинка, ваши сочиненія такъ хороши и мы ихъ такъ любимъ, а они такъ мало распространены въ Европѣ?» Оттого,—отвѣчалъ Глинка,—что у меня нѣтъ привычки развозить мои сочиненія по всему свѣту. Этотъ отвѣтъ отлично рисуетъ характеръ Глинки и презрѣніе его къ рекламѣ и тепленькому подготовленію себѣ успѣха. Вся новая русская музыкальная школа, наслѣдница Глинки, точно также всегда чуждалась «рекламъ», «забѣганій», «полезныхъ визитовъ», «униженія передъ рецензентами» (часто невѣждами и пошлыми рутинерами). Начиная съ Даргомыжскаго и кончая новѣйшими представителями талантливой русской школы, никто изъ истинныхъ наслѣдниковъ Глинки не могъ смотрѣть безъ жалости и негодованія на то, какъ «работаютъ» передъ своими концертами очень многіе изъ иностранныхъ музыкантовъ (часто даже очень интеллигентныхъ и талантливыхъ). Привычки «подготовки» не водворились, по счастью, даже и до сихъ поръ между лучшими изъ русскихъ композиторовъ и музыкантовъ. Тѣмъ менѣе это было возможно 45 лѣтъ тому назадъ, во времена еще начальныя русской школы, во времена еще первый ея свѣжести, юности, честности и полной неразвращенности. Глинка не прибѣгалъ ни къ какимъ «хитростямъ» въ Парижѣ, и потому навѣрное никогда не взумалъ бы, въ числѣ прочихъ средствъ, прибѣгнуть также и къ распространенію своего портрета. Уже если онъ не захотѣлъ даже сообщить какихъ бы то ни было біографическихъ данныхъ о самомъ себѣ Берліозу, который пришелъ отъ него въ 1845 году въ Парижѣ въ такое восхищеніе, что рѣшился: напечатать о немъ въ «Journal des Débats» ту великолѣпную критическую статью, которая и до сихъ поръ есть самое горячее и вдохновенное выраженіе сочувствія Европы къ великому русскому музыканту, — не захотѣлъ, точно по какой-то умилительной стыдливости, давать біографическихъ подробностей о себѣ даже Берліозу и предоставилъ такую работу своему старинному пріятелю, Мельгунову, — то тѣмъ менѣе способенъ былъ Глинка заниматься изданіемъ своего портрета. Это было бы еще невозможнѣе и мучительнѣе для его нѣжной, деликатной, стыдливой натуры.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но французы также не могли много заботиться тогда, въ 1845 году, о нарисованіи и изданіи портрета Глинки. Глинка былъ для нихъ человѣкъ совершенно неизвѣстный, и, значитъ, ничѣмъ неинтересный. Безпокоиться о его портретѣ никому изъ нихъ ни въ какомъ отношеніи не предстояло надобности.

Изъ этого я вывожу заключеніе, что парижскій портретъ Глинки былъ задуманъ, устроенъ, нарисованъ и изданъ незадолго до концерта 30-го марта 1845 года кѣмъ нибудь изъ русскихъ пріятелей и почитателей Глинки (которыхъ тогда было не мало въ Парижѣ), а, можетъ быть, и всѣми ими вмѣстѣ, на общій счетъ. Между ними были: Мельгуновъ, кн. Вас. Петр. Голицынъ, кн. Элимъ Мещерскій, кн. А. П. Салтыковъ, Н. П. Норовъ, М. Л. Неваховичъ, мадамъ Гиделла и другіе. Судя по рисунку и преувеличенно-длинной пропорціи всей фигуры (мало передававшей коротенькую малорослую фигурку Глинки), я думаю, что всего скорѣе этотъ портретъ Глинки нарисованъ былъ Алексѣемъ Салтыковымъ. Этотъ аматеръ-художникъ всѣ свои фигуры рисовалъ обыкновенно гораздо длиннѣе того, что видѣлъ въ натурѣ. Не смотря на этотъ существенный недостатокъ, нашъ портретъ представляетъ не малое, хотя и не полное, сходство лица Глинки съ тогдашнимъ оригиналомъ. Въ рукѣ у Глинки — тетрадь съ нотами, на правой рукѣ — перстень, который онъ носилъ впродолженіе всей своей жизни.

Прилагаемый при настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» снимокъ съ парижской литографіи прекрасно награвированъ на деревѣ нашимъ талантливымъ граверомъ В. В. Маттэ. **В. Стасовъ.**

II.

Неизвѣстный до сихъ поръ гравированный портретъ царевны Софіи Алексѣевны.

Къ числу необыкновенно рѣдкихъ русскихъ гравированныхъ портретовъ собиратели ихъ относятъ портретъ царевны Софіи Алексѣевны, гравированный по заказу сторонниковъ Софіи тогдашнимъ граверомъ Тарасевичемъ. Нашъ уважаемый знатокъ этого дѣла Д. А. Ровинскій въ своемъ каталогѣ говоритъ объ этомъ портретѣ слѣдующее (стр. 1661): «Любимецъ Софьи, Шакловитый, задумалъ сдѣлать гравированный портретъ Софьи безъ братьевъ, съ арматурою: «у кесаря де римскаго седмь курфирстовъ рисуется вокругъ его портрета, тако на подобіе сего, вмѣсто семи курфирстовъ надобно сдѣлать седмь даровъ, сирѣчь добродѣтелей великой государыни». Вслѣдствіе чего, по порученію Шакловитаго, вырѣзаны Тарасевичемъ съ товарищами, на дворѣ Шакловитаго, на Дѣвичьемъ полѣ, двѣ доски: на одной изъ нихъ вырѣзано было изображеніе св. муч. Ѳедора Стратилата (въ честь Ѳедора Шакловитаго), съ воинскою въ ногахъ сбруею, литаврами, знаменами, копьями и другимъ оружіемъ. На другой доскѣ вырѣзанъ портретъ Софьи, въ коронѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ. Съ обѣихъ досокъ печатались оттиски на атласѣ, тафтѣ, объяри (плотной шелковой ткани) и на бумагѣ. Они розданы окольничьему А. П. Ржевскому, В. С. Нарбекову и инымъ разнымъ людямъ, имена которыхъ Медвѣдевъ и Перекрестъ запамятовали въ своихъ показаніяхъ (по дѣлу Шакловитаго). Граверу

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тарасевичу съ товарищами и Богдановскому выдано за работу «по сто рублевъ денегъ да объярь, да атласъ, да по двѣ пары штукъ сукна, да по двѣ пары, собольихъ шкуръ».

«Для распространенія портрета Софьи работы Тарасевича Шакловитый переслалъ одинъ оттискъ его, при посредствѣ Андрея Виніуса, Амстердамскому бургомистру Николаю Виѣсену, который поручилъ граверу Блотлингу сдѣлать съ него копію и въ скоромъ времени прислалъ сто отпечатковъ съ новой доски Шакловитому. Присланные Витсеномъ отпечатки портрета были розданы приверженцамъ Софьи. Въ 1699 году, во время розысковъ по ея дѣлу, всѣ найденные ея портреты, гравированные Тарасевичемъ и Блотлингомъ, уничтожены; ихъ отбирали подъ страхомъ смерти, и такъ исправно, что до нашего времени дошло всего три экземпляра гравюры Блотлинга и не дошло ни одного экземпляра гравюры Тарасевича».

Такимъ образомъ гравированный портретъ царевны Софьи работы Тарасевича, повидимому, долженъ считаться навсегда потеряннымъ. Между тѣмъ, въ одной частной коллекціи существуетъ слѣдующій портретъ Софьи Алексѣевны.

«Двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями; въ правой (отъ зрителя) лапѣ у орла пальма, въ лѣвой—мечъ. На груди—овальный медальонъ съ портретомъ царевны. Она въ коронѣ, въ царскомъ облаченіи; въ правой рукѣ скипетръ, въ лѣвой держава. Волосы распущены по плечамъ. Фонъ сплошной, безъ всякихъ изображеній. Вокругъ медальона славянскимъ крупнымъ шрифтомъ въ одну строку надпись: «Пресвѣтлѣйшая и державнѣйшая, Божіею милостію великая Государыня благовѣрная Царевна и великая княжна Софіа Алексіевна, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержица». На правомъ крылѣ (отъ зрители) три овальныхъ медальона съ изображеніемъ добродѣтелей: Дѣвства (женская фигура подъ покрываломъ, держащая розу), Правосудія (женщина съ мечемъ и съ вѣсами) и Кротости (сидящая женщина съ сложенными на груди накрестъ руками). На лѣвомъ крылѣ тоже три медальона, съ добродѣтелями: Благочестіе (женщина, сидящая на камнѣ, держитъ въ рукахъ церковь), Милость (сидящая съ ребенкомъ на рукахъ женщина; возлѣ нея стоящій ребенокъ) и Крѣпость (женщина несетъ колонну, возлѣ лежитъ левъ); на верху, между двумя главами орла, въ медальонѣ, окруженномъ рамкой, седьмая добродѣтель—Мудрость (рука со свѣчой, на рукѣ глазъ). Подъ орломъ, внизу, въ восьмиугольной рамкѣ, слѣдующій титулъ, на семи строкахъ:

«Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царевна Казанская, Царевна Астраханская, Царевна Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княжна Смоленская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, Государыня и Великая Княжна Новагорода Низовскія земли, Черніговская Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, Удерская, Обдорская, Кондиская и всея сѣверныя страны Повелительница и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ Очична и Дѣдична, Наслѣдница и Обладательница».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Подъ титуломъ, въ два столбца, стихи:

налѣво: Мудростію отъ Бога свыше наполнѣнна,
Благочестія, Дѣвства вѣнцѣмъ украшѣнна.
Милость, Правосудіе истинное дѣетъ.
Крѣпость со Кротостію дивную имѣетъ.

направо: Сими Себе святыми дары прославила
И царство аки седми столпы укрѣпила.
Сими во всей естъ нынѣ вселеннѣй славима,
Яже и впредъидущій вѣкъ будетъ блажима.

Подписи гравера нѣтъ (или отрѣзана).

Экземпляръ вообще попорченъ. Бумага между крыльями, съ боковъ и внизу подъ стихами, обрѣзана. Листъ былъ согнутъ и на немъ поперечный разрывъ. Въ настоящее время листъ наклеенъ сплошь на тонкую бумагу, которая съ краевъ только наклеена на толстый листъ.

Титулъ и изображенія на медальонахъ совершенно тождественны съ имѣющимися на портретѣ масляными красками работы Тарасевича, хранящемся въ Романовской галлереѣ и помѣщенномъ, въ фотографическомъ снимкѣ, въ изданіи Ретгера.

Вышина гравюры отъ нижней черты до верха короны надъ орломъ 455 миллиметровъ, бо́льшая ширина (окраины крыльевъ) 317 миллиметровъ.

Самая гравюра сдѣлана крѣпкой водкой, съ подправкой рѣзцомъ. Оттискъ сильный, но потертый.

Не догадаются ли наши собиратели портретовъ, кѣмъ бы могъ быть награвированъ этотъ листъ и не представляетъ ли онъ тотъ рѣдчайшій портретъ работы Тарасевича, съ котораго была сдѣлана (вольная) копія Блотлингомъ, такъ какъ портретъ, гравированный Аѳанасьевымъ, есть не что иное, какъ хорошая копія съ гравюры Блотлинга, причемъ латинскій текстъ замѣненъ дословнымъ русскимъ переводомъ. **А. Пальчиковъ.**

Въ Февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Русская область на юго-западной окраинѣ», на стр. 548, оказалась существенная ошибка, которую спѣшимъ оговорить, а именно: подъ портретомъ кіевскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Безака, неправильно поставлена подпись «Д. Г. Бибиковъ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гой въ этотъ же трактиръ прибудетъ нѣкто, кто затѣетъ громкій споръ съ трактирщикомъ изъ-за овса, даннаго его лошади. Когда споръ стихнетъ, вы подойдете къ пріѣзжему и спросите его объ урожаѣ хмѣля на сѣверѣ, онъ вамъ отвѣтитъ и въ свою очередь спроситъ васъ о виноградѣ въ Бургони. Такимъ образомъ, вы признаете другъ друга, и вы будете находиться въ распоряженіи этого человѣка, которому вы передадите вотъ это письмо для подтвержденія вашей личности. Быть можетъ, вамъ дадутъ какое нибудь порученіе, вы исполните его, но, что бы тамъ ни было, не позднѣе 15-го числа вы обязательно должны быть на бельгійской границѣ. Туда же должны прибыть и ваши люди, до тѣхъ поръ они могутъ скрываться у какого нибудь крестьянина, не привлекая на себя вниманія. Хорошо ли вы поняли?

— Я запомнилъ всѣ подробности. А послѣ 15-го?

— Въ Филипвиллѣ вы получите всѣ рѣшающія распоряженія. А главное—никакихъ неосторожностей, ни дракъ, ни пьянства, ни разгула.

— Не оставляйте моихъ людей слишкомъ долго безъ дѣла, и я за все отвѣчаю.

— Можете ли вы мнѣ дать слово за себя, что вы не примете никакого вызова, что вы будете избѣгать всякой ссоры?

— Конечно, исключая тѣхъ случаевъ, которыми будетъ руководить высшая сила. Я тѣмъ охотнѣе даю вамъ это слово, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ принятому мною рѣшенію за нѣсколько часовъ, вслѣдствіе одной глупой ссоры, поединка среди улицы.

— Вы были ранены?

— Я легко могъ быть убитъ, острое лезвіе... Мой противникъ, какой-то виконтъ де... я даже не разслышалъ хорошенько его имени, онъ затѣялъ все дѣло изъ-за маленькой якобинки, за которую онъ вздумалъ заступиться и которой онъ теперь, вѣроятно, строитъ куры.

Въ двухъ словахъ онъ разсказалъ суть дѣла.

— Что меня злитъ больше всего, это—что этотъ вертопрахъ считаетъ себя вправѣ подозрѣвать меня въ подлости.

— А эта кираса?

— Не что иное, какъ желѣзный ящикъ, который я ношу на груди и въ которомъ сохраняю порученныя мнѣ письма, какъ, напримѣръ, письма маркизы, но развѣ было мнѣ время объяснять все это: вѣдь меня толпа разорвала бы на куски.

— Не все ли равно... Вы, вѣроятно, никогда не встрѣтитесь съ вашимъ противникомъ.

— О, я ему долженъ отомстить. Я его розъищу.

— А ваше слово?

— Это потомъ, потомъ.

— Хорошо. Я разсчитываю на васъ. Возьмите этотъ пакетъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ немъ часть обѣщанной суммы, тратьте не стѣсняясь, не считая, въ особенности въ рѣшительныя минуты.

— Постараюсь, чтобы вы были довольны.

— Завтра же выступать.

— Пора предупредить мой маленькій отрядъ, и въ дорогу!

Маркиза встала. Аудіенція была окончена.

Лавердьеръ поклонился и направился было къ двери, но вдругъ остановился.

— Кстати, маркиза, благодаря случаю, я узналъ нѣчто, что будетъ вамъ, быть можетъ, не безъинтересно узнать...

— Скажите, что такое?

Лавердьеръ передалъ ей таинственный разговоръ, слышанный имъ на заднемъ дворѣ почты.

— Я не знаю вашихъ замысловъ,—проговорилъ онъ:—но не мѣшаетъ знать, что наши самые ярые противники замышляютъ заговоръ.

— Дѣйствительно,—замѣтила задумчиво Регина,—эти якобинцы не обезоруживаются и думаютъ, что близокъ часъ для уженья рыбы въ мутной водѣ. Благодарю васъ за это сообщеніе, оно можетъ мнѣ весьма пригодиться.

— Запомните ли вы адресъ, лозунгъ пропуска, условный знакъ?

— Да, да.

— Не предупредить ли Фуше?

Но маркиза ничего не отвѣтила.

Капитанъ еще разъ поклонился и вышелъ.

VIII.

Можно себѣ представить, какъ былъ взволнованъ Лорисъ приглашеніемъ маркизы вернуться снова, сказанными ею почти шепотомъ.

Говоря правду, молодой человѣкъ находился въ весьма странномъ настроеніи духа; ему казалось, что онъ съ утра живетъ точно въ какомъ-то условномъ мірѣ, точно онъ играетъ какую-то роль на театральной сценѣ въ пьесѣ, которой онъ не знаетъ цѣликомъ. Каждую минуту въ немъ сталкивались самыя противорѣчивыя чувства. То онъ отдавался всей страсти юношескаго увлеченія, то онъ точно попадалъ подъ душъ ледяной воды; злоба, попытки протеста, какъ будто подымались со дна его души, и снова вся энергія превращалась въ безропотную покорность.

Въ данную минуту онъ сознавалъ только одно: онъ любилъ. Регина, женщина или героиня, овладѣла имъ всецѣло, и если въ глубинѣ души его еще держалось какое-то необъяснимое чувство безпокойства, онъ не хотѣлъ ему поддаваться. Регина вѣдь сказала ему, что близокъ часъ, когда она будетъ принадлежать ему, когда онъ получитъ награду за свою преданность.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Какое же ему дѣло до всего остальнаго? Онъ съ наслажденіемъ отдавался тому вихрю, который его увлекалъ, и если буря должна была его уничтожить, онъ мечталъ объ этой смерти отъ руки, которая превратитъ ее для него въ радостную.

Въ одиннадцать часовъ онъ снова былъ у дверей маленькой гостиной m-me де-Люсьенъ.

Она сама открыла ему, и Лорисъ вскрикнулъ отъ удивленія.

Регина была одѣта не то въ мужское платье, не то амазонкой. Черная шелковая шляпа, низкая, съ загнутыми полями, была надѣта на высоко зачесанныхъ и спрятанныхъ волосахъ.

Онъ только смотрѣлъ на нее съ восторгомъ, не разспрашивая ея.

— Виконтъ,—начала она, и сама улыбалась:—быть можетъ, не откажетъ предложить мнѣ свою руку?

— Вы собираетесь со двора?

— Съ вами вмѣстѣ!—отвѣтила она утвердительно.

— Въ такое позднее время?

— О, Боже! Неужели вы никогда не выучитесь повиноваться безъ договоровъ!

Онъ-то! Никогда Регина не казалась ему болѣе красивой, оживленной, вѣроятно, подъ вліяніемъ мысли о предстоящей ночной экскурсіи.

— Помогите мнѣ,—обратилась она къ нему.

Онъ помогъ ей надѣть легкое манто, въ которое она вся завернулась.

Ихъ пальцы встрѣтились. Онъ взялъ эту маленькую ручку и поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ; она не отдергивала руки.

— Отчего же вы не спросите, куда мы собираемся?

— Не все ли равно, разъ, что вы идете.

— Наконецъ-то, вотъ такъ я согласна, чтобы вы меня любили!

Разговаривая такимъ образомъ, она открыла шкатулку, вынула изъ нея два маленькихъ пистолета съ рукоятками изъ слоновой кости, настоящія игрушки, и спрятала ихъ въ карманъ.

— Развѣ мы идемъ сражаться?..—спросилъ Лорисъ, видя въ этомъ женскую безосновательную предосторожность.

— Почемъ знать,—сказала она, смѣясь:—а вдругъ наткнемся на дикихъ звѣрей?

— А моя шпага?

Не отвѣчая ему, она взяла молодаго человѣка подъ руку, повела его въ паркъ, отворила калитку, и они очутились на улицѣ.

Была глубокая ночь. Собиралась гроза, молнія безпрестанно сверкала.

Конечно, Лорисъ предпочелъ бы этой экскурсіи во тьмѣ хорошую, мирную бесѣду въ будуарѣ наверху.

Но онъ поддавался романической прелести этой ночной прогулки, которую приближающаяся гроза дѣлала еще своеобразнѣе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Они шли медленно, не разговаривая.

Сверкнула молнія, Регина вздрогнула и крѣпче прижалась къ своему спутнику.

— О, какая храбрая героиня,—проговорилъ онъ:—боится молніи.

— Упрекъ?

— Конечно, нѣтъ, напротивъ. Вы не могли придумать для меня, Регина, большей радости, какъ отдать себя подъ мою защиту: въ эту минуту вы настоящая женщина, и благодаря вашей обаятельной слабости, я ощущаю всю гордость моей любви и моей преданности. Куда мы идемъ, я не спрашиваю васъ, не хочу знать. Будемте идти все дальше, дальше, куда глаза глядятъ, безъ конца, опирайтесь на меня хорошенько, пока, изнемогающую отъ усталости, я не понесу васъ обратно, какъ малое дитя на рукахъ.

Снова сверкнула молнія, снова она вздрогнула.

Это была какая-то нервная вибрація всего существа. Склонивъ голову, она внимала нѣжному и вмѣстѣ убѣдительному голосу молодаго человѣка, которому, быть можетъ, впервые приходилось убаюкивать ее словами любви, полными прелести. Она слушала, не прерывая его, поддаваясь сладкому опьяненію, которое навѣвалъ на нее этотъ молодой, музыкальный голосъ.

Онъ сказалъ вѣрно, въ эту минуту она была женщиною, и только женщиною: мракъ, электричество, которымъ былъ пропитанъ воздухъ, все это дѣйствовало на нее, она не дѣлала даже попытокъ сопротивленія, она даже ничему не удивлялась, она вся отдалась своимъ новымъ ощущеніямъ, какихъ до сихъ поръ никогда не подозрѣвала; она не анализировала ихъ, а покорно переживала ихъ и только наслаждалась. Онъ говорилъ словами неясными, неопредѣленными. Это былъ настоящій языкъ страсти, это былъ какой-то шепотъ, который ласкалъ ея слухъ, но для нея онъ былъ понятенъ; она понимала его съ тою чуткостью, которая придаетъ значеніе даже біенію сердца.

Сильный ударъ грома, хотя еще далекій, пробудилъ ее изъ сладкой истомы. Она оглянулась.

— Гдѣ мы?—спросила она.

— Развѣ я знаю? Идемте дальше.

Но очарованіе точно разомъ исчезло.

— А, теперь понимаю... Мы взяли вѣрное направленіе. Знаете вы улицу Ерегоп?

Лорисъ съ трудомъ могъ скрыть неудовольствіе. Неужели у нихъ была какая-то цѣль, а не просто экскурсія въ міръ фантазіи.

— Эта улица въ двухъ шагахъ отсюда,—сказалъ онъ:—намъ стоитъ только повернуть направо.

— Такъ пойдемте.

Они быстро прошли по улицамъ между паркомъ отеля Шатовьё и старымъ замкомъ Saint André.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Регина остановилась.

— Тише,—проговорила она:—мы пришли.

Лорисъ посмотрѣлъ кругомъ. Вдали, въ концѣ улицы, неясно виднѣлся маленькій домикъ, повидимому, не жилой.

— Пришли? Куда?—спросилъ онъ.

— Другъ мой,—проговорила она,—быть можетъ, намъ предстоитъ опасность, вотъ отчего я просила васъ сопровождать меня. Вы видите тотъ домъ?

— Скорѣе догадываюсь о его существованіи.

— Замѣтили ли вы, что за эти нѣсколько минутъ, что мы здѣсь, какія-то тѣни проскользнули въ него и точно исчезли въ стѣнѣ.

— Это прохожіе, которые спѣшатъ и которыхъ мы теряемъ изъ виду.

— Нѣтъ, Жоржъ, это заговорщики, которые собираются въ условный часъ на тайное сборище, и я хочу узнать ихъ тайну.

Тотъ, кто взглянулъ бы въ эту минуту на лице Лориса, увидалъ бы на немъ ясные слѣды самаго горькаго разочарованія.

Какъ! въ то время, какъ онъ со всей своей юношеской наивностью поддавался иллюзіямъ, воображая, что Регина тоже подъ обаяніемъ той поэзіи, которая распространялась отъ всего его существа, появилась опять эта проклятая политика, точно выскочила откуда-то, точно чортикъ въ дѣтской игрушкѣ при нажатіи ребенкомъ пружины.

Она стала объяснять ему, что тутъ собираются якобинцы для какого нибудь преступнаго замысла, и что ея обязанность знать, какъ далеко заходитъ дерзость этихъ людей. Быть можетъ, надо предупредить какой нибудь заговоръ... быть можетъ, грозитъ опасность королю...

Лорисъ прервалъ ее со вздохомъ:

— Идемте, — проговорилъ онъ.

Снова она преобразилась. Она передала ему слово пропуска, условный знакъ. Главное, чтобы онъ не выдалъ себя, просила она. Онъ отвѣчалъ за себя, онъ былъ готовъ на все. Онъ надѣлъ маску, которую она ему вручила.

— Идемъ, — сказала она, — за Бога и за короля!

Какое-то неосторожное восклицаніе чуть было не сорвалось съ устъ Лориса, но онъ промолчалъ.

Они безъ всякаго труда нашли маленькую дверь, кто-то шелъ впереди ихъ, постучался и скрылся. Лорисъ постучался въ свою очередь. Они прошли безъ всякаго затрудненія, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія. Они очутились въ низкой комнатѣ, дурно освѣщенной нѣсколькими нагорѣвшими свѣчами. Довольно многочисленная публика терялась въ полумракѣ.

Лорисъ, которому было не по себѣ, который стыдился той роли, какую на себя взялъ, замѣтилъ, что всѣ присутствующіе сняли маски.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Это ему понравилось. Разъ, что онъ взялся за роль шпіона, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, подвергнуть себя всѣмъ опасностямъ за свой неделикатный поступокъ.

Онъ тоже снялъ маску. Регина храбро послѣдовала его примѣру, но, такъ какъ они пришли позже всѣхъ, то были въ самомъ концѣ комнаты, куда не проникалъ свѣтъ.

Впрочемъ, на нихъ никто не обращалъ вниманія. Кто-то говорилъ громкимъ, сильнымъ голосомъ. Лорисъ взглянулъ на говорящаго и невольно подпрыгнулъ.

Ему былъ знакомъ этотъ человѣкъ, говорившій стоя передъ маленькимъ столомъ, очевидно, президентъ этого собранія. Не къ добру онъ сюда попалъ—надо же, чтобы онъ встрѣтилъ здѣсь именно того старика, на котораго за нѣсколько часовъ ему указали, какъ на яраго бунтовщика 93 года... Картамъ... дѣдушка той прелестной молодой дѣвушки-революціонерки... И невольно Лорисъ искалъ глазами своего хорошенькаго врага, которому въ душѣ,—онъ сожалѣлъ объ этомъ,—онъ былъ другомъ.

Комната была дурно освѣщена, онъ ея не нашелъ.

Онъ сталъ слушать, нетерпѣливо ожидая возвращенія своей свободы.

Картамъ, бодрый старикъ, слегка сгорбленный, съ широкимъ, плоскимъ лбомъ, который, какъ серебрянымъ вѣнкомъ, былъ окруженъ сѣдыми локонами, говорилъ зычнымъ, сильнымъ голосомъ:

— Хорошо ли вы поняли, граждане? Или завтра, во время торжества Champ de Mai, мы свергнемъ съ трона, мы, новые Бруты, новаго Цезаря, человѣка, который вторично присвоилъ себѣ власть, или, покорные другому голосу, эхо котораго вы слышали здѣсь, вы поклянетесь не человѣку, а Франціи, что вы дадите убить себя на границахъ подъ начальствомъ того, кого изберетъ себѣ войско Наполеона. Выбирайте...

Всѣ молчали.

— Что скажетъ Жанъ Шенъ? — раздался чей-то голосъ.

Всталъ человѣкъ, опять знакомый ему; Лорисъ сейчасъ же призналъ его, хотя видѣлъ всего нѣсколько минутъ: это былъ спутникъ старика, тотъ самый, который при встрѣчѣ пожималъ руки Марсель. Ему было на видъ лѣтъ тридцать пять, сорокъ, лице у него было воинственное, съ коротко остриженными волосами, съ черными густыми усами надъ толстыми губами.

— Компаньоны дю-Ги, — сказалъ онъ, — вы знаете мою ненависть къ человѣку, который убилъ республику, убилъ свободу... Вы знаете также, что я былъ другомъ, сотоварищемъ по оружію того, чья память понынѣ живетъ между вами—Жанъ Жака Уде, предводителя филалетовъ, умершаго на моихъ рукахъ въ Ваграмѣ... убитымъ...

Онъ замолкъ. Пронесся шепотъ. Всѣ помнили...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Изъ сохранившихся филалетовъ въ настоящее время образовалось общество компаньоновъ дю-Ги (du Gui), готовыхъ умереть за свободу и отечество, и вы дали мнѣ предводительство. Я не хочу имъ пользоваться. Я даю вамъ не приказаніе, но обращаюсь съ совѣтомъ къ вашей совѣсти солдатъ, французовъ и республиканцевъ. Безъ сомнѣнія, если вы захотите, я первый готовъ буду схватить его за мантію величія, этого человѣка, котораго мы всѣ ненавидимъ, чтобы покончить съ нимъ. Но заклинаю васъ мнѣ отвѣтить на слѣдующій вопросъ: когда его не станетъ, кто будетъ командовать арміею? Вы знаете положеніе вещей, иностранныя державы угрожаютъ намъ и уничтожатъ насъ, присоединясь къ роялистамъ, которые готовы пожертвовать отечествомъ ради отжившихъ взглядовъ короля. Если Наполеонъ падетъ въ этой катастрофѣ отъ нашихъ рукъ, кто соединитъ воедино эту разбросанную армію, чья воля, сильная и единичная, двинетъ ее впередъ, подъ какимъ знаменемъ соединится она послѣднимъ усиліемъ, отъ котораго будетъ зависѣть самая жизнь Франціи? Я спрашиваю васъ, отвѣчайте.

Кто-то крикнулъ:

— Конвентъ!

Картамъ всталъ рядомъ съ Жанъ Шеномъ:

— Конвентъ! — воскликнулъ онъ, — я былъ въ немъ, у меня сохранились о немъ величественныя и вмѣстѣ ужасныя воспоминанія... Я требую его обратно; я желаю его! Мы имѣли храбрость отстаивать невозможное, мы боролись съ рокомъ, мы держали за горло самое судьбу! Борьба была тяжкая. Не имѣя достаточно снарядовъ, мы дрались нашими головами. Это было нѣчто ужасное и вмѣстѣ величественное. Когда непріятель былъ побѣжденъ, мы пали разбитые, растерзанные, уничтоженные... Въ жилахъ нашихъ не было крови. Вотъ что сдѣлалъ Конвентъ. Вы его требуете сегодня,—пусть будетъ такъ. Одинъ вопросъ: гдѣ ваши члены Конвента? Тѣ, прежніе, были молоды, были полны жизни, съ честолюбивыми замыслами, съ готовностью умереть... Они какъ бы народились отъ молодой Франціи, выросли на дѣвственной почвѣ, не разработанной, которую революція подготовила, вспахала. Гдѣ найдти въ настоящее время эту дѣвственную силу? Гдѣ это поколѣніе сильное и энергичное? Не забудьте, что все, что съ именемъ, все, что имѣетъ цѣну, за 15 лѣтъ подавлено, уничтожено. Канцлеры, камергеры, сановники, судейскіе лакеи или придворные слуги, купленные или продажные,—вотъ персоналъ вашего Конвента. Кто будетъ президентомъ въ немъ? Фуше? Конвентъ умеръ, и вамъ не воскресить его вновь.

Теперь заговорилъ Жанъ Шенъ. По его мнѣнію, вліяніе Наполеона, его обаяніе съ военной точки зрѣнія были еще во всей своей силѣ. Никто изъ патріотовъ не пожелалъ бы раскрыть на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стежъ врата Франціи. Но слѣдовало принять рѣшеніе. За Наполеона, или противъ него?

— Рѣшайте!—воскликнули присутствующіе,—вы нашъ начальникъ, мы васъ послушаемся.

Помолчавъ минуту:

— Выслушайте меня,—воскликнулъ Жанъ-Жакъ.—Завтра ко времени выступленія, чтобы всѣ компаньоны дю-Ги были на своемъ посту. Вы знаете, что одинъ полкъ всецѣло нашъ; когда онъ будетъ проходить мимо Цезаря... глядите всѣ, слушайте всѣ... вамъ будетъ данъ знакъ, въ которомъ вы не ошибетесь... Все будетъ зависѣть, говорю вамъ, отъ поведенія народа... отъ всей арміи. Если для насъ пробилъ часъ отдаться тяжкому долгу освобожденія отчизны, не бойтесь, мы исполнимъ свой долгъ. Если же нашъ внутренній голосъ подскажетъ намъ, что этотъ человѣкъ еще нуженъ отечеству, тогда мы войдемъ въ ряды и дадимъ себя убить подлѣ него. Хорошо ли вы меня слышали... и клянетесь ли повиноваться мнѣ?

— Да, да!—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Благодарю васъ, братья, — отвѣтилъ звучнымъ голосомъ Жанъ Шенъ,—до завтра, и, что бы ни случилось, будемъ помнить, что у насъ одно сердце и одна мысль: pro virtute, pro patria!

И всѣ стоя повторили клятву компаньоновъ дю-Ги.

— Еще одно слово,—продолжалъ онъ:—завтра чтобы всѣ части были собраны, всѣ люди вооружены, чтобы всѣ были готовы дѣйствовать, въ рядахъ никакихъ криковъ, а теперь разойдемся. Намъ надо быть вдвое благоразумнѣе. Мы знаемъ, что измѣнники задались цѣлью предать Францію. Меня увѣряли,—я не хочу этому вѣрить,—что роялисты пытались выкрасть изъ военныхъ канцелярій планы сраженій, чтобы вручить ихъ непріятелю.

Раздался всеобщій крикъ негодованія.

— Кто эти подлецы? Назовите ихъ.

— Мы узнаемъ, кто они, повѣрьте. Судъ надъ ними свершится, и ихъ роялистское чело заклеймимъ печатью подлости и безчестія.

— Подлецы и негодяи тѣ, кто смѣетъ оскорблять короля!—прокричалъ молодой, страстный женскій голосъ.

И Регина де-Люсьенъ, стоя, вся дрожа отъ волненіи, съ непокрытымъ лицемъ, глядѣла гордо на людей, которыхъ она ненавидѣла. Какъ много выстрадала она съ первыхъ словъ, здѣсь слышанныхъ ею!

По мѣрѣ того, какъ Картамъ или Жанъ Шенъ говорили, ею все болѣе и болѣе овладѣвали ея страсть, ея предразсудки, ея гнѣвъ.

Эти слова о свободѣ, о Конвентѣ, пробудивъ въ ней ненавистныя воспоминанія, точно помрачили ей разсудокъ, и она позабыла, гдѣ она и кто она.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И какъ во снѣ, подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія,—она была подвержена нервнымъ страданіямъ,—она приподнялась со своего мѣста и прокричала тѣ слова ненависти.

— Шпіонка!—раздалось отовсюду.

Всѣ обступили ее.

Тутъ блеснула шпага.

Жоржъ Лорисъ всталъ передъ нею, готовый быть убитымъ, чтобы ее защитить.

Странное дѣло, онъ тоже находился въ какомъ-то опьяненіи, онъ точно слышалъ какой-то новый языкъ и удивлялся, что онъ ему понятенъ. Интересъ, испытывавшійся имъ, можно было сравнить съ интересомъ, какой былъ бы возбужденъ въ немъ какимъ нибудь произведеніемъ драматическимъ, романическимъ, потрясающимъ. Онъ тоже забылъ, гдѣ онъ былъ, а главное, около кого онъ былъ.

Внезапный возгласъ Люсьенъ напомнилъ ему о дѣйствительности, и онъ явился на свой постъ рыцаря.

Картамъ и Жанъ Шенъ бросились черезъ столпившіеся ряды, отстраняя шпаги, которыя вынимались изъ ноженъ.

— Безъ насилія!—прогремѣлъ громовый голосъ Жанъ Шена.

Затѣмъ, обращаясь къ виконту:

— Скажите, кто вы?—спросилъ онъ.—Кто эта женщина? Какимъ обаразомъ вы оба попали сюда? Не полицейскіе ли вы?

— Я не намѣренъ разговаривать съ вами,—отвѣтилъ Лорисъ.—Тотъ, кто осмѣлится сдѣлать шагъ къ моей спутницѣ, будетъ убитъ. Если вы не подлецы, разступитесь и пропустите мою даму...

— Не прежде, чѣмъ мы увидимъ ея лице,—сказалъ кто-то.

Дѣйствительно, инстинктивно она снова надѣла маску.

Быстрымъ движеніемъ Регина сняла ее и далеко отбросила:

— Мое лице—вотъ оно. Мое имя Регина де-Салестэнь, маркиза де-Люсьенъ.

Кто-то вскрикнулъ.

Жанъ Шенъ поблѣднѣлъ какъ смерть.

Онъ обратился къ своимъ друзьямъ.

— Сотоварищи,—сказалъ онъ,—мы не ведемъ войны съ женщинами. Пропустите ту, которая носитъ имя Салестень.

Произнося это имя, голосъ его звучалъ особенно торжественно.

— Проходите, сударыня, вы свободны.

Затѣмъ онъ обратился къ виконту.

— Надѣюсь, вы не удивитесь, что мы обратимся къ вамъ, какъ мужчины къ мужчинѣ, за нѣкоторыми объясненіями.

— Иначе сказать, вы оставляете меня въ плѣну.

— Роль, которую вы играете здѣсь, заставляетъ все подозрѣвать и оправдываетъ всѣ мѣры предосторожности.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Скрестивъ руки, Регина не двигалась, не желая пользоваться свободою, которую ей давали изъ состраданія.

Въ эту минуту въ углу комнаты отворилась маленькая дверь, и влетѣла молодая дѣвушка со словами:

— Отецъ! друзья! полиція!

— Полиція!—это шпіоны насъ выдали!

Всѣ были возмущены до отчаянья.

— Это ложь! — воскликнулъ Лорисъ, возмущенный подобнымъ подозрѣніемъ.

— Въ такомъ случаѣ защищай свою жизнь!

И одинъ изъ присутствующихъ офицеровъ поднялъ на него обнаженную шпагу.

Но молодая дѣвушка Марсель, которая вдругъ узнала Лориса, бросилась къ нему.

— Вы здѣсь? Какими судьбами?

— Развѣ ты его знаешь?—спросилъ Жанъ Шенъ.

— Это онъ, тотъ самый, который защитилъ меня сегодня утромъ. Помните, когда какой-то негодяй вздумалъ оскорбить меня на улицѣ...

Регина безмолвно слушала. Это внезапное вмѣшательство женщины еще болѣе усилило гнѣвъ, кипѣвшій въ ея крови. И вдругъ эта дѣвушка вступается за Лориса, она покровительствуетъ ему.

Но она вдругъ вспомнила разсказъ Лавердьера. Лорисъ дрался за эту якобинку!

У нея точно оборвалось сердце. Быстрота впечатлѣній опережаетъ всѣ разсчеты сознанія. Въ десятую часть секунды передъ Региною предстала вся сцена: Лорисъ, предложившій руку этой красивой дѣвушкѣ,—Регина была слишкомъ женщина, чтобы не понять, что она была прелестна,—чтобы спасти ее отъ Лавердьера, этого нахала. Итакъ Лорисъ зналъ ее, любилъ ее, и въ этомъ бѣдномъ сердцѣ маркизы, не подготовленномъ къ страданіямъ реальной жизни, открылась глубокая рана.

Она выпрямилась.

— Я свободна, сказали вы,—обратилась она гордымъ тономъ:—въ такомъ случаѣ пропустите меня.

Жанъ Шенъ подошелъ къ ней и предложилъ ей руку.

Она оглянула его съ невыразимой заносчивостью.

— Я просила только пропустить меня,—повторила она.

Жанъ Шенъ нисколько не разсердился.

— Бѣдная женщина,—проговорилъ онъ,—сколько слезъ вы себѣ готовите.

Она не разслышала его словъ или сдѣлала видъ, что не слышитъ ихъ.

Но, подходя къ двери, она обернулась.

Лорисъ не двигался.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онъ не идетъ за ней! Онъ остается съ этой проклятой дѣвчонкой!

Онъ прочиталъ въ ея глазахъ отчаянный призывъ, полный упрека, онъ двинулся въ ея сторону.

— Постойте, — остановилъ его Картамъ, кладя ему руку на плечо:—вы забываете, что вы намъ ничего еще не отвѣтили.

Въ душѣ молодаго человѣка происходила мучительная борьба.

Марсель смотрѣла на него своими большими голубыми глазами, точно догадываясь, въ чемъ дѣло.

Затѣмъ она вдругъ проговорила:

— Боже мой! я совсѣмъ забыла, зачѣмъ я пришла. Отецъ, меня увѣдомили, что полиція предупреждена, васъ выдали.

— Вотъ видите,—воскликнулъ Картамъ, обращаясь къ Лорису:—болѣе чѣмъ когда нибудь вы обязаны объяснить ваше присутствіе.

— Какъ,—вскричалъ Лорисъ,—неужели вы можете думать!..

Онъ не докончилъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ показались люди, и раздался голосъ:

— Именемъ закона! Никто не съ мѣста!

И Лорисъ въ полумракѣ увидѣлъ слѣдующее.

Начальникъ появившихся людей быстро подошелъ къ маркизѣ, поклонился ей и приказалъ людямъ пропустить ее.

И Регина де-Люсьенъ исчезла.

— Іуда!—вскричалъ Жанъ Шенъ, налетая на него.

Картамъ остановилъ его.

— Прежде всего спасемъ нашихъ друзей, наказать предателей всегда успѣемъ.

Все это случилось такъ быстро, что прежде, чѣмъ отрядъ полицейскихъ добрался до тѣхъ, кого имъ было велѣно арестовать, Картамъ успѣлъ добѣжать до маленькой двери, въ которую только что вошла Марсель, и, раскрывъ ее, указалъ своимъ друзьямъ, куда имъ бѣжать.

Затѣмъ, точно подчиняясь одной общей мысли, Картамъ и Жанъ Шенъ въ одну секунду устроили себѣ баррикаду изъ скамеекъ и столовъ, защищая дорогу къ двери.

Явились полицейскіе.

Тотъ, кто командовалъ ими, наткнулся на импровизированную баррикаду.

Лорисъ бросился ему навстрѣчу и сильнымъ толчкомъ оттолкнулъ его.

Въ эту минуту онъ увидалъ этого человѣка въ лице и вскрикнулъ въ бѣшенствѣ.

— Это ты злополучный капитанъ! Не сдобровать тебѣ!

Онъ узналъ Лавердьера.

Разбойникъ, не получивъ опредѣленнаго отвѣта отъ маркизы,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

счелъ за лучшее выдать полиціи заговорщиковъ, тайну которыхъ онъ узналъ такъ случайно.

Всегда есть люди, готовые воспользоваться предательствомъ. Въ его распоряженіе было дано полдюжины полицейскихъ и на подмогу имъ пикетъ солдатъ, которые стояли неподвижно съ ружьями на плечо.

Компаньоны дю-Ги быстро исчезли.

— Чего ждете? Хватайте этихъ мерзавцевъ!—крикнулъ Лавердьеръ своимъ людямъ.

Въ то время, пока Лорисъ удерживалъ Лавердьера, полицейскіе пробрались было къ импровизированной баррикадѣ, но, получивъ нѣсколько здоровыхъ тумаковъ, должны были отступить.

Лавердьеръ съ обнаженной шпагой кинулся на Лориса.

— А! это ты чертова кукла!—промычалъ онъ: — береги свою шкуру!

— Подлецъ!—прошепталъ Лорисъ:—на этотъ разъ твоя кираса тебя не спасетъ.

Лавердьеръ, чтобы поскорѣе покончить, вытащилъ изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ изъ него въ Лориса.

Но Лорисъ отвелъ его руку шпагою.

— Спасайтесь!—крикнулъ онъ Картаму.

Но оба республиканца, заперевъ дверь за послѣднимъ товарищемъ, бросились на полицейскихъ.

На этотъ разъ завязалась отчаянная борьба въ этой полутемной залѣ, борьба неравная.

Силачъ Картамъ схватилъ скамейку и сдѣлалъ себѣ изъ нея грозное орудіе противъ противниковъ.

Двое другихъ, искусно владѣя шпагами, отстраняли полицейскихъ, непривычныхъ къ такой отчаянной борьбѣ. Спрятавшись въ углу, закрывая собою Марсель, которая прислонилась къ стѣнѣ, они довольно успѣшно защищались.

— Сюда, солдаты!—крикнулъ Лавердьеръ.

Одной рукой онъ раздвинулъ часть импровизированной баррикады, которая служила защитою трехъ людей, и снова очутился передъ Лорисомъ съ твердымъ намѣреніемъ покончить съ нимъ.

Возобновилась утрешняя борьба, но еще болѣе отчаянная, потому что Лорисъ отъ волненія потерялъ все хладнокровіе, хотя и не утратилъ умѣнья.

Но вотъ нѣсколько солдатъ, повинуясь призыву Лавердьера, приблизились съ направленными штыками.

На этотъ разъ всякое сопротивленіе становилось немыслимымъ.

Жанъ Шенъ крикнулъ:

— Сержантъ, развѣ подобное дѣяніе достойно солдатъ, развѣ вы на содержаніи мушаровъ Фуше?

— Безъ фразъ!—погремѣлъ Лавердьеръ,—хватайте эту каналью!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— За это слово ты заплатишь дорого! — воскликнулъ Лорисъ.

И онъ хватилъ шпагою по лицу негодяя.

Во время драки Марсель нагнулась къ Жанъ Шену и сказала ему нѣсколько словъ на ухо, затѣмъ она пробралась къ маленькой двери, совсѣмъ не замѣтной въ темнотѣ.

Шенъ и Картамъ, все еще отбиваясь, незамѣтно держались направленія этой двери.

Марсель крикнула:

— Мсьё Лорисъ, еще одну минуту!

И пока молодой человѣкъ держалъ въ респектѣ полицейскихъ,—многіе изъ нихъ попробовали его шпаги,—она внезапно раскрыла дверь, въ которую оба исчезли.

— Сюда! Сюда, мсьё Лорисъ!—крикнула снова Марсель.

Онъ понялъ.

Солдаты почти овладѣли имъ. Онъ отскочилъ назадъ, Марсель схватила его за руку.

— Идите...

Можно было еще бѣжать.

Въ эту минуту раздался крикъ отчаянья.

Въ одно мгновеніе агенты окружили домъ и овладѣли бѣглецами.

Полицейскіе схватили Лориса.

Молодую дѣвушку чьи-то грубыя руки отбросили внутрь комнаты.

— Пусть лучше они убьютъ меня,—воскликнула она, обезумѣвъ отъ ужаса,—но издалека, издалека!

— Наконецъ-то попались!—воскликнулъ Лавердьеръ.

Негодяй, почти ослѣпшій отъ крови, которая струилась изъ его неопасной раны, взбѣшенный до неистовства, бросился на Лориса съ обнаженной шпагой.

— Здѣсь не убиваютъ,—проговорилъ сержантъ, поднимая оружіе, которое было выбито изъ рукъ.—А главное мы неособенно любимъ такого рода дѣла.

И, обращаясь къ арестованнымъ, сказалъ:

— Не бойтесь, господа, я отвѣчаю за вашу безопасность. Товарищи, если вотъ этотъ вздумаетъ оскорблять этихъ людей, на штыкъ его.

— Что касается васъ, мадемуазель,—обратился онъ къ Марсель:—мнѣ кажется, намъ нечего васъ арестовывать.

— Отчего нѣтъ!—воскликнулъ Лавердьеръ, который узналъ ее:—самка-заговорщица, чѣмъ не добыча!

— Разбойникъ,—крикнулъ ему Лорисъ,—мнѣ придется тебя убить!

Марсель проговорила тихо:

— Я арестована, это моя честь, и я отъ нея не отказываюсь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Картамъ и Жанъ Шенъ дрожали отъ гнѣва. Ихъ такъ окружили, что всякая попытка къ бѣгству была безполезна.

Марсель улыбалась имъ, чтобы ихъ успокоить.

— Въ дорогу!—скомандовалъ сержантъ, который спѣшилъ избавиться отъ этихъ хлопотъ.

Четырехъ плѣнниковъ окружили солдаты.

Случай раздѣлилъ ихъ на группы: впереди шли Лорисъ и Марсель, за ними два ряда солдатъ и затѣмъ Картамъ и Жанъ Шенъ.

Полицейскіе слѣдовали за ними.

Выступили. Пока все это совершалось, гроза разразилась; шелъ теплый, мелкій дождь.

— Куда ведете вы насъ?—спросилъ Лорисъ сержанта.

— Въ консьержери.

— Далеко?

— Не болѣе получаса ходьбы.

Плѣнники такъ и шлепали по лужамъ.

— Смѣю ли я вамъ предложить руку?—спросилъ Лорисъ Марсель.

— Не знаю, принять ли мнѣ ваше предложеніе, — отвѣтила смѣясь Марсель:—вѣдь вы изъ нашихъ враговъ.

— Который защищалъ васъ не хуже лучшаго друга.

— И дважды въ одинъ день, — прибавила она, опираясь на его руку.

— Вы промокли,—замѣтилъ онъ. Онъ снялъ съ себя плащъ и накинулъ его на плечи Марсель.

Она не противилась.

Они шли рядомъ; она опиралась на его руку: она была такъ легка.

Оба молчали.

Свѣжесть ночи понемногу успокоила и отрезвила молодаго человѣка; сознаніе дѣйствительности вернулось къ нему. Съ самаго начала этого вечера ему казалось, что онъ живетъ въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ.

Только теперь онъ понялъ, что онъ, виконтъ Жоржъ де-Лорисъ, за полночь шелъ пѣшкомъ по улицамъ Парижа, окруженный солдатами, подъ конвоемъ полицейскихъ, что онъ былъ арестованъ среди якобинцевъ, которыхъ защищалъ со всею отвагою.

Онъ былъ причастенъ къ заговору, цѣлью котораго было торжество республики надъ королемъ, надъ всѣми принципами, которыхъ онъ былъ такимъ ярымъ защитникомъ.

Какъ могло все это случиться? Онъ съ трудомъ могъ собраться съ мыслями. Но у него сжималось сердце отъ боли.

Дѣйствительно, онъ началъ съ роли шпіона. Какъ могла m-me де-Люсьенъ,—Регина, которая была другою половиною его души, его совѣсти,—какъ могла она вовлечь его въ интригу, которая возмущала его честность.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И это отвращеніе, презрѣніе къ себѣ, усилилось еще, превратилось въ острую боль, когда онъ вспомнилъ, что въ ту минуту, когда въ эту залу проникли полицейскіе, ихъ начальникъ, негодяй, предатель, подлецъ, поклонился ей, приказавъ ее пропустить.

Значитъ, правда! Значитъ, Регина выдала полиціи тайну этого собранія! Когда она вела туда Лориса, она знала, что эти люди будутъ арестованы. Нѣтъ! быть этого не можетъ! Какъ бы ни была m-me Люсьенъ во власти тѣхъ страстей, которыя царили въ ея душѣ, быть не можетъ, чтобы она ни во что не ставила тѣхъ требованій чести, какія онъ, Лорисъ, привыкъ уважать.

Борьба! Пусть будетъ такъ! но съ открытымъ лицемъ, съ обнаженною грудью, со шпагою въ рукѣ, открытую борьбу я понимаю, но эти подземныя козни, эти предательскія хитрости!

И онъ чувствовалъ на своей рукѣ маленькую ручку этой Марсели, которая, быть можетъ, думала, что онъ выдалъ ее вмѣстѣ со всѣми ея близкими!

Но она казалась такою довѣрчивою, также довѣрчивы были и всѣ тѣ, которые не оттолкнули его, которые не отнеслись, какъ къ оскорбленію къ его общему съ ними участію въ борьбѣ и аресту.

Говоря правду, Лорисъ не могъ рѣшительно разобраться во всѣхъ этихъ событіяхъ, они казались ему до того противорѣчивыми антитезными, точно всѣ они были плодомъ горячечнаго бреда.

Онъ до того былъ поглощенъ всѣми этими мыслями, что совсѣмъ не замѣтилъ дороги; онъ съ грустью увидалъ, что передъ нимъ раскрылись двери, и что онъ четвертымъ вошелъ въ грязную комнату, подошелъ къ деревянной рѣшеткѣ, за которой сидѣлъ господинъ, безобразный съ виду, съ грубыми пріемами, который, уткнувъ носъ въ протоколъ, бормоталъ едва уловимые вопросы.

Спрашивались имена, фамиліи.

Картамъ проговорилъ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Мы отвѣчать не намѣрены. До тебя это не касается. Тѣ, кто насъ арестовалъ, должны знать, кого они арестовали.

Жанъ Шенъ настаивалъ:

— Разъ, что вы не знаете нашихъ именъ, значитъ, противъ насъ не сдѣлано никакихъ заявленій. И тогда нашъ арестъ не законный. Я протестую.

— Хорошо. «Отказались отвѣчать»?—записалъ господинъ.—Мнѣ безразлично. Ну, а вы что скажете, малютка?—обратился онъ къ Марсель.

— Скажу, что вы невѣжа,—отвѣтила она, гордо выпрямляясь.

— Прекрасно,—повторилъ онъ.—Якобинцы и якобинки—всѣхъ васъ въ одинъ мѣшокъ.

Затѣмъ онъ съ насмѣшкою обратился къ Лорису.

— Что касается васъ, «citoiyien»...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онъ нарочно сдѣлалъ удареніе на словѣ, вышедшемъ изъ употребленія.

Лорисъ прервалъ его рѣзко:

— Милостивый государь, мое имя—виконтъ Жоржъ де-Лорисъ, и я предупреждаю васъ, что если не сегодня, то въ первый день моей свадьбы я расплачусь съ вами палкою за ваши дерзости.

У виконта былъ весьма внушительный видъ, и чиновникъ, который умѣлъ различать людей, приподнялъ на него свои, вооруженные очками, глаза.

— Вы сказали—виконтъ...

— Де-Лорисъ... и даже если бы я не былъ дворяниномъ, я, все-таки, не позволилъ бы вамъ выражаться поизвощицки.

На этотъ разъ чиновникъ вскочилъ, онъ колебался между сохраненіемъ достоинства своей профессіи и благоразуміемъ.

— Я ничего вамъ не сказалъ обиднаго, — замѣтилъ онъ:—неужели обида назвать кого нибудь «citoyen».

Во всякое другое время Лорисъ принялъ бы это за величайшее оскорбленіе; но онъ былъ уже не тотъ.

— Довольно разговоровъ,—сказалъ онъ.—Исполняйте вашу обязанность, и только вашу обязанность, но предупреждаю васъ, что я разсчитаюсь съ вами за вашу грубость и за себя, и за моихъ друзей.

Онъ оглянулся.

— А гдѣ же,—спросилъ онъ:—поставщикъ тюрьмъ, которому я имѣлъ удовольствіе дать пощечину моей шпагой?

— Не знаю, о комъ вы говорите,—отвѣтилъ полицейскій.—Мнѣ некогда съ вами разговаривать.

Онъ сдѣлалъ знакъ тюремщикамъ, которые терпѣливо ожидали окончанія формальностей предварительной переписи.

— Отдайте все, что вы имѣете при себѣ,—сказалъ онъ арестованнымъ:—избавьте этихъ господъ отъ труда васъ обыскивать.

Картамъ и Жанъ Шенъ побросали на полъ пустяшные предметы, которые были у нихъ въ карманахъ. Марсель послѣдовала ихъ примѣру.

Что касается Лориса, котораго еще не обезоружили, онъ вынулъ шпагу и сказалъ:

— Первый, кто подниметъ на меня руку, будетъ проткнутъ мною, какъ курица.

У него былъ такой рѣшительный видъ, что полицейскіе, растерявшись, разступились.

— Однако,—воскликнулъ выведенный изъ себя чиновникъ,—правила должны быть соблюдаемы.

— Какія правила? — вскричалъ Лорисъ:—развѣ я признаю за вами право наложить на меня руку?

Картамъ вмѣшался:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Повѣрьте, ваше сопротивленіе только узаконитъ грубость этихъ людей. Благоразумнѣе будетъ сдѣлать видъ, что вы подчиняетесь имъ.

— Что же я долженъ сдѣлать для этого?—спросилъ Лорисъ.

— По крайней мѣрѣ, отдать вашу шпагу...

— Кому? Этому?!...

— Отдайте ее мнѣ,—сказала Марсель.

Она смотрѣла на него съ улыбкою шаловливаго ребенка. Ему стало стыдно своей несдержанности передъ невозмутимымъ спокойствіемъ молодой дѣвушки, и, сознавая, что этотъ копромиссъ въ любезной формѣ избавлялъ его отъ уязвленія слишкомъ развитаго самолюбія, онъ передалъ ей шпагу.

Она взяла ее и передала чиновнику не рукояткою, а лезвіемъ:

— Сберегите намъ это,—сказала она:—пока мы здѣсь.

Она обращалась съ нимъ, точно съ лакеемъ, которому даютъ подержать верхнее платье.

Чиновникъ ощущалъ нѣкоторое безпокойство: дѣйствительно онъ не получилъ никакой пояснительной бумаги по поводу ареста этихъ людей, которые не походили на простыхъ преступниковъ.

Полицейскіе были вытребованы по особому приказу Фуше, они послѣдовали за своимъ случайнымъ начальникомъ и больше ничего не вѣдали.

Хуже всего было то, что этотъ начальникъ исчезъ до ихъ прибытія въ консьержери, быть можетъ, руководясь принципомъ, что не слѣдуетъ переступать порога тюрьмы безъ особой крайности.

Что дѣлать съ арестованными?

Чиновникъ не шевелился, съ поднятымъ перомъ къ верху онъ сидѣлъ, не зная, на что рѣшиться. Вдругъ ему пришла счастливая мысль. Лучшее средство уменьшить свою отвѣственность, это—раздѣлить ее.

— Господа,—обратился онъ къ тѣмъ, которые отказывались ему отвѣчать:—напрасно вы не хотите назвать себя. Если бы я зналъ ваши фамиліи, я сегодня же послалъ бы списокъ въ канцелярію герцога Отрантскаго, и, быть можетъ, это помогло бы сократить время вашего заключенія.

Картамъ и Жанъ Шенъ переглянулись.

— Вы правы,—проговорилъ Картамъ:—чѣмъ скорѣе увидать въ глаза вонючее животное, тѣмъ лучше... Пишите же... Гракхъ Картамъ, ссыльный Нивоза, бывшій секретарь комитета общественнаго спасенія, который вмѣстѣ съ «citoyen» Фуше вотировалъ за смерть Капета...

— О! — воскликнулъ Лорисъ.

— Тише! — замѣтила Марсель.

Полицейскій чиновникъ злился до бѣлаго каленья, но молча писалъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Жанъ Шенъ, — началъ другой, — капитанъ 6-го егерскаго полка. Бывшій другъ Уде, бывшій другъ Малэ...

— Это какіе-то съумасшедшіе,—рѣшилъ несчастный писака.— А вы? — обратился онъ къ Лорису и къ молодой дѣвушкѣ: — не имѣете ли и вы сообщить мнѣ чего особеннаго?...

— Да здравствуетъ король! — воскликнулъ Лорисъ.

— Да здравствуетъ республика! — воскликнула Марсель.

— Если вамъ хочется крикнуть: да здравствуетъ императоръ, пожалуйста, не стѣсняйтесь насъ,—сказалъ, громко смѣясь, Картамъ.

— Довольно!—крикнулъ ошеломленный полицейскій, твердо рѣшившій сейчасъ же обо всемъ увѣдомить свое начальство.—Отведите четырехъ арестованныхъ въ заднюю комнату канцеляріи. Тамъ они будутъ ожидать приказанія министра.

На этотъ разъ не было протеста, и черезъ нѣсколько минутъ наши четыре дѣйствующія лица очутились въ комнатѣ, болѣе похожей на контору, чѣмъ на тюрьму, въ которой было нѣсколько креселъ, диванъ, все это, правда, не первой свѣжести, но во всякомъ случаѣ чище и удобнѣе мебели залы St.-Martin.

Но для того, чтобы они не могли сомнѣваться насчетъ ихъ мѣстопребыванія, которое было, всетаки, заключеніемъ, ихъ оставили въ потьмахъ; затѣмъ они услыхали, какъ дверь съ основательными замками закрылась за ними.

IX.

Говоря правду, положеніе было довольно оригинальное.

Марсель привѣтствовала темноту веселымъ порывомъ смѣха, къ которому невольно присоединились и трое мужчинъ.

— Однако,—началъ Картамъ своимъ искреннимъ голосомъ, въ которомъ подъ искусственною грубостью звучала отеческая нѣжность,—надо намъ устроиться какъ можно поудобнѣе на ночь. Я разглядѣлъ тутъ нѣчто въ родѣ дивана... Его отдадимъ Марсели. Она въ немъ будетъ, какъ дитя въ колыбелькѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, диванъ для васъ, дѣдушка...

— Извольте слушаться, мадемуазель. Когда мы были въ Гвіанѣ и когда случалось быть въ трудныхъ походахъ, мы избирали себѣ начальника и всѣ должны были ему повиноваться. Дай-ка мнѣ руку, Марсель, я держусь за диванъ. Изъ нашихъ плащей мы тебѣ устроимъ подушку, а главное, постарайся заснуть... Если только угрызенія совѣсти...

Все это было сказано весело, съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ.

Ощупью идя на его голосъ, Марсель взялась за руку дѣдушки, который устроилъ ее какъ можно лучше.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Теперь каждому изъ насъ по креслу. Жанъ, нашелъ ли ты твое?

— Да, какъ же.

— А вы, мсьё Лорисъ?

Виконтъ чувствовалъ всю неловкость своего положенія, которая увеличивалась все болѣе и болѣе съ каждою минутою.

До сихъ поръ между ними не было никакого объясненія, у его товарищей по бѣдѣ могли быть подозрѣнія на его счетъ, отъ которыхъ онъ желалъ себя оправдать.

— Господа, такъ какъ теперь мы одни, позвольте вамъ объяснить...

— Это въ часъ-то ночи?—воскликнулъ Жанъ Шенъ,—да Богъ съ вами: мѣшать спать Марсели, нѣтъ, ужъ, пожалуйста, отложимъ объясненія...

— Да замолчите ли вы?—крикнулъ Картамъ громовымъ голосомъ. — Всего одинъ вопросъ — вы французъ?

— Конечно.

— Если чужестранецъ овладѣетъ Франціею?

— Я положу жизнь, чтобы его выгнать.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Картамъ,—спите спокойно. Кричите «да здравствуетъ король», если это можетъ вамъ доставить удовольствіе, только не очень громко, чтобы насъ не разбудить. Во всякомъ случаѣ — вы славный малый.

— Я тебѣ говорила, дѣдушка.

— Молчи, маленькая болтушка, спи, не болтай. Прощай, черезъ три минуты я буду храпѣть.

Пусть всякій объясняетъ посвоему, отчего Лорисъ пришелъ въ самое радостное настроеніе. Положимъ, оцѣнка — славный малый, была довольно фамильярная, но Лорисъ не обидѣлся, напротивъ, онъ былъ въ восторгѣ. Въ первый разъ въ жизни ему приходилось сталкиваться такъ близко съ этимъ ужаснымъ людомъ революціи, съ этими Маратами въ изступленіи, съ этими ужасными «tricoteuses». Этотъ Картамъ, кровопійца,—попилъ таки онъ крови, мысленно, не безъ отвращенія, вспоминалъ Лорисъ,—а какое у него красивое, доброе лице, и этотъ Жанъ Шенъ, этотъ предводитель республиканскихъ бандитовъ, имѣетъ видъ настоящаго солдата, и эта мегера, вязальщица, которую въ темнотѣ, ее укрывавшей, нельзя было разглядѣть, и присутствіе которой такъ стѣсняло его, что онъ не рѣшался пошевелиться, чтобы дойдти до кресла или стула, на которомъ бы могъ отдохнуть, и изъ-за которой онъ стоялъ прислонившись въ самомъ отдаленномъ углу комнаты, не смѣя сдѣлать шагу, точно желая, чтобы теперь именно забыли о немъ. Конечно, онъ не будетъ спать! Неужели Лорисъ не можетъ провести одной ночи безъ сна,—онъ, весь истерзанный заботами, всякими треволненіями?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

А Регина, Регина!

Это имя, которое вдругъ предстало въ его памяти, точно удивило его.

Чѣмъ объяснить, что до сихъ поръ оно не сорвалось ни разу съ его устъ?

Вмѣстѣ съ нимъ онъ съ тоскою вспомнилъ о послѣднихъ событіяхъ этого мучительнаго вечера.

Но неужели онъ будетъ несправедливъ?

Нѣтъ! Если Регина подъ впечатлѣніемъ своихъ политическихъ увлеченій и не сохранила настоящей границы между благородной борьбою и низкою засадою, то настоящимъ преступникомъ былъ, всетаки, онъ. Зачѣмъ не остановилъ онъ ее на порогѣ этого дома, который для чести ихъ обоихъ имъ не слѣдовало переступать.

Но кто донесъ полиціи?... О, конечно, не она... Но она знаетъ этого Лавердьера, этотъ типъ стараго воина, разбойника, убійцы по найму... Этотъ человѣкъ преклонился, чтобы пропустить ее... при этомъ воспоминаніи у Лориса выступили слезы на глазахъ, слезы сожалѣнія, боли, отчаянія, точно случилось что-то непоправимое, точно что-то умерло въ его сердцѣ.

Не любовь его пострадала,— онъ любилъ такъ же глубоко, такъ же страстно, какъ прежде,—но къ его чувству присоединилось какое-то отчаяніе, которое заставляло его невыносимо страдать. Передъ нимъ точно раскрылась мрачная бездна, отъ близости которой у него кружилась голова отъ страху.

Картамъ громко храпѣлъ, какъ подобаетъ сильному человѣку, который наполовину ничего не дѣлаетъ. Двухъ другихъ не было слышно. У него то путались мысли, то вдругъ являлись проблески сознанія дѣйствительности. Незамѣтно онъ опустился на полъ и, наконецъ, заснулъ.

Вдругъ черезъ нѣсколько времени онъ раскрылъ глаза. Лучъ яркаго свѣта падалъ ему прямо въ лице. У занавѣсокъ, наполовину отдернутыхъ, виднѣлся граціозный абрисъ молодой женщины. Онъ не сразу узналъ ее. Она стояла къ нему спиною и смотрѣла въ окно, приподнявшись на носки своихъ маленькихъ ножекъ.

Лорисъ вскочилъ однимъ прыжкомъ.

Молодая дѣвушка обернулась и слегка вскрикнула.

— А! мсьё Лорисъ, вы здѣсь,—проговорила она.

Это была Марсель во всей прелести своихъ 16 лѣтъ, съ розовыми щечками, свѣженькими губками, какъ пробуждаются отъ сна въ блаженные дни молодости.

Онъ, немного блѣдный, удивленно оглядывался вокругъ.

Они были одни.

Отчего? Почему?

— А я думала, — продолжала Марсель:—что вы ушли вмѣстѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ ними... Я совсѣмъ не видала васъ, вы такъ запрятались въ вашемъ уголку.

— Они ушли, говорите вы, а вы остались... Отчего и вамъ не возвратили свободу?..

— Я вамъ не говорила, что ихъ освободили.

— Что же это все значитъ?

— Очень просто. Рано утромъ, не знаю хорошенько въ которомъ часу, я спала такъ крѣпко, открылась дверь, и пришли за отцемъ и дѣдушкою.

— Я ничего не слыхалъ.

— Это показываетъ, что у васъ крѣпкій сонъ.

— Что же имъ объявили?

— Что Фуше прислалъ за ними.

— Фуше!..

— Ну, да... О, это нисколько не удивило дѣдушку... Онъ даже отвѣтилъ имъ... какъ якобинецъ...

— Зачѣмъ же меня не разбудили? Зачѣмъ меня не увели вмѣстѣ съ ними?

— Ужъ не знаю. Что дѣлать, вы, можетъ быть, не знаете Фуше?

— Конечно, нѣтъ,—развѣ я знаюсь съ такими господами?

Онъ вдругъ остановился, почувствовавъ, что сказалъ что-то лишнее.

Марсель улыбнулась.

— О, я на васъ ничуть не въ претензіи... потому что... потому что...

— Почему же это? Скажите.

— Если вы такъ отрекаетесь отъ знакомства съ Фуше... значитъ, не вы насъ...

— Не я выдалъ вашего отца и его друзей?.. Мадемуазель, я благословляю случай, благодаря которому я могу, наконецъ, все выяснить, потому что, увѣряю васъ, у меня слишкомъ тяжелое бремя на душѣ. Посмотрите мнѣ въ лице, мадемуазель, и скажите, похожъ ли я на Іуду?

— Конечно, нѣтъ! Нисколько!

— Въ такомъ случаѣ, клянусь вамъ честью, по совѣсти, что я былъ пораженъ не менѣе васъ этимъ внезапнымъ появленіемъ полиціи. Чтобъ я занимался ремесломъ предателя... да я лучше бы согласился сгнить въ тюрьмѣ...

Онъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ, искреннимъ, въ которомъ чувствовалась неподдѣльная честность его молодости.

— Какъ же вы могли попасть въ это собраніе? Вѣдь вы должны были знать пароль пропуска, извѣстный условный знакъ.

Лорисъ открылъ было ротъ, чтобы отвѣчать, но вдругъ вспомнилъ, что для того, чтобъ себя оправдать, онъ долженъ будетъ обвинить m-me де-Люсьенъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не спрашивайте меня,— пробормоталъ онъ: — прошу васъ, удовольствуйтесь моимъ словомъ честнаго человѣка... Я попалъ въ это собраніе, руководимый только любопытствомъ. Что касается слова пропуска и условнаго знака, я узналъ ихъ, благодаря чистой случайности... клянусь вамъ... Неужели вы еще не вѣрите мнѣ?

— Мнѣ дѣдушка сказалъ, что у васъ лице честнаго человѣка, я всегда вѣрю дѣдушкѣ.

— Такъ что, если бы дѣдушка не заступился за меня...

— Я никогда васъ не обвиняла.

Оба замолкли. Марсель сѣла, склонила голову, и разговоръ прекратился. Лорисъ не нашелся его возобновить. Но черезъ нѣсколько минутъ Марсель самымъ равнодушнымъ голосомъ заговорила снова.

— Дама, которую вы сопровождали, очень хорошенькая. Какъ мнѣ послышалось, она—маркиза.

— Она громко назвала себя, и потому не будетъ предательствомъ, если я повторю его. Ее зовутъ маркизою де-Люсьенъ.

— А ея имя?

— Регина.

— Она ваша сестра? Ваша родственница?

— Моя невѣста,—сказалъ серьезно Лорисъ.

Въ этомъ открытомъ заявленіи былъ точно протестъ противъ подозрѣній заранѣе обдуманнаго поступка.

Марсель захлопала въ ладоши.

— Какъ я рада, что она такая хорошенькая.

И, понизивъ голосъ, она прибавила съ комическою таинственностью:

— Значитъ, она ярая роялистка?

— Да, мадемуазель.

— Не подумайте, что я ее осуждаю за это, главное надо любить свое отечество, а тамъ всѣ убѣжденія хороши... Дѣдушка не любитъ Наполеона, но онъ выносилъ бы его, если бы его военная геніальность помогла ему изгнать иноземцевъ.

— Я слышалъ его взгляды и, признаюсь, былъ ими тронутъ.

— Дѣдушка такъ хорошо говоритъ... да и отецъ тоже, не правда ли?

— Моя лучшая похвала имъ будетъ, если я скажу, что, не смотря на разницу нашихъ убѣжденій, я забывалъ это, когда они говорили о Франціи.

— Какъ это хорошо. Какъ видите, мы съ вами совсѣмъ не такіе большіе враги, какъ вы говорили. Вы солдатъ?

— Я получилъ чинъ поручика, чтобы участвовать въ этомъ походѣ.

Какъ странно, въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ о своей нерѣшительности, и ему казалось вполнѣ естественнымъ идти защищать границы, хотя бы подъ предводительствомъ Наполеона.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Прекрасно. Можетъ быть, мы съ вами тамъ встрѣтимся.

— Въ арміи? Что вы хотите этимъ сказать?

— Не бойтесь, я не буду маркитанткою; но, можетъ быть,—все это должно рѣшиться сегодня, — дѣдушка приметъ предложеніе Карно—стать во главѣ интендантства. Вѣдь дѣдушка былъ однимъ изъ великихъ организаторовъ арміи при Жемапѣ, Флерю, и еще въ 93 до самаго 18 брюмера.

— И если вашъ дѣдушка уѣдетъ?

— Я ѣду съ нимъ. Что же онъ будетъ дѣлать безъ меня?

— Вы его очень любите?

— Еще бы! Кромѣ него и отца, у меня никого нѣтъ на свѣтѣ.

— А ваша мать?

— Я ее не знала, — проговорила растроганная Марсель.—Моя исторія печальная: я найденышъ.

— Но у васъ отецъ, дѣдушка?

— Отецъ, да. Но дѣдушка не мой дѣдушка: онъ больше этого. Онъ нашелъ меня въ оврагѣ, умирающую, совсѣмъ, совсѣмъ маленькую. Мать моя была убита, отецъ пропалъ безъ вѣсти, и только позже, много, много позже, Картаму удалось розъискать моего отца. Зато теперь я такъ счастлива, они такіе добрые.

— Они сдѣлали изъ васъ маленькую отчаянную республиканку,—сказалъ смѣясь Лорисъ, желая отвлечь молодую дѣвушку отъ печальныхъ мыслей.

— Это случилось само собою; но главное, не подумайте, что я занимаюсь политикою. Это ихъ дѣло, родителей. Я только люблю ихъ и восхищаюсь ими и, если бы потребовалось, готова была бы умереть за нихъ, какъ храбрый солдатъ.

Все это было сказано безъ всякаго хвастовства, просто съ дѣтскою наивностью.

Теперь Лорисъ могъ хорошо ее разглядѣть, лучше, чѣмъ во время свалки съ полицейскими или въ минуту уличной ссоры, и онъ былъ пораженъ врожденной граціей, изяществомъ этой прелестной бѣлокурой дѣвушки, ея ручками герцогини, ея гармоническимъ голосомъ, который можно было только сравнить, выражаясь античнымъ стилемъ, съ пѣніемъ птичекъ. Вся ея физіономія, ея нѣжныя черты, нарисованныя точно пастелью, дышали энергіею и искренностью. Марсель не могла лгать, Марсель была преданная. Это можно было прочесть на ея спокойно-веселомъ лицѣ, на которомъ, казалось, еще никакая забота не оставила слѣда. Совсѣмъ не кокетка, тѣмъ не менѣе ея косыночка была очень граціозно повязана вокругъ ея таліи, платье ея падало красивыми складками, ногти были тщательно вычищены, ножки хорошо обуты, на нихъ не было ни капли грязи, не смотря на ночной походъ, — все это свидѣтельствовало объ уходѣ за собою. Въ ней не было и тѣни того дурнаго кокетства, которое она могла бы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

проявить, оставшись одна въ обществѣ молодаго человѣка; ни однимъ движеніемъ, ни однимъ словомъ она не проявила желанія показаться ему лучше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

Она говорила просто, какъ въ присутствіи своего отца, и даже слушатель менѣе деликатный, чѣмъ Лорисъ, не нашелъ бы повода ни къ какому банальному комплименту, болѣе или менѣе удачно выпрошенному.

Лорису казалось, что онъ въ обществѣ младшей сестры, быть можетъ, болѣе благоразумной, чѣмъ онъ самъ, которая на него имѣетъ вліяніе. Никакая банальная любезность не приходила ему на умъ.

Его разбирало любопытство. Ему очень хотѣлось разспросить молодую дѣвушку объ ея прошломъ, которое казалось ему такимъ печальнымъ; не зная его, ему уже было жаль ее, онъ чувствовалъ къ ней искреннее сочувствіе, благодаря невольной симпатіи, которую она ему внушала.

— Въ такомъ случаѣ,— воскликнулъ онъ:—ваше имя не Марсель Картамъ, какъ вы мнѣ сказали?

— Марсель—да, Картамъ—нѣтъ. Но, такъ какъ я долго жила съ дѣдушкой, мнѣ дали его фамилію. Я ношу ее пока. Я люблю ее: это фамилія человѣка съ чуднымъ сердцемъ, который много страдалъ. Да, мой дѣдушка, Гракхъ Картамъ, великій человѣкъ по своей честности, по своей добротѣ.

— Какая вы восторженная! Вашъ отецъ не ревнуетъ васъ къ мсьё Картамъ?

Марсель покачала головой:

— О, нѣтъ, они оба любятъ меня, и я люблю ихъ обоихъ, но люблю ихъ каждаго по другому. Видите ли, не знаю, какъ вамъ это даже объяснить; если бы такая дѣвочка, какъ я, смѣла бы судить о старикѣ, я бы сказала: Картамъ,—мы такъ называемъ его попросту Картамъ, безъ мсьё,—добродушнѣе... мягче... удивительно снисходителенъ, добръ, милъ...

— Тогда какъ мсьё Жанъ Шенъ...

— Отецъ—солдатъ,— отвѣтила серьезнымъ тономъ Марсель:— солдатъ Франціи, республики. Я вижу его не болѣе нѣсколькихъ недѣль въ году и тѣмъ не менѣе постоянно о немъ думаю; для меня онъ олицетворяетъ собою типъ древнихъ рыцарей, которые дрались съ чудовищами.

— Съ чудовищами!—воскликнулъ смѣясь Лорисъ:—это съ такими-то роялистами, какъ я?

— Вы смѣетесь, а вы совсѣмъ не такъ далеки отъ истины,— отвѣтила весело Марсель. — Но я только говорю, что отецъ мой внушаетъ мнѣ глубокое къ себѣ восхищеніе, что я преклоняюсь передъ его ежеминутнымъ отрѣшеніемъ, его безпредѣльною пре-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

данностью... О, я убѣждена, что во всѣхъ моихъ взглядахъ на отца и дѣдушку я вполнѣ справедлива.

Затѣмъ, понизивъ голосъ, она прибавила:

— У него столько горя, такая печаль: онъ никогда не утѣшится... Дѣло въ томъ, что я очень напоминаю ему мою мать.

Она вздрогнула и провела рукой по глазамъ.

— Я вамъ разсказываю все это... я думаю, вамъ надоѣло меня слушать...

— Какъ можете вы это думать?—воскликнулъ Лорисъ:— мнѣ представляется, что вы моя сестра, и все, что близко вамъ, близко и мнѣ.

— Слова! Слова! По выходѣ отсюда, когда вы очутитесь около вашей хорошенькой, очень хорошенькой невѣсты, вы, конечно, скоро забудете о нашемъ братствѣ! И чего добраго, когда вернется вашъ король, — она такъ важно произнесла это монархическое слово,—вы, пожалуй, даже велите арестовать дѣдушку, отца и меня!

Лорисъ быстро всталъ.

— Это очень не любезно съ вашей стороны,—проговорилъ онъ,— и не знаю, гдѣ поводъ къ тому, чтобъ вы меня оскорбляли. Я ненавижу все, что даже издалека походитъ на преслѣдованіе, я бы скорѣе позволилъ себѣ отрубить вотъ эту руку, чѣмъ подписалъ бы четыре строчки, которыя лишили бы кого нибудь свободы. Вы считаете меня за очень дурнаго оттого, что я роялистъ? Разубѣдитесь въ этомъ, я тоже понимаю великодушіе и преданность и я такой же добрый, какъ Гракхъ Картамъ и Жанъ Шенъ.

— О, на счетъ этого...—замѣтила Марсель, качая головою.

— Вы сомнѣваетесь во мнѣ? Въ такомъ случаѣ я вамъ докажу это на дѣлѣ. Вопервыхъ, вы, кажется, сомнѣваетесь въ моей любви къ родинѣ. Развѣ я не уѣзжаю сегодня еще? Я офицеръ. Я исполню мой долгъ, и если меня убьютъ, я надѣюсь, что тогда m-lle Марсель Картамъ согласится не обвинять меня.

Какой удивительный переворотъ совершился въ душѣ Лориса, онъ гордился въ настоящую минуту тѣмъ, что наканунѣ еще казалось ему унизительнымъ для его достоинства. Говоря о будущихъ сраженіяхъ, онъ становился смѣлѣе, искренность такъ и просилась наружу изъ его облегченной души.

Онъ не пытался увлечь молодую дѣвушку своими рѣчами, онъ желалъ одного только страстно, честно, чтобы она простила ему его двусмысленное поведеніе этой ночи, желалъ только возстановить свое честное имя въ ея глазахъ.

— Значитъ, вы будете на Champ de Mai?

— Конечно,—отвѣтилъ онъ:—если только Фуше не вздумаетъ продержать меня до конца свѣта.

— Развѣ у васъ нѣтъ никого, кто бы похлопоталъ за васъ?

Онъ медлилъ отвѣтомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Конечно, есть... но дѣло въ томъ, что партія, къ которой я принадлежу, не пользуется вліяніемъ у этихъ людей...

Онъ закусилъ губы и остановился, онъ вспомнилъ, что втеченіе вечера имя Фуше было произнесено маркизою, и что между роялистами и цареубійцами было заключено нѣчто въ родѣ договора.

Онъ покраснѣлъ и поспѣшилъ прибавить:

— Но вы сами отчего же не освобождены до сихъ поръ?

— О, я покойна... Дѣдушка...

Она не успѣла докончить, какъ отворилась дверь. Въ комнату влетѣлъ маленькій, худенькій господинъ и направился прямо къ Лорису съ распростертыми объятіями.

— Дитя мое дорогое, скорѣе отсюда вонъ!

— Вы? любезный мсьё Блашъ!—воскликнулъ Лорисъ, бросаясь навстрѣчу своему бывшему воспитателю: — вы возвращаете мнѣ свободу, вы?

— Да, да... время дорого... Хочу скорѣе васъ видѣть въ вашей новой формѣ парадирующимъ передъ этимъ разбойникомъ, имѣющимъ претензію спасти Францію.

— Какъ вамъ удалось?..

— Васъ спасти?.. Я только-что отъ Фуше, отъ этого кровопійцы, который вѣчно преступенъ тѣмъ, что уменъ, какъ чортъ.

— Фуше? Это я обязанъ ему?!.

— Арестомъ... а затѣмъ освобожденіемъ... увы! да—ему!

Лорисъ услыхалъ, что за нимъ кто-то тихонько смѣялся, онъ оглянулся и увидѣлъ молодую дѣвушку, которая скромно притаилась въ сторонкѣ, но не проронила ни одного слова изъ разговора.

Аббатъ Блашъ вдругъ замѣтилъ ее, вздрогнулъ и, подойдя къ ней съ самымъ почтительнымъ видомъ, сказалъ:

— Простите меня, мадемуазель, ради Бога, я не имѣлъ чести васъ видѣть. Какъ! вы до сихъ поръ въ неволѣ вмѣстѣ съ моимъ негоднымъ воспитанникомъ. А я слышалъ, какъ было дано приказаніе васъ освободить.

— Кѣмъ было дано это приказаніе?

— Оно было дано у Фуше, но не имъ самимъ.

— Кѣмъ же?

— «Citoyen» Гракхомъ Картамомъ, и онъ отдавалъ его весьма громкимъ голосомъ, смѣю васъ увѣрить.

— Но, извините, мсьё, вы какъ будто знаете меня, а я между тѣмъ не помню васъ.

— Мой воспитатель, аббатъ Блашъ, — проговорилъ Лорисъ, представляя его.

Марсель старалась напрасно припомнить это имя.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вы меня не знаете, мадемуазель,—продолжалъ аббатъ,—но я знаю, кто вы, и это съ давнихъ поръ.

Въ эту минуту, точно по волѣ судьбы, чтобы прекратить этотъ разговоръ, въ дверяхъ показался полицейскій и сказалъ:

— Мадемуазель Марсель Картамъ—въ канцелярію!

Лорисъ взглянулъ на нее, ему казалось, что съ нею исчезаетъ прелестный сонъ. Этотъ часъ бесѣды былъ ему безконечно пріятенъ. Назвавъ ее сестрою, онъ былъ совершенно искрененъ; она представлялась ему честнымъ, хорошимъ товарищемъ, которому было бы такъ пріятно довѣрять самыя сокровенныя мысли, и въ ея глазахъ онъ прочелъ искреннюю, настоящую симпатію къ себѣ. Онъ протянулъ ей руку.

— Знаете что, мадемуазель Марсель, заключимте договоръ союза!

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтила она, кладя въ его руку свою, — настоящій союзъ, со всѣми жертвами... не нарушьте его, также какъ и я не нарушу его.

— Не сомнѣвайтесь больше во мнѣ, но неужели я васъ никогда не увижу?

— У меня есть предчувствіе, — сказала она, улыбаясь,— что я прощусь съ вами издалека, на Champ de Mai.

— Значитъ—до свиданія!

— До свиданія, и любите Францію!

Она поклонилась аббату, еще разъ кивнула головой Лорису и вышла.

— Что за прелестное существо!—воскликнулъ Лорисъ.

Аббатъ взялъ его подъ руку.

— Она не только прелестна, но очаровательна. Надѣюсь, мой воспитанникъ, вы не имѣете намѣренія оставаться здѣсь.

— Иду за вами тѣмъ болѣе, что до Champ de Mai я долженъ отправиться засвидѣтельствовать мое почтеніе m-me де-Люсьенъ.

— Маркиза де-Люсьенъ,—объявилъ съ важностью аббатъ:—покинула Парижъ сегодня утромъ.

— Она уѣхала?

— Государственное дѣло! Идемте, идемте.

И онъ потащилъ его за собой.

X.

Отель Фуше, герцога Отрантскаго, министра полиціи, помѣщался въ улицѣ du Bac № 34, немного не доходя до угла улицы de l'Université; онъ былъ построенъ двѣсти лѣтъ назадъ Вальбелемъ, однимъ изъ самыхъ отважныхъ героевъ французскаго флота.

Широкія ворота, украшенныя разными морскими атрибутами вели во дворъ, въ концѣ котораго было крыльцо съ восемью сту-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пенями, по которымъ подымались въ широкую переднюю въ родѣ Salle des Pas Perdus, въ которой въ этотъ день, 1 іюня 1815 года, съ шести часовъ утра толпилась масса всякаго народа.

Впрочемъ, эта часть улицы du Bac была всегда чрезвычайно оживлена. Отель нѣкогда бывшаго духовнымъ лицомъ былъ центромъ всякихъ вожделѣній и всякаго любопытства.

Фуше принималъ во всякое время.

Никогда еще добровольное шпіонство, вознаграждаемое не деньгами, а иною монетою подкупа, не процвѣтало въ такой степени съ большимъ безстыдствомъ, какъ въ періодъ первой имперіи. Доносы дѣлались съ самаго ранняго утра; Фуше зналъ это, и первые пріемные часы были для постыдныхъ Іудъ.

Въ особенности въ это время, когда судьбы Франціи зависѣли отъ каприза рока, Фуше былъ для всѣхъ честолюбивыхъ, для всѣхъ загнанныхъ оракуломъ, сфинксомъ, жрецомъ, къ которому обращались съ просьбами, съ мольбами, а подчасъ и съ проклятіемъ. Пронесся слухъ: Наполеонъ боится его. Тотъ, который хваталъ королей за горло, былъ сдержанъ съ этимъ пачкуномъ совѣсти, который допускалъ всякую безчестность, всякую подлость, всякое безстыдство, всякое предательство. Его боялись, значитъ; въ него вѣровали, и всѣ подлыя души стремились въ это подземное царство, подобно инымъ авантюристамъ, которые проникаютъ въ самыя мрачныя пещеры, въ надеждѣ найдти тамъ кладъ.

Вопреки обыкновенію, въ этотъ день, день важный, Фуше не было дома. Говорили, что онъ у императора.

Въ передней разговаривали группами. Разговаривали въ полголоса, какъ всегда, когда передаются какія нибудь сплетни разныхъ заговоровъ.

У наружной двери отвратительный съ виду швейцаръ, простодушный по приказанію, сортировалъ приходящихъ.

То появлялся старый щеголь, въ напудренномъ парикѣ, въ сюртукѣ à la française, въ шелковыхъ чулкахъ, припрыгивая на своихъ сухопарыхъ ногахъ; такой обыкновенно свысока оглядывалъ швейцара, громко называлъ свою важную фамилію и гордо проходилъ мимо. Затѣмъ шла очередь толстяка, широкоплечаго, со шляпою съ большими полями, съ сѣдыми лихо закрученными усами, котораго швейцаръ любезно привѣтствовалъ:

— Пожалуйте, пожалуйте, герцогъ скоро будетъ.

Были тутъ и люди ничѣмъ не замѣчательные съ виду, были и подозрительные съ виду, съ дерзкими, наглыми лицами, другіе какъ-то жались и осторожно крались, хотя мѣста было кругомъ достаточно.

Затѣмъ шли всевозможные типы буржуа, коммерсантовъ, поставщиковъ, тощихъ и жирныхъ, голодныхъ и сытыхъ, смотря потому, предстояли ли имъ дѣла, или они отошли для нихъ въ область прошлаго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Цѣлый особый міръ въ миніатюрѣ, не особенно привлекательный, отъ котораго разило интригой и спекуляціей, но который, перешагнувъ черезъ порогъ, точно распускался въ подкрѣпляющей атмосферѣ. Въ пріемной всѣ шептались, остерегаясь невидимыхъ ушей.

Говорили о Champ de Mai, объ этой торжественной церемоніи, къ которой Наполеонъ пригласилъ и армію, и народъ.

— Интересно знать,—спрашивалъ кто-то,—что изъ этого всего выйдетъ.

— Ничего особеннаго: обнародуютъ голоса, которые утвердили дополнительный актъ.

— Безъ сомнѣнія, не много соберутъ голосовъ.

— Будетъ раздача орловъ.

— Первый актъ большой трагедіи...

— Трагедіи славы, смѣю увѣрить. Франція вернетъ свое положеніе.

— Или своего короля.

— Интересно знать, появится ли Наполеонъ въ своемъ сѣромъ сюртучкѣ. Это произвело бы большой эффектъ на народъ.

— Господа, я говорю на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, такъ какъ я имѣлъ честь провести вчерашній вечеръ съ герцогомъ Отрантскимъ. Мы, представители высшаго французскаго общества, дали понять его превосходительству, что императоръ долженъ воздержаться отъ излишнихъ уступокъ всякому сброду.

— Этотъ сбродъ не сдастся безъ борьбы, будьте увѣрены,— прервалъ чей-то рѣзкій голосъ.

Это былъ чистокровный бонапартистъ, раздраженный болтовнею бывшаго эмигранта.

На это тотъ, стряхивая ногтемъ нѣсколько крошекъ табаку, которыя какъ-то затерялись на его отворотахъ, сказалъ:

— Я подразумѣвалъ подъ сбродомъ чернь; не слѣдуетъ власти якшаться съ ней; императоръ долженъ быть императоромъ, представителемъ извѣстныхъ принциповъ. Онъ долженъ это помнить, и потому на Champ de Mai онъ явится во всемъ величіи императорскаго облаченія.

Въ другомъ мѣстѣ говорили:

— Значитъ, война несомнѣнна?

— Неизбѣжна.

— Я въ большомъ волненіи. Говорили, что союзники соглашаются на парижскій трактатъ.

— Успокойтесь, они располагаютъ милліономъ людей и не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ.

— Однако, если онъ откажется отъ престола въ пользу сына?

— Сына? Откуда его взять? Императрица въ Вѣнѣ... а можетъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

быть, и въ другомъ мѣстѣ. Это извѣстно только Богу да г. Нейпергу.

Выстрѣлы сигнальной пушки съ отеля Инвалидовъ возвѣстили, что шесть часовъ, и прервали разомъ всѣ разговоры, точно невидимый императоръ произнесъ свое: Quos ego!

Всѣ вздрогнули, нѣкоторыхъ взяло опасеніе за то, не сказали ли они чего лишняго, тогда какъ бронзовыя пасти напомнили всѣмъ о началѣ вѣщаго кризиса... Тутъ былъ одновременно и вызовъ, и тревога, и угроза.

Въ эту минуту на порогѣ передней показался человѣкъ лѣтъ пятидесяти, немного выше средняго роста, длинный, сухопарый, слегка сгорбленный и, не смотря на кости, которыя виднѣлись черезъ его платье, чрезвычайно бодрый, сильный, съ блѣдно-желтымъ лицомъ, земляным, очевидно, желчь разлилась въ немъ или вслѣдствіе сдержаннаго гнѣва, или чрезмѣрной усталости. Это было нѣчто безцвѣтное, тусклое, матовое. Глаза большіе, очень голубые, глубокіе, глядѣли какъ-то странно, необъяснимо; мысль въ нихъ утопала, они не поддавались никакому испытанію. Пять-десять лѣтъ спустя былъ человѣкъ съ такими же точно безцвѣтными глазами: его звали Тропманнъ.

А этого звали Фуше, герцогомъ Отрантскимъ.

Эти глаза никогда не оживлялись, они не темнѣли, не блестѣли, они были неподвижны, точно изъ стекла. За ними, ничего не выражающими, все скрывалось.

Фуше видѣлъ своихъ посѣтителей, не глядя на нихъ.

Затянутый въ сѣрый сюртукъ болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ у его патрона, въ большой круглой шляпѣ, скорѣе беззаботный, чѣмъ грубый, съ опредѣленными манерами, свидѣтельствующими о сознаніи своей силы, всегда готовый къ сопротивленію, Фуше прошелъ мимо.

Нѣкоторые, болѣе близкіе, подходили къ нему, но онъ, точно никого не замѣчая, не останавливаясь шелъ дальше, затѣмъ скрылся въ дверь, которую за нимъ заперъ привратникъ.

— Господинъ герцогъ министръ сегодня утромъ не будетъ принимать,—объявилъ появившійся секретарь.

Поднялся всеобщій гулъ отчаянія. Кождый выражалъ свои особыя права на то, чтобы быть принятымъ, помимо выраженій всеобщаго неудовольствія. Но секретарь былъ неумолимъ: если угодно, сегодня вечеромъ послѣ Champ de Mai пріемъ будетъ въ 10 часовъ, до тѣхъ поръ ни въ какомъ случаѣ.

Въ эту минуту черезъ толпу пробирались трое мужчинъ; секретарь ждалъ ихъ. Одинъ изъ нихъ былъ агентъ, не представляющій изъ себя ничего особеннаго. Двое другихъ были Гракхъ Картамъ и Жанъ Шенъ.

Увидя ихъ, секретарь посторонился, открылъ имъ дверь и сказалъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Войдите.

— Ихъ пускаютъ, а насъ нѣтъ...

Картамъ на порогѣ двери оглянулся.

— Это что за свора?—спрашивалъ онъ грубо.—Вѣчный лай на псарнѣ.

И Картамъ исчезъ вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, поразивъ присутствующихъ своею выходкою.

Нетерпѣливые набрасывались на привратника, который, выведенный изъ себя, спросилъ ихъ:

— Отрубили вы голову королю? Нѣтъ? Такъ чего лѣзете!

Агентъ стушевался.

Фуше стоялъ въ своемъ кабинетѣ.

Онъ сдѣлалъ шагъ навстрѣчу Картаму, протягивая ему руку.

— Мнѣ не надо твоей руки, — проговорилъ ворчливымъ голосомъ старый членъ Конвента,—я не пришелъ къ тебѣ за милостію, отъ тебя она мнѣ не нужна. Сегодня ночью по твоему приказанію совершена одна лишняя подлость, ты долженъ ее поправить.

Совершенно спокойно, съ полуулыбкою на устахъ, Фуше взялъ со стола записку:

— Въ улицѣ Ерегоп, въ домѣ именемъ Gui тайное сборище. Старые якобинцы, возвращенные ссыльные, солдаты. Заговоръ объ умерщвленіи императора во время Champ de Mai.

— Ложь!—воскликнулъ Жанъ Шенъ.

— Не совсѣмъ, положимъ, — замѣтилъ Фуше.—Васъ поразило слово «умерщевленіе»,—развѣ Брутъ не герой? Не будемъ разглагольствовать. Итакъ, мой старый Картамъ, ты неисправимъ.

— Да, въ дѣяніяхъ чести, какъ ты въ позорныхъ.

Фуше окончательно разсмѣялся:

— Брось ты свои разглагольствованія. Тебя арестовали: вотъ въ чемъ вся суть дѣла.

— По твоему приказанію.

— Не совсѣмъ такъ; я въ настоящее время такъ занятъ, что не имѣю времени слѣдить за всѣмъ, но былъ сдѣланъ доносъ, въ силу котораго было сдѣлано и распоряженіе. Въ добрыя времена комитета общественнаго спасенія, тебя бы непремѣнно упекли на гильотину, мой милый. Ты сегодня просишь о возвращеніи тебѣ свободы, хотя твое участіе въ заговорѣ несомнѣнно доказано; тѣмъ не менѣе она, всетаки, тебѣ, вѣроятно, будетъ возвращена. За что же ты ругаешь меня? Логично ли это? Или ты обо мнѣ лучшаго мнѣнія, чѣмъ я есть?

— Я думаю и знаю одно, что ты лгунъ, предатель, подлецъ. Я совсѣмъ не прошу тебя объ освобожденіи меня изъ-подъ ареста, но твои сеиды захватили и арестовали одну молодую дѣвушку. И я пришелъ требовать, чтобы ты исправилъ этотъ низкій поступокъ. А затѣмъ можешь поступить съ нами, какъ знаешь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Фуше нагнулся надъ столомъ и сталъ разсматривать бумаги.

Онъ быстро обернулся къ Картаму.

— Говори толкомъ, чѣмъ эта дѣвушка тебѣ такъ интересна?

— Это моя внучка! — отвѣтилъ Картамъ.

— Ты обозвалъ меня лгуномъ... берегись. Жена твоя умерла десять лѣтъ назадъ, и никогда у тебя не было дѣтей...

— Я ея отецъ, — замѣтилъ Жанъ Шенъ, — а Картамъ вырастилъ ее.

— Вамъ я не скажу того, что сказалъ неукротимому Картаму... Скажу только, что мсьё Жанъ Шенъ никогда не былъ женатъ... по крайней мѣрѣ, подъ этимъ именемъ, а также не имѣется никакого документа, свидѣтельствующаго объ его отческомъ состояніи.

Жанъ Шенъ былъ пораженъ.

— Неужели же вы такъ и останетесь вѣчно дѣтьми,—воскликнулъ вставая Фуше. — Развѣ я васъ не знаю обоихъ, безумныхъ, жертвующихъ жизнью ради химеры... Ты, Картамъ, злился на имперію, ненавидѣлъ 18-е брюмера, ты ревѣлъ, проклиналъ... и что же дальше? Ты, не правда ли, свергнешь Наполеона?... Гдѣ ты былъ три мѣсяца назадъ, когда Людовикъ XVIII возсѣдалъ на тронѣ въ Тюльери?... Ты участвовалъ въ заговорѣ... Гдѣ твоя республика?... Что придумалъ ты противъ громоваго удара Фрежюсъ?

— Вы, Жанъ Шенъ, вы сто разъ дрались противъ союзниковъ, рисковали жизнью, чтобы помѣшать имъ вторгнуться! Развѣ вы задержали ихъ? Чего же вы хотите? Что можете вы сдѣлать? Не смотря на ваши проклятія и на ваше геройство, колесо не перестаетъ вертѣться... и вы воображаете, что какимъ-то однимъ магическимъ словомъ или человѣческою грудью вы остановите его... О, безумныя дѣти, трижды безумныя!

— Я требую освобожденія моей дочери!—воскликнулъ Картамъ.

— Да это уже сдѣлано!—замѣтилъ Фуше, пожимая плечами.— Если бы я сталъ дожидаться, когда ты кончишь декламировать, чтобы распорядиться объ освобожденіи ея изъ-подъ ареста, она успѣла бы тамъ умереть... вы тоже свободны. Мнѣ совершенно безразлично, гдѣ вы: въ тюрьмѣ ли, на свободѣ ли. Одинъ изъ моихъ служащихъ думалъ, что дѣло сдѣлалъ, а сдѣлалъ глупость. Якобинцы!... вы воображаете, что вы страшны, а вы только смѣшны... Развѣ Франція васъ знаетъ? Вы забыты, дорогіе мои, вы погребены, вы мертвецы...

— Мертвецы, которые воскреснутъ!—вскричалъ Картамъ.

— Не скоро, — отвѣтилъ Фуше все такъ же хладнокровно, — не скоро, тогда, когда насъ съ вами уже не будетъ... А пока нечего намъ носиться въ пространствѣ. Говорю вамъ, что я васъ знаю лучше васъ самихъ. Если ты, Картамъ, собирался убивать императора, то зачѣмъ ты просилъ Карно назначить тебя въ армію?

— Тебѣ и это извѣстно?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1892 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

А. Г. Къ вопросу о физическомъ воспитаніи дѣтей. Мысли и соображенія. Одесса. 1892 г. Ц. 20 к.

Агинъ, А. Сто рисунковъ къ поэмѣ Н. В. Гоголя „Мертвыя души". Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Аристофанъ. „Всадники". Комедія. Перевелъ Ан. Станкевичъ. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Арнольдъ, Юрій. Воспоминанія. Вып. I. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Багалѣй, Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Рецензіи на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи". Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

— Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Харьковъ. 1889 г. Ц. 40 к.

Барсовъ, К. А. Магометъ, его жизнь и ученіе. М. 1892 г. Ц. 20 к.

Барсовъ, Н., проф. Къ литературной исторіи Вольтера. Вольтеръ и „Римскія дѣянія". Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5-я. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія повѣсти. (Въ пользу голодающихъ). М. 1892 г. Ц. 1 р.

Бемъ, Е. Портретъ А. Г. Рубинштейна. Съ автографомъ. Ц. 1 р.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Лордъ Байронъ. — Гуттенбергъ. — Ч. Диккенсъ. — М. Ю. Лермонтовъ. — Н. И. Новиковъ. Съ портретами. Спб. Цѣна каждой книги 25 к.

Боголюбовъ, М., д-ръ. Новыя врачебныя средства, вошедшія въ медицину въ 1891 г. М. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Изд. 4-е, дополн. М. 1891 г. Ц. 15 к.

— Совѣты матерямъ (гигіено-діэтическіе). Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. 10 к.

* **Боровиковскій, А.** Законы гражданскіе (Сводъ законовъ, т. X, частъ 1-я). Съ объясненіями по рѣшеніямъ гражд. кассац. деп. Прав. Сената. Изд. 7-е, дополн. и исправленн. Спб. 1892 г. Ц. 6 р.

Бреаль, М., проф. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Перев. Н. Сперанскій. М. 1892 г. Ц. 75 к.

Брянцевъ, П. Д. Польскій мятежъ 1863 г. Вильна. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Брюль, Н. Л. Систематическій сборникъ дѣйствующихъ на русск. желѣзн. дор. узаконеній и распоряженій правительства. 3-й вып. дополненій къ 3-й части сборника по 1-е января 1892 г. Ц. 3 р.

Бушъ, Н. О самозарывающихся плодахъ нашей мѣстности. Казань. 1891 г. Ц. 50 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Марія Шотландская. Драма въ 5-ти д. Перев. П. Г. Ганзена. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

— Новобрачные. Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Ц. 25 к.

Вагнеръ, Р. Химическая технологія. Обработано Ф. Фишеромъ. Вып. 5-й. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Веденяпинъ, А. Курсъ отопленія и вентиляціи для Николаевской инженерной академіи. Спб. Цѣна за 2 тома съ атласомъ 7 р.

Вержбовскій, Ѳ. Н. Сельскохозяйственный винокуренный заводъ (проектъ) и условія винокуренія. Спб. Ц. 2 р.

Вернеръ, Е. Блуждающіе огни. Романъ. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Вильчинскій, О. Начало Руси по сказа-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ніямъ современниковъ и курганамъ. Спб. 1892 г. Ц. 80 к.

Владиміровъ, П. В. Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова. Кіевъ. 1892 г. Ц. 35 к.

Гамсунъ, К. Голодъ. Романъ. Перев. Вс. Чешихина. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Германъ, В. Проектъ вѣтряного двигателя съ зубчатой передачей. Спб. Ц. 60 к.

Градовскій, А., проф. Начало русскаго государственнаго права. Т. I. Изд. 2, исправл. и дополн. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Грассъ, Л. І. Страхованіе сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая. Казань. 1892 г. Ц. 5 р.

Данилевскій, А., проф. Пища и характеръ. 1891 г. Ц. 60 к.

Джаншіевъ, Гр. Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. (Въ пользу голодающихъ). М. 1892 г. Ц. 1 р.

Дерябинъ. Повѣсть изъ жизни подрядчиковъ въ періодъ постройки желѣзныхъ дорогъ концессіоннымъ способомъ. Кіевъ. 1891 г. Ц. 60 к.

Друммондъ, Г. Самое великое въ мірѣ; миръ съ вами; какъ преобразовать нашу жизнь. Три рѣчи. Перев. съ англійскаго. М. 1892 г. Ц. 80 к.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1890—1891 гг. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Еремѣевъ, М. Проектъ деревянной двусрубной церкви. Спб. Ц. 60 к.

Жуковскій, В. П., д-ръ. Острая пузырьная сыпь новорожденныхъ. Спб. Ц. 25 к.

Зарубинъ, И. Альманахъ-путеводитель по С.-Петербургу. Съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Знаменскій, П. Исторія Казанской духовной академіи за первый періодъ ея существованія (1842—1870 гг.). Казань. 1891 г. Ц. 2 р.

Илинскій, П. О сохраненіи силы и здоровья. Питье и крѣпкіе напитки Изд. 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

— Одежда и чистоплотность. Изд. 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

Карповъ, И. И. Руководство къ изученію практической фотографіи. Изд. 4-е, переработ. и дополнен. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Кизенковъ, С. Объ орошеніи полей снѣговой водой. Съ рисунк. Спб 1892 г. Ц. 40 к.

* **Корнель.** Сидъ, трагедія въ 5 актахъ. Переводъ съ французскаго въ стихахъ В. С. Лихачева („Дешевая Библіотека“). Спб. Ц. 12 к.

Котельниковъ, В. Г. О воздѣлываніи хлѣбовъ: ржи, пшеницы, полбы, ячменя, овса, проса, могара, росички, сорго и кукурузы. Изд. 4-е, исправлен. и дополн. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Котовщиковъ, Н. И., проф. Таблицы важнѣйшихъ признаковъ, характеризующихъ внутреннія болѣзни. Издан. 3-е. Казань. 1892 г. Ц. 75 к.

* **Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Т. I. Съ портретомъ автора. Спб. 1892 г. Ц. по подпискѣ за 5 томовъ 12 р.

Кулешовъ, П., проф. Коневодство. Съ рисунками. М. 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

Лаврецкій, М. Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта. Дерптъ 1892 г. Ц. 35 к.

Лекціи въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая: О драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“. И. Н. Жданова.— „Колебаніе климата“. Барона Ф. Ф. Врангеля. — „Неурожай и голодъ“. А. А. Исаева.—„Общественное значеніе права“. Н. М. Коркунова. Спб. 1892 г. Цѣна каждой 30 к.

Лизандеръ-Фонъ, Д. Передъ закатомъ. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Льдовъ, К. Н. Лицедѣи. Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Май, Оскаръ. Производство электрическаго освѣщенія. Кіевъ. 1892 г. Ц. 30 к.

Майковъ, Валеріанъ, Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ. Къ исторіи литературныхъ вліяній. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Максимовъ, В.. и Сивковъ, П. Ракъ и его ловля. Спб. 1891 т. Ц. 50 к.

* **Марлинскій, А.** (А. А. Бестужевъ). Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга.— Замокъ Эйзенъ.—Шахъ Гуссейнъ. Изд. 3-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Масперо, М. Древняя исторія. Египетъ. Ассирія. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Медвѣдевъ, Ѳ. Календарь флоры. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

— Химія безъ лабораторіи. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Вып. III. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Михайловскій, В. М. Шаманство. Сравнительно-этнографич. очерки. (Извѣст. Импер. Общ. любит. естествозн., антропол. и этнограф. Т. LXXV. Труды этногр.. отд., т. XII). М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Модричъ, І. Н. Черная гора. Соколиное знѣздо. Петроградъ. 1892 г. Ц. 50 к.

Муравьевъ, І. В. Дополненіе къ „Руководству для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники“. М. 1891 г. Ц. 50 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изд. 11-е. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Назарьева, К. В. Порывъ. Очерки и эскизы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Издан. А. Гарбель и К°. Вып. 40-й и 41-й. М. 1892 г. Ц. вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Н. Д. Іерархія Всероссійской церкви, отъ начала христіанства въ Россіи и до настоящаго времени. М. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Невѣжинъ, П. М. Изъ жизни мелкихъ людей. Юмористическіе очерки. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Нерингъ, І. Проектъ кольцеобразной кирпичеобжигательной печи системы Гофмана. Спб. Ц. 1 р.

Нетыкса, М. А. Сборникъ исполнительныхъ рисунковъ токарныхъ работъ. М. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Носенко, Д. А. Производство судебно-межевыхъ дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

* **Одоевскій, В. Ѳ.**, кн. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея. Издан. 2-е. („Дешевая Библіотека“). Спб. Ц. 15 к.

Отношенія Израиля къ остальнымъ народамъ по Моисееву закону. (Изданіе въ пользу нуждающихся въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ). Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Паукеръ, Г. Е. Строительная механика. Курсъ Николаевской инженерной академіи. Подъ редакціей Н. Л. Кирпичева. Спб. 1891 г. Ц. 5 р., въ перепл. 5 р. 50 к.

Постниковъ, А. П. Основанія электротехники. Ч. І. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Преображенскій, В., свящ. Раздѣленіе церкви на двѣ половины—Восточную и Западную. М. 1891 г. Ц. 40 к.

— Фотій, патріархъ константинопольскій. Тысячелѣтіе со дня кончины его. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Борьба за иконопочитаніе въ Византійской имперіи. М. 1890 г. Ц. 30 к.

* **Пыляевъ, М. И.** Старая Москва. На веленев. бумагѣ. Спб. Ц. 15 р.

Раевскій, М. Н. Неурожай 1891 г. въ связи съ общей характеристикой нашей хлѣбной производительности, а также вывоза хлѣбовъ за границу за предъидущіе годы. Спб. Ц. 30 к.

Рачинскій, С. А. Сельская школа. Сборникъ статей. Съ предисловіемъ Н. Горбова. Издан. 2-е. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рошковскій, Л. П. Судебные уставы императора Александра II, съ комментаріями и разъясненіями. Уставъ гражданскаго судопроизводства. Издан. 3-е, переработанн. и дополн. Казань. 1892 г. Ц. 5 р.

Рудаковъ, В. Е. Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ профес. Спб. университета И. Е. Андреевскаго. Спб. 1892 г. Ц. 45 к.

Русская военная сила. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени. Съ рисунками, картами и планами. Издан. 2-е, исправл. и дополн. подъ редакц. А. Н. Петрова. М. 1892 г. Ц. за 2 т. 6 р.

* **Саліасъ**, графъ. Графъ Тятинъ-Балтійскій. Историч. повѣсть. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Салтыковъ, М. Е. Сказки. — Пестрыя письма.—Недоконченныя бесѣды. (Полное собраніе сочиненій, т. VI). Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Сборникъ узаконеній и распоряженій о пенсіяхъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Сенека, Л. Анней. Сатира на смерть императора Клавдія. Съ латинск. перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчан. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Серебрениковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Симоновъ, Л., д-ръ. Паяніе и покрытіе однихъ металловъ другими, съ особыми отдѣлами гальваническаго покрытія и металлохроміи. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Слабошевичъ, Б. Проектъ мукомольной мельницы о 2-хъ поставахъ и сукновалки съ деревянною турбиною въ 18 силъ. Спб. Ц. 2 р.

Случевскій, К. Профессоръ безсмертія. Разсказъ. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Случевскій, В. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судопроизводство. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Снегиревъ, В. А., проф. Религіозная идея. (Психологическій очеркъ). Харьковъ. Ц. 20 к.

Соболевскій, А. И., проф. Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Соловьевъ, Вс. С. Великій Розенкрейцеръ. Романъ XVIII вѣка. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

— Новые разсказы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика. Переводъ съ латинскаго. М. 1892 г. Ц. 2 р.

Сталинскій, Е. С. Бродячія идеи и графъ Толстой. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Столыпинъ, Д. Краткое изслѣдованіе о принципѣ равенства, какъ основѣ общины. Міровой законъ равновѣсія и гар-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

моніи въ природѣ и общественныхъ явленіяхъ. Къ вопросу о высшемъ преподаваніи. М. 1892 г. Ц. 10 к.

Стоюнинъ, В. Я. Педагогическія сочиненія. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Стояновъ, А. Н., проф. Изъ исторіи университетовъ западной Европы. (Историко-культурный очеркъ). Харьковъ. 1891 г. Ц. 30 к.

Сундквистъ, О., и **Лазарева. М.** Учебникъ практической и научной методы кройки. М. 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.

Тимановскій, А. Сборникъ толкованій русскихъ юристовъ къ судебнымъ уставамъ императора Адександра II. Изданіе 2-е. Варшава. 1892 г. Ц. 3 р.

Т—нъ, Н. Картонная модель печи-калорифера Собольщикова. Спб. Ц. 60 к.

Толстой, Левъ. О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Трахтенбергъ, Г. И. Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассац. и общ. собран. кассац. департ. Правит. Сената 1878 — 1891 Издан. 5-е, дополненн. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Троицкій, Н. Собиратель грибовъ. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Успенскій, Е. И., д-ръ. Введеніе къ патологіи неврозовъ. Спб. 1892 г. Ц. р. 50 к.

Феноменальные люди (по Гюйо-Добэ). Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Фурдуевъ, В. П. Бактеріологія и агрономія. Харьковъ. 1891 г. Ц. 50 к.

Фушэ, Поль. Права любви. Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Хлуденевъ, инж. Проектъ духовой зерносушилки. Спб. Ц. 60 к.

Червинскій, Ф. Стихи. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Черкаевъ, К. Проектъ постоянной зерносушилки съ вентиляторомъ. Спб. Ц. 60 к.

* **Чеховъ, Антонъ.** Дуэль. Повѣсть. Изданіе 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

* — Каштанка. Разсказъ. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Шишмаревъ, Д. И. Краткій очеркъ промышленности въ раіонѣ Нижегородской и Шуйско-Ивановской ж. д. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Шредеръ, Р. И. Живыя изгороди и лѣсныя опушки. Съ введеніемъ И. А. Стебута. Издан. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1892 г. Ц. 90 к.

Штиглицъ, А. Изслѣдованіе о началахъ: политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. Ч. III, отд. 2-й. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Эвальдъ, В. В. Строительные матеріалы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эрберъ, С. Путешествіе Коли къ индѣйскому султану Вей-Али-Лотосу. Фантастическо-юмористическая сказка въ стихахъ. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе Этногр. отд. Им. Общ. люб., естеств. антропол. и этногр. № 4. М. 1891 г Ц. 1 р. 50 к.

Яворскій, А. В. Сказки попугая (Передѣлка съ персидскаго). Съ рисунками. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ященко, Г. А. Растенія для жилыхъ комнатъ и уходъ за ними. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ продаются слѣдующія книги:

1. Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

2. Русскія Достопамятности. Часть 1-я, 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; ч. 2-я (Русская Правда), 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ), 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

4. Списокъ печатнымъ книгамъ, рукописямъ, медалямъ, монетамъ и вещамъ различнымъ, принадлежащимъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящему при Импер. Москов. Университетѣ (стр. 51+16+96). М. 1827 г., ц. 1 р.

5. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кеппена, переводъ съ нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., пер. за 2 ф.

6. Объ имени и положеніи г. Винеты, иначе Юмина, Юлина, Юмсбурга. П. І. Шафарика, пер. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 20 к.

7. Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ нѣмецк. П Артемова. Съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

8. Супрасльская рукопись, содержащая новгородскую и кіевскую сокращенныя лѣтописи. М. 1836 г., ц. 3 р., перес. за 3 ф.

9. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

10. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

11. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1837 г. Т. І, кн. 1. (1-е и 2-е изд.); т. І, кн. 3; т. ІІ, книги 1—3. Ц. 6 р., перес. за 10 фунт.

12. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Томъ ІІ. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

13. Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія. Два тома, изданные кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р. за томъ, перес. за 6 ф.

14. Повѣствованіе о Россіи въ 2-хъ томахъ. Н. Арцыбашева. М. 1838—1843 г., Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

15. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

16. Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Сост. П. М. Строевымъ. Со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

17. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ф.

18. Книга Большой Чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книгамъ Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

19. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельмана. Съ 19 рисунками. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

20. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянск. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣевскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г., ц. 50 к., перес. за 1 ф.

21. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суровецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

22. Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кулѣша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

23. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана. Съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

24. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

25. Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

26. Краткое описаніе о казацкомъ Малороссійск. народѣ и о военныхъ его дѣлахъ. Соч. Петра Симоновскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

27. Переписка и другія бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филипа Орлика и кіевскаго воеводы Іосифа Потоцкаго на латинск. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

28. Описаніе славянскихъ рукописей Московской Патріаршей Библіотеки. Раздѣлы I—III. Свящ. Писаніе, толкованія его и каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г., ц. 50 к.

29. Древнія святыни Ростова Великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

30. Описаніе города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 коп., перес. за 1 ф.

31. Паралипоменъ Зонаринъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

32. Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. I. Шаумъ. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

33. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 50 к., перес. за 1 ф.

34. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣна, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

35. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной Палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ. М. 1848 г., ц. 10 к., пер. за 1 ф.

36. Граматично исказанэ об Руском эзику. Соч. попа Юрка Крижанищя. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 1 р. 25 к., перес. за 3 ф.

37. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

38. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника. Буквы А—Н; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 р.

39. Біографія А. В. Суворова, имъ самимъ писанная въ 1786 г. Сообщ. Дм. П. Голохвастовъ. М. 1847 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

40. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ. Соч. И. Бѣляева. М. 1851 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

41. Исторія славянск. законодательствъ. Соч. Вячеслава-Александра Мацѣевскаго, изд. 2-е, т. I (стр. I—IV+1—90). Переводъ съ польскаго. М. 1858 г., ц. 1 р.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

42. Алексѣй Однорогъ. Историч. романъ. Спб. 1853 г., ц. 1 р. съ пересылкою.

43. а) Лѣтопись византійца Θеофана. Въ переводѣ (1849 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV+1—47). Ц. 30 коп. б) Тоже, въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—70). Ц. 2 р.

44. Mémorial poétique sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par Lui-Même. Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

45. О времени происхожденія славянск. письменъ. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

46. Діаріушъ, или журналъ, т. е. повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго окказій и церемоній, акожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ. Хоружаго Ник. Дан, Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

47. Лѣтопись и описаніе г. Кіева. Сост. Н. Закревскій. Съ 4 литогр. рисунками. М. 1858 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

48. Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря. Съ литограф. видомъ онаго. Соч. архим. Макарія. М. 1858 г., ц. 50 к., пер. за 1 ф.

49. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма, перев. съ нѣмец. А. Шемякяна. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмецк. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г., ц. за обѣ части 3 руб., перес. на 6 фун.

50. Источники малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1858 г. Ч. II. М. 1859 г., ц. по 2 р. за томъ: за оба 3 руб., перес. за 3 ф.

51. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. Н. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

52 и 53. а) Деньги и пулы древней Руси великокняжескія и удѣльныя. Д. Сонцова. М. 1860 г. (стр. I—X+11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ пуль и денегъ). Ц. 2 р., перес. за 2 ф. и б)—Прибавленіе 2-е (стр. I—IV+5—82+2 таблицы (№ 13 и 14). М. 1862 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.,

54. Переписка между Россіею и Польшею по 1700-й годъ, составленная подипломатич. бумагамъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. Ч. I. 1487—1584 г. М. 1860 г.—Ч. II. 1584—1612 г. М. 1861 г.—Ч. III. 1612—1645 г. М. 1862 г. Ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп., перес. за 4 ф.

55. Путешествія венеціанца Марко Поло въ XIII в. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1863 г., ц. 2 руб., перес. за 4 ф.

56. Конст. Θедор. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. Θ. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

57. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г. ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

58. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Вл. Милютина. М. 1862 г., ц. 3 рубл., перес. за 4 ф.

59. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

60. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Сообщ. Илар. А. Чистовичемъ. М. 1863 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

61. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р,, перес. за 2 ф.

62. Сборникъ церковно-историч. и статистич. свѣдѣній о Рязанской епархіи. Сообщ. архим. Макарій. М. 1863 г., ц. 2 р., пер. за 3 ф.

64. Журналъ генералъ-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

65. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. тульскаго рязанскаго и калужскаго генералъ-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышова и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1863 г. Цѣна 1 рубль.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

66. Очерки изъ исторіи Россійской церковной іерархіи. Г. Ѳ. Карпова. М. 1864 г., ц. 1 руб., перес. за 2 ф.

67. Жизнеописанія древнихъ и средневѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. Н. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3 руб., перес. за 4 ф.

68. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. р. съ перес.

69. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ, ч. I—IV. Ц. 10 р. съ пересылкою.

70. Путешествіе мое въ Имеретію съ линіи Кавказской, мое тамъ у царя пребываніе, съ нимъ сношеніе и обратное оттуда путешествіе въ Грузію. Соч. Алек. Егор. Соколова. Сообщилъ Н. П. Ермоловъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1873 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

71. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи, пословъ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латинск. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

72. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе Русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыркевича. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

73. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію І. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 рубль, перес. за 2 ф.

74. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. О. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп., перес. за 2 ф.

75. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 р., перес. за 1 ф.

76. Реестры всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ Польскимъ Яномъ Казимиромъ, составленные 1649 г. октября 16-го дня и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

77. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 к., перес. за 1 ф.

78. О посольствѣ въ Китай графа Головкина. В. Н. Баснина. М. 1876 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

79. Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна, посла импер. Максимиліана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурлина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1876 г., цѣна 25 коп., перес. за 1 ф.

80. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Даніила принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

81. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна, ексарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

82. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, ексархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г., ц. 3 р.

83. Житіе препод. отца нашего Ѳеодосія, игум. Печерскаго. Списаніе Нестора. По харатейн. списку московск. Успенск. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп., перес. за 1 ф.

84. Библіографич. матеріалы, собранные Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. Повѣсть о разореніи Московск. государства. М. 1881 г. Ц. 50 коп.

85. Посланія священно-архим. Фотія къ духовной дщери его, дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова М. 1881 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

86. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій, епископъ архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

87. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г., ц. 4 р. съ перес.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

88. Изъ бумагъ митрополита московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

89. Домострой по списку Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

90. Копіи съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

91. Портретъ кіевскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

92. Сазаво-Емаускоe Святое Благовѣствованіе, нынѣ же Ремьское, на немъ же прежде присягаша при вѣнчальномъ миропомазаніи цари Францустіи. Съ прибавленіемъ съ боку того же чтенія Латиньскыми буквами и сличеніемъ Остромирова Евангелія и Острожскихъ чтеній. Трудомъ и иждивеніемъ Вячеслава Ганки. Въ Чешской Празѣ. 1846. Цѣна 3 р. сер., перес. за 2 ф.

93. О русскомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ чешской королевы Кунгуты, и родѣ его. Фр. Палацкаго, пер. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 10 к.

94. Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. В. Ундольскаго. М. 1846 г., ц. 1 р.

95. Окружные жители Балтійскаго моря, т. е. леты и славяне. Юрія Н. Венелина. М. 1846 г., ц. 50 к.

96. О древнеславянскихъ Кирилловскихъ типографіяхъ въ южно-славянскихъ земляхъ въ XV—XVII вв. П. Шафарика, пер. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 25 к.

97. Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. Филарета, еп. рижскаго. М. 1846 г., ц. 15 к.

98. Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ. С. Соловьева. М. 1846 г., ц. 1 р.

99. Записки Георгія Конисскаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI в. не было никакой уніи съ Римскою церковію. М. 1847 г., ц. 15 к.

100. О бунтѣ города Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Янковскаго. М. 1847 г., ц. 10 к.

101. Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго и войнѣ съ татарами, шведами и уграми въ царствованіе Владислава и Казиміра, въ продолженіе 12 лѣтъ, начиная съ 1647 г. Переводъ съ польскаго. М. 1847 г., ц. 50 к.

102. Сказаніе и повѣсть еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, и о похожденіи его. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 30 к.

103. Богослуженіе русской церкви до-монгольскаго времени. Филарета, еп. Рижскаго. М. 1847 г., ц. 50 к.

104. Изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ и описаніе древнѣйшаго харатейнаго списка онаго. А. Кубарева. М. 1847 г., ц. 40 к.

105. О достопамятностяхъ Чернигова. М. Д. Маркова. М. 1847 г., ц. 20 к.

106. О словѣ бояринъ. Ю. Венелина. М. 1847 г., ц. 20 к.

107. Очеркъ жизни и дѣяній гр. Ал. Вас. Суворова-Рымникскаго. Изд. П. В. Голубкова. М. 1848 г., ц. 20 к.

108. Очеркъ жизни константин. патр. Фотія. А. Зернина. М. 1858 г., ц. 30 к.

109. Правая грамота ц. Алексѣя Троицкому Сергіеву монастырю на владѣніе деревнею Ильинкою. Сообщ. С. Смирновъ. М. 1858 г., ц. 10 к.

110. Объ областяхъ Римской имперіи. Константина Багрянороднаго. Пер. съ греческаго. М. 1858 г., ц. 20 к.

111. Допросы Емельяну Пугачову (стр. 1—52) и письмо о немъ императрицы Екатерины II къ графу П. И. Панину (стр. 53—58). М. 1858 г., ц. 30 к.

112. Наставленіе выборному отъ Малороссійск. коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Дм. Наталину и возраженіе депутата Гр. Политики на оное наставленіе. М. 1858 г., ц. 20 к.

113. Записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ секретныхъ свѣдѣній Сенатскаго архива). Мнѣніе Мордвинова о способахъ, коими Россіи удобнѣе можно привязать къ себѣ постепенно кавказскихъ жителей. Письмо его же къ графу Аракчееву по дѣлу о контрактахъ на поставку сухопутнаго провіанта Перетцомъ и Злобинымъ. Мнѣніе адмирала Чичагова о продовольствіи столицы. Выписка изъ проекта Аверина о винномъ откупѣ. М. 1858 г., ц. 20 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

114. Крестьянскія челобитныя. Письма помѣщиковъ. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Вл. Борисовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

115. Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Челобитная вологод. архіеп. Маркелла царю Алексѣю о мурѣ св. Николая чудотворца, хранившемся съ 1658 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Сообщ. Н. Суворовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

116. Мнѣніе министра юстиціи Трощинскаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г., ц. 10 к.

117. Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, графа А. Р. Воронцова, импер. Александру I представленныя. Сообщ. А. И. Казначеевъ. Объясненіе—смѣшалъ ли? (о расколоучителѣ діаконѣ Ѳедорѣ) О. М. Бодянскаго. М. 1859 г., ц. 10 к.

118. Мнѣнія адмирала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государств. казначействомъ; по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя полотна по Черноморскому флоту; о неудобствахъ, могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кои дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ казенное взысканіе; и по дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. М. 1859 г., ц. 15 к.

119. Замѣчаніе графа Ѳ. В. Ростопчина на книгу г. Стройновскаго. М. 1860 г., ц. 10.

120. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ. М. 1860 г., ц. 10 к.

121. Послѣдній день жизни импер. Екатерины II и первый день царствованія импер. Павла I. Графа Ѳ. Ростопчина. М. 1860 г., ц. 10 к.

122. Письма русскихъ государей, вел. князей и др. особъ къ новгородскимъ архіереямъ, хранящіяся въ Новгородск. Софійск. соборѣ. Сообщ. архим. Макарій. М. 1860 г., ц. 15 к.

123. Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухаріей, писанныя въ 1730 г. Пьеромъ Куки. М. 1861 г., ц. 10 к.

124. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Н. Лавровскаго. М. 1861 г., ц. 1 р.

125. Каталогъ славянороссійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. проф. Баузе. В. Каразина. М. 1862 г., ц. 30 к.

126. Разсужденіе о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузіи, Имеретіи и Одиши со всѣми прилежащими народами. М. 1862 г., ц. 10 к.

127. Книга пожиткамъ б. черниговск. полковника Павла Полуботка и дѣтей Андрея и Якова Полуботковъ, составл. по указу 1724 г. Мих. Раевскимъ и Львовымъ. Акты, до маетностей Полуботковъ относящіеся. М. 1862 г., ц. 50 к.

128. Проекты объ уничтоженіи грекороссійскаго вѣроисповѣданія въ оттор-женныхъ Польшей отъ Россіи областяхъ. М. 1862 г., ц. 20 к.

129. Матеріалы о Гавріилѣ Романовичѣ Державинѣ. М. 1863 г., ц. 30 к.

130. Надписи на письмахъ, въ старину въ Русскомъ государствѣ употреблявшіяся. М. 1864 г., ц. 10 к.

131. Доношеніе попечителя Казанскаго округа на издателя «Библіографич. Листка» г. министру нар. просвѣщенія. М. 1864 г., ц. 10 к.

132. Письма къ государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ Мавры Шепелевой. М. 1864 г., ц. 10 к.

133. Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императр. Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Сем. Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисл. А. Кудрявцева. М. 1878 г., ц. 50 к.

134. Куранты или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

135. Челобитье лѣкаря Ролонта боярину Б. И. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославлѣ, написаніи имени Траханіотова съ *вичомъ*. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

136. Послѣдніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукаго въ Соловецкомъ монастырѣ. Послѣдніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій, еписк. архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

137. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій юрьевскаго архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской библіотекѣ. М. Лилеева. М. 1880 г., ц. 20 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

138. Записка объ Архангельскомъ каѳедральн. соборѣ. Записка объ Онежскомъ крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій, еп. архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

139. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Розыскъ о Моисеѣ Чуринѣ и о волшебныхъ его письмахъ, производившійся въ Архангельскѣ и Холмогорахъ въ 1724 г. Сообщ. Н. А. Поповъ. М. 1880 г., ц. 20 к.

140. Изложеніе хода миссіонерск. дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г., ц. 1 р.

141. Замѣтка объ одной старопечатной книгѣ (книги о Вѣрѣ). Архим. Леонида. М. 1880 г., ц. 10 к.

142. Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 коп., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 фунта.

143. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (1846), 4 книги; годъ 2-й (1846 — 1847). 10 книгъ; годъ 3-й (1847 — 1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848 — 1849), 1 книга; по 2 р. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію. Съ 1887 г. каждая книга «Чтеній» продается отдѣльно по слѣд. цѣнѣ: за 1887 г. кн. 1, 2, 3 и 4 по 3 рубля за книгу. Остальныя книги по 2 рубля за книгу.

144. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повременн. изданіяхъ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Универс. (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣлинымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I. Списокъ трудовъ. М. 1884 г. Отд. II. Указатель трудовъ. М. 1889 г. Ц. за обѣ книжки 1 рубль.

145. Алфавитный указатель къ періодич. изданіямъ того же Общества 1815—1862 г. Сост. А. Гриневичъ. М. 1862 г., ц. 50 коп. съ перес.

145. Указатель ко всѣмъ періодич. изданіямъ того же Общества за 68 лѣтъ 1815—1883 г. Сост. Сергѣй Бѣлокуровъ. М. 1883 г., ц. 1 р. 25 к.

147. Указатель къ Чтеніямъ въ томъ же Обществѣ за 1882—1887 г. Сост. онъ же. М. 1888 г., ц. 50 к.

148. Протоколы засѣданій Общества:
1) за 1878—1880 г. (стр. 1—32). Ц. 20 к.
2) за 1881—1883 г. (стр. 1—64). Ц. 35 к.
3) за 1886 г. (стр. 1—17). Ц. 10 к.
4) за 1887 г. (стр. 1—23). Ц. 15 к.

149. Собраніе сочиненій Юрія Крижанича.

Вып. I-й: а) 1654 г. I. Pûtno opisanie ot Lewôwa do Môskwi. II. Besída ko Crircásom wo osobi Czircása upisana. III. Usmotrenie o Carskom Weliczestwu. (Съ одной фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина, и б) 1661 г. Објасньење виводно о письмѣ Словѣнскомъ (съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ В. И. Колосова. М. 1891 г. Ц. 50 коп.

Вып. II-й. 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г. Ц. 75 коп.

Лицъ, желающихъ пріобрѣсти озваченныя книги, или подписаться на «Чтенія» Общества (7 рублей въ годъ для Москвы и 8 р. 50 коп. съ пересылкой въ другіе города), просятъ присылать свои требованіи или въ Общество (Москва, Моховая, зд. Университета), или къ Казначею Общества Сергѣю Алексѣевичу Бѣлокурову (Садовники, у Москворѣцкаго моста, д. церкви св. Георгія) или въ книжные магазины И. И. Глазунова и Карбасникова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

НОВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“

БРЭМА.

Съ хромолитографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ политипажей въ текстѣ. Подъ редакціею **К. К. СЕНТЪ-ИЛЕРА.**

Изданный много лѣтъ тому назадъ переводъ этого сочиненія имѣлъ столь блестящій успѣхъ, что въ настоящее время сталъ библіографическою рѣдкостью. Пользуясь тѣмъ, что нынѣ появляется въ Германіи вновь переработанное изданіе, профессоромъ Пехель-Лёше при содѣйствіи доктора Гааке, имѣющее притомъ, кромѣ множества политипажей, и прекрасныя хромолитографіи, **ТОВАРИЩЕСТВО „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ и К°**, благодаря благосклонному содѣйствію извѣстнаго нашего педагога-зоолога **К. К. СЕНТЪ-ИЛЕРА,** принявшему на себя редактированіе перевода, — приступаетъ къ изданію этого замѣчательнаго сочиненія, которое будетъ выходить постепенно **выпусками.**

Нынѣ открывается подписка на **первый** томъ, состоящій изъ **девяти** выпусковъ въ **700** страницъ четкаго убористаго текста, большаго формата, на хорошей бумагѣ, съ множествомъ **хромолитографій** и **политипажами** большаго формата въ текстѣ.

Для большаго удобства подписчиковъ, съ цѣлью облегчить возможность каждому пріобрѣсти это капитальное сочиненіе, не затрачивая разомъ значительной суммы, издатели предлагаютъ подписчикамъ на ***первый*** *томъ слѣдующія льготныя условія:*

1) Нынѣ, при подпискѣ вносится **1** рубль.
2) При высылкѣ иногороднымъ 1. 2, 3 и 4 выпусковъ на каждый изъ выпусковъ будетъ наложенъ платежъ по **75** к.
3) При выходѣ слѣдующихъ **четырехъ** выпусковъ налагается платежъ по **50** к. на выпускъ, а послѣдній **девятый** выпускъ будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО.**

Облегчая такимъ образомъ пріобрѣтеніе капитальнаго сочиненія, издатели даютъ возможность каждому уже по **первому выпуску** судить какъ о характерѣ предпринятаго труда, такъ и о томъ видѣ, въ которомъ появится **русскій переводъ.**

Лица, желающія подписаться на полученіе полнаго тома по выходѣ его, высылаютъ нынѣ же ***5*** *р.,* ***съ пересылкою 5 р. 50 к.*** *Въ продажѣ будетъ стоить* ***6*** *р., съ пересылкою* ***6 р. 50*** *к.*

На тѣхъ же условіяхъ будетъ открыта подписка и на **второй томъ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ въ Товариществѣ **„Общественная Польза“,** Большая Подъяческая, 39, и въ **Москвѣ** въ магазинѣ картографическаго заведенія **А. Ильина,** Петровскія линіи, № 17.

Выписывающіе прямо изъ склада Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, д. 39, за пересылку не платятъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стр.
XVI. Заграничныя историческія новости 849
XVII. Изъ прошлаго 858
Анекдотъ о князѣ А. М. Горчаковѣ. Сообщилъ **М. С. Робушъ.**
XVIII. Смѣсь 860
1) Собраніе древностей профессора Самоквасова.—2) Библіотека Ивана Грознаго.—3) Находка въ Деритской библіотекѣ.—4) Замокъ королевы Боны.—5) Лекція А. Ф. Кони о докторѣ Гаазѣ.—6) Лекція по исторіи химіи.—7) Общество любителей древней письменности.—8) Археологическое общество.—9) Касса взаимопомощи.—10) Отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки за 1890—1891 библіотечный годъ.—11) Некрологи: Н. Ѳ. Самаринъ; В. М. Карловичъ; Н. Я. Макаровъ; Е. Ѳ. Кони.
XIX. Замѣтки и поправки 867
1) Портретъ Глинки, дѣланный въ Парижѣ. **В. В. Стасова.**—2) Неизвѣстный до сихъ поръ гравированный портретъ царевны Софіи Алексѣевны. **А. Пальчикова.**
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **М. И. Глинки.**—2) Роялистская заговорщица. (Reine). Историческій романъ **Жюля Лермина.** Переводъ съ французскаго. VIII—X. (Продолженіе).—3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.—4) Объявленія.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
новое роскошно иллюстрированное изданіе Ѳ. И. Булгакова
АЛЬБОМЪ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
КАРТИНЫ ПРОФ. К. Е. МАКОВСКАГО
(42 ИЛЛЮСТРАЦІИ)
На слоновой бумагѣ 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.
Адресующіеся къ автору изданія (СПБ., Фонтанка, 129) за пересылку не платятъ.

ВЪ ПОЛЬЗУ ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ
ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:
„ИЗЪ ЭПОХИ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ“.
(Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна тѣлеснаго наказанія.—Цензурная реформа.—Новый судъ и пр.).
ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ.
Гр. Джаншіева.
Цѣна 1 рубль, съ пересылкою 1 руб. 18 коп.
Складъ въ конторѣ «Русскихъ Вѣдомостей».
Весь валовой доходъ отъ продажи полностію поступаетъ въ пользу голодающихъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. **Редакторъ С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

I Ma 139
1892, T. 47, N 3
Антирелигиозное отделение
Гос. Публичной Б-ки в Л-де